

Беларускі
ПЭН-цэнтр

Міжнародны Кангрэс
у абарону дэмакратыі і культуры

**Посттаталітарнае
грамадства:
асоба і нацыя**

---

*Тэксты
Дакументы
Матэрыялы*

Беларускі ПЭН-цэнтр

Міжнародны Кангрэс
у абарону дэмакратыі і культуры

“Посттаталітарнае грамадства:
асоба і нацыя”

Тэксты
Дакументы
Матэрыялы

Незалежная выдавецкая кампанія

“ТЭХНАЛОГІЯ”

Мінск 1994

Рэдакцыйная калегія Міжнароднага кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры “Посттаталітарнае грамадства: асоба і нацыя”:

*Уладзімір Арлоў,
Рыгор Барадулін,
Васіль Быкаў,
Юрась Залоска,
Віктар Казько,
Уладзімер Някляеў,
Карнеліус Платэліс (Летува),
Кнутс Скуеніекс (Латвія),
Валянцін Тарас,
Міхась Тычына,
Карлас Шэрман.*

**Беларускі ПЭН-цэнтр выносіць шчырую падзяку
Фонду Сораса-Беларусь за фінансавую падтрымку
Міжнароднага кангрэсу і гэтага выдання.**

З прычыны аператыўнасці выдання зборнік друкуецца на дзвюх мовах. Тэксты прамоў удзельнікаў Міжнароднага кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры падаюцца без рэдакцыйных правак. На аўтараў кладзецца адказнасць за змест сваіх выступаў.

© *Беларускі ПЭН-цэнтр, 1994*
© *НВК “Тэхналогія”, 1994*

/

ТЭКСТЫ

ЗВЫКЛАЕ ЦАРСТВА АБСУРДУ

Наіўна меркаваць, што мы ўступілі ў посттаталітарны перабудовачны час, што настае царства дэмакратыі. Настае царства парадоксаў, вяртаецца наша звыклае царства абсурду - гэта бясспрэчна. Дэмакратыя для нас па-ранейшаму тэра-інкогніта, каму яна патрэбна?

На Захадзе іншая справа, там яна патрэбна ўсім. Дэмакратыя толькі там і функцыянуе, дзе патрэбна ўсім. Дзе грамадства не можа існаваць без дэмакратычнай атмасферы, дзе без яе яно ператвараецца ў процілегласць.

У нас жа ўсё наадварот.

Больш за 70 год мы жылі ў алагічным, перавернутым, прывідным свеце ілюзій і, як ні дзіўна, перасталі яго заўважаць, мы да яго прывычаліся. Прыстасаваліся да яго, фізічна і маральна. Ён быў нам чужы, страшны, звыродлівы, але іншага мы не ведалі. Ад іншага мы былі адгароджаны жалезнай, ракетна-ядзернай заслонай. Але галоўнае - той лад час карміў. Не надта каб сытна, але для галодных хапала. І не адбіраў надзеі. На тое, што калі-небудзь ён скончыцца, перародзіцца і вызваліць нас ад свае няволі, якая была дэмагагічна названа развітым сацыялізмам. Надзея - вялікая рэч, як вядома, яна тоіць у сабе асаблівую, наркатычную спакусу, якая аднолькава можа служыць і Богу і д'яблу. Нашу цяжкую надзею ахвотна падтрымлівала марксісцкая ідэалогія, гуманістычнае мастацтва і нават пагарджаная хрыстова вера. Але вось час прабіў, і ўсё развясла ў дым. Растала, бы ранішні туман. Эканоміка ў руінах, суверэннасць прададзена, дэмакратыя збанкрутавала. Камуністычны монстр пасля нядоўгага уйкэнду прыступае да свае руціннай працы - умацавання таталітарызму. Чарговая спадзяванка, якую ён нам прапануе - інкарпарацыя ў імперыю і агульная рублёвая зона. Зноў зона, - слова, што мае розныя адценні, але заўжды аднолькавы сэнс.

Ва ўсходніх баявых двубоях ёсць прыём: выпадку саперніка надаць напрамак працягу і нейтралізаваць яго. Пасля жорсткай барацьбы з ворагам, паміж сабой і грамадзянамі, - барацьбы, якая хоць і прынесла ім перамогу, але, мабыць, не дала поўнага задавальнення, яны прынялі іншую тактыку. Навошта вынаходзіць таталітарны веласіпед, калі можна перасесці на веласіпед дэмакратычны. І яны пераселі. У мэтах стабілізацыі і нацыянальнай згоды. Мабыць няма ў сучаснай дэмакратыі такіх максімаў, якія нельга было б ператварыць у іх процілегласць. У тым ліку і самыя папулярныя: правы нацый на самавызначэнне, нязрушнасць сучасных межаў, правы чалавека. Людзі краіны, дзе дзесяткі год тыя правы былі нічога не вартыя і валяліся пад нагамі, раптам зайшліся ў ляманце аб абароне тых правоў у чужых дзяржавах. Як нядаўна яшчэ лемантавалі аб дэскрымінацыі чарнаскурых на далёкіх чужых кантынентах. Па-ранейшаму яны поўныя рашучасці не аддаць

ні пядзі ўласнай закінутай зямлі, але не супроць пры выпадку адцяпаць колькі заўгодна чужой. І ўсё пад прыкрыццём самых дэмакратычных прынцыпаў - ад міратворчых да святога права нацыі на самавызначэнне. Драпежныя, антычалавечыя пастулаты зрабілася модным выводзіць з евангельскіх запаветаў Хрыста, прагматычна браць на пракат у царквы да "вяцей" радыцы царкоўных іерархаў, якія ўспрымаюць тое ўсур'ёз. І ўсё старанна канстытуецца. Яны зрабіліся зайздроснымі прыхільнікамі законнасці (якую самі для сябе і ствараюць, як правілы для гульні ў сваю карысць) і з сапраўды паліцэйскім спрытам будуць жалезабетонную, "прававую" дзяржаву. Здаецца, пры адпаведнай згодзе сусветнай супольнасці, якая, канешне ж, не будзе прырэчыць супраць "дэмакратычных" пераўтварэнняў.

У такіх умовах што можа літаратура, гэтая марная словатворчасць, пазбаўленая друкарскага станка, з эканамічнай пятлёй на схуднелай плебейскай шыі? І Гутэнберг з Марконі разам з Паповым і Фёдаравым перастаюць ёй служыць - яны служаць іншым. Тым, каму звыкла служыць навука, эканоміка і палітыка. Мабыць, тое надта прагматычна, бо ў іншых руках не толькі казна, права і паліцыя, але і шматгадовая картатэка КДБ, якая, бы алмазны фонд, старанна беражэцца ў маскоўскіх сейфах. З яе дапамогай вельмі эфектыўна рэгулююцца палітычныя працэсы ў краінах блізкага замежжа.

Мы працягваем жыць у посттаталітарным грамадстве па ранейшай таталітарнай мадэлі і яго абсурднай маралі. Іншага мы не ведаем. Хрысціянская мараль адаптавана, перакручана і скампраметавана імі. Зрэшты, да гэтай кампраметацыі прыклалі руку і дэмакраты, г.з. тыя ж перафарбаваныя камуністы. Хоць шмат якія з іх і не перафарбоўваліся - трохкі перайначылі свае абрывіятуры. Сыдзе і так, народ наш талерантны, ён усё прыме.

Але што ж рабіць тым, хто на зыходзе XX стагоддзя памкнуліся людзьмі назвацца? Рэвалюцыі, путчы і кроў - здаецца, гэта сапраўды кепска. Але што ж добра? Як быць з сапраўднай дэмакратыяй, без якой няма шляху ў будучыню? Ужо зразумела, што ў барацьбе з таталітарызмам дэмакратыя - дужа слабы сродак. Сродак неадэкватны. Але які сродак адэкватны? Наш нацыяналізм (як вядома, самы умераны) абылганы імі і ўжо выклікае сумнеў у грамадстве. Не ва ўсім, зразумела. Тыя за мяжой, што яго абылгалі, цяпер самі кінуліся ў яго выратоўчыя абдымкі. Але самім можна. Яны заслужылі. Іх крыўдзілі, і ў іх скончылася цяргенне. А ведама, калі канчаецца цяргенне, тады ўсё можна. Можна ўводзіць войскі (калі тыя яшчэ не ўведзены), або ніяк не выводзіць іх, штурмаваць танкамі нацыянальнае тэлебачанне, секчы сапёрнымі лапаткамі жанчын. Інспіраваць "самавызначэнне" ў складзе трох карлікавых раёнаў ці аднаго камфортнага паўвострава ля цёплага мора. Некалі ў вядомага нецяргпліўца скончылася цяргенне і ён распачаў другую сусветную вайну. Чым гэтыя горш?

Але як быць, калі, апроч бясконца доўгага цяргення, нічога болей няма. Ні энерганосьбітаў (на якія пакрыўдзіў нас Бог), ні ўласнай

палітыкі ў нашага камуністычнага кіраўніцтва, ні нават маралі, якую адабралі і спаганілі тыя ж. Адзін толькі таталітарна-імперскі “беспредел” над 10-мільённым народам. Атручаным камуністычнай ідэалогіяй, з абрабаванай культурай, амаль без роднае мовы, з ампутаванай нацыянальнай самасвядомасцю? І да таго ж густа пасыпаным радыяцыйным чарнобыльскім попелам. Ці да дэмакратыі тут? Яму б нежк выжыць...

Рыгор Барадулін

АСОБА ЎЗБУЙНЯЕ НАЦЫЮ

Па сваёй невытлумачнасьці наша беларуская нацыя бадай што самая загадкавая ў гэтым сьвеце. Нашыя мацнейшыя ды большыя колькасна суседзі як з усходу, так і з захаду з адначасовым жаданнем захапіць спаконныя землі нашыя маюць на першамэце даказаць, што не існуе гэткай нацыі, як беларуская, гэткага народу, як беларускі.

Дужа перад панам Богам няйначай правінілася Беларусь. І войны ўсе на яе, й нясносьці ўсе на яе, й прадказаны Бібліяй чорны дзень. Вынішчэньне за вынішчэньнем, генацыд за генацыдам - лénінска-сталінскі, чарнобыльскі, духоўны. І ня хочацца прыгадваць, як у Чырвоным касьцёле, дзе дарэчы арганізацыйна аформіўся і Беларускі ПЭН-цэнтр, пад час утварэньня “Мартыралогу Беларусі” й Аргкамітэту БНФ “Адраджэньне” некаторыя прадстаўнікі творчае інтэлігенцыі надта нервова даказвалі, што нельга называць генацыдам камуністычна-савецкае вынішчэньне народаў, генацыд толькі гітлераўскі. Хоць, думаецца, гэтыя рупліўцы ведалі, што генацыд - самы выніковы метад усталаваньня любога таталітарызму.

Чым яшчэ, калі не віной перад Госпадам, тлумачыць тое, што кожнаму пакаленьню трэба даводзіць, што мы беларусы, што мы народ адметны, што мы нацыя. Нашым суседзям, генетычна блізкім нам, - і літоўцам, і латышам, - дастаткова толькі нарадзіцца - й яны літоўцы, латышы. А нас, беларусаў, расьцягваюць, разьдзіраюць то на праваслаўных, то на католікаў, падкладваючы пад гэтае паняцьце, што мы то расейцы, то палякі. А ўніяцкая царква, якая б магла стаць нашай нацыянальнай царквой, зьнішчана. Нават аўтакефаліі на радзіме нашай няма. Усё вядзе ў падпарадкаваньне так званага трэцяга Рыма. У поўнай адпаведнасьці з былой камуністычнай партыйнай структурай.

Беларусь, як масла для бутэрброда, - на свой чэрствы хлеб намазваюць яе дужэйшыя суседзі, стараюцца намазаць як мага тлусьцей і асалоду расьцягнуць.

Калі лірычна ўявіць, як хацелася б бачыць нас гэтым мацнейшым суседзям, дык гэта, відаць, вераб’ямі, якія сапраўды на птушыных правах

падсуседнічаюць на бусьянках, дзе гаспадары толькі буслы. Прыводжу вобраз бусла, бо ён сьвяты ў беларусаў, каб падкрэсьліць і павагу да дужэйшых суседзяў, да лепшай часткі іх. Бо ў змрочныя часіны нашыя апальнікі знаходзілі прыпірышча ў лепшых людзей Расіі й Польшчы.

Тады, калі ў чырвонай імперыі, як заўсёды, ўдарнымі тэмпамі вынішчалася ўсё нацыянальнае, на беларускіх пісьменьнікаў легла адказнасць захаваць мову - аснову нацыі й магчымай будучай дзяржавы. Адразу сьлед агаварыцца, што гэта хутчэй ад усяго была дазволеная адказнасць, вымушаны дазвол з боку манапольнай партыі камуністаў. Давалася амплітуда сьмеласці, якая рэгулявалася жорстка. Літаратура, як і ўся культура, мусіла быць нацыянальнай па форме й сацыялістычнай па зьмесце. Напрыклад, на пляшцы з белакежскай горкай беларускі арнамент нясьмела нагадваў нацыянальную прыналежнасць інтэрнацыянальнага напою. У дадзеным выпадку зьмест урэшце вырашаў усё. А вось у бальшыні твораў беларускіх савецкіх пісьменьнікаў хіба дазволенай формы імёнаў Алесь, Міхась, Рыгор, Паўлюк намякалі, што твор made in BSSR.

Па сваёй ідэі пісьменьнік перш за ўсё асоба, творца. І само сабой зразумела, што асоба павінна тварыць аднаасобна, быць, так бы мовіць, аднаасобнікам, самому адказваць за сябе, на сябе браць адказнасць за ўсіх. Ды ў краіне перамогшага, ці можа дакладней было б сказаць перамогшага ў крыві сацыялізму ўсё мусіла быць калектыўнае. Фалькларысты ў цывільным нават прыдумалі ад імя народу фармулёўку: дзіва дзіўнае калектыўнае. Дык вось гэтае далёка не казачнае дзіва й стварала творчыя калгасы, яны саюзамі называліся (каб паўтараць яшчэ й яшчэ раз назву савецкае імперыі). Блыталася слова творчасць са словам вытворчасць. Савецкі прыгон у вытворчых калгасах, савецкі прыгон у творчым калгасе, у саюзе пісьменьнікаў. Старшыня й там і там. Ды яшчэ ў саюзе пісьменьнікаў сакратары й партсакратары, літаратурныя цівуны й наглядатаі. Першы сакратар у ЦК, першы сакратар у саюзе пісьменьнікаў. Да генеральнага так і не дараслі ні ў доме, адкуль ішлі дырэктывы й указаньні, ні ў саюзе пісьменьнікаў. Члены партыі й члены саюза пісьменьнікаў. Аднакаваць структуры патрабавала аднакавацьці мышленьня. Дазвалялася вальернае вальнадумства ў маштабах насценнай газеты, сяброўскае эпіграмы. На таго, хто кіраваў саюзам пісьменьнікаў, абвальна сыпаліся званьні, ўзнагароды, выгоды. Фігура пісьменьніка болей як паўстагодзьдзя ляпілася, фармавалася, адлівалася ў прывідным матэрыяле ідэолагамі партыі камуністаў. І, каб застацца асобай, творцам трэба было быць Васілём Быкавым, Уладзімірам Караткевічам, Алесем Адамовічам. А для гэтага трэба было не прадаць душу д'яблу.

Цяпер фармальна няма імперыі, фармальна Беларусь незалежная дзяржава, фармальна пісьменьнік можа быць вольны. Ды вольны ён перш за ўсё ад сродкаў існаваньня, ад магчымасьці друкавацца й выдавацца. Старыя структуры пад новымі шыльдамі тужаць зашмаргу на шыі беларускай мовы. Па-ранейшаму адчуваецца сумна вядомае:

“язык партии - русский язык”. Наша мова адразу ня можа ськінуць з сябе магільную пліту вагою ў два стагодзьдзі. Беларуская літаратура крычыць, але яе не чуюць уладатрымцы, бо яны гадаванцы таталітарнага рэжыму, яны так званыя інтэрнацыяналісты. І беларускія пісьменьнікі ў сваёй дзяржаве як пасынкі, ці як байструкі. І сапраўды, што ў той послайцы: разгуляўся, як сабака ў торбе. Нават выраз папера ўсё стрывае з’іначыўся. Не стала паперы, яна стала дарагой, недаступнай беларускай кнізе. Але яе хапае на нізкапробную прадукцыю, на чырвона-жоўтую прэсу, якая адмывае вядома чые грошы, не абмяжоўваючы сябе ў словах пагарды й нянавісьці да беларускай сімволікі, да беларускай мовы, да ўсяго беларускага. Арыентацыя такой прэсы антыдзяржаўная, прасавецкая да замшэласьці. Не адстае ў агульным наступе чырвона-карычневікаў на беларушчыну, на суверэнітэт дзяржавы радые й тэлебачаньне, абслугоўваючы партыю ўлады й ейнага стаўленьніка, чырвоназоркавая мара ў якога - прадаць незалежнасьць Беларусі так, каб бясплатна ды нястратна.

Прышло й прыходзіць у літаратуру новае пакаленьне. Але ці стануць асобамі творцы беларускага духу, ці хопіць ім духу выстаіць перад спакусамі рынку, пад пільным позіркам спрадвечнай беларускай нэндзы. На іх надзея. Бо неяк заўважыў Васіль Быкаў: наша літаратура патраціла дзесяцігодзьдзі, каб даказаць, што ўмее пісьменна пісаць, выгладжваць слова. Ды ведаем мы, што аднаго гэтага ўмельства мала, каб літаратура сыцвердзіла сябе, заявіла пра сябе на ўвесь голас ва ўсім сьвеце. Васіль Быкаў першы сказаў слова праўды, сказаў па-беларуску, сказаў шчыра - й сьвет пачуў Васіля Быкава, пачуў пра Беларусь.

Народ нараджае асобу, асоба ўзбудняе нацыю.

ПРИВЕТСТВИЕ

Международному Конгрессу в защиту демократии и культуры
“Посттоталитарное общество: личность и нация”

Уважаемые коллеги!

Хотя обстоятельства не позволили мне присоединиться к Вам в Минске в эти майские дни, я хотел бы, тем не менее, поддержать Ваши усилия в защиту демократии и культуры.

Еще в начале 1960-х годов один самиздатский поэт очень точно определил наше время, сказав:

*... Век двадцатый - век необычайный:
Чем он интересней для историков,
Тем для современников печальней.*

Уже тогда было более чем достаточно оснований для такой

оценки, а к концу нашего века их только прибавилось. В следующем столетии историки, без сомнения, напишут массу ценных исследований о наших днях. Им будет интересно, они будут спорить о том, что могло бы произойти, если бы мы с Вами поступили иначе в том или другом случае. Но изменить произошедшего они уже не смогут - эта печальная обязанность лежит на нас. От нас с Вами зависит, будут ли они, прячась от тайной полиции, исследовать причины неудачи демократии в наших странах, или открыто, перед телекамерами, спорить о ее путях; будут ли они издавать свои исследования массовыми тиражами, или тайком распространять в самиздате.

В конечном итоге, от нас с Вами зависит, сохранится ли наша культура. Мы переживаем время распада: распада государства, общества, культуры, этики отношений. Я бы даже сказал - распада человека. Поразительная вещь: в тяжелейшие годы репрессий было легче найти людей надежных, достойных, чем теперь. Почему-то именно сейчас, когда стало гораздо меньше риска угодить в лагерь, восторжествовала бесчеловечная логика концлагеря:

“Ты умри сегодня, а я - завтра”.

Быть может, историки в следующем веке ответят на этот мучающий меня вопрос, найдут философские объяснения нашему упадку нравов. Быть может, скажут они, тому виною десятилетия насильственно насаждавшегося коллективизма. Или, наоборот, слишком внезапно привнесенная рыночная философия. Но, какова бы ни была причина, нам, современникам, необходимо преодолеть эту деградацию. Наша обязанность - найти формы взаимопомощи, сотрудничества, формы СОЛИДАРНОСТИ. Иначе в следующем столетии может и не остаться ни литературы, ни искусства, ни общества, ни историков.

Желаю Международному Конгрессу успеха в работе.

Владимир БУКОВСКИЙ

Инна Рогачий

КРАХ КОММУНИЗМА - ВСПЛЕСК РАСИЗМА?

Не имея возможности присутствовать на этом важном событии лично, надеюсь, что проведение крупной общественной акции в защиту демократии и культуры вызовет и внутри Беларуси, и за ее пределами отклик, адекватный задаче организации этого события, а именно: обострит направленность усилий тех, кого не надо убеждать в преимуществах демократии; пробудит неравнодушные и определенность

оценок у превалирующей количественно аморфной массы вечно “незнающих-что-сказать”; и - вызвать беспокойство тех, от кого демократию приходится защищать. Ситуация эта, объективно существующая на подавляющей территории бывшего “великого да могучего”, тем не менее - чистейший нонсенс, ибо в нормальном, не перевернутом вверх тормашками мире общепринятые нормы человеческой морали и человеческого же общежития защищать не требуется. В нормальном, здравомыслящем мире демократия, в центре которой - действительная, конституционно защищенная свобода личности, является естественной тканью жизни. В мире же, зараженном инфекцией тоталитаризма, свобода личности - несуществующий предмет несуществующих страданий. То ли мираж, то ли придурь, и уж во всяком случае, штука не полезная. Мы наблюдаем это сегодня на всем пространстве посткоммунизма (включая Восточную Европу, за счастливым исключением Чехии и Балтийских стран). Мы наблюдали это на протяжении всей нашей прежней советской жизни, и жизни наших родителей, и жизни их родителей - если придавленное страхом судорожное выживание можно назвать полноценной жизнью. Мы видим это, и оглядывая ВСЮ историю России - этот тысячелетний обморок несвободной не-личности со спазмами поражений и побед.

Громадная территория, обобщенно именуемая в мире Россией, в течение всей истории всегда была своего рода “Оруэлловским местом”, где реальностью был красочно-головокружительный совершенный Абсурд. Неизменно повергающий слушателей в изумление, гигантский Русский Оркестр представлял множество экстра-ординарных солистов: Тоталитаризм, Абсолютизм, Рабление, Империализм, Послушание... но дирижер этого Оркестра оставался вечно неизменен, и имя ему - господин Абсурд. Поколение за поколением - в течение тысячелетия - люди, жившие и живущие на огромной территории, рождались и умирали под музыку этого Оркестра. Естественно, что для большинства из них она звучит нормально. Этот подход - когда подавляющая масса живущих здесь людей искренне, глубоко и часто даже подсознательно воспринимает абсурд реальностью, а “другую, чужую”, незнакомую им реальность - абсурдом, и стал, как мне кажется, тем основным фактором, который определил, что в этой части мира демократию нужно защищать.

Анализируя всю российско-советскую историю, мы должны признать, что последовательный антигуманизм очень серьезно повлиял на самую сущность человеческой природы. Печальный до отчаяния факт состоит в том, что в результате тысячелетнего тоталитаризма Страх стал здесь сильнее Достоинства. Однако, конечно же, 75-летняя практика коммунизма, который преуспел в осуществлении супер-тоталитарной селекции общества, сыграла ключевую роль в том чудовищном состоянии и общества, и отдельной личности, с которыми бывший СССР и прочие соцстраны оказались на пороге нового тысячелетия.

На свете отнюдь не так много вещей, которые являются непости-

жимыми. И постоянно вводящее в недоумение мир посткоммунистическое пространство, определено, таковым не является. Исторические, политические и ментальные процессы, происходящие в его пределах, можно и понять, и предсказать. И, может быть, предусмотреть, - если окажется на то конструктивная и здравомыслящая политическая воля. Для этого требуются всего две вещи: изучать - а не искажать - историю, и называть вещи своими собственными именами: подлость и трусость - подлостью и трусостью, а не "вынужденным сотрудничеством" или "сложными играми с органами"; оккупационный режим и терроризм - оккупационным режимом и терроризмом, а не "выполнением интернационального долга"; расизм, фашизм и черносотенство - расизмом, фашизмом и черносотенством, а не "поисками православного самосознания и выражением национальной идеи".

Посмотрите на 50-тысячную краснознаменную колонну, кричащую "Осанну" их "президенту" Рудкому; почитайте идеологическое обоснование и четко изложенную программу "государства русской национальной диктатуры" и беспощадной войны с евреями, изготовленную митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоаном; пронюхайте открытую, никем и ничем не сдерживаемую, нарастающую активность фашистских боевых формирований Баркашева, и боевые кличи кgbшного генерала Стерлигова - действия, за которые в любой другой стране мира совершающие их личности на законном основании непременно оказались бы в тюрьме. Но о какого рода законности приходится говорить в стране, в парламенте которой свободно продаются "Майн Кампф" и "Миф XX-го века"?! В Российской же Государственной Думе эти азбука и букварь фашизма продаются не только свободно, но и успешно.

В этих обстоятельствах нечего и удивляться не только дружнонародной ненависти ко всем вместе и по отдельности "черно-жопым", "узкоплечим" и "жидам", но и санкционированными властями центральных городов дискриминационными мерами против них. Обыкновенный расизм. Сегодня, в хаотичных реалиях посткоммунизма, он предстает перед нами бандитским дитятей ханжеского пролетарского интернационализма.

Посттоталитарная свобода оказывается свободой от цивилизованных норм, диким разгулом ксенофобии, разнузданным человеконенавистничеством. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, синхронность проявления этого уродства сознания в разных странах, и во-вторых, очевидное совпадение активизирующегося день ото дня расизма с крахом коммунизма. Обидно и ужасно глупо, что племенной способ мышления снова стал употребим - и играет все более активную роль - в конце XX-го века: "желтым" надлежит презирать "черно-жопых", и "горбоносым" не место на нашей великой "курносой" родине!..

Всплески расизма не утихают и в Восточной Европе: в Словакии толпы рыдают над могилой местного фюрера Тиссо; в Румынии

систематически страшно избивают - и забивают до сметри - десятки этнических венгров, евреев и цыган; в Венгрии бешеные вспышки антисемитизма потребовали холодного успокаивающего душа Папы Римского, а в любимой и родной стране Папы Иоанна Павла II-го и этот "душ" не помог - в Польше вот уже несколько лет, как "Майн Кампф" находится в списке бестселлеров. Из-за рухнувшей Берлинской стены на площади немецких городов выскочил отлично законсервированный на восточной половине дух "доброго крепкого" нацизма.

Но и на западной, не-коммунистической стороне мира в затухавшие было расистские очаги небольших групп фанатиков будто бы подлили масла: завизжали пьяные истерики в Швеции; стали оскорбительно презирать "инородцев" во Франции; огромными тиражами стали публиковаться разнообразные "густо-коричневые" сочинения в Австралии; в США расист "высшей пробы с хорошей родословной" Дональд Дюк чуть было не оказался избранным губернатором штата Луизиана, и даже в мирной, спокойной и уравновешенной Финляндии стали появляться фашистские граффити, журналы с требованиями стерилизации всех пришлых не-голубоглазых-не блондинов, а прошлым летом именно в Финляндии произошел крупнейший в Европе погром еврейского кладбища, когда было совершено надругательство над 173 памятниками из трехсот находящихся там.

Какова же взаимосвязь краха мирового коммунизма со всплеском международного расизма? В бывшем социалистическом лагере - это эффект снятия коммунистических вериг в условиях полного или частичного отсутствия опыта и традиций демократии. Теперь, на первых порах посткоммунистического общества, когда можно - ВСЕ!!! - расист оказывается равен в правах монархисту: организацию его мы и регистрируем официально, и газету ему разрешим издавать и распространять, и книги - прелюбые, и время с частотами для радиовещания выделим, а митинг "национально-самоопределяющихся" будем охранять. А вот если чего случится, тогда, возможно, и санкции применим. Это неважно, что санкций этих у нас нет.

Зато поиск и обнаружение врага - замечательное занятие и серьезная моральная сатисфакция люмпенизированного коммунизмом массового сознания миллионов, опасно находящего себя под мощно раскидывающейся шовинистической сенью идеей строительства сильного и многонационального, "вполне нашего", государства. С которым миру надлежит разговаривать "на ВЫ", как нам было недавно указано. Строго указали, да вот только забыли разъяснить: а почему, собственно, мир обязан России "выкаты"? За какие такие заслуги? Согласно размеру территории, количеству вооружений, списочному составу армии? Или числу доносчиков, прекрасно устроившихся и процветающих и сегодня - ввиду старых связей и особенностей характера? Право, солдафонские эти замашки, с руководяще-запугивающими указаниями всему прочему человечеству - смешны и нелепы. Со страху на "выкают", а только - икают...

Что касается воспрянувших духом и активизировавшихся расистов Запада, то они - весьма логично следуя развитию событий - посчитали, что теперь-то, наконец, наступило ИХ время. К тому же рецессия питает ряды недовольных, нервирует и депрессирует общество, и создает сходный мотив "пришлых врагов", мешающих нашему привычному процветанию, во всяком случае, занимающих наши рабочие места, жениящихся на наших девушках, и отгрызающих от нашего здорового куска наших сладких социальных пособий!... На Западе, однако, существуют - и функционируют - законы, запрещающие расизм и наказывающие за его проявления. На Западе, к тому же, явственна реакция бурного отторжения расизма и общественностью, и политическими руководителями.

Ни одно проявление расизма на Западе в последние годы, после краха коммунизма, не осталось безответным. Шведский премьер-министр Карл Билд, президент Франции Миттеран, члены Французского правительства и многие другие политические западные лидеры своими немедленными решительными действиями пресекают фашистские акции. В Германии, где между прочим, "Майн Кампф" запрещен законом как расистская пропаганда, местных фашистских хулиганов неизменно судят - и осуждают. В цивилизованном мире активизировавшийся фашизм вызывает мощный отпор - и на уровне государства, и на уровне личности.

Наиболее беспощадный фильм об угрозе возрождения международного фашизма сделан немцем - журналистом Мишелем Шмидтом. И уже сам факт - антифашистский фильм немца - работает на оздоровление общества.

В Австрии крупные промышленники по совместной инициативе с муниципальными властями в течение двух недель выделили и собрали средства для массового бесплатного просмотра школьниками "Списка Шиндлера" Стивена Спилберга.

Правительство Соединенных Штатов в апреле этого года направило 227 представителей Комитетов образования из всех штатов на ежегодную церемонию памяти жертв нацизма в Освенциме - с целью обучения детей урокам недавней истории. С целью предотвращения, недопущения фашизма.

Мы знаем о работе "Мемориала" и других общественных организаций на территории бывшего СССР, как знаем и о личных усилиях многих честных и благородных людей здесь. Но что мы знаем о государственных инициативах? Официальной политике? Юридических действиях властей? Мы знаем одно: что таковых инициатив, политики, действий - НЕТ.

Это не плюрализм - регистрация, публикация и распространение такого количества расистских изданий, какое существует сегодня в России. Это - позор. И если в этой стране не существует законов, запрещающих эту беспрецедентную профашистскую пропаганду - то это двойной позор. Считать призывы к насилию "свободой" могут только

рабы. Провозглашать человеконенавистнические пассажи “обменом мнениями” могут лишь лжецы. Делать вид, что свастики чернорубашечников есть просто “деталь демократизированного пейзажа” способны лишь трусы, либо идиоты. Но разве такие качества должны определять стиль политического мышления и государственного руководства?

Да, посткоммунизм - это прежде всего оплата по счетам коммунизма. Но можно платить в стиле Гавела, а можно в стиле “дорогого очередного Ильича”.

В западном обществе 90-х годов, последовательно уставшем от бунтов “рассерженных молодых” 1960-х, бурной борьбы за мир во всем мире 1970-х и террористической вакханалии 1980-х, существует точка зрения, согласно которой правильнее и дальновиднее игнорировать прогрессирующий рост расизма - дабы “не провоцировать их на новые безобразия”. Однако прагматики 1990-х, полагающие, что если они отвернутся, то джин расизма так и не вылезет из своей мутной бутылки, глубоко заблуждаются. Расиста “провоцировать” ни к чему - на свои “подвиги” он готов всегда. А нашему ложно-интеллигентскому молчанию он только рад - оно убеждает его в собственной правоте, вседозволенности и непогрешимости. И легализует аномалию человеконенавистничества в реалию нашей с вами жизни.

При этом в западном обществе 1990-х годов считается “некомильфо” четко формулировать, что и бунты 1960-х, и борьба 1970-х и террор 1980-х были срежиссированны одной, - нам родной и знакомой до судорог - советско-коммунистической рукой.

Разнообразные западные “лефтисты” дружно, как по команде, бросились обличать только что назначенное правительство Сильвио Берлускони, в буквальном смысле слова, в последний момент спасшего Италию от пропасти коммунизма, в “неофашизме”. Вердикты были вынесены и ярлыки наклеены наутро после объявления состава кабинета, который физически не успел ни сделать, ни провозгласить ни-че-го. Текстуальное сходство надуманных обвинений и их злобный темперамент не оставил сомнений в том, что режиссура осталась прежней. В день назначения нового итальянского кабинета были обнародованы и результаты выборов в Венгрии, оказавшиеся возвращением к власти коммунистов - под именем социалистов. Так же, как это произошло в Литве, Польше, Румынии, в Украине. Запад - деликатно молчит. Только могут ли эти деликатные “либералы” разъяснить чем реальные неоккоммунисты у власти лучше гипотетических “неофашистов”? Могут ли они вообще разницу между этими понятиями сформулировать? Не могут, потому как разницы между коммунизмом и фашизмом - не существует. И тот, кто этого не понимает, рискует заплатить дорогой ценой за свою наивность. Еще хуже, если платить придется детям таких “избирательно-наивных”.

Неизведанный человечеством посткоммунизм обнаруживает поразительные феномены. Казалось бы, коммунизм деформирует личность донельзя. Теперь оказывается, что в этом изуродовании самих

себя можно пойти еще дальше, и достичь результатов прямо-таки необычайных. Можно враз затоптать историю собственной страны, пытки и мучения живущих рядом с тобой людей, можно стать рабом собственного презрения к нормальной человеческой морали - то есть, по собственной инициативе и с полным удовольствием превратиться в такую субстанцию, которую идентифицировать как Гомо Сапиенс вообще невозможно, а как Гомо Эректус - исключительно благодаря прямохождению.

Один из ярких примеров подобной метаморфозы (но лишь один из немногих) - это приветствие "Независимой газеты" собирающемуся вернуться на родину Александру Солженицыну. "Перезрелый Лимон, вешалка в прихожей, племенной классик, безжизненный, загробно-американский, хармсовский анекдот, евнух своей славы..." Да в какой стране эдакое возможно?! В такой стране, в которой это возможно - вот в какой. Там, где облеплять другого грязью - даже не вид спорта, а - ежедневность. Такая же ежедневность, как процветающий, легализованный расизм. Такая же ежедневность, как абсолютно относительная мораль. "Новая", посткоммунистическая экс-эсэсэрия вползает в XXI-й век...

Иван Макаловуц

ПОД ЧИНОВНИЧЬИМ КОЛПАКОМ (о положении печати в Беларуси)

Говорить о печати Беларуси сложно и больно.

Почему сложно? Потому что ее, по существу, нет. У нас нет нормальных средств массовой информации, а остались те же органы пропаганды, которые и были, то есть органы обработки общественного мнения в нужном для властей направлении. Практически все крупные общественно-политические средства массовой информации принадлежат Совету Министров и его подотчетным структурам, которые верно служат своему хозяину.

А больно потому, что нормальное сердце не может спокойно воспринимать то, что пишут карманные газеты. Для них стали нормой такие позорные явления, как:

- замалчивание событий, фактов, которые не нравятся властям;
- тиражирование лжи и сокрытие правды;
- отказ не только гражданам, но и депутатам в праве изложить свою точку зрения.

Вот только некоторые факты в подтверждении сказанного.

Не так давно представители семи социал-демократических партий Европы (Швеции, Германии, России, Литвы, Латвии, Эстонии,

Беларуси) приняли в Минске заявление о грубых нарушениях прав человека в Беларуси. Но ни одна газета не сообщила об этом.

Факт второй. Группа авторов, среди которых народный писатель Быков, поэт Буравкин, член-корреспондент Академии наук Никитченко и другие, в том числе и я, выступили в газете "Известия" со статьей, в которой изложили свое видение процессов, происходящих в нашей стране. Через несколько дней на сессии Верховного Совета к микрофону подошел координатор проправительственного депутатского объединения Козлов и дал нам отповедь, в которой, мягко выражаясь, наговорил много неправды. Он даже утверждал, что мы эту статью не писали и не подписывали, что в ней он видит почерк совсем других лиц и т. д. Его выступление передавалось по радио и телевидению, его цитировали многие издания. Когда же мы подготовили небольшую реплику, в которой объяснили, что депутат вводит в заблуждение общественное мнение, что мы сами написали и подписали эту статью и от своих подписей не отказываемся, хотя некоторых из нас уговаривали это сделать, то ее, нашу реплику, не опубликовала ни одна газета.

Еще один аналогичный факт. "Советская Белоруссия" отказалась публиковать статью народного депутата, лидера депутатской оппозиции Позняка, хотя по Закону о статусе депутата она не имела такого права. Пример этот далеко не единичный.

Куда же мы придем, если будем руководствоваться не законами, а какими-то иными сомнительными интересами?

Теперь я хотел бы остановиться на двух опасных тенденциях в работе печати.

Поскольку у нас нет средств массовой информации, а есть только органы различных политических сил, то нередко мы видим, как одни газеты настраивают своих читателей против других слоев общества. Все это выдается как достижение гласности, плюрализма. Но такие издания не объединяют нацию, а разъединяют.

Но самую большую боль, печаль и загадку одновременно вызывает травля всего национального - языка, истории, культуры. С утра до вечера радио и телевидение, почти ежедневно совминовские газеты чернят суверенитет и независимость страны, не стесняясь рисуют белорусов, как эдаких недоумков, которые еще не доросли жить в самостоятельном государстве. Такого разгула российского шовинизма и местных коммунистических интернационалистов, таких нападков на наш народ и страну я не помню, хотя работаю в печати тридцать лет.

Одновременно преследуются демократически настроенные журналисты и издания. По сути, уже нет некогда популярной программы Белорусского телевидения "Крок", как и выпуска новостей "Ника", оказывается сильное давление на радиостанцию "Беларуская маладзёжная", на "Народную газету" и другие небольшие островки демократии и объективности. Выступать в защиту своего государства, высказывать свою точку зрения стало опасно. На руководящую работу в средства информации выдвигаются бездумные исполнители, прошедшие

проверку на "любовь к властям".

Это не поддается никакой логике и здравому смыслу. Государственные чиновники и их печать изо всех сил работают на разрушение собственного государства. Придание статуса государственного языка белорусскому, его изучение в школе и университетах, первое упоминание о некоторых важнейших датах трудной и героической истории нашего народа вызывает яростные нападки правительственных и русскоязычных газет. Я долго не мог понять, "чем это можно объяснить?" Зато я теперь понял: "Почему этим интернационалистам приходится уезжать из Прибалтики и других регионов?"

Страна наша на крутом, очень ответственном рубеже своей истории, который бывает, может, раз в столетие. Мы получили редчайший исторический шанс мирным путем восстановить свою государственность. Теперь принимаются важные судьбоносные решения в области внешней и внутренней политики. Но все это - в тиши кабинетов, подальше от глаз не только народа, но партий. В печати нет глубоких дискуссий ни по одной важнейшей проблеме. Лишь восхваление чиновничьих проектов, доказывание только их правоты. И под этот шумок идет неприкрытая сдача суверенитета.

Почему это происходит? Секрета здесь нет, все - на поверхности. И Верховный Совет, и правительство почти целиком состоят из бывшей коммунистической номенклатуры и интернационалистов. Среди них много приезжих или, как говорят, пришлых людей, которые приехали сюда за должностью, делать карьеру и нынче боятся, как бы ее не потерять. Они не знали и не желают знать ни истории, ни культуры народа, и было бы наивно ждать от них иной реакции. Это они понасаждали разных депутатских объединений, соборов и так называемых народных движений, бесстыдно прикрыв их дорогим для нас именем - Беларусь.

Все это далеко не внутреннее, чисто белорусское дело. Подобные процессы разворачиваются на всем пространстве бывшего СССР. И от того, какие выводы мы сделаем, какие шаги предпримем, будет зависеть наше будущее: либо мы научимся жить в мире и дружбе, уважать друг друга, либо будем двигаться к югославизации.

Важная роль здесь принадлежит печати.

И нашим совместным действиям.

Хочется надеяться, что наш Конгресс послужит этим целям и поможет поднять голос общественности других стран в защиту свободы слова на Беларуси.

АБ СТАНЕ СВАБОДЫ СЛОВА І ДРУКУ

Не памылюся, калі скажу, што адносіны дзяржавы да сродкаў масавай інфармацыі - лакмусавая паперка, якая сведчыць аб узроўні дэмакратычнасці ды цывілізаванасці той або іншай краіны, таго ці іншага грамадства.

Мяркую, калі б такую паперку апусцілі б у прабірку з назвай "СМІ Рэспублікі Беларусь", яна адразу ж пачарнела б.

І сапраўды, калегі, што ж гэта за грамадства, дзе тыя, хто пры ўладзе, глядзяць на нас, дэмакратычных журналістаў, бы на "ворагаў народа", якія вядуць "падрыўную работу" супраць усіх і ўсяго". Адсюль, між іншым, і пэўныя да нас адносіны, якія праяўляюцца з любой нагоды, каб толькі паказаць "пісакам", дзе ракі зімуюць і хто каго слухацца павінен.

Вось і да сённяшняга дня вялікая група журналістаў, у асноўным з беларускамоўных выданняў, фінансавых Саўмінам ды "прыпісаных" да бухгалтэрыі выдавецтва "Польмя", усё яшчэ не атрымалі авансу - як мне паведамілі ў Мінкультдруку, грошы затрымліваюцца міністэрствам фінансаў. Колькі гэта цягагіна будзе доўжыцца, колькі нашы калегі будуць сядзець вось так, нашча са сваімі сем'ямі, ніхто пакуль не ведае.

Але зразумела адно: нашаму брату зноў, нават на гэтай дробязі спрабуюць растлумачыць, што мы - народ бяспраўны, а наш агульны патрон, які трымае ў сваіх руках мяшок з грашыма падаткаплацельчыкаў, усемагутны.

Трымаючы ж у сваіх руках гэты мех, урад у зносінах з журналісцкім корпусам свядома падмяняе разуменне матэрыяльнай падтрымкі сродкаў масавай інфармацыі, як аднаго з важных элементаў культуры краіны, разуменнем манапалізацыі прэсы, тэлебачання і радыёвяшчання. Што, міх іншым, супярэчыць апошняй Канстытуцыі Беларусі.

Вазьміце стос масавых газетаў і зірніце на звесткі аб заснавальніках органаў друку. Паўсюдна пазнака: "Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь".

Усе мы памятаем, якой неардынарна дэмакратычнай была рускамоўная маладзёжная газета "Знамя юности" ў канцы 80-х гадоў. Але вось пачалася інфляцыя, папаўзлі ўгору цэны на паперу і паліграфпаслугі - і газета пацярпела фінансавы крах. Вось тут і прыйшоў на "выручку" Саўмін - стаў заснавальнікам "Знаменкі". Ад былога ўзроўню дэмакратычнасці нічога не засталася, быццам людзі, якія там працуюць, перарадзіліся.

А якую вайну супраць нашай сімволікі, як і супраць у цэлым усяго нацыянальнага Адраджэння, вядзе "Советская Белоруссия", дзе таксама заснавальнік Савет Міністраў.

Саўмін, як заснавальнік, і гэта бачна наўзброеным вокам, крайне негатыўна ўплывае на змест газеты "Рэспубліка", адкуль у гэтыя

перадвыбарчыя дні найчасцей ідзе шчырае ўхваленне незайздросных спраў урада на ўнутрыпалітычным, ўнутрыгаспадарчым, так бы мовіць, франтах і знешнепалітычнай ніве, а кіраўнік Савета Міністраў, ініцыятар здачы Беларусі пад “крыло” двухгаловага арла, падаецца чытачу як месія, ратавальнік рэспублікі ад эканамічнага правалу. Але тое, што ў гэтую багну нас усіх завёў менавіта ўрад і ягонае лобі ў парламенце, вышэй пазначаная газета сціпла замоўчвае. Да гэтага часу шырокай чытэльнай публіцы саўмінаўская прэса не распавяла падрабязна, што пасля аб’яднання грашовых сістэмаў Беларусі і Расіі, пасля мяркуемага абмену “зайцоў” на расійскія рубли зарплата беларускім падаткаплацельшчыкам пойдзе пры аднолькавых цэнах на тавары ў нашых і рускіх магазінах ужо па інфляцыйнаму курсу ці яшчэ па якому больш жахліваму каэфіцыенту. Так мне асабіста сказаў старшыня Пастаяннай камісіі ВС Аляксандр Сасноў, даючы інтэрв’ю для газеты “Труд”, дзе я рэдакую спецыяльны беларускі выпуск (апублікавана ў № за 14 мая с. г.). Калі да манапалізаванай прэсы дадаць падпарадкаваны, цяпер ужо напрамую, Камітэт па тэлебачанню і радыёвяшчанню, то можна зразумець: партыя ўлады і ейны лідэр добра падрыхтаваліся да выбараў на пасаду прэзідэнта. І хця было замоўлена, што ўсе прэтэндэнты атрымаюць роўную долю ў эфірным часе і на газетнай паласе, сёння ідзе бессаромнае карыстанне СМІ менавіта партыяй улады: дэтальва і штодзённа прапагандуецца больш за ўсіх Вячаслаў Францэвіч Кебіч. Вось вам і сціпласць маючых уладу ды іхняя мараль, ды іхняя этыка. А чаму б нашаму “галоўнаму” прэтэндэнту ў крэсла прэзідэнта не наладзіць тэле- і радыёдэбаты перад гледачамі-слухачамі з іншымі супернікамі, жывы дыялог, як гэта робіцца ў цывілізаваным свеце пад час падобных кампаній?

Вярнуся да становішча дэмакратычнай нацыянальнай прэсы. Яно ўскладняецца той акалічнасцю, што ў рэспубліцы толькі-толькі распачаліся працэсы адраджэння беларускай мовы, беларускага друкаванага слова, якое сапраўды мае вострую патрэбу у матэрыяльнай падтрымцы: пэўны час наша зрусіфікаванае за двецце гадоў каланізацыі ды бальшавізацыі насельніцтва неабходна прызвычайваць да нацыянальных каштоўнасцей: вяртаць не толькі мову, але і гісторыю, і культуру, і хрысціянскую мараль, тлумачыць разуменне патрыятызму ў дачыненні да роднай Беларусі. Таму менавіта нацыянальная перыёдыка павінна быць таннай і даступнай да самых шырокіх колаў чытаючай публікі, бо дзяржава, калі яна толькі турбуецца пра лёс нацыянальнага Адраджэння, павінна памагаць паступова выводзіць тыражы на самаакупнасць, арганізоўваць масавыя мерапрыемствы па прапагандзе беларускамоўнага друку, не шкадуючы сіл і грошай.

Дзякуючы намаганням Савету рэдактароў пры яшчэ былым Мінінфармацыі, нацыянальна настроеных асобных чыноўнікаў гэтага ведамства, дзяржава, праўда, і сёлета ўзяла на свае поўнае ўтрыманне літаратурныя часопісы і дзіцячую перыёдыку. Але адчуваецца, што ўрад добра-такі прайшоўся па сёлетнему спісу датаваных выданняў. Так, у

адной групе часопісаў і газет, якія павінны зарабляць 25 працэнтаў ад усіх выдаткаваных на іх сродкаў, знаходзяцца газеты і часопісы з масавымі накладамі, такія як “Звязда” і “Вожык”, газеты “Наша слова”, і “Культура”, якім трэба яшчэ шукаць сваіх чытачоў і сваіх падпісчыкаў. Скарачана дапамога “ЛіМу”. Чаму так зроблена? Мусіць, таму, што ў “Звяздзе” і “Вожыку” заснавальнікам ці сузаснавальнікам з’яўляецца сам Савет Міністраў. Вось чаму на істотныя датацыі ўзяты рускамоўныя газеты, вядомыя сваімі кансерватыўнымі поглядамі на грамадскае жыццё “Беларуская ніва” і “СБ”. Але засталася без дапамогі дзяржавы нядаўна заснаваная газета Саюзу фермераў “Новая зямля”, якая церпіць вялікія фінансавыя страты. Ну і ў парадку звычайнага разумення рэчаў па-ранейшаму мае месца ўсялякая адсутнасць усялякай падтрымкі апазіцыйнай газеце “Свабода”.

І сапраўды, навошта ўраду псаваць уласныя нервы?

“ЛіМ”, “Наша слова”, “Культура”, “Свабода” пастаянна крытыкуюць Саўмін і яго кіроўцаў за антыдзяржаўную і антынацыянальную палітыку. А гістарычныя часопісы таго і глядзі адкапаюць у нетрах старажытнасці ды абнародуюць такі факт, што “Старэйшы брат” адмовіць у пастаўках нафты...

Як жа складваюцца адносіны паміж дзяржавай, асобнымі журналістамі і сродкамі масавай інфармацыі ў сферы, так бы мовіць, нематэрыяльнай? Як я заўважыў на пачатку свайго выступлення, гэтыя адносіны не назавеш сяброўскімі, тым больш - роднаснымі. Цкаванні ведамасныя і судовыя - вось тая мова, на якой размаўляюць з намі і сама ўлада, і прадстаўнікі ўлады ды блізкія да тых прадстаўнікоў людзі.

За апошнія тры гады ў гэтым сэнсе назапасілася шмат прыкладаў. Але, мусіць, самы яскравы - заслухоўванне на зімовай сесіі сёлетняга года ў Вярхоўным Савеце галоўнага рэдактара “Народнай газеты”, парламентарыя Іосіфа Сярэдзіча. Крык, лямант, істэрыка, абвінавачванні ў адыходзе ад “лініі” ВС, абвінавачванні ў распальванні антырускіх настрояў і нацыяналізму, пагрозы вытурыць з кіруючай пасады галоўнага рэдактара - дзе яшчэ і ў якой краіне сустранеш гэтую сваволку парламента да перыядычнага выдання? І сёння журналістскі лёс Іосіфа Сярэдзіча і адпаведна - рэдакцыйнага калектыву “Народнай газеты”, што мае самы буйны наклад у рэспубліцы, звыш 600 тысяч падпісчыкаў, знаходзіцца пад Дамоклавай сякерай названай уладнай разборкі, якая яшчэ не завершана: парламент ніяк не дамовіцца пра “аргвысновы” са сваіх філіплік у адрас непаслухмянага выдання і журналістаў, робячых уласным талентам, нястомнай працай і руплівасцю “Народную” візітоўкай беларускай журналістыкі.

Гэта, канешне, найбольш маштабны прыклад пераследу дэмакратычных журналістаў дзяржаўнай уладай, імкненне заткнуць ім глотку метадамі, што не адпавядаюць аніякім міжнародным прававым актам, звязаным з захаваннем асноўных чалавечых свабодаў, у тым ліку - свабоды слова. Сярод іншых прыкладаў - падобнае заслухоўванне на пасяджэнні сесіі Магілёўскага аблсавета рэдакцыі мясцовага радыё-

вяшчання, дзе дэпутаты высвятлялі палітычныя сімпаты асобных журналістаў. А яшчэ, крыху раней, выдаленне за парог былой Дзяржаўна-рэдакцыйнай інфармацыйнай агенцыі (знакамітай “НІКІ”) апазіцыйных да ўраду журналістак Марыны Бабкінай і Святланы Івановай пад надуманнай прычынай.

Унутрыведамственаму цынзізму некаторых журналістскіх адміністрацый наогул няма мяжы. Палічылі начальнікі дзяржаўнага агенцтва “Белінфарм”, што ім не патрэбная гэтка вялікая служба фотакарэспандэнтаў - і звольнілі з працы больш пятнаццаці нашых калегаў, павікідаўшы іх з чаргі на атрыманне жылля, адмовіўшы ў дзейнай матэрыяльнай дапамозе, як гэта, напрыклад, было са зволненым Валерыем Аляшкевічам.

Склалася дзіўная для любой іншай нармальнай цывілізаванай краіны сітуацыя, калі журналіст у судзе практычна не можа абараніць свае чалавечыя правы. Не адноўлены на сваіх службовых пасадах тыя ж рэдактары інфармацыйнай праграмы Беларускага тэлебачання “НІК” а памяненыя Марына Бабкіна і Святлана Іванова, іншыя журналісты. Прыкладам з такога шэрагу спраў можна было б прыводзіць нямала. Але больш узораў іншага кшталту, калі праз судовую сістэму ад палітычных па сваёй існасці атак даводзіцца адбівацца журналістам. У адрозненне ад практыкі падобнага роду грамадзянскіх працэсаў, абвінавачванні ў вінаватасці журналіста, аўтара, пісьменніка-дакументаліста прымаюцца без сур’ёзных доказаў істцоў, якія нібыта абараняюць свае зганьбаваныя гонар і годнасць. Так, у друку і радыёэлектронных СМІ ў 1993 годзе шырока асвятляўся грамадзянскі працэс маці “афганцаў” і вэтэранаў-“афганцаў” - супраць публіцысткі Святланы Алексіевіч”. Праз некалькі гадоў пасля выхаду кнігі адну з маці загінуўшага на бруднай вайне ў Афганістане і вэтэрана афгана-савецкай вайны нібыта абразіла дакументальная аповесць аўтаркі пра гэтую крываваую бойню, а менавіта папярэдняя публікацыя адрывка ў газеце “Комсомольская правда”. Цэнтральны суд сталіцы маглі задаволіць толькі дыктафонныя запісы даўніх сведчанняў, якія ўвайшлі ў названую кнігу. Атрымалася так, што судзям нават не спатрэбілася літаратуразнаўчая экспертыза, каб высветліць магчымасць таго жанру, у якім напісана згаданая аповесць, яго, так бы мовіць, правы і абмежаванні. Хаця на такой экспертызе і настойвалі прадстаўнікі ПЭН-цэнтра, якія абаранялі ў судзе інтарэсы Святланы Алексіевіч.

У выніку гэтага беспрэцэдэнтнага выпадка ў судовай практыцы на кнігу “Цынкавыя хлопчыкі” было накінута абвінавачванне ў ілжы, і ніякія довады адказчыцы ў тым, што праз столькі гадоў пасля збору матэрыялаў дыктафонныя плёнкі не захаваліся, не дапамаглі. У нашай Феміды ў гэткага роду справах начыста адсутнічае прэзумпцыя невінаватасці адказчыка, журналіста. Тут, як на працэсах, дзе суды дзеляць маёмасць, або высвятляюць, чья курыца на чый двор без дазволу перабегла і нарабіла шкоды, доказы істцоў і адказчыкаў, ці не бачыце, павінны спаборнічаць між сабой.

Гэтым юрыдычным пралазам карыстаюцца, як гаворыцца, усе, каму дазваляе здароўе. Я мог бы назваць шмат прозвішчаў сваіх калегаў з “Народнай газеты”, мінскай гарадской вячэрняй газеты “Добры вечар”, газетаў “Свабода”, “ЛіМ”, іншых перыядычных выданняў, якія за гады перабудовы і постперабудовачнага перыяду стаялі перад судом у якасці адказчыкаў за тое, то мелі дзёрзкасць выказваць уласныя погляды на тую ці іншую з’яву беларускага палітычнага жыцця.

У асаблівай няміласці ў вышніх чыноўнікаў незалежная беларуская газета “Свабода”, з якой пастаянна судзіцца, заумела, выйграючы працэсы, такая ўрадавая асоба як дзяржсакратар Генадзь Данілаў. Між іншым, калі ўлічыць міжнародную цывілізаваную судовую практыку, напрыклад, у Злучаных Штатах, дзяржаўнаму чыноўніцтву зводзіць рахункі праз судовыя органы з журналістамі і СМІ забаронена. Дазваляецца проста адказаць “крыўдзіцелям” уласным выступленнем у іхнім часопісе, газеце, тэле- або радыёпраграме. Загаданы ж Генадзь Данілаў з дапамогай нашай недасканалай і недэмакратычнай арганізацыі права літаральна нанёс “Свабодзе” матэрыяльны ўрон, што для маладой рэдакцыі, якая жыве небагата, з’яўляецца даволі значнай сумай.

Чаго толькі не тварылі з гэтай газетай за апошнія два гады маючыя ўладу? На яе аўтараў палявалі як на загнаных звяроў, ей зрывалі выхад у свет чарговых нумароў, рабілі спробы апісаць маёмасць за спазненне выплаціць штрафы, ужо не гаворачы пра суды - перасуды.

Як прызнаваўся нядаўна газеце “Звязда” адзін з кіроўцаў Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь Судовымі органамі ў 1993 годзе разгледжана больш за шэсцьдзесят спраў па ісках тых, хто “бароніць гонар і годнасць”, да журналістаў. Ці не замнога?

Нават не саромяцца не “акрэдытаваць” уласнага карэспандэнта расейскіх “Известий” Аляксандра Старыкевіча. Сорам і ганьба жыць і тварыць у такой бананавага кшталту дзяржаве!

Я выдатна разумею, што наш брат-журналіст іншым разам дапускае “паколы” у сваёй рабоце. Тады, калі ласка, давайце вызначым, у якіх выпадках нашы калегі маюць рацыю, а ў якіх не маюць і якое пакаранне журналістам ды сродкам масавай інфармацыі належыць атрымаць за прафесійныя праграшэнні. Толькі, давайце будзем зыходзіць у такой рэгламентацыі з прававога вопыту дэмакратычных краінаў, захавання права чалавека на свабоду слова, свабоду атрымання інфармацыі і прэзумцыі невінаватасці адказчыка не толькі ў судовых крымінальных справах, але ж і ў грамадзянскіх.

У канцы мінулага года Вярхоўны Савет прыняў у першым чытанні праект Закона Рэспублікі Беларусь “Аб друку і іншых сродках масавай інфармацыі”.

Я не стаўлю за мэту падрабязна аналізаваць гэты дакумент. Ёсць у ім і неблагія думкі, якія, напрыклад, тычуцца забароны цензуры СМІ, матэрыяльнай падтрымкі тых органаў друку і эфіру, што фарміруюць нацыянальную самасвядомасць беларускага народа, узбагачаюць ягоны духоўны патэнцыял, недапушчэння манапалізацыі агульнадзяржаўных

грамадска-палітычных выданняў. Хаця зноў жа гэтым праектам меры, накіраваныя на забеспячэнне эканамічнай падтрымкі СМІ, павінны вызначацца ўрадам. Добра, калі гэта дэмакратычны ўрад і калі ягоны прэм'ер не заяўляе, што мае намер камандаваць друкам ці эфірам. А калі справа абстаіць наадварот? Што тады рабіць журналістам? Пісаць свае матэрыялы з аглядкай на Саўмін і на грашовы мех, якім ён распараджаецца быццам з уласным?

Рэгламентаваныя ў згаданым праекце і правілы абвярджэння тых ці іншых абнародаваных матэрыялаў. Падрабязна распісана адказнасць тых, хто перашкаджае ў працы журналіста ды рэдакцыі за парушэнні этыкі пад час збору матэрыялаў для публікацыі або гучання ў радыё-тэлеэфіры, за неаб'ектыўнасць інфамачыі, змешчанай у СМІ.

Але пры ўсіх станоўчых і адмоўных баках некаторых палажэнняў законапраета, у ім дакладна і акрэслена не сказана,

што:

1) не толькі ў прэтэнзіях да рэдакцыі асоб, "пакрыўджаных" у друку або ў радыё- і тэлеперадачах, калі гаворка ідзе пра абвяржэнне, павінен мець месца тэрмін даўнасці абнародавання той ці другой інфармацыі, але яшчэ і ў судовых крымінальных ці грамадзянскіх справах трэба ўводзіць тэрмін менавіта іскавай даўнасці. Што такі тэрмін таксама не можа перавышаць год, напрацягу якога журналісту належыць захоўваць дакументы, копіі сведчанняў, дыктафонныя плёнкі ды іншыя матэрыялы, на падставе якіх адбыліся публікацыі ці перадачы;

2) вінаватасць журналіста ці СМІ павінна быць падрабязна і аргументавана даказана і ў крымінальных, і ў грамадзянскіх справах ісцамі: усялякі сумнеў трактуецца на карысць журналіста або рэдакцыі. СМІ ды журналісты, баронячы сябе ў судах Рэспублікі Беларусь, валодаюць прэзумпцыяй невінаватасці;

3) дзяржаўныя чыноўнікі ўсіх рангаў ды маштабаў, дэпутаты ўсіх узроўняў не маюць права прад'яўляць свае прэтэнзіі да журналістаў і рэдакцый адносна абнародаваных матэрыялаў праз суд, акрамя тых выпадкаў, калі "вінаватыя" рэдакцыі не прадставілі ім магчымасці выказаць у друку або ў тэле- ці радыёперадачы свой пункт гледжання адносна зместу тых звестак, якія былі раней апублікаваныя ці прагучалі ў эфіры;

4) калі ж гэтая катэгорыя службоўцаў і абраных асобаў дамагаецца праз суд публікацыі абвяржэння, то судовыя органы не кампенсуюць ім за кошт рэдакцый або журналістаў (аўтараў) маральны ці матэрыяльны ўрон у грашовым выражэнні;

5) спаганне грашовых сумаў у якасці кампенсацыі за маральны ці матэрыяльны ўрон з журналістаў не павінна пераўтвараць іхнія сем'і ды іх саміх у жабракоў (для сем'яў журналістаў, дзе знаходзіцца на ўтымманні непаўналетнія дзеці, старыя ды хворыя людзі, наогул неабходныя паслабленні), а пакаранне рэдакцый не павінна даводзіць калектывы СМІ да банкруцтва;

6) рэдакцыі СМІ не нясуць юрыдычнай адказнасці за аб'ектыў-

насць той інфармацыі, аўтарамі якой не з'яўляюцца штатныя супрацоўнікі рэдакцый, калі толькі такая інфармацыя не змяшчае ў сабе заведама ілжывых звестак, характарыстык і дзяржаўнай таямніцы. Рэдакцыі СМІ не нясуць адказнасці за абнародаванне інфармацыі, прадастаўленай у іх распараджэнне дзяржаўнымі службоўцамі і народнымі дэпутатамі ўсіх узроўняў. Адказнасць у падобных выпадках кладзецца толькі на аўтараў;

7) палажэнні, якія рэгулююць прававыя адносіны журналістаў і СМІ, абавязкова ўносяцца у КК і ГПК Рэспублікі Беларусь.

І апошняе, што я хацеў бы, каб прагучала у дадзеным законе: "Журналіст і рэдакцыя не павінны пераследавацца на падставе іхніх палітычных або рэлігійных перакананняў ды веравызнанняў, калі толькі характар абнародавання такіх перакананняў не распальвае міжнацыянальную, міжрэлігійную і міжсацыяльную нецярпімасць ды варажнечу ў грамадстве, не вядзе да падрыву суверэннасці і незалежнасці дзяржавы і народу".

Мяркую, што перад тым, як канчаткова прымаць гэты Закон, ягоным аўтарам трэба схадзіць у журналісцкі "народ", уважліва выслухаць нашыя заўвагі, іначый мы, паважаныя калегі, зноў застанемся неабароненыя перад дыктатарамі ды таталітарызамі любога колеру і кшталту.

Уладзімір Колас

МАС-МЕДЫЯ ВА ЁМОВАХ ТРАНЗІТУ: ПРАГА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ І ЦАНА СВАБОДЫ

Незалежнасць мас-медыя ва ўмовах пераходу ад таталітарнага рэжыму - з'ява неадназначная.

Узгадаем, што адбылося з савецкім кінематографам, які здабыў незалежнасць намнога раней, у сярэдзіне 80-х гадоў, у самым пачатку перабудовы. Набліжанасць кінематаграфічных эліт да тагачаснага кіраўніцтва СССР ужо тады зрабілі магчымым дзве цалкам неверагодныя на той час рэчы: знішчэнне цэнзуры і дазвол на прыватнае прадпрыемальніцтва ў галіне кінематографа. І гэтыя дзве рэчы, пра якія марылі пакаленні падняволеных савецкіх кінематаграфістаў, урэшце рэшт разбурылі такую магутную і значную з'яву культуры, якой быў савецкі кінематограф.

Са знішчэннем цэнзуры знікла сіта, з дапамогай якога адбывалася селекцыя, і права сказаць ісціну атрымліваў той, хто гэтага сапраўды варты. Безумоўна, прызначэнне цэнзуры было зусім у іншым. Гэтае права здабывалася ў няроўнай барацьбе з сістэмай, часта ў абыход

сістэмы, праз яе падман. Сістэма жорстка помсціла творцу. Як правіла, найбольш таленавітыя з іх былі людзьмі гаротнага лёсу. Вядомыя ўсяму свету, яны вялі ў сябе на радзіме жабрацкае існаванне. Адзінай узнагародай, адзінай мэтай у жыцці для іх былі свабода і незалежнасць у творчасці, магчымасць сказаць праўду. Гэтай праўды прагнулі, шукалі яе ў фільмах. Кіно ў СССР было тым месцам, дзе гэтую праўду можна было ўбачыць і пачуць - угадаць праз намёкі, іншасказанні, метафары. Са знікненнем цензуры знікла перашкода, якая давала права на праўду нямногім абраным, гэтае права зрабілася даступным для ўсіх і таму перастала быць каштоўнасцю.

З другога боку, цензурнае сіта не прапускала на нашы экраны прадукцыю прымальнай масавай культуры, і мы патанулі ў другаягутункавай заходняй кінапрадукцыі. Адсутнасць прававых актаў у галіне кіна- і відэапракату зрабіла немагчымым рэгуляванне іхняга паказу. Нашы кінатэатры запоўнілі, як і ва ўсім свеце, пераважна нізкапробныя фільмы вытворчасці ЗША. Яшчэ горш выглядаюць справы з тэлебачаннем. Па шматлікіх прыватных тэлеканалах дэманструюць фільмы, якія ў краінах, дзе іх зрабілі, дазволены да паказу толькі ў пэўным месцы ў пэўны час, і якія глядзяць толькі прадстаўнікі пэўных, вельмі нешматлікіх сацыяльных груп, а ў нармальным, цывілізаваным грамадстве прагляд іх лічыцца непрыстойным. У нас іх глядзяць сем'ямі. Наступствы такіх праглядаў для дзіцячай псіхікі непрадказальныя. Мы расцім духоўна хворае пакаленне, але гэта нас ніяк не займае, як не займаюць і многія іншыя жыццёваважныя і небяспечныя з'явы.

Такім чынам, з сацыяльна-культурнага феномена, які адыгрываў вырашальную ролю ў духоўным ачышчэнні, набыцці самасвядомасці, дэмакратызацыі нашага грамадства, кінематограф ператварыўся ў сацыяльна небяспечны фактар, які паграджае паніжэннем маральнага ўзроўню, духоўнай дэградацыяй грамадства.

Ці непазбежныя такія вынікі для дэмакратычных працэсаў? Ці ёсць яны абавязковай платой за свабоду?

А можа, гэта хутчэй вынікі надта абстрактнага бачання перспектывы распахатых працэсаў, нежадання і неўмення прадбачыць і пралічыць галоўныя эфекты іхняга развіцця? Ці не надта дорага мы расплочваемся за добра засвоеную ленінскую манеру падыхода да справы: "галоўнае ўвязацца ў бойку, а там будзе відаць...?"

Сродкам масавай інфармацыі, у адрозненне ад кінематографа, поўнае знішчэнне не пагражае. Але ўзгадаем прыклад маскоўскага "Агеньчыку" ці мінскага "ЛіМа". чый зорны час прыпаў на кульмінацыю перабудовачнага рамантызму і там і застаўся. Справа разбурэння сістэмы, якой прысвяцілі сябе гэтыя і не толькі гэтыя выданні, прывяло ў тым ліку і да знішчэння іхняй уласнай папулярнасці. І гэта - яшчэ не самае непрыемнае з таго, што атрымалася ў выніку гэтага разбурэння.

Свабода - салодкае слова, але вялікія дозы гэтай саладэчы не заўсёды станюўча ўздзейнічаюць на непадрыхтаваны грамадскі арганізм.

Імкненне дасягнуць поўнай свабоды і дэмакратыі цалкам і адразу прыводзіць да дыскрэдытацыі дэмакратычных рэформ і ў выніку да ўзмацнення рэакцыі і рэстаўрацыі старога ладу.

Сітуацыя з мас-медыя на Беларусі - унікальная. Гэта запаведнік, дзе дагэтуль амаль у некранальным выглядзе захавалася савецкая "флора і фаўна", прычым на небывала нізкім прафесійным узроўні. Выказванні нашых тэлекаментатараў, артыкулы афіцыйных і паўафіцыйных газет і часопісаў уражваюць сваёй тэндэнцыйнасцю, заідэалагізаванасцю. Але наўрад ці гэтая сітуацыя можа змяніцца толькі ад надання ім поўнай свабоды, зразуметай як дазвол друкаваць усё, што хочацца. Можна прадбачыць, што ў гэтым выпадку нас чакае прыкладна тое, што адбываецца цяпер у нашых усходніх суседзях: расце колькасць выданняў жоўтай прэсы, а афіцыйныя сродкі масавай інфармацыі звыкла робяць тое, што могуць і як могуць: фармуюць грамадскую свядомасць у патрэбным афіцыйным уладам накірунку. Вядома, куды вядзе гэты шлях, вымашчаны добрымі намерамі. Расійскія выданні, якія зусім нядаўна дэкларавалі сваю прыхільнасць да дэмакратычных рэформ, зноў прапагандуюць спрадвеку ўласцівыя Расіі вялікадзяржаўныя імперскія прыярытэты. Богам дадзенае права вырашаць лёсы іншых народаў, размяркоўваць, кіраваць, карміць, і г. д.

Няцяжка прадбачыць таксама, што гэтыя памкненні прывядуць да вяртання ў новай форме старой, да болі знаёмай сутнасці. Для Беларусі, улічваючы яе ўнікальную закансервіраванасць, гэтая сутнасць зрабілася ўжо амаль рэальнасцю.

Прадугледзець усю небяспеку такой рэстаўрацыі немагчыма. Відавочна толькі, што калі гэта адбудзецца, расплочвацца прыйдзецца ўсяму свету і вельмі дарагой цаной.

Тым часам, сітуацыя, у якой мы апынуліся дае нам унікальную магчымасць пачаць выпроўваць новыя этычныя прынцыпы для культуры, адукацыі, мас - медыя на ўзроўні, які патрабуе новае тысячагоддзе, асэнсаваўшы і адкінуўшы памылкі і хібы, якія мы звыкла і бяздумна імкнемся захаваць. Перш за ўсё нам неабходна па-новаму асэнсаваць паняцце свабоды, пазбавіць яго ўтапічнай катэгарычнасці.

Абмежаванне свабоды мас-медыя забаронай прапаганды парнаграфіі і культы гвалту сёння зводзіцца да бесэнсоўных дыскусій наконт парнаграфічнасці паказу пацалункаў у адных сценах і цнатлівасці палавых актаў у другіх, у той час як новыя чорна-карычневыя разважаюць па расейскіх тэлеканалах аб новым падзеле Еўропы паміж Германіяй і Расіяй, а заходнія карэспандэнты, як крумкачы, злітаюцца ў месцы міжнацыянальных канфліктаў у краіны былога СССР і па ўсім свеце, каб здабыць кадры са свежай крывёй.

Вядома, што значная колькасць кадраў з баявымі дзеяннямі папросту сынцыніравана, бо сюжэты са стрэламі лепш аплочваюцца. Таму за крывавае развіццё некаторых такіх канфліктаў мы можам быць удзячнымі менавіта мас-медыя. І калі пакінуць рэчы ў стане, у якім яны ёсць. Бог ведае, да чаго нас давядзе прафесійны імпэт некаторых

журналістаў.

Новыя маральна-этычныя нормы павінны мець сілу закона і быць аднолькавымі для ўсіх краін. І ўсталяваць іх павінны не кіраўнікі дзяржаў, юрысты ці дыпламаты, а самі творцы.

Нашы “творчыя” саюзы, пабудаваныя на прафесійнай прыкмеце, дагэтуль дзейнічаюць па прынцыпу кармушак і размеркавальнікаў.

Галоўным аб’ядноўваючым фактарам новай асацыяцыі творцаў павінен зрабіцца новы кодэкс маральна-этычных нормаў і прынцыпаў.

За парушэнне нормаў, прынятых новай асацыяцыяй, канкрэтны творца ці пэўнае выданне не прыцягваліся б да юрыдычнай ці адміністрацыйнай адказнасці. Яны, напрыклад, пазбаўляліся б эмблемы асацыяцыі, а гэта азначала б, што іхняя дзейнасць не спрыяе мэтам дэмакратыі.

Я разумею, што мая прапанова можа быць успрынята як заклік да вяртання цензуры і ўсталявання новай інквізіцыі. Мы так доўга жылі ва ўмовах забароны свабоды думкі і палявання на ведзьмаў, што баімся ўсяго, што нагадвае нам пра гэта. Але ці не ёсць гэты страх недаверам і непавагай да саміх сябе? Ці маем мы права надалей мірыцца са свабодай крывадушша, хлуснёй, спекуляцыяй у нашай культуры і мас-медыя?

Пабудова свабоднага ладу не можа ажыццяўляцца без адначасовага стварэння новай сістэмы абмежаванняў.

Першы крок у гэтым накірунку мы можам зрабіць ужо на гэтым высокім сходзе.

Александр Дракохурст

СТЫД, УПРЯТАННЫЙ В НЕСГОРАЕМЫЙ ШКАФ,

или

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ГАЗЕТ БЕЛАРУСИ

Каждое утро у газетных киосков Минска и других городов республики выстраиваются длинные очереди хмурых, спешащих на работу людей. Им мало телевизионных и радионовостей, им нужен газетный лист, в котором они привыкли находить не только вести из “горячих точек” СНГ и планеты, не только ставшую уже обычной информацию о не прекращающихся разборках в парламенте, но и некие ориентиры в этом взбаламученном и суматошном мире, которые ежедневно ставит перед ними жизнь.

В этой ситуации исключительно велики роль и ответственность журналиста, публициста, исключительно важны его нравственная позиция, его желание и умение, говоря словами Солженицына, жить (и.

разумеется, писать) не по лжи.

Увы, круг независимых изданий, в которых журналисты поступают именно так, крайне узок. Смелые, честные, пусть не всегда безусловно выверенные голоса все чаще тонут в согласном хоре, дружно тянущем прежние, не позабытые с тоталитарных времен песни. Разница лишь в том, что если раньше все определялось коммунистической идеологией и партийным руководством, то теперь средствами массовой информации почти безраздельно владеет “партия Совмина”, которая жестко определяет их лицо и направленность.

Наверное, есть смысл ввести понятие “дотируемая пресса”. Большинство изданий, выходящих в республике, к великому сожалению, относятся именно к ней. И, хотя все понимаем: в наши дни без финансовой помощи и поддержки не проживешь, — тесная зависимость от них оказывается иногда страшнее отмененной цензуры.

Буквально на наших глазах разыгралась в парламенте драма видного политического и государственного деятеля Беларуси, ученого-физика Станислава Шушкевича. После декабрьских выборов в России бывшая партноменклатура, которая контролирует парламентское большинство в Верховном Совете, решила, что пришло время вышибить его из председательского кресла. Как и следовало ожидать, проправительственная и прокоммунистическая пресса в очередной раз агрессивно набросилась на Шушкевича, не прощая ему прежних попыток отстаивать собственный взгляд на проблемы коллективной безопасности, на характер и ход экономических реформ, не прощая интеллигентности и благородства. Громогласно заявив о “полном параличе всех ветвей власти”, “Советская Белоруссия”, к примеру, прозаично персонифицировала: “Если... вам не под силу, — отойдите в сторонку. Отойдите сами... У всякого терпения есть конец...”

Когда стали известны результаты голосования, и Станислав Шушкевич вынужден был покинуть место спикера, с какой нескрываемой радостью, с каким захлебом та же газета сообщала своим читателям: “Белорусский парламент вышел, наконец, из шока августа 1991 года. Он длился более двух лет. Все это время вешали националистические оракулы. Аморальные ситуации создавала непоследовательность спикера...” И далее — уже совсем победно, ликующе: “Пал первый беловежский зубр”, “Ушел деятель “формации Горбачева”, зачеркнут “политический ноль”...”

И после этого автор близкой по духу “Белорусской нивы” деланно удивляется, почему “лидеры оппозиции в ситуации с Шушкевичем видят лишь непрекращающиеся происки коммунистической номенклатуры”?

А что это было, с позволения сказать? Рутинная парламентская процедура?.. Как бы не так!

Деланный наив, на мой взгляд, не смог ввести в заблуждение даже самых неискушенных читателей. Тем более, что едва завершилась кампания по устранению Шушкевича, как сразу начала набирать обороты другая, явно инспирированная “партией Совмина”. На этот

раз средства массовой информации должны были убедить жителей республики и в первую очередь рабочих в том, что бессрочная политическая стачка с требованием немедленной отставки правительства и проведения новых выборов неминуемо провалится. И управляемая пресса, радио и телевидение, услышав команду “сверху”, принялись за дело — улещивать, дезинформировать, дезориентировать. С привычной разухабистостью они в один голос забубнили: “Кому это нужно?”, “Стачка как авантюра”, “Такие игрища мы не поддерживаем”, “Здравому смыслу с амбициями не по пути” и, наконец, как заклинание: “Апрель 1991 года не повторится!”

А когда в силу целого ряда причин на площадь Независимости народу пришло меньше, чем ожидалось, — до чего же дружно злорадствовали по этому поводу те, кто не прочь выставить себя “защитниками народных интересов”!

Старательно выполняя “социальные заказы”, они почему-то предпочитают пользоваться военной терминологией — “наступление”, “бой”, “сидение в окопах”. Ну, и как же в этом случае обойтись без главного — без образа врага? И вот уже из деформированной и мифологизированной жизни, которой мы жили свыше семидесяти лет, снова старательно извлекается и обновляется применительно к новому времени этот памятный пропагандистский жупел. Тут уж, как говорится, не до нравственных принципов, не до верности фактам и взвешенности аргументов, — во весь голос, громко и истерично: “Ату его! Ату!..”

Кого — его? Ну, конечно же, в первую очередь Белорусский народный фронт, главного врага, постоянно и целеустремленно травимого официальными и неофициальными средствами массовой информации.

Оговорюсь сразу: я принимаю не все программные установки БНФ и его лидера. Известная статья Зенона Позняка “О русском империализме”, с моей точки зрения, не свободна от перехлестов, в ней немало спорных мест. Но одно дело — идеологический спор, пусть острый и бескомпромиссный, а совсем другое — откровенные и безудержные поношения, стремление представить БНФ, его руководителей и активистов не только оголтелыми “национал-экстремистами”, но и, — вспомнив излюбленную формулу сталинских лет, — “прислужниками капиталистического Запада”, которые пытаются “выращивать белорусскую демократию в американской пробирке”.

Скорбя о временах крутых большевистских разборок, “Белорусская нива”, например, почти в каждом номере пишет о “сознательно рассчитанных провокациях”, “пещерной русофобии”, о “всепоглощающем чувстве ненависти” у тех, кого она относит к “белорусским национал-радикалам” и которые якобы способны лишь “проклинать, проклинать и проклинать” коммунистов и русских...

Другая газета, уже цитированная мною “Советская Белоруссия”, пренебрежительно отозвавшись о “тарабарско-белорусском языке, на котором изъясняются наши националисты”, выступает не менее “круто”. “Откуда такая свехоткровенность, граничащая с той, на

которую способен человек лишь после порядочной дозы спиртного? — вопрошает она, обрушиваясь на лидера БНФ. — Это не крик души, а писание “от лукавого”. Сгинь, сгинь, нечистая сила!”

Думаю, комментарии излишни.

Но это еще не предел: цинизм беспределен.

Недавно мы похоронили Алеся Адамовича, прекрасного писателя и мужественного человека. Немногим более, чем за год до смерти он опубликовал в Минске книгу публицистических статей “Апокалипсис по графику”. Книгу страстную, гневную, талантливую. Книгу в защиту людей, ввергнутых в чернобыльский ад не только ядерной катастрофой, но и трусливой ложью партийных верхов, подлым замалчиванием этого поистине планетарного бедствия.

Ответ не замедлил последовать. Все помнят его.

“Блевотина” — истерически вопил заголовок в неолевостовской газете “Мы и время”, именующей себя “независимой левой”. Читатели с издевательской ухмылкой уведомялись, что автор книги о ядерном апокалипсисе на фотографии “похож на задумчивого святого или весьма оскорбленного еврея”. Нужно ли говорить, какой желчью и ядом, какой отравной злобой был пропитан этот опус?!

А в скорбные дни прощания с Алесем Адамовичем над куцей информацией о его смерти, напечатанной в газете “Во славу Родины”, чья-то рука, не дрогнув, вывела: “Уходят из жизни писатели...”

Вот так, не один — неповторимый, высокоодаренный, имеющий мировое писательское имя, а, видите ли, многие — близкие, безымянные... Уходят — и все тут.

Сколько в этом неприкрытого стремления замолчать трагический уход яркой писательской личности, сколько неуважения и неприятия!

Впрочем, это так естественно для газеты, которая в прошлом не слишком жаловала творчество Адамовича, которая до сих пор убеждает своего читателя, что, “будучи на голову выше — если хотите в чувственности (я оставляю в неприкосновенности авторский стиль. — А. Д.) в нравственности, чем заокеанские наши наставники, мы преспокойно забываем свое, родное. Как будто чужестранное лучше и краше...”

Чувствуете? Пахнет чем-то отвратительно знакомым. Ну, конечно же, это раскавыченная сталинская цитата, которую затрепали “бойцы идеологического фронта” во времена не забытой еще борьбы с “низкопоклонством перед иностранщиной”!

“Стыд, в какой несгораемый шкаф упрятали вы стыд?” — хочется с горечью повторить вопрос одного из героев Бабеля. Вопрос, разумеется, чисто риторический. Те, кто так пишет, все равно останутся “верными подручными” сил, которые ведут рискованные политические игры в сужающемся пространстве между некоммунизмом и жириновщиной.

ЦЕНА СВОБОДЫ ВЫБОРА

Свобода слова была извечной мечтой интеллигенции в Российской империи. Как мечта узника о небе.

Но не только интеллигенции. После войны среди крестьян Западной Украины ходил анекдот о слове.

Красные освободили. На стенах замазали вчерашние повстанческие лозунги: "Свобода народам - Свобода человеку". Землю отняли. В колхоз согнали. "Все отдам, - говорит дядько, - только б дали по радио сказать одно слово всему миру. Только одно слово: "Рятуйте!"

Великая вера в силу слова. Наивная вера в понимание и отзывчивость мира.

В народе живет извечная вера в необъяснимую силу слова и чувство той истины, согласно которой "В начале было Слово". То слово, которое выражает смысл явлений и крик души.

Собственно, из такого слова и возникает творчество, жаждущее свободы. Ему нужно небо, а не потолок, который дарят сверху - "удобства ради".

Самые дорогие украинские могилы - могилы борцов и мучеников за свободу от Тараса Шевченко до Василя Стуса, погибшего в Пермской области в карцере 36-й зоны особого режима уже в 1985-ом. Цену свободы мы оплатили сполна.

Но свобода всем нам упала вдруг. Вместе с падением экономики и жизненного уровня. Мы ее ждали, как манны небесной, ждали столетиями. Но многие не заметили и не возрадовались. Надо прямо сказать, что верные слуги режима, среди них и многие писатели, в ней и не нуждались. Они даже обозлились на эту самую свободу...

Словом, великий праздник в честь свободы в советском обществе не получился. Все пошло по кругу, начертанному в "Великом Инквизиторе" Достоевского, с той, однако, поправкой, что против Христа и против его возвышенного дара свободы поработало несколько поколений учителей материализма, требующего превращения камней в хлебы. Это с одной стороны, а с другой - поработал век унылого потребительства...

А все-таки главное препятствие на пути духовного раскрепощения в неготовности человека принять бремя свободы. Свобода ждет своих верных, отважных и влюбленных рыцарей, чуточку Дон-Кихотов, за которыми пойдут Санчо Пансы.

В полуинтеллигентской среде, в обществе, строящем коммунизм, этот тип отважного человека, верующего и жаждущего подвига, был искоренен. Сохранился только тип тихого мечтателя, не имеющего последователей...

Поначалу вожденной свободы требовала нагроможденная энергия отрицания и разоблачения. Мощная волна смысла железный

занавес и несколько смяла другой занавес, построенный человеком внутри себя удобства ради. Это было захватывающее зрелище - падение крепко построенных железобетонных кумиров в присутствии их строителей и почитателей. Оказалось, никто из клявшихся и лобызавших не готов положить свой живот за них. Оказалось, все было только корыстной игрой, рассчитанной на загнивавшую массу, деморализованную террором.

Зрелище быстро приобвыкло, волна стала мелкой, и обыватель потребовал не зрелищ, а хлеба. Запретный плод свободы потерял свой аромат.

На волне отлива обнаружилось, что освобождение нации связано с экономической независимостью, свобода личности - это прежде всего выработка внутренней свободы. Без внутренней культуры и духовных потребностей свобода - дар бесплодный. Его не приемлют, более того, его охотно разменивают на пустые декларации. На этой мели встречаются и делают одно дело и крайне левые, и крайне правые, для которых свобода - всего лишь удобный случай пробраться к власти. Они рассчитывают на массу, обещают ее накормить, они говорят на очень понятном и привычном языке.

Я не думаю, что нам угрожает возврат к строительству коммунизма. Но нам серьезно угрожает дальнейшая профанация ценностей и деморализация человека на пути внешней имитации. Мы пережили бескровный переворот, который, в сущности, был просто падением прогнившего режима. Нормально такой переворот должен кончатся судом над теми, кто незаконно расправился с четырьмя поколениями лучших людей страны. Такой суд нужен не для расплаты с соучастниками злодеяний против человека, а скорее для квалификации их беспрецедентных деяний и для размежевания добра и зла в представлении людей нынешнего поколения. Иначе нам угрожает сохранение старых лживых понятий, сохранение рабского угодливого языка полуправды, легко переходящего от одной конъюнктуры к другой. Ведь инерция размывания традиций и национальных ценностей продолжается - параллельно с разговорами о возрождении. Большевицкий режим создал тип человека, органически враждебного культуре, которая причислялась к старой надстройке. Наступление на культуру шло широким фронтом, однако при этом разрешалось использование ее элементов для потребностей идеологии. Ядро культуры - ее духовная основа - считалось враждебным "единственно верной идеологии".

Ныне этот человек, сохранивший свою власть и свой утилитарный стиль мышления, остается силой антикультурной. У него нет органической причастности к культуре и нет понимания ее живых источников. Между тем культура создается и сохраняется людьми, беззаветно преданными ей.

В посткоммунистическом мире декларированные ценности упали вместе с режимом, который их поддерживал всеми своими средствами. Для "кадров, которые решают все", нынешний мир - это мир без

ценностей, и потому он хуже. Отказываясь от своих собственных идолов, эти кадры не могут уважать национальных и общечеловеческих святынь. Отсюда их полное неверие и равнодушие, выходящее за границы приличия. Мы переживаем переходный период. Человек вчерашнего дня продолжает свое деструктивное дело. Воспитанный на эклектической философии материализма и на практике безнаказанности, он готов еще и еще раз испытывать на нас модель "социализма с человеческим лицом". Семьдесят лет он не верил ни божественной мудрости, ни опыту человечества. Не верит и теперь. А ведь в сущности все его мотивы на поверхности: лишенный инициативности, принципов и долга, он просто не способен действовать в условиях свободы. Все его привычки бесконтрольно властвовать, хватать, обещать и не выполнять обещаний - тянут его в привычную колею. Вот и вся философия.

Но в этой философии есть зародыш социальной опасности: логика выживания толкает лжеца на путь репрессий и преступлений. Он начинает с дискредитации чужих ценностей. Свободу он всегда именовал "так называемой". Ныне, когда она снизошла до уровня равнодушной улицы, мелкие торгаши стали торговать ею, бравые шелкоперы - играть, опытные душители - вымучивать.

Словом, на развалинах Вавилонской башни смешались понятия, и слово потеряло свой вес. Разве можно бороться за свободу слова, потерявшего вес?

Одна из хитрых козней дьявола - подменить клад - слово, превратить его в орудие обмана и пустить в спекуляцию. За такое слово никто не пойдет в тюрьму. За такую свободу слова бороться никто не станет... Как раз удобный момент прибрать такую постыльную свободу к рукам!

Мне представляется своевременным направить усилия интеллигенции на защиту свободы слова. На защиту авторитета слова. Но практически это значит прежде всего бороться с инфляцией слов. Вернуть слову его изначальную силу - его источник.

"И приступил к Нему искуситель и сказал: "Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами". Он же сказал ему в ответ: "Написано: "Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих" (МФ. 4, 3-4).

Упомянутый великий Инквизитор уточнил мысль искусителя:

"Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого бояться они и страшаться, - ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!"

Наши малые инквизиторы тоже понимают уровень масс, на который они всегда ориентировались. На сцену выходят Хлестаков, Ноздрев и Чичиков, одержимые утробной тоской по скатерти-самобранке. Привычным движением они разворачивают позапрошлогодние газеты, где черным по белому написано о "всеобщем благо-

состоянии трудящихся в СССР". И народ, продукт своей эпохи, избирает Ноздрева, Хлестакова и Чичикова своими представителями в парламент. А там уж они определяют меру свободы.

Что же делать хранителям ценностей перед лицом этого вторичного единения "партии и народа"?

Им, конечно, следует напомнить и объяснить слова их учителя насчет истории, в которой то, что первый раз выступало как трагедия, при повторении уже оборачивается фарсом...

Но, главное, необходимо наполнить живым и жертвенным смыслом божественный дар свободы.

Все наши завоевания - это только начало борьбы. Последний вывод мудрости Фауста вечно напоминает:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.*

Все наши упущения - от неготовности следовать этому выводу, предостерегающему от вечных повторений.

Дар свободы обязывает человека вечно делать выбор, трудный выбор. Идеалисты всех времен начинали с выбора узкого пути. По Евангельскому Завету.

Украинская литература вообще стала возможна как выбор по долгу сердца - против течения. По своему статусу в империи она была оппозиционной, так как, согласно царскому указу, "украинского языка нет, не было и быть не может".

Но это еще не тот выбор, который сообщил ей дух и образ. Главный выбор делал сам писатель. Следуя традиции антиимперской, национально-освободительной, он выбирал Шевченковский путь гонимых - аресты, тюрьмы, ссылки и, как минимум, положение поднадзорного.

При большевистском режиме до войны было ликвидировано двести пятьдесят украинских писателей.

После этого урока украинские шестидесятники сделали свой выбор и пошли в лагерь. Больше десяти из них стали почетными членами зарубежных центров Международного ПЕН-клуба.

Нам ли не праздновать свободу? Но свобода окупается жертвами. Праздник, кажется, затянулся. А между тем, на горизонте бодро шагает Чичиков в обнимку с мертвыми душами. Ноздрев одобрительно приветствует шельмеца Хлестакова, знающего толк в свободе.

Но не столь отдаленно возвышаются потемневшие кресты, словно камертоны, напоминающие верный тон и отсекающие фальшивые голоса.

Что ни говорите, и слово, и крест - символы свободного выбора.

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

В последнее время мы все чаще и чаще слышим и читаем о судебных процессах, ответчиками в которых выступают СМИ, а истцами — граждане и организации, отстаивающие свою честь и достоинство.

Еще 3-4 года назад мало кто хотел разбираться с журналистом в суде, многие газеты были органами ЦК и главным судьей был ЦК. А сегодня, наоборот, любой может привлечь журналиста к ответственности.

С одной стороны, это явление положительное, ведь каждый из нас может защитить свою честь и достоинство. Это своего рода — ростки демократии. Однако, эти ростки, к глубокому сожалению, всходят на неподготовленной почве. Не готовы к новым веяниям: законодательство, суды, сами журналисты.

Если верить статистике, то в прошлом (1993) году судами республики было рассмотрено 62 дела подобной категории. Из них в 24 случаях требования истцов были удовлетворены. Иначе говоря, СМИ были признаны виновными в распространении неверных сведений. Много это или мало? По сравнению со всеми гражданскими делами, эта цифра не весьма внушительная. Но при внимательном изучении вопроса становится очевидным, что за небольшими цифрами скрывается настолько характерное явление, что впору говорить о социальной значимости и последствиях для общественного развития.

Многие журналисты сегодня считают, что на смену упраздненной цензуры идет новая система давления на СМИ, с ее специфическими способами заставить их замолчать, бояться сказать лишнее слово. При этом, полагают, что судьба многих исков предрешена заранее, и журналист лишен возможности защитить себя.

Такое мнение не лишено основания, хотя проблема “Журналист в суде” имеет две стороны: моральную, когда причиной возникновения дела в суде служат недостатки в работе журналиста, с точки зрения морали, его профессионализма, и правовую.

Однако сейчас очень важно обратить внимание на правовую сторону, подчеркнуть правовую незащищенность журналиста.

На сегодняшний день существующие в Республике правовые акты, вместе взятые, провозглашая свободу слова и регламентируя права и обязанности журналиста, не дают гарантий справедливого разрешения спора между ним и читателем.

Редакции и авторы имеют реальную возможность быть втянутыми в бесконечные процессы по защите чести и достоинства. Ведь никто не остановит чиновника, который может использовать судебные процессы в своих интересах, в том числе политических. Разве только новый Закон о печати. Но нам нужен Закон, в котором были бы нормы,

коренным образом изменяющие правовое положение журналиста в суде, а именно: журналист должен быть равным с истцом в сборе и представлении доказательств. Это очень важно.

Участвуя в конкретных судебных делах, видишь, что автор публикации чувствует себя чуть ли не на скамье подсудимых, когда его обязывают обосновывать любой довод, вплоть до его личного мнения. А это явно противоречит принципу равенства перед судом всех граждан, независимо от рода и характера занятий. Кроме того, журналист, на мой взгляд, не должен нести ответственности за сведения, предоставленные ему должностным лицом. Это поможет, с одной стороны, получать от последних правдивую информацию (вся ответственность будет лежать на них), а с другой — журналист не будет бояться публиковать те сведения, которые он не может перепроверить.

Ведь, как правило, автору публикации не доступны документы, подтверждающие мнение (пусть даже самого широкого круга людей) о политических лидерах, крупных государственных чиновниках. Как, например, ему перепроверить “чемодан” Лукашенко? А возьмешь интервью — рискуешь собственным карманом.

Как мне кажется, именно в подобных случаях судебная практика демонстрирует незрелость демократии в нашей Республике.

Судьям даже в голову не приходит задуматься о границах допустимой критики: должна ли она быть, скажем, для правительства и политиков шире, чем для обычных граждан.

Не учитывается также и то, что при демократической системе действия или упущения правительства должны подвергаться тщательному контролю не только со стороны законодательных или судебных властей, но и со стороны прессы и общественного мнения.

У нас истцами в суде, как правило, бывают чиновники самого высокого ранга, а то и целые исполкомы. В то время, как здравый смысл подсказывает, что главенствующая позиция, которую занимает правительство, представитель власти, обязывает проявлять сдержанность в обращениях к суду. Особенно, если у них есть другие средства и методы ответа на неоправданные нападки противников или средств массовой информации.

Целесообразно в Законе предусмотреть и разумный предел взысканий за моральный ущерб, а также установить конкретный срок исковой давности к этим требованиям. Это означает, что гражданин может оспорить какие-либо сведения и через десятки лет, но взыскать с журналиста деньги — не вправе. В противном случае, бессрочные требования — “дамоклов меч” над любым критическим выступлением.

Кроме того, на нынешнем этапе развития и становления государства, в условиях экономической и политической нестабильности, Закон должен быть предельно лаконичным и недвусмысленным, не позволяющим толкование статей.

Закон о печати должен полностью соответствовать и развивать конституционные положения, строго придерживаться приоритета

международных правовых норм защиты прав и свобод человека.

В нем должно содержаться стремление правового государства создать все условия для свободы слова.

Если такие требования будут удовлетворены, то журналисту будет обеспечен свободный выбор позиции, а судебная власть не будет рассматриваться им как инструмент, подавляющий свободу слова.

Но чтобы это произошло, журналистам необходимо принять самое активное участие в обсуждении положений Закона.

Работа над ним должна идти не только в кабинетах высоких инстанций, но и среди профессионалов. Еще не поздно внести поправки, объединенными усилиями разных газет добиться необходимых изменений.

Журналисты должны бороться за самих себя, чтобы нанесение морального вреда политике или чиновнику не отменяло свободу прессы.

Ольга Помар

ОБЗОР-СРАВНЕНИЕ И АНАЛИЗ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ США И БЕЛАРУСИ

1. КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАЩИТА

А. Конституционные гарантии

1. Первая поправка к Конституции США - Конгресс не может принимать законы, ограничивающие свободу слова или прессы. Эта свобода - не абсолютна, но положению конституции дана широкая интерпретация.

2. Новая Конституция Беларуси гарантирует свободу мысли и ее выражения; монополизация средств массовой информации правительством, общественными ассоциациями или частными лицами, и цензура запрещены (ст. 33). Граждане имеют право получать точную информацию от правительства и распространять информацию о политической, экономической, международной ситуации и состоянии окружающей среды (ст. 34).

Б. Роль конституции в защите свободы прессы.

1. В США конституция ясно установилась как верховный закон страны. Ни один закон не может ей противоречить. В Конституции Беларуси устанавливается, что любой закон, противоречащий ей, не имеет юридической силы. Однако это еще не проверено (ст. 146).

2. Верховный Суд США защищает конституционные права и права прессы. Роль Конституционного Суда Беларуси до конца не определена. Ст. 128 - Конституционный Суд определяет, что законы

нарушают права человека и личные свободы; ст. 127 ясно не формулирует право граждан прямо обращаться в конституционный суд.

3. В США все суды могут рассматривать вопросы конституции. Такого нет в Беларуси, хотя конституция предоставляет суду право определять нарушения конституции.

4. В США традиция судебного производства имеет установившийся прецедент.

5. В США любое посягательство на свободу слова анализируется в свете требований конституции, а не только прямая цензура, регулирование содержания.

2. ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКОНА

А. В США нет специального закона о прессе, только прецедентное право, интерпретирующее первую поправку. Различаются электронная, письменная информация. Имеется широкое лицензирование и регулирование радио и телевидения (контроль за электронными средствами массовой информации, который оправдан ограниченным количеством волн, посягательством на частную жизнь, способность детей просматривать передачи).

Б. Сегодня нет закона о печати Беларуси. Закон о печати СССР, принятый еще в 1990 г. все еще в силе. Проект закона, созданный в 1992 г., после доработки прошел в первом чтении. Три варианта закона практически одинаковы. Они содержат следующие основные положения: гарантия свободы прессы и запрет цензуры; запрет монополизации; требование уважения чести и достоинства граждан и гражданское и уголовное понятие о клевете; регистрационные требования; запрет публикации определенного типа информации; гарантия доступа к правительственной информации и др.; аккредитация журналистов и специальный перечень определенных прав и обязанностей журналиста.

3. СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОВ. АНАЛИЗ ПРОЕКТА ЗАКОНА О ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ СОГЛАСНО СТАНДАРТОВ КОНСТИТУЦИИ США

А. Регулирование содержания согласно ст. 5 проекта закона о печати Беларуси

1. Государственные секреты: в США - очень узкие ограничения на публикацию секретной и представляющей угрозу национальной безопасности информации; обычно ограничения не налагаются до публикации.

2. Пропаганда насильственного свержения или смены правительства, пропаганда войны: в США - очень узкое понятие высказываний, содержащих "ясную и немедленную опасность", направленных на подстрекательство и развязывание действий по нарушению закона. Белорусский закон - шире и может быть истолкован как ограничение критики правительства или социального порядка.

3. Пропаганда насилия, жестокости, нетерпимости (так называемые "высказывания ненависти") - в США защищены как часть демократического процесса. Белорусское определение - слишком широкое и нарушило бы конституцию США.

4. Порнография - запрещена и в США.

5. Другие уголовно наказуемые действия - США не защищают высказывания, содержащие провокации, лжесвидетельство, мошенничество или заговор. Белорусское определение - слишком неясное.

Б. Регистрационные требования

1. Разные роли правительства и прессы в США, правительство не следит за действиями прессы. Белорусский закон допускает широкий правительственный контроль, даже за организационной структурой.

2. Ограничения до публикации: в США - очень сильна презумпция против таких ограничений, требующих предварительного, тщательного изучения правительством перед тем, как получить разрешение "высказаться", опубликовать. Белорусский закон требует лицензирования, допускает отмену права на опубликование после нарушений, запрет на опубликование апелляции такого решения. Законом США это не допускается.

3. Белорусский закон допускает цензуру содержания - Министерство проверяет цель публикации, может отменить право на публикацию согласно ст. 5. В США - это нарушение конституции.

4. Электронные средства массовой информации - для них в США требуется регистрация.

5. Обязанности журналистов - могут рассматриваться как имеющие непозволительно замораживающий эффект на свободную прессу, туманные стандартные проверки достоверности и уважения прав других могут подорвать расследовательскую журналистику.

В. Закон о клевете

1. В США требуется указание конкретного истца в публикации и нанесенного лично ему ущерба. Белорусский закон предоставляет более широкие возможности для подачи в суд.

2. Любые высказывания личного мнения, которые не предполагают содержания неверных фактов, преувеличений, ярлыков не дают основания для судебного преследования в США.

3. Закон США создает различные стандарты для официальных лиц (любого правительственного работника или избранного чиновника, принимающего политические решения), политических кандидатов и общественных деятелей (лиц, находящихся в центре внимания). Должна существовать "реальная злонамеренность", т. е. журналист знал, что заявление ложно или опубликовано с пренебрежением правдой, т. е. зная, что заявление окажется ложным. Обязанность истца предоставить в суде ясные и убедительные свидетельства. Такого различия между общественными и частными лицами в Беларуси не существует.

4. В США частное лицо должно доказать, что журналист был, как минимум, небрежен, не проверив источники и опубликовав ложное

сообщение.

5. В США требуется указание конкретного ущерба репутации, хотя ущерб может включать и причиненные страдания.

6. В Беларуси допускается как уголовная, так и гражданская ответственность.

7. В США является недопустимым вмешательством в права прессы требовать публикации опровержения дискредитирующего сообщения.

4. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А. Американская пресса исторически находится в частных руках. Белорусское правительство владеет многочисленными газетами и другими печатными изданиями и может прямо контролировать содержание. Есть газеты, отражающие точку зрения оппозиционных партий и газеты, пытающиеся быть политически независимыми. Но они имеют ограниченные ресурсы.

Б. Электронные средства массовой информации в США отчасти контролируются, но в основном находятся в частном владении. В Беларуси практически все радио- и телестанции, а так же передатчики принадлежат правительству. Средства массовой информации находятся под контролем Министерства связи, которое лицензирует все организации, занятые трансляцией. Не известно, как будет рассматриваться вопрос о монополизации.

В. В Беларуси возникли новые частные и получастные теле- и радиокomпании - Радио Би Эй, минская станция Радио Рокс, 8-й канал, одна частная кабельная компания и частные телепродюсеры. До сих пор существует государственное вмешательство путем лицензирования, ограничения доступа к передатчикам.

Г. Юридический анализ - в американском законе нет особого запрета на государственное владение средствами массовой информации. Монополия средств массовой информации белорусским правительством и его способность распределять субсидии тем или иным органам могла бы рассматриваться как форма цензуры, особенно, если выбор этого органа основан на содержании распространяемой им информации. Белорусская конституция и проект закона запрещают монополизацию.

5. ДРУГИЕ УСЛОВИЯ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ

А. Экономические факторы - сложность нахождения неправительственных источников финансирования, плохие рыночные условия для рекламы, ограниченная покупательская способность потребителей; кредиты доступны только на очень невыгодных условиях; высокая инфляция; недостаточный капитал для инвестирования.

Б. Дополнительный груз, навязанный правительством путем

контроля организации и финансовых отношений; высокие налоги.

В. Доступ в суд - США, благодаря системе процессуальной защиты, установили роль судов как защитников свободы и прав собственности, предоставляют доступ в суд, включая немедленный, для предотвращения нанесения непоправимого вреда, такого, как запрет на публикацию. Белорусская система юриспруденции не разработала процедур для быстрого и незатрудненного обращения в суд или немедленного доступа к судье. Суды не рассматриваются как независимая ветвь правительства.

Г. Отсутствие развитой традиции беспристрастного сбора новостей, непредвзятой журналистики в Беларуси. Понятие частной, коммерческой прессы является слишком новым. Слабая конкуренция между органами массовой информации.

Віктар Каваленка

НАБЛІЖЭННЕ ДА СВАБОДЫ СЛОВА

Правядзенне Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры ў Мінску, у сталіцы дзяржавы, якая толькі нядаўна абвясціла аб сваёй поўнай палітычнай незалежнасці, мае, на мой погляд, сваё вялікае сэнсавое апраўданне, асабліва калі ўлічыць надзённы інтарэсы рэспублікі. Хацелася б спадзявацца, што гэтая падзея стане для нас знамянальнай, увойдзе ў гісторыю культурна-духоўнага жыцця, плённа паўплывае на менталітэтную самасвядомасць беларускай інтэлігенцыі і ўсяго грамадства. Думаецца, што ў ходзе працы Кангрэса поўна будзе задавальняцца не толькі рэгіянальная зацікаўленасць у яго правядзенні, што абмеркаванне шырокага кола пытанняў, звязаных з паняццем свабоды слова і яго практычным ажыццяўленні ў краіне, дзе яшчэ не замацаваліся нормы дэмакратычнага існавання, усё ж адкрыюцца нейкія новыя аспекты становішча са свабодай слова, якія, маючы мясцовае паходжанне, тым не менш здатныя паглыбіць новымі рэльефнымі рысамі ўяўленне аб праблеме ў цэлым і, магчыма, атрымаць сусветны рэзананс.

Выступленні на Кангрэсе вельмі цікавыя і глыбокія па накірунку. Пануе ідэя і дух дэмакратыі. Аднак асаблівае значэнне, на мой погляд, будуць мець дакументы, якія збіраецца прыняць Кангрэс. Яны ў вышэйшай ступені актуальныя па зместу, дасканалыя, як мне здаецца, прадуманыя. І галоўнае - гэты практычнае дзеянне, бо, прызнаюцца, я асабіста баяўся, што выступленні на Кангрэсе прадстаўнікоў Беларусі з'ядуцца да прыгожых, але абстрактных усхваленняў у адрас свабоды слова, між тым як гэтая сусветна вядомая дама не патрабуе ад нас асаблівага кампліменту, тым больш, выказаных намі ў рытарычным плане.

У сваім імкненні да дэмакратыі мы рэдка адважваемся на канкрэтныя справы і задавальняемся эмоцыямі. Выказаныя з адкрытай публічнасцю замахі на свабоду слова не атрымліваюць адпаведнага рэагавання з боку дэмакратычных сіл рэспублікі. Наогул узнікае сумненне, ці здатная сёння беларуская інтэлігенцыя абараніць практычна той кодэкс грамадзянскіх паводзін, які складае сутнасць яе прафесійнай дзейнасці і які адзін толькі можа апраўдаць само яе існаванне.

Ну вось на пачатку года газеты паведамілі, быццам прэм'ер заявіў, што, маўляў, "мы будзем камандаваць прэсай". Усхвалявала гэта каго-небудзь з нас у такой ступені, каб зрушыць на канкрэтнае дзеянне? А між тым прэса не чужая вотчына для пісьменнікаў. Іх творчыя інтарэсы самым непасрэдным чынам звязаны з грамадскім станам прэсы і яе палітычным накірункам. Хіба зрабілі мы спробу высветліць, ці правільна карэспандэнты зразумелі словы прэм'ера? Хіба арганізавалі мы запыт дэпутатаў-дэмакратаў у Вярхоўным Савеце з гэтай нагоды? Не. Калі мы будзем разважаць пра паняцце "свабода слова" ва ўмовах Беларусі толькі ў сферы абстрактна-тэарэтычных намаганняў, наўрад ці апраўдаем сваё існаванне як нацыянальнай інтэлігенцыі.

Можна сказаць, што вось толькі-толькі адбыўся XI з'езд пісьменнікаў, аднак на ім ніхто не скардзіўся, што яго твораў не публікуюць, ніхто не згадаў нават пра пагрозу прэм'ера камандаваць прэсай. Значыць, выходзіць, што ў нас усё ў парадку па гэтай лініі? Думаецца, што не. Мы ўсе адчуваем, што сапраўднай свабоды слова ў рэспубліцы няма. І на тэлебачанні і ў друку ідзе даволі мэтанакіраваны, аднак скрыты адбор аўтараў, не дапускаецца палеміка, калі яна вядзе да шматфактарнага ўстанаўлення ісціны. Аднак пра гэта гаварылася мала на нядаўнім пісьменніцкім з'ездзе. І калі такую сітуацыю можна неяк апраўдаць, то хіба толькі тым, што пісьменнікаў на гэты раз займалі яшчэ больш глабальныя праблемы.

Ва ўсіх нас яшчэ не знікла рэліктавае ўяўленне, прывітае таталітарным рэжымам, што ўрад і дзяржава, дзяржава і радзіма - гэта адно і тое ж. У выніку мы не можам пераадолець у сабе псіхалагічна клішыраваную боязь, што апазіцыя ўраду дае апошняму калі не законнае, то прынамсі зразумелае з пункту погляду звычайнай жыццёвай мудрасці няпісанае права не падтрымліваць, у тым ліку бюджэтна, тыя культурныя сілы ў грамадстве, якія настроены апазіцыйна. Між тым адной з самых яркіх прыкмет дэмакратыі ў дзяржаве з'яўляецца падтрымка ўрадам усяго культурнага поля незалежна ад таго, ёсць на ім апазіцыйныя ўсплескі ці няма. Апазіцыя - гарантыя натуральнага прагрэсу. Трэба прывыкнуць нам усім да несумненнага факта, што літаратура наогул пастаянна знаходзіцца ў апазіцыі да дзяржавы і грамадства, бо хоча бачыць іх ідэальна дасканалымі і квітнеючымі. А па той прычыне, што такога ніколі не здараецца, то літаратуры наканавана быць вечнай апазіцыянеркай. Вядомы польскі кінарэжысёр Анджэй Вайда, які нацярпеўся ад нападак

з боку ранейшых савецкіх і польскіх ідэалагічных службаў, з гонарам заяўляў: “Я заўсёды апазіцыя!”

Калі ж браць праблему свабоды слова шырэй - у сэнсе абароны культуры і дэмакратыі наогул, то і ў такім ракурсе сур'ёзных стратэгічных распрацовак у нас няма. Складанасць заключаецца перш за ўсё ў тым, што беларуская інтэлігенцыя не здолела пакуль што выпрацаваць прыймальную для большасці народа нацыянальную праграму незалежнага палітычнага і духоўнага існавання. Роскід пазіцый нават у асяроддзі дэмакратычных арганізацый і партый такі вялікі, што гэта пагражае ваяўнічымі сутыкненнямі і непрымірымай барацьбой. І не трэба быць вялікім празарліўцам, каб прадбачыць у выніку гэтага далейшае паслабленне ўплыву дэмакратычнай ідэалогіі на грамадства.

У сучасны момант ва ўмовах Беларусі, якая робіць першыя крокі як самастойная дзяржава, завершаная ў той ці іншай ступені канцэпцыя культуры набывае ў дадатак да яе асветна-выхаваўчых функцый больш шырокую нацыянальную ўласцівасць. Культура застаецца не проста полем нацыянальнага жыцця, а ўздымаецца на ўзровень выяўлення экзістэнцыяльнага аблічча нацыі, яе індывідуальнай духоўнай канстанты. Але гэты ўздым самым непасрэдным чынам звязаны з магчымасцямі дэмакратычных намаганняў і заваёў грамадства. Вось чаму, калі мець на ўвазе палітычныя рэаліі Беларусі, з усеі падставы можна сказаць, што культура - гэта дэмакратыя.

Ісціна вядомая. Аднак у адносінах да Беларусі яна мае спецыфічны сэнс, які, магчыма, ужо знік як перажытачны з самаадчування іншых народаў, што маюць глыбінна замацаваную культурную традыцыю. Дзякуючы натуральнай духоўнай сіле і напорна-развітаму філасофскаму зместу яна сама можа супрацьстаяць антыдэмакратычным тэндэнцыям у дзяржаве і быць гарантам нармальнага прагрэсіўнага развіцця нацыі. Калі ж звярнуцца да абставін у Беларусі, дзе формы дэмакратычнага жыцця не ўсталяваліся, дзе, як і ў Расіі, па выразу Я. Яўтушэнкі, пануе “дэмакратыя недэмакратычная”, то тут пакуль што абарона культуры азначае абарону дэмакратыі ў прамым і адкрытым сэнсе гэтага паняцця.

Становішча ўскладняецца тым, што вялікая частка пісьменніцкай арганізацыі, апынуўшыся ў постсавецкай рэчаіснасці, стала адкрыта і ваяўніча падтрымліваць антыдэмакратычныя тэндэнцыі ў грамадстве, хоць некаторыя пісьменнікі з гэтай групы раней лічылі сябе безумоўнымі дэмакратамі і гуманістамі. Гэта несумненна паслабіць інтэлектуальную напружанасць духоўнага жыцця ў рэспубліцы, раз'яднае сілы. Палітычная рэакцыя ў Беларусі можа атрымаць істотную падтрымку ў іх асобе. Хацелася б, каб лепшыя з іх, самыя таленавітыя, апамяталіся і на ўласным творчым вопыце адчулі, што толькі дэмакратычны светапогляд дае сапраўдную прастору для сапраўднай творчасці. Для творчасці, вядома, а не для жыццёвай суперуладкаванасці.

Абарона дэмакратыі і культуры - гэта не толькі дэкларацыі, тэарэтычныя праспекты, публіцыстычныя выступленні, хоць і яны

несумненна, дужа патрэбныя. Гэта ўрэшце наша штодзенная праца па стварэнню напружанага духоўнага жыцця ў рэспубліцы, па стварэнню такой атмасферы, калі б немагчымым было распаўсюджванне мала-развітых і абскурантысцкіх поглядаў на стан рэчаў у нашай краіне.

Хай запануюць у нас сапраўдныя дэмакратыя і культура! Хай яны прынясуць шчасце нашаму народу!

Светлана Алексіевіч

А СПРОСИТЬ НЕ У КОГО...

(проблема документа в искусстве и жизни)

Я хотела бы поклониться светлой и чистой памяти Алеся Адамовича (немногим из этого времени удалось сохранить в такой чистоте свое имя и дело, как ему). Но грустно сегодня не только потому, что его нет среди нас, но и еще оттого, что вся эта большая и красивая жизнь прошла на баррикадах. Мальчишкой в пятнадцать лет он ушел в партизаны... Умер на суде, через несколько минут после последнего своего выступления в защиту, я бы сказала, человека в человеке... Жизнь кончилась, а баррикады нет...

Вся наша жизнь — это баррикады. Уже какое поколение... И мое поколение, которое идет вслед, тоже обречено на баррикады. И дальше...

Как же нам защищать единственную человеческую жизнь? Что мы можем? Что может слово?

То, чем я занимаюсь уже 20 лет — это документ, документ в форме искусства. Это — четыре документальные книги, три пьесы — на основе документа, около двадцати документальных фильмов.

Но я не знаю, что такое — документ? Чем больше я с ним работаю, тем больше у меня сомнений. Единственный документ, документ, так сказать, в чистом виде, который не внушает мне недоверия, — это паспорт или трамвайный билет. Но что они могут, если бы даже сохранились, через сто или двести лет (дальше сегодня и заглядывать нет уверенности) рассказать о нашем времени и о нас? Только о том, что у нас была плохая полиграфия... Все остальное, что мы знаем под именем документов, — версии. Это — чья-то правда, чья-то страсть, чья-то ложь, чья-то жизнь...

Два обстоятельства заставляют меня сегодня, как никогда раньше, пристально и тревожно вглядываться в эту проблему (проблему документа в искусстве и жизни). Первое обстоятельство — это суд надо мной и моей книгой “Цинковые мальчики” о преступлениях афганской войны, когда документ вплотную, врукопашную столкнулся с массовым

сознанием, тогда я еще раз поняла, что не дай Бог, если бы документы правили современники, если бы только они одни имели на них право. Если бы тогда, 30-50 лет назад, они переписали “Архипелаг ГУЛАГ”, Шаламова, Гроссмана...

Второе обстоятельство, которое заставляет меня сегодня говорить о документе, — это наше время. Время разлома, распада, почти геологического сдвига... Вдруг все стало значительным: то, о чем пишут газеты, что слышим и видим по телевизору, и случайный разговор в троллейбусе, и собственные ощущения и мелочи каждого дня. Как когда-то в воспоминаниях З. Гиппиус меня остановили совершенно незаметные, бытовые детали — и через них запомнился и проявился весь трагизм 17-го года. Революционный голод... Революционный террор... Интеллигенция голодает (она революции не нужна), чтобы выжить, продают вещи, драгоценности за кусок хлеба, полфунта муки. Гиппиус пишет, как идет на рынок, чтобы продать свои туфли, но их никто у нее не покупает. Эти туфли, как ненужные детские игрушки в руках фабричных женщин. На улице другие люди... У них другой размер обуви... И чувств... Или, например, как описывает в своих записках первые дни революции великая русская балерина Кшесинская: по ее разграбленному дому разгуливает Коллонтай в чужом горностаевом пальто, матерятся матросы и хотят пристрелить хозяйку, “славу и украшение русского балета” (из царской записки) только потому, что одна для них тщедушна (опять нужны другие размеры), и дорогая ванна, полная окурков... Я о том, что детали и мелочи всегда больше и ярче свидетельствуют о человеческой жизни, чем идеи. Они трагичнее, потому что близки и узнаваемы нашему зрению из любого времени.

Так и сегодня ловишь себя на мысли, на желании все запомнить, все записать...

Уходит эпоха. Эпоха, которую назвали эпохой великого обмана. Но только проклиная и унижая ее, мы не много поймем — ни в ней, ни в себе. Может быть, придут новые поколения, беспристрастные поколения — и они поймут и скажут больше (как мы сегодня о ленинских и сталинских лагерях). Скажут о том, что в большевизме, в советизме было и гибельное присутствие романтизма, утопических надежд, наивно-трогательной (безграмотной) веры в будущее. Слишком много крови и братских могил позади, чтобы думать иначе.

Мы должны оставить честные свидетельства. Документы. Но все тот же вопрос: а что есть — честное свидетельство? Документ? Правда времени?

То, что мы называем правдой сегодня? Наши заблуждения, страсти, предрассудки, инстинкты?..

У Альберта Камю: “Правда таинственна и неуловима и ее вечно приходится завоевывать заново”. Завоевывать в смысле постигать, а не оккупировать...

Матери погибших в Афганистане сыновей пришли в суд с портретами своих детей, с их медалями и орденами, они плакали и

кричали: “Люди, посмотрите, какие они молодые, какие они красивые, наши мальчики, а она пишет, что они там убивали”. А мне они говорили: “Нам не нужна твоя правда, у нас своя правда”.

И это правда, что у них своя правда.

Так что же такое — документ? Насколько он во власти людей? Насколько он принадлежит людям, а насколько истории и искусству?

Для меня это мучительные вопросы...

Давайте пройдем путь от реальности к ее овеществлению в слове, благодаря которому она остается в архиве человечества. Но с самого начала, тут же надо признать, что реальности в форме настоящего времени как бы не существует. Нет настоящего, есть прошлое и будущее, или то, что Бродский назвал “настоящим продолженным временем”. То есть реальность — это воспоминание. То, что было год назад, то, что было утром, или час, или даже секунду назад — это уже не настоящее, это уже воспоминание о нем. Это уже исчезающая реальность, оставшаяся, остановленная или в памяти, или в слове. Но согласитесь, что память и слово — очень несовершенные инструменты. Они хрупки, они изменчивы, они зависимы. Они — заложники времени. Между реальностью и словом еще находится свидетель. Три свидетеля одного события — это три версии... Три претензии на истину.

Лидия Гинзбург, тоже много лет приглядываясь к документу, писала, что, исследуя мемуары, она обнаружила, что чем талантливее мемуарист, тем больше он врет, то есть тем больше в написанном его самого — его воображения, чувств, интерпретаций, догадок. Так и мои герои, мои рассказчики — талантливые заполняют время, события своим отношением к нему, они его как бы творят, более достоверны, скрупулезны обычные люди, но я-то ищу талантливого рассказчика, который не просто живет, а запоминает, как он живет, потому что у обыкновенных рассказчиков другой грех — они не слышат музыку бытия, протекания через наши жизни высшего смысла, не улавливают многоликой связи между событиями, между рациональным и иррациональным. И потому то, что называется материальностью документа, ткется из многих голосов... Ощущение точности и единичности рождает множественность... А это то, что неподсудно любому суду, тем более Центральному суду города Минска, где судили мою книгу... Перед этим бессильны и пристрастные современники...

Из многих рассказов-версий, исповедей-версий рождается версия времени. Образ времени. Он собирается из всего пространства времени, из всех его голосов. Версия — это скорее автопортрет нашей души, а не реальности. Я так и определяю жанр, в котором работаю, история чувств. Мой факт — чувство! От книги к книге складывается энциклопедия чувств (внутренней жизни) людей моего времени. Тех поколений, которые я застала на излете, и тех, что прошли рядом со мною, и тех новых, чей приход я, надеюсь, еще встречу... Как они, так и я (мои чувства, мой отбор, мое отношение) такой же документ, как и то, что они мне рассказывают, свидетельствуют: как мы верили, что

называли добром, а что злом? Как любили? Почему убивали друг друга?

Больше всего меня волнует, не отпускает (наверное, потому и написала три книги о войне) этот самый страшный миф XX века, что человеческая жизнь чему-то равна: революции, пятилетке, спасенному колхозному трактору (воспевали и такое), Горбачеву, Ельцину, национальной идее. Никто меня сегодня не убедит после трех собственных книг о двух войнах, после Шаламова и Разгона, после Булгакова и Замятина, после Карабаха... И мертвой девочки из Абхазии... что есть что-то равное человеческой жизни... Хотя я знаю, что нельзя у мужчин безнаказанно забирать эту самую любимую, самую дорожную игрушку — войну...

На экране телевизора я изо дня в день вижу, как выходят из домов, похожих на тот дом, в котором я живу, люди. Знакомые лица, знакомые одежды... Такие лица, одежды я каждый день встречаю на своих улицах... И тут же я вижу на том же экране: лежит разрезанный ножом или осколком такой знакомый человек... Вижу кровь... Вижу убитые дома... И убитых животных... Это так рядом... Это не отделено от меня даже пластикой, графикой архивных снимков другого времени, как, например, вторая мировая война...

Часто охватывает отчаяние. Отчаяние бессилия слова. Ты видишь, что мифы для многих, для большинства по-прежнему правдивее и сильнее фактов и самого инстинкта жизни, самосохранения. Когда мы сидим за письменным столом, мы не только желаем записать, восстановить, воссоздать действительность, мы еще хотим прорваться словом куда-то дальше. Чтобы это была и правда времени и какая-то догадка о человеке вообще. Прорваться дальше. Куда дальше? Дальше слов... Это редко нам удается. А вот миф туда прорывается. В подсознание...

И когда мать, у которой государство забрало сына и вернуло его в цинковом гробу, иступленно, молитвенно кричит: Я люблю ту Родину! За нее погиб мой сын! А вас и вашу правду ненавижу!" — снова понимаешь, что мы были не просто рабы, а романтики рабства. Только одна мать из тех ста, с которыми я встречалась, написала мне: "Это я убила своего сына! Я — рабыня воспитала раба..."

Да, военные, коммунистические, национал-патриотические газеты зовут людей на митинги под красные знамена... Учат тащить писателей и журналистов в суд... Но было бы слишком просто, если бы во всем были виноваты только вожди. Море крови позади, бесчестно перекопана земля для братских могил... А палачей нет... Никто не признает в себе палача... Все жертвы... Одни говорят, что любят Родину, все сделали во имя Родины (пусть она и отвечает, не потому ли столько слов о любви к ней). Другие говорят, что лили кровь во имя идеи... И не знаешь, чего здесь больше: страха перед покаянием или неспособности к свободе? Принадлежать, отдаться власти, государству. Сына отдать, дочь... И не затухающих жертвенников по-прежнему достаточно... Костры горят... Форма существования религиозного и военного общества. Мы были и

тем и другим (если под верой, под религией понимать марксизм, как светскую форму религии). А то, насколько мы — военные люди, насколько наши представления о жизни и смерти военные, мы даже не представляем.

Я думаю, что мы сегодня должны говорить и об ответственности идеи. Идеи-убийцы. Это ни с одного из нас не снимает личного греха, но идеи тоже должны отвечать. Мы должны говорить и об ответственности христианства с его идеей жертвы, и об ответственности военной литературы с ее мерой вещей — человеческая жизнь. Это я говорю и о себе и себе после трех книг о войне. Несколько лет назад мы ездили по Беларуси вместе с немецким режиссером Хельмой Зандер. И я помню, что, проехав где-то километров двести, насчитали пять памятников Ленину, семь Курганов Славы, шесть танков на постаменте... Как будто может быть что-нибудь выше тех тысяч братских могил на нашей земле... И не потому ли так легко льется кровь на окраинах бывшей империи, что мы слишком много говорили и писали о войне. Нам легко переступить эту грань — между жизнью и смертью.

Когда-то я была убеждена, и так учили меня мои учителя — Адамович, Быков — что в правде надо идти до конца. И когда мне надо было написать, как после итальянской мины, красивой, как игрушка, от человека остается только полведра мяса, я колебалась — надо или не надо это писать? — и все-таки решила: надо! Идти до конца... Потому что, чем проще и обычнее убивают люди, тем значительнее человеческая жизнь должна быть в искусстве, — говорила я себе. То сегодня, сейчас, — я поколеблена. Я не знаю... Я начинаю сомневаться... А нет ли там роковой черты, за которой начинается разрушение? Саморазрушение? Не знаю...

Я снова возвращаюсь к суду над своей книгой, но только потому, что это был слепок с наших душ. Когда десятки людей на улице, возле здания суда схватывались в непримиримой словесной схватке... Это тоже была война... И она идет... Мы разделены... Мы пока только не стреляем... Нам не нужна свобода. Мы не знаем, что это такое? Что с ней делать? В нашей истории нет ни одного поколения не с военным опытом, а с опытом просто жизни. У нас нет книг о просто жизни. Вы присмотритесь: все наши книги о войне. Мы или воевали, или вспоминали о войне, или готовились к войне. Мы никогда не жили иначе. Ко всему еще мы — артельные, соборные люди. Мы не умеем жить в одиночку... Отдельно... Мы никогда так тоже не жили...

Так о каком покаянии и очищении мы можем говорить? Военные законы не знают этих слов...

Недавно мы ехали с моим знакомым мимо роскошных особняков, которые тоже вдруг, как и многое у нас, появились за Минском. И он мне вдруг говорит: “Ты знаешь, когда я вижу эти виллы, мне вспоминается старушка в магазине, которая считала-считала свои “зайчики” и смогла купить только два яйца. Взяла их и заплакала. Как подумаю о ней, так хочется снова все громить и делить”.

Нашим улицам с их новыми вывесками легче поменяться, чем нашим душам.

Я не углубляюсь в политический анализ, меня интересует, если так можно сказать, политика в отдельной голове. И в отдельной душе. Моя задача — погрузить человека в себя. И сказать ему: не на улице себя ищи, а ищи себя в себе.

Но сегодня мы не разговариваем, мы кричим. Каждый кричит о своем. Если представить прошлое, как наш архив, вот мы — кричащие, беснующиеся от боли в этом архиве. Мы опасны для самих себя. Крича, мы способны только уничтожать и подписывать новые расстрельные приказы (как это недавно было в Белом доме).

А я прихожу к такому человеку и хочу восстановить правду того, прошедшего дня, а не сегодняшние его ощущения, не сегодняшний его крик. У меня есть пример, как там, в Афганистане, парень тоже мне кричал: “Что ты, женщина, можешь понять о войне. Пишущая барышня... Разве люди так умирают в жизни, как в книгах и в кино. Там они умирают красиво. У меня вчера друга убили. Пуля попала в голову... Он еще метров десять бежал и ловил свои мозги... Ты так напишешь?” А через семь лет этот же парень, он теперь удачливый бизнесмен, любит рассказывать об Афгане, и он мне позвонил: “Зачем твои книги? Они слишком страшные”. Это уже был другой человек, не тот, которого я встретила среди смерти и который не хотел умирать в двадцать лет...

Поистине человек меняет души, можно сказать вслед за Гурджиевым. И рассказ о жизни, о судьбе — это рассказ о многих человеках, которые почему-то называются одним именем. А документ всегда во власти того, последнего человека... Какой он сейчас... Наше время — это его собственность, такая же, как и моя. Но в страдании человек велик, а без него он часто просто ничтожен, мал. Я помню, как одна из моих героинь из книги “У войны не женское лицо” потрясла меня своим рассказом о том, как десятки лет она не могла ходить в мясные магазины, видеть мясо, разрезанные туши, особенно куриное мясо, оно ей напоминало человеческое. Это был такой пронзительный разговор, рассказ о том, как человек не хочет умирать. И как страшно было видеть после боя убитых — и тех, и других... Молодые... Они лежали рассыпанные, как картошка...

А потом, когда мы с этой женщиной заговорили о другом, не о войне, не о том, что она пережила, это было очень примитивно и даже агрессивно. Точно что я думала, что вот то, что могло бы даже тягаться с правдой Достоевского о человеке, и тут же оказываешься на коммунальной кухне...

Когда я этой женщине дала почитать ее же рассказ, она все перечеркнула, выбросила и прислала мне отчет о своей военно-патриотической работе: “Это, — написала она, — ты напечатай, а то я рассказала тебе, чтобы ты поняла, как нам было страшно на войне”. Она требовала достоверности, правды так, как она ее понимала. Они

хотят просто жизни. Но как объяснить, что это просто жизнь за пределами искусства. И своеволие автора лишь в одном — сделать это искусством.

Я еще хотела бы сказать, что разлом, распад, который достался нашим поколениям, не только советская, коммунистическая катастрофа. В конце XX века две утопические энергии — социализм и фашизм — потерпели поражение, потому что насильствовали и провоцировали природу человека. Сам тип современной цивилизации (и западной тоже, не надо путать, как это мы сейчас делаем, количество товаров в западных супермаркетах с цивилизацией) — переживает кризис. И если посмотреть шире, а шире посмотреть нам трудно, почти невозможно, потому что слишком болит недавнее, неясно, хрупко, кроваво, лживо и ненадежно настоящее, то сегодня надо говорить о тупиках, в которых оказалось человечество в конце XX века.

У меня много сомнений в самой человеческой природе. Я еще раз повторю, было бы слишком просто, если бы за все отвечали только наши вожди. И все заканчивалось лишь цветом обретенного государственного флага. И даже языка. Слова. Это лишь начало пути...

Мне иногда кажется, что после стольких страданий и такого зла, увеличенного возможностями техники, — у современного человека не столько сострадания, сколько желания познать, что может, смог, выдержал другой человек. Нас волнуют представления о пределах нашей природы больше, чем сама правда. А что есть искусство, если не опыт полученных страданий без собственных страданий. Я знаю, что когда описываешь, изучаешь зло, всегда есть опасность его эстетизации. Что-то в самой природе искусства безнравственно... Но у нас нет другого способа остаться в этом мире после себя...

Но под силу ли искусству весь ужас жизни, хотя оно у нас и всегда в него погружено? Больно им. Как писал Бердяев, русских писателей всегда больше интересовала правда, чем красота. Но если сегодня мы будем идти этой же дорогой, то как бы не перейти ту роковую черту... Без красоты разрушим и разрушимся.

Я думаю, что честные свидетельства — это беспристрастные свидетельства. Но это удел — новых поколений. Тут мне вспоминается разговор между Астафьевым и Распутиным после распутинской повести о дезертире, который тридцать лет прятался в лесу сначала от войны, потом от людей. Виктор Астафьев сказал, что он никогда бы не проник в эту душу, потому что постоянно бы думал: "Ах ты, сука, мы замерзали в крови своих товарищей, а ты тут сберегался". А моему поколению уже нужна была и эта правда войны... Правда еще одной человеческой души...

Каждый из нас услышит что-нибудь подобное или скажет сам себе: "Я не смог об этом написать, мне было слишком больно... Я был слишком близко..."

Тут мы обречены... Нам слишком больно... И мы ничем не защищены... Ни прошлым... Ни будущим... Но будем честны и

беспристрастны, благородны хотя бы в своих страстях... Чтобы наконец прервать цепь зла... И не надо украшать, придумывать себя в прошлом, оно тем и было страшно, что всех нас сделало соучастниками. В психушках, тюрьмах сидели единицы. В Горьком — один Сахаров... Нам никому не отойти в сторону — слишком близко и тесно живем... В одном времени... Может быть, самая большая опасность, которая наиболее близка сегодня к нам: как бы мы не сотворили и не увлеклись новыми мифами. И не доверились им, как жестокие дети...

Так уходит наша единственная жизнь. Неужели она для этого нам дана? Еще недавно я могла задать этот вопрос Адамовичу. Он умел отвечать на такие вопросы. А сейчас не у кого спросить...

Анатоль ВЯРЦІНСКІ

ЧАЛАВЕК І НАЦЫЯ — ЧЫЕ ПРАВЫ ВЫШЭЙ?

Пачну з таго, што дазволю сабе крыху ўдакладніць тэму, якая вынесена на наша абмеркаванне, і дапоўніць прапанаваную фармулёўку словамі: “постімперскае” (“посттаталітарнае, постімперскае грамадства”) і “правы” (“правы асобы і правы нацыі”).

Дапаўненне першай часткі фармулёўкі дыктуецца неабходнасцю помніць, што “беларускае пытанне” знаходзіцца, прабачце за каламбур, пад вялікім пыталнікам, што маральна-псіхалагічны клімат і палітычныя настроі, у прыватнасці электаральныя чаканні, звязаныя з маючымі адбыцца неўзабаве выбарамі першага прэзідэнта Беларусі, характарызуецца ў ёй на сённяшні дзень у значнай меры імперскім (эсэсраўскім) сіндромам.

У якасці ілюстрацыі працуюць адзін з баявых органаў антынацыянальнай, пракамуністычнай прэсы, якой у нас больш, чым дзе-небудзь на тэрыторыі былога Саюза. Чытаю: “Такога шествія (мова вядома, расійская — А. В.) Минск не відел с советских времен. В День Великой Победы 9 мая 1994 года во всю ширь Ленинского проспекта (новае найменне праспекта ігнаруецца — А. В.) шли и шли праздничные ряды шествия, организованного Партией коммунистов Белоруссии (новая назва рэспублікі ігнаруецца, зноў-такі — А. В.), ЛКСМБ, Движением за демократию, социальный прогресс и справедливость (?), Славянским Собором “Белая Русь”, “Союзом офицеров Белоруссии”, комитетом солдатских матерей (?). К обелиску победы шли и шли под красными знаменами и черно-бело-золотыми штандартами “Белой Руси” десятки тысяч минчан... Красный цвет — цвет Победы полыхал в голубом минском небе, вспыхивал у подножия монумента. Ни одного, буквально ни одного кубэвско-островского “сцяжка” (у двукоссі — !)

даже не мелькнуло в огромном море знамен... Вместе с ветеранами, надевшими парадную форму Советской Армии и Военно-морского флота, под красными знаменами и под звуки военных маршей шли люди всех возрастов. Они несли транспаранты: "Подвиг советского народа бессмертен", "Союз Белоруссии и России вечен и нерушим", "Да здравствует социализм", "Да здравствует Советский Союз" и другие... В этот день у могилы Петра Мироновича Машерова — выдающегося сына свободной советской социалистической Белоруссии... были вручены партийные и комсомольские билеты, повязаны пионерские галстуки новым сознательным бойцам за торжество правды и справедливости на героической белорусской земле, на земле советской Белоруссии!..." Не забуўся рэпарцёр у сваім дэмагагічна-рэваншысцкім запале радасна паведаміць і пра тое, што "ветераны Великой Отечественной войны обратились к руководству республики с просьбой отменить действующую ныне государственную символику..."

Каментарыі тут асабліва непатрэбны. За выключэннем хіба што наступнай высновы: Беларусь як нацыю і як дзяржаву чакаюць нялёгка, суровыя выпрабаванні. Невыпадкова ж пра гэта ўвесь час гаварыць, аб гэтым папярэджвае ў сваіх артыкулах і інтэрв'ю Васіль Быкаў, у прыватнасці ў інтэрв'ю, якое надрукавана нядаўна ў "Народной газете" пад загалоўкам "Беларусь не знікне, калі не скарыцца чужой сіле". Не выпадкова ж прагучала на поўны голас трывога за лёс Бацькаўшчыны, за незалежнасць, нацыянальна-дзяржаўны суверэнітэт рэспублікі на нядаўнім, XI з'ездзе беларускіх пісьменнікаў. Трывога гэтая была асабліва выразна выказана ў дакладзе старшыні саюза Васіля Зуёнка, ў выступленні паэта і навукоўца Алега Лойкі, ("Рэспубліка Беларусь — у небяспецы. Пад пагрозай яе незалежнасць, суверэнітэт!"); трывога гэтая вылілася ў асноўны дакумент з'езда — Зварот да беларускага народа.

Словам, для нас сёння, у гэты адказны гістарычны момант, абараняць правы чалавека, дэмакратыю і культуру — гэта значыць абараняць Рэспубліку Беларусь, яе нацыянальна-дзяржаўны суверэнітэт.

Наконт дапаўнення да другой часткі фармулёўкі. Чаму я прапаную змясціць акцэнт на паняцце "правы" ("правы чалавека і правы нацыі")? Здавалася б, ці не прасцей нам, прадстаўнікам творчай і навуковай інтэлігенцыі, аперывраваць маральнымі і філасофскімі катэгорыямі, накітавалі: "жыццё" і "смерць", "дабро" і "зло", "любоў" і "нянавісць", "праўда" і "хлусня"? Ці не лягчэй ісці шляхам добрых пажаданняў, ілюзорных, утапічных уяўленняў і парыванняў? Нягледзячы на горкія ўрокі, якія сведчаць: утопія — антыпод права, спробы прадвызначыць будучыню грамадства, нават кіруючыся прынцыпамі добра і свабоды, прыводзяць да зваротных вынікаў у плоскасці практычнага выканання... Гісторыя вучыць, што, кажучы словамі Бярдзьева, "адмаўленне прававых пачаткаў, як ніжэйшых па адносінах з маральнымі, апускае наша жыццё ніжэй за прававых пачаткаў". Адзін з аўтараў вядомага зборніка "Вехі" (1909 г.) юрыст і сацыёлаг Багдан Кісцякоўскі пісаў у

артыкуле “У абарону права. Інтэлігенцыя і прававая свядомасць”:
“...русская інтэлігенцыя ніколі не паважала права, ніколі не бачыла ў ім каштоўнасці; з усіх культурных каштоўнасцей права знаходзілася ў яе ў найбольшым загоне. Пры такіх умовах у нашай інтэлігенцыі не магло стварыцца і права трывалай свядомасці, наадварот, апошняя стаіць на крайне нізкім узроўні развіцця”. І далей: “Можна сказаць, што ў ідэйным развіцці нашай інтэлігенцыі, паколькі яно адбілася ў літаратуры, не ўдзельнічала ні адна прававая ідэя. І цяпер у той сукупнасці ідэй, з якой складаецца светапогляд нашай інтэлігенцыі, ідэя права не адыгрывае ніякай ролі. Літаратура з’яўляецца менавіта сведкай гэтага прабела ў нашай грамадскай свядомасці. Як не падобнае ў гэтых адносінах наша развіццё да іншых цывілізаваных народаў!”

Адзначаная традыцыя атрымала потым своеасаблівы падтрымку і развіццё ў грэблівых адносінах да права, да прававых працэдур, да законнасці з боку бальшавікоў, у так званых “рэвалюцыйнай мэтазгоднасці”, “сацыялістычнай свядомасці”, “сацыялістычнай законнасці”. У выніку выпявалі такія горкія плады, як заклік бяздумна “слухаць музыку рэвалюцыі”, як баявыя воклічы тыпу: “Ваша слова, таварыш маўзер!”, “Калі вораг не здаецца — яго знішчаюць!” і г. д.

Досвед развіцця сусветнай палітычнай цывілізацыі паказвае: праву сілы ёсць толькі адна альтэрнатыва — сіла права, улада права, вяршэнства права. Гэта адзіны рэальны шлях стварэння прававой дзяржавы, фармавання грамадзянскай супольнасці. І нам, грамадзянам краіны, якая словамі сваёй новай Канстытуцыі, абвясціла сябе “дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавай” (арт. 1) і “гарантуе нам правы і свабоды..., замацаваныя ў Канстытуцыі, законах і прадугледжаныя міжнароднымі абавязацельствамі” (арт. 21), — нам прадстаіць нялёгкая школа засваення асноў палітыка-прававога рэалізму і стварэння адпаведных сацыяльных каштоўнасцей, інстытутаў і ўстаноў.

Нялёгкая школа, нялёгкі шлях — адаптацыі грамадства да новых умоў жыцця, пераходу яго ад аднаго якаснага стану да другога. У нас пакуль што яшчэ няма сапраўднага суб’екта права — чалавека, рэальна свабоднага, не залежнага эканамічна ад дзяржавы. Нарастае працэс палітычнай фрагментацыі грамадства, так як у ім яшчэ не склаўся кансэнсус адносна агульных для ўсіх каштоўнасцей.

Тут мы ад права перайшлі да правоў. Правоў чалавека, індывіда і правоў нацыі, народа.

Як яны суадносяцца, у якой дыялектычнай сувязі знаходзяцца? Супрацьстаяць, узаемавыключаюць ці дапаўняюць, узаемаабумоўліваюць адно другое?

Прыгадваю, што калі колькі гадоў таму на старонках газеты “Літаратура і мастацтва” (я быў тады яе галоўным рэдактарам) сталі з’яўляцца словы “беларушчына”, “беларуская мова і культура”, “нацыянальна-культурнае адраджэнне” — на адрас рэдакцыі пайшлі, побач з галасамі ўхвалы і падтрымкі, заявы-пратэсты: маўляў, пра што,

пра якія правы вы пішыце? Што можа быць лепш і вышэй, чым “паслядоўны, вытрыманы інтэрнацыяналізм”? Усеагульнай дэкларацыяй правоў чалавека нас тады яшчэ не папікалі, бо з ёй мала хто быў знаёмы. (У канцы 1989 года рэдакцыя праводзіла “круглы стол” на тэму “Перабудова і правы чалавека”, і адзін з удзельнікаў дыскусіі, сённяшні прэтэндэнт на пасаду прэзідэнта Станіслаў Шушкевіч прызнаўся, што тры дні шукалі ва ўніверсітэцкай бібліятэцы гэтую Дэкларацыю). Пазней, пасля прыняцця Дэкларацыі аб Дзяржаўным суверэнітэце — акта, які абвясчаў Беларусь “паўнапраўным і незалежным членам сусветнага супольніцтва”, дэклараваў яе дзяржаўны суверэнітэт “як вяршэнства, самастойнасць і паўнату дзяржаўнай улады рэспублікі ў межах яе тэрыторыі” і зазначыў, што “Рэспубліка Беларусь ахоўвае і абараняе нацыянальную дзяржаўнасць беларускага народа”, — літаральна праз дзень-другі пасля гэтай падзеі з’явіліся водгукі, дзе прагучала адмоўная рэакцыя на “нацыянальную дзяржаўнасць”, на імкненне беларусаў “заяць свой пасады між народамі”, праводзіўся тэзіс наконт таго, што, маўляў, правам нацыі аддаецца перавага перад правамі чалавека, парушаюцца міжнародныя акты аб правах чалавека і грамадзяніна. Далей — болей. У ход пайшлі (прадаўжаюць ісці і па сённяшні дзень у друку пэўнай арыентацыі) абвінавачанні-ярлыкi: “нацыянал-дэмакраты”, “нацыянал-дзяржаўнікі”, “этна-радыкалы”, ну і, вядома, “нацыяналісты”.

Правы чалавека тут, як бачым, супрацьпастаўляюцца правам нацыі, канцэпцыя апошніх кваліфікуецца як нацыяналізм і як сродак усталявання таталітарызма і дыскрымінацыі неад’емных правоў індывіда. Супрацьпастаўленне яўна надуманае. І безпадстаўнае, неправамернае з пункту гледжання міжнароднага гуманітарнага права, на якое дарэчы і недарэчы спасылаюцца змагары з “нацыянал-радыкалізмам”. Так, напрыклад, артыкул першы прынятых міжнародным супольніцтвам у 1966 годзе Пакта аб грамадзянскіх і палітычных правах і Пакта аб эканамічных, сацыяльных і культурных правах адназначна гаворыць: “Усе народы маюць права на самавызначэнне. Паводле гэтага права яны свабодна ўстанаўліваюць свой палітычны статус і свабодна забяспечваюць сваё эканамічнае, сацыяльнае і культурнае развіццё”. З такога ж адпраўнога пасылу зыходзіць і “Усеагульная дэкларацыя правоў народаў” (Алжыр, 1976 г.): “Усе народы маюць права на павагу сваёй нацыянальнай і культурнай ідэнтычнасці... Усе народы маюць неад’емнае і неадчужальнае права на самавызначэнне. Яны вызначаюць свой палітычны статус абсалютна свабодна, без усялякага вонкавага замежнага ўмяшання”.

Такім чынам, аўтары агульнапрызнаных прававых дакументаў не супрацьпастаўляюць адну катэгорыю правоў другой, а, наадварот, разглядаюць іх у сукупнасці, ва ўзаемасувязі. Відавочна, што яны зыходзяць з таго, што правы чалавека, як і сам чалавек, ёсць катэгорыя грамадская, яна не існуе па-за тым або іншым грамадствам. Значыць, для таго, каб гэтыя правы захоўваліся і рабіліся рэальнасцю, само

грамадства, сам народ, да якога гэты чалавек належыць, павінны валодаць сваімі, уласцівымі ім, замацаванымі і прызнанымі з боку іншых народаў і іх устаноў (у тым ліку дзяржавы) правамі.

Далей. Наогул, ці існуюць правы чалавека ў адрыве ад правоў нацыі? Права нацыі на самавызначэнне, існаванне і свабоднае развіццё, як і права чалавека на жыццё, свабоду, уласнасць і супраціўленне насіллю, маюць натуральнае паходжанне. Яны, гэтыя правы, ўзаемаабумоўлены і таму сацыяльна несупрацьпаставімыя. Прырода не ведае чалавека безнацыянальнага. Той жа Бердзьеў сцвярджаў: “Чалавек уваходзіць у чалавецтва праз нацыянальную індывідуальнасць, як нацыянальны чалавек, а не абстрактны, як рускі, француз, немец ці англічанін”. “Чалавек — пісаў далей філосаф, — не можа праскочыць праз цэлую ступень быцця, ад гэтага ён збяднеў бы і апусцеў бы”.

Чалавек — мера ўсіх рэчаў, як казалі старажытныя, сэнс і цэнтр прыцягнення ўсіх грамадскіх адносін. Як носьбіт уласціvasцей і вартасцей сваёй нацыі ён мімаволі выступае ў ролі сувязнога ў міжнацыянальных дачыненнях. Бо правы чалавека ўключаюць таксама натуральнае права на родную мову, культуру, традыцыі, на этнічную саматоеснасць (саматождественность).

Нацыянальная годнасць — пачуццё свабоднага чалавека, бо адчувальная перш за ўсё ў дачыненнях і параўнанні з годнасцю роўных па правах людзей другой нацыянальнасці. Правы чалавека заўсёды знаходзяцца пад пагрозай ва ўмовах несвабоды любой нацыі: як той, з якой ён звязаны фактам свайго нараджэння і станаўлення, так і той, з прадстаўнікамі якой у яго адбываецца пастаяннае сумоўе.

Павага правоў нацый ёсць фактар, які сцвярджае правы чалавека.

Доказ — ад зваротнага: сумны вопыт вялікага сталінскага тэрора паказаў, што вайна супраць правоў асобы ўрэшце рэшт прыводзіць да вайны супраць правоў народа (нават у літаральным сэнсе слова, калі мець на ўвазе практыку дэпартацыі цэлых народаў).

У заключэнне звярну ўвагу на яшчэ адзін аспект праблемы, закрануты ва ўпамнутым вышэй інтэрв’ю Васіля Быкава. “Мабыць, гэта вельмі зманліва — паставіць правы чалавека над правамі дзяржавы, тым больш таталітарнай ці посттаталітарнай дзяржавы, — гаворыць пісьменнік-патрыёт, адзін з духоўных лідэраў новай, незалежнай Беларусі. — Але тут адразу выяўляюцца непераадольныя складанасці. Праблема гэтая ў наш час, у канкрэтных умовах нашага далёкага ад дэмакратыі грамадства набывае новы, нечаканы, нярэдка спекулятыўны сэнс. Як у краінах Балтыі, барацьба з незалежнасцю, якая так доўга і зацята вядзецца, як ні дзіўна, менавіта з пазіцыі прыарытэту правоў чалавека. Мабыць ёсць у гэтай парадыме штось метафізічна недасканалае, калі яе магчыма выкарыстаць у напрамку, супрацьлеглым таму, які дэкларуецца”. “Не, мусіць, пакуль нацыя бяспраўная, — працягвае далей Васіль Быкаў, — пакуль яна стаіць на каленях перад чужой сілай, нельга забяспечыць ніякі парытэт правоў ні яе самой, ні тым больш яе грамадзян. Усе яны аднолькава будуць бяспраўныя”.

Цяжка не пагадзіцца з гэтым наколькі суровым, настолькі і слушным вывадам. І нельга не прызнаць той відавочнай ісціны, што гарантыі абароны і рэалізацыі правоў кожнага з нас звязаны ў немалой ступені з нашым нацыянальна-дзяржаўным адраджэннем, з пабудовай незалежнай, дэмакратычнай, прававой дзяржавы — Рэспублікі Беларусь. Так, лес складаюць дрэвы. Але калі добра лесу, то добра і кожнаму асобнаму дрэву.

Корнелиус Плателіс

ПУТЬ В ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО: ОПЫТ ЛИТВЫ

Когда я говорю о личности и нации на международных встречах, меня не покидает чувство, что в некотором смысле я касаюсь старомодной темы. Верно, что в современном мире у этих определений не одно значение, и вокруг них существовали предубеждения. Слова “нация” и “национализм” особенно после II мировой войны были дополнены новыми отрицательными значениями с обеих сторон, разделенных в мире железным занавесом. Любопытно то, что обеим сторонам эта отрицательность была неясной, она определялась разницей между разговором и смыслом или разным подходом к сознательности. Мы, я имею в виду такие нации, как Балтийская и Белорусская, жили на периферии мира, выслушивая восточные и западные речи по этому поводу и понимая их по-своему.

Литовцы тоже погружались в молчаливую (бессловесную) идеологию Советского интернационализма, которая осуждала все виды национализма, кроме странно скроенного русского. Мы жили с духом неприятия чуждой нам тоталитарной системы. Этот дух нуждался в поддержке и подоплеке, и мы нашли его в довольно абстрактном понятии (концепции) нации со своей историей и унаследованными представлениями. Абстрактном, потому что в мыслях мы не связывали ее ни с какими малыми сообществами, т. е. реальные люди вокруг нас, как все сообщества, были упразднены, кроме различных бессмысленных и уродливых советских организаций. Это была ситуация, в которой сформировалось наше понимание нации. Поэтому, когда начался освободительный процесс советского общества, мы связывали освобождение личности с освобождением нации и думали, что с возрождением нашего независимого, демократического государства решатся все наши проблемы. На Западе на наши шаги смотрели с подозрением и волнением. И, как показали события в бывшей Югославии, на Кавказе, в Средней Азии, такое отношение не являлось беспочвенным.

Но наш (я имею в виду людей из интеллигентных кругов, которых знаю) национализм был другим. Мы, или некоторые из нас, все еще видим определенную ценность в отношении нации как таковой. Мы находим эту ценность в культуре и языке, и мы осознаем их важность не только для самих себя, но также для всего мира. Я думаю, это ясно людям, имеющим дело с литературой, в первую очередь писателям. Потому что писатели чаще из опыта знают, что язык — это не только средство общения, но сам мир. И он (язык) создан не только для них, чтобы создавать литературные произведения, но это что-то более значительное и ценное. Мы стараемся создать свои собственные цивилизации в мире языка, но никогда не стремимся завоевывать все. Каждое выражение ограничено и каждая попытка сделать один из языков универсальным обедняет его. Потому что у языков есть свои ограниченные территории, где их традиции глубоки и живы. Нация — это территория. Наше желание добиться большей публики — это желание из совершенно другой области интересов. Потому что писатель прежде всего говорит сам с собой, с миром, который находится внутри него и состоит из его собственного языка и культуры.

Такое гуманное понимание ценности нации довольно романтично и лично. Такое отношение не имеет ничего общего с коллективной мезьей и другими агрессивными действиями, которые определяют негативную сторону “национализма” в современном мире. С другой стороны, очевидно, что нация должна создавать свое собственное государство для того, чтобы сохранить культуру и индивидуальность. И здесь возникает вопрос: какое государство?

Каждый из нас знает ответ: цивилизованное демократическое государство с открытым обществом свободных людей (или что-то в этом роде). Но очень немногие из нас знают путь к такому государству, у немногих есть терпение двигаться к нему так медленно, потому что на пути встречаются пороги. И первый порог — это наше абстрактное отношение к нации, о котором я упомянул выше. Может, это звучит странно, но в моем понимании путь в открытое общество начинается с чувства сообщества, со способности обсуждать наши ежедневные проблемы со своим соседом, и осуществлять самоуправление (местное или в рамках нации) вместе с ним. Нация слишком далека от личности, слишком разнообразна и часто слишком разочаровывающа. Если человек не может общаться с реальными людьми и если он знаком только с абстрактными идеями, которые слышит по ТВ, то его легко напугать нацией, которая преподносится таким образом. Такое случилось с некоторыми интеллигентами в Литве. По-моему, такое неумение общаться разумным образом — один из многих аспектов нашего посттоталитарного сознания.

Конечно, сознание посттоталитарного общества развивается или, по крайней мере, изменяется. Это легко можно заметить, сравнивая наши политические выступления за последние 5 лет, которые вы могли найти в прессе, услышать на митингах и даже в парламенте. В начале

освободительных движений тексты обычно очень эмоциональны, даже гениальны с большой порцией ненависти. Это время, когда большинство ваших слушателей не готовы слышать что-либо еще от вас. Нация в процессе освобождения принимает общую идеологию и требует определенной верности от своих членов. Некоторые напуганы этими требованиями, даже если эти требования реально не описаны, а звучат только в их подсознании. Не говоря уже о людях других национальностей, живущих в этой стране.

Я думаю, это не большая трагедия. В этом иррационализме есть определенная мудрость. В каждом моменте есть истина. И люди, которые могут понимать настоящую ситуацию более глубоко, например, интеллигенция, должны чувствовать эту истину. Это значит, что они должны писать с чувством уважения к ней, без высокомерия своей собственной правды, и настойчиво пытаться рационализировать общественные разговоры (т. е. в разговорах находить рациональное зерно). Это очень важно, и многое зависит от интеллигенции, которая постоянно выражает недовольство своим незначительным влиянием на общество. Потому что, как мне кажется, невозможно создать гражданское общество без разумного общения. Наша жизнь все еще эмоциональна и полна абсурдов из-за непонимания. Потребуется время, чтобы рационализировать наши отношения. Довольно долгое время настойчивых усилий.

Но одно, я верю, ясно: мы не можем добиться успеха в создании открытого общества, принуждая кого бы то ни было: личность или нацию. Мы вынуждены пройти через их самоопределение и также через гарантии прав человека для них обеих. И только тогда личная и национальная напряженность исчезнут, и рано или поздно каждый поймет, что достаточно пожил в закрытой зоне. Каждое общество и, в первую очередь, личность нуждается в нормальной человеческой жизни, и только часть людей хочет сперва удержать свои идеи. Открытое общество дает возможность каждому осуществить свои желания и никому не позволяет навязывать свои идеи и ценности другим.

Юрий Суровцев

ПРИВЫЧНЫЕ ПОНЯТИЯ? ТЕМ БОЛЕЕ — ДАВАЙТЕ УТОЧНИМ ИХ...

“Права человека”, “права наций”, “право народа на самоопределение”...согласимся, словосочетания эти с давних пор нам знакомы и привычны, они, как говорится, у всех на слуху, а ныне звучат с экранов ТВ, мелькают в прессе, возбуждая публицистические страсти

с особой интенсивностью. В сущности и наша встреча — о них, главным образом, как я полагаю, о самоопределении наций сегодня, в “пост-тоталитарном” политическом пространстве. Самое время вспомнить совет, который любил давать Декарт, особенно спорящим: определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины заблуждений.

Такого оптимума, как показала история, люди не добились, но для проведения дискуссий совет полезный...

1. Прежде всего: что значит это определение — “посттоталитарный”? Собственного содержания оно не имеет. Просто указывает на рубеж во времени — когда распался Советский Союз, централизованно управляющийся партийно-государственной элитой, когда исчезла сама КПСС, эта нервная система, всепроникающая нервная система огромного унитарно-многонационального государства, когда вместо республик — “частей целого” — возникли новые государства, что важно не упустить из виду, тоже разнонациональные по составу населения. Переход каждого из них от своего прошлого состояния республики — “части” к суверенности происходил и происходит по своему, в зависимости от неодинаковых объективно-исторических и злободневно-политических контекстов, и уже потому “права нации” — на самоопределение в первую очередь — понимаются неодинаково. Сегодня мы видим достаточно широкий спектр форм государственного устройства и национально-государственных идеологий, не говоря уже о разнообразии движений и партий, где “национальная идея” предстает в различных видах и типах: есть и этнократические, с доминированием “титულიной” нации, есть и старые, “советские”, “номенклатурные”.

2. Впрочем, везде и всюду на пространствах бывшего СССР, в бывших его “частях”-республиках, ныне суверенных государствах СНГ и Балтии, содержание понятия “права человека” толкуется достаточно однозначно — в этом видят официальный знак приобщенности новых государств к мировому цивилизованному сообществу, стремящемуся жить по нормам ООН, по духу и букве принятой в 1948 году “Всеобщей декларации прав человека”. Все тридцать статей этого основополагающего документа цивилизованного человечества, демократии XX века доказали свою актуальность и в “посттоталитарное” наше время. Увы, это не значит, что права и свободы человека в наше время везде и всюду соблюдаются де факто, но важно подчеркнуть “всеобщее понимание характера этих прав и свобод”, их принципиально однозначное толкование, как не зависящих от чего-либо, вне их самих существующего; права и свободы человека самодостаточны, — разумеется, там, где действуют, или пусть даже только декларируются (в конституциях и иных основных законах страны) государственность, не ставящая себя вне мирового цивилизованного сообщества. Права человека не зависимы, помимо прочего, и от разных толкований “прав нации”; в осуществлении прав и свобод человека “не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек

принадлежит..." Над правами человека не могут (не должны по нормам сегодняшнего международного права) превалировать права нации; ни первые по отношению ко вторым, ни, тем более, вторые по отношению к первым не являются "первичными", они предполагаются в неодинаковых плоскостях — но естественно пересекающихся. И важное добавление, уточнение: по степени реального осуществления прав человека можно судить о демократичности, цивилизованности развития наций, а, стало быть, и о степени демократизма в понимании ее прав.

3. В каком смысле я употребляю здесь понятие "нация"?.. В этнографии, и не с 1913 года, когда Сталин написал статью "Марксизм и национальный вопрос", а значительно раньше, эдак с Гердера и Вико, термин "нация" (народ) обозначал тот или иной этнос, определенную, высокоразвитую форму его, количественно большую этнически однородную структуру. В государственно-правовом — "ооновском" — толковании "нация" — это, собственно, вне этнической плоскости рассмотрения употребляемое понятие, это то, что не этнос, это "нация-государство", "нация-согражданство". Во "Всеобщей декларации прав человека" понятие как бы еще двоятся; в "Пакте о гражданских и политических правах" (они уже и определенной по сферам своего бытия, чем права человека, — понятие более широкое), принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, "народ" — это население граждан данной страны, обладающего правом на самоопределение в плане политического и социального устройства своей жизни, своего экономического, культурного, конфессионального и пр. развития; оно относилось и к нациям, как теперь говорят, титульным, и к граждански организованным этническим меньшинствам внутри полиэтнического по населению государства. Такое понимание наций как "нации-согражданства" ныне все чаще употребляют и наши этно... насколько лет назад говорили... графы, теперь говорят — этнологи.

Правовое, политологическое понимание термина, вполне закономерное и даже снимающее некоторые несообразности, что были присущи "марксистской", то бишь, сталинской формуле нации, тем не менее, не должно отменять, на мой взгляд, собственно этнического его смысла и этнологического контекста его, этого термина, применения; иначе возникнут, уже возникают новые несообразности.

Во всяком случае здесь термин "нация" употребляется в смысле "народ-этнос", и вопрос о его самоопределении берется как вопрос о самоопределении того или иного этноса.

4. Итак, о самоопределении, право на которое имеют все народы-этноты: те, что обладали и обладают "своим" государством, равно как и те, что в бурях истории потеряли его, или не обладали им вообще; "титульные" нации-этноты и "меньшинства", пусть их численность составляет в иных государствах чуть ли не половину населения; числом и территориальными площадями расселения большие народы — и малые; проживающие компактно или рассеянно, и т. д., и т. п. Право на самоопределение каждого этноса — международно-правовая

норма. Но ясно, что реальный характер и реальные цели самоопределения каждого зависят от многих — как перечисленных, так и не перечисленных — факторов и обстоятельств. Ясно, например, что особый характер приобретает **продолжающееся** и после провозглашения независимости самоопределение “титульного” этноса, скажем, белорусов, в силу чего возникает ряд проблем, не сходных с теми, что возникают в жизни этносов-меньшинств в данном государстве (ну, скажем, поляков или латышей в Республике Беларусь).

Если иметь в виду продолжающееся белорусское возрождение-самоопределение, то речь следует вести о новой “белоруссизации” (первую тоталитаризм-сталинизм с его всеудо-интернационалистским фасадом, задавил в 20-30 годы), — “белоруссизации” многосторонней, как понятия, в котором **интегрируются** и подлинная национально-демократическая суверенность, и ее хозяйственная, внешнеполитическая и культурная самостоятельность, “идентичность” и бытие самого белорусского языка, который будучи объявленным государственным, не перестал нуждаться в умной поддержке, равно как и само белорусское национальное самосознание: оно пробудилось, оно уже не “заснет”, хотя темп его роста и подъема удовлетворяет не всех. Да и то сказать: как в историческом опыте этноса, так и в современных противодествиях его самостоятельному развитию, более крутому подъему очень многое мешает. Ну, и усилия определенных “неоимперских” сил из “братской” России по возвращению Беларуси в разряд “частей единого целого” не прекращаются до сих пор...

5. Выдерживая тезисный стиль своего выступления, попробую обозначить (просто обозначить с указанием на примеры, которые тоже только назову) некоторые типы самоопределения этносов, обусловленные их объективными характеристиками и современной политической ситуацией, в которой они находятся;

а) самоопределение политическо-государственное (образование суверенных государств на месте прежних союзных республик СССР — пример наиболее ясный и бесспорный; такого же самоопределения добиваются некоторые титульные этносы бывших автономий быв. РСФСР — договор между нынешней РФ и Республикой Татарстан, легитимность которого подвергают сомнению определенные круги в России, тем не менее, пример возможного решения вопроса о данном типе самоопределения; следует подчеркнуть при этом, что этот тип самоопределения предполагает **федеративную** форму организации государства, в котором есть этнически определенная и желающая самоопределиваться — **внутри** федерации — территория: вне этого условия неизбежны конфликты, что и показывает сегодняшний опыт Молдовы с т. н. Приднестровской республикой и Украины с Крымом);

б) **административное самоуправление** определенного этноса-“меньшинства”, часто также субэтноса (казачество и казацьи по преимуществу районы в России, например); условия безболезненного разрешения такого рода вопроса — естественно, при согласии на

самоуправление со стороны общегосударственных органов (ср. лояльное отношение к созданию польского района в Литве и нелояльное — к “русским” районам в сев.-вост. Эстонии) — компактное проживание и большинство данного этноса на данной территории; данным этносом (тем не менее приходится признать, что опыт бесконфликтного решения почти сегодня не накоплен, конфликтными остаются ситуации и в районах Сев. Кавказа, и с крымскими татарами в Крыму, и с российскими немцами в Поволжье, и в “русских” районах сев. Казахстана);

в) культурная автономия как форма самоопределения этноса “меньшинства”, формат универсального порядка (и в отношении компактных и рассеянных этносов; больших и малочисленных; имеющих в других государствах своих соотечественников, и не имеющих...); эту форму самоопределения сейчас и в научной литературе, и в публицистике, а отчасти уже и де факто, в жизни (например, этнические землячества) реабилитируют повсюду, на удивление легко отказавшись от “марксистско-ленинской” (читай: сталинистской) ортодоксии, неприятия культурно-национальной автономии; “ее характерная черта, — справедливо обобщает исследователь особенности, присущие всем видам этого типа этнического самоопределения, — создание вертикальных (и лишь частично территориально ориентированных) структур, с помощью которых могут быть реализованы и стимулированы специфически языковые и культурные потребности национальной (этнической) общности”.

Сложность вопроса — какое государство, помимо частных средств, спонсорства и т. п. обязано поддерживать нормальное функционирование культурной автономии: то, где эта автономия осуществляется, или то, соседнее, где этнос, о котором ведется речь, является титульным? Существующая практика дает примеры разного отношения государства, где живет, которому “принадлежит” (по формуле “Всеобщей декларации прав человека”) этническое меньшинство, к его, этого меньшинства, культурным нуждам: от поддержки, официально и на деле, до нескрываемой дискриминации. Увы, сегодняшний день не дает или почти не дает примеров реальной материальной поддержки землячеств, культурных обществ, нацшкол и пр. со стороны государства, где этнос, частью которого является его диаспора, выступает как титульная нация; не могу не признать, что упрек этот прежде всего и более всего, надо адресовать России, правительству которой сегодня столь много говорит о необходимости из всех сил помочь и поддержать русскую диаспору в странах “ближнего зарубежья”, но пока эта поддержка осуществляется, пусть не максимально, последовательно хотя бы, в сфере дипломатических усилий. — и только в этой сфере.

6. Радикал-сепаратистские идеи в быв. автономиях иногда используют сегодня тезис старого большевизма о “праве на самоопределение вплоть до отделения”, точнее сказать, “выделения” из федерации, — прежде всего в РФ. В ответ да и по собственной инициативе иные

русские “патриоты”-идеологи и публицисты толкуют как право на самоопределение русского этноса, создание некоей особой — не российско-федеральной и в противовес ей! — русской государственности, особой Русской республики. Идея, на мой взгляд, настолько химерическая в многонациональной, полиэтнической РФ, насколько и реакционная, противоречащая всему историческому опыту, судьбам народов данного “евразийского” пространства. К тому же и очень опасная; осуществление ее в любой форме привело бы к неизбежному распаду и хаосу, неравноправию граждан по национальной принадлежности, попранию прав человека, к смуте и крови! Современное самоопределение русского этноса более, чем какого-либо другого, невозможно на путях изоляционизма!

7. Многосторонняя проблематика взаимоотношений современной России с государствами, возникшими на пространствах быв. СССР, включающая в себя и близкий нашей дискуссии “русский вопрос вне РФ”, составляет все же особый предмет. Задеть его здесь возможно только по касательной. Отмечу лишь момент, имеющий отношение и к моей теме и часто в сегодняшних дискуссиях и спорах упускаемый из виду определенного толка русскими публицистами и политиками: некоего единого “русского вопроса”, одинакового для всех сопредельных с Россией стран, — попросту нет. И потому ключи решения его различны; общим же является правило поисков решения только на путях двухстороннего согласия, никак не односторонних нажимов, диктуемых самолюбиями, амбициями, — будь то амбициями России (мы, мол, сильней и больше всех!), будь это амбиции любого из ее контрагентов, неуступчивых во что бы то ни стало. Особо подчеркну: России как объективно великой державе, т. е. государству, действия которого, хочешь или не хочешь, приобретают глобальный, супер- и мега-региональный ареал воздействия и последствий, — требуются особенная, повышенная осторожность, осмотрительность в поступках, решениях и “словах” тоже, чтобы не усиливать старых опасений других государств и народов на свой счет (не на счет русских как народа-этноса: против такой руссофобии - решительно возражаем!) и не возбуждать новых у своих новых суверенных соседей; потому не превращать “русский вопрос вне РФ” в разменную карту в политических “играх”, что идет обычно во вред самим русским и т. н. русскоязычным в диаспоре,

— России именно как великой державе, подлинной, а не в сознании неоимперских “великодержавников”, не пристало проявлять ни внутри РФ, ни на ее границах “жандармскую” (лучше не скажешь!) подозрительность к различным видам и типам самоопределения народов; демократической России претит радикал-национализм, шовинизм любой нации, но не законное чувство и право свободы самоопределить любому этносу судьбу и путь жизни;

— как государству — постоянному члену Совета безопасности ООН России должна быть свойственна особая ответственность за

осуществление на деле (и у себя и, можно сказать, во всем мировом сообществе) равноправия народов-этносов и прав человека, которые выступают, еще раз скажем, как критерий цивилизованности и гуманности также и в межнациональных отношениях и конфликтах; полного осуществления прав русской диаспоры Россия должна добиваться мирными, несилowymi, международно признанными политическими средствами, исходя из этих позиций. И — неуклонно!..

Павел ЦЕРАШКОВІЧ

РЭГІЯНАЛІЗМ НА БЕЛАРУСІ: ЗАХОДНЕПАЛЕСКІ ("ЯЦВЯЖСКІ") ЭТНАПАЛІТЫЧНЫ ФЕНОМЕН

1. Вытокі праблемы.

Палессе — бадай што самы спецыфічны рэгіён Беларусі. Яго феномен абумоўлены шэрагам фактараў. Гэта і спецыфічныя прыродныя ўмовы, своеасаблівасць моўнай сітуацыі і, звязаная з ёй блытаніна ў вызначэнні этнічнай прыналежнасці карэннага насельніцтва, і, у рэшце рэшт, рэгіянальны палітычны рух. Без уліку ўсяго гэтага немагчыма пабудаваць адекватную культурную палітыку дзяржавы.

Вытокі этнапалітычнай праблемы на Палессі, з нашага пункту гледжання, палягаюць у тым, што адзінага падыхода да гэтага пытання ніколі не існавала ані ў саміх жыхароў рэгіёна, ані ў спецыялістаў — этнографіаў, лінгвістаў, дэмографіаў. Асноўныя тэндэнцыі вырашэння гэтага пытання склаліся яшчэ ў другой палове 19 — пачатку 20 ст. Спасылкі на крыніцы гэтага часу істотна ўплываюць на развіццё сучасных спрэчак па палескай праблеме, таму іх больш менш падрабязны аналіз прадстаўляецца дастаткова актуальным.

Адзначым, што значная колькасць даследчыкаў адносіла насельніцтва Берасцейскага, Кобрынскага і, часткова, пружанскага паветаў да ўкраінцаў. Падставай для такога меркавання было падабенства паляшчых дыялектаў да ўкраінскай мовы. Такога пункту гледжання прытрымліваліся вядомыя беларускія этнографы Я. Карскі, Е. Раманаў, гісторык М. Каяловіч, складальнікі этнаграфічных атласаў Р. Эркерт, А. Рыціх, і шэраг іншых. [1]

Падобную інфармацыю змяшчаюць і некаторыя статыстычныя крыніцы. Так, напрыклад, згодна з этнастатыстычным даследаваннем Гродзенскай губерні 1869 г. у Брэсцкім і Кобрынскім паветах украінцы складалі 51,3% і 69,5%, беларусы — 33,4% і 18% адпаведна. [2] Адна з найбольш грунтоўных статыстычных крыніцаў канца 19 ст. — Першы ўсеагульны перапіс Расійскай імперыі 1897 г. дае наступную карціну

рэгiёна: у Берасцейскім, Кобрынскім і Пружанскім паведах украiнцаў было 64,3%, 79,5% і 6,6%, беларусаў — 1,8%, 0,8% і 75,5%. У Пiнскім, Мазырскім і Рэчыцкiм паведах украiнцаў зафiксавана адпаведна 0,6%, 0,1% і 1,6%, беларусаў — 74,3%, 79,4% і 82,5%. [3] Заўважым iстотнае разыходжанне дадзеных 1869/г. і 1897 г., якое пры ўлiку змаруджанага характару развiцця этнiчных працэсаў у гэты перыяд, трэба тлумачыць недакладнасцю крытэрыяў вызначэння этнiчнай прыналежнасцi насельнiцтва. На карысць гэтай думкi сведчыць і тое, што згодна з перапiсам 1897 г. пераважная большасць жыхароў Пiнскага павета была аднесена да беларусаў, а блiзкiя iм па мове палешукi Кобрынскага і Берасцейскага — да ўкраiнцаў. Вiдаць па ўсяму, што тут спрацавала нейкая наўмысна закладзеная ў механiзм перапiсу ўстаноўка.

У той жа час шэраг даследчыкаў лiчыла, што пры ўсёй сваёй сваеасаблiвасцi заходнепалескае насельнiцтва больш блiзкi да беларусаў, чым да ўкраiнцаў. Такой думкi прытрымлiваўся Ю. Талька-Грынцэвiч, якi падкрэслiваў разам з тым, што антрапалагiчныя рысы дазваляюць вылучыць палешукоў у асобную групу. Аналагiчныя погляды, зыходзячы з этнаграфiчнага матэрыялу, выказвалi М. Доўнар-Запольскi, I. Эрэмiч і iнш. [4] А Е. Бялынцiкi-Бiруля ўвогуле лiчыў, што згодна з яго ўласнымi назiраннямi да беларусаў трэба адносіць не толькi жыхароў поўдня Гродзенскай губернi, але і насельнiцтва Ковельскага, Ровенскага, Луцкага, Оўручскага і Радамысльскага паведаў, а таксама — часткова Наваград-Валынскага і Жытомiрскага, сярод якiх захавалiся рэшткi “першапачатковай Крывiцка-Беларускай гаворкi”. [5]

Аб прыналежнасцi часткi жiхароў Берасцейскага, Кобрынскага і Пружанскага паведаў да беларускага этнаса сведчаць і некаторыя статыстычныя крынiцы. Так, напрыклад, згодна са звесткамi, змешчанымi ў “Обзоре Гродненской губернии за 1913 год” (Гродно, 1914) украiнцы ў Кобрынскім і Пружанскім паведах складалi не больш як 0,01% жыхароў і толькi ў Берасцейскім — 65,9% (беларусаў тут — 5,7%). Тыя ж крынiцы сведчаць, што з 1903 па 1913 г. практычна ўсе хлопцы, што прызывалiся ў войска з гэтага рэгiёна, пазначаны як беларусы. [6]

Разам з тым пэўнае кола даследчыкаў разглядала жыхароў Заходняга Палесся ў якасцi прадстаўнiкоў больш-менш самастойнай этнаграфiчнай і лiнгвiстычнай групы. Адным з першых гэта заўважыў вядомы этнограф П. Шпiлеўскi. ён свядома адрознiваў “палескую мову” ад беларускай і даволi дакладна вызначыў межы яе пашырэння: ад Бялай і Хелма на захадзе да Сiняўкi на паўночным усходзе, уключаючы Берасцейскi, Кобрынскi і Пiнскi паветы. Мяжа памiж палескай і беларускай гаворкамi, на яго думку, супадала з мяжой Мiнскай губернi. [7]

Каштоўныя звесткi аб этнiчным складзе насельнiцтва знаходзяцца ў так званых “Прыходскiх спісах”. [8] Гэтая крынiца адыгрывае асаблiвую ролю ў iдэалогii сучаснага заходнепалескага руху і палiтычных спекуляцыях вакол яго і заслугоўвае спецыяльнай увагi. Нярэдка яе памылкова лiчаць перапiсам. На самой справе — гэта

апытальныя лісты, якія ў 1857—1860 гг. былі распаўсюджаны па ініцыятыве вядомага дэмографа акадэміка П. Кепена. Анкеты, у якіх было толькі два пытаньня — аб колькасці насельніцтва (“якога племені”), павінны былі запаўняць прыходскія святары. Адсюль паходзіць і назва — “Прыходскія спісы”. Адсутнасць дакладна вызначанага спіса этнонімаў, па якому трэба было ідэнтыфікаваць жыхароў, стварала магчымасць фіксацыі мясцовых формаў самасвядомасці. Разам з тым анкеты маглі адлюстроўваць і ўласныя, чыста суб’ектыўныя погляды прыходскіх святароў, а не рэальнае становішча. Пры гэтым адрозніваць адно ад другога амаль што не магчыма.

Так, у межах Заходняга Палесся зафіксаваныя “славяна-русы” (магчыма, проста “русіны”, ці “рускія”), “літоўцы” (напэўна, “ліцвіны”), “беларусы”, “бужане” і “яцвягі”. Прадстаўленне аб колькасных суадносінах гэтых груп дае наступная табліца:

Этнічныя назвы	Паветы			
	Берасцейскі	Кобрынскі	Пружанскі	Пінскі
Беларусы	1205	2614	—	85280
Маларосы	31340	33136	30263	—
Русіны	24333	17731	307	—
Ліцвіны	7210	539	27610	5309
Бужане	4368	1095	—	—
Яцвягі	1616	22725	—	—
Палякі	5129	4599	6477	5137

Найбольшую цікавасць, зразумела, выклікаюць назвы “бужане” і “яцвягі”.

Што датычыцца першых, то гэта хутчэй за ўсё рэальна існаваўшае саманазванне жыхароў Пабужжа, аб чым сведчыць спроба картаграфавання, а таксама заўвага святара — складальніка анкеты з в. Зелавы Кобрынскага павета: “Па паходжанню свайму бужане, доказам чаму служыць месцазнаходжанне іх жыхарства”. [9]

Больш праблематычнай прадстаўляецца рэальнасць існавання ў сяр. 19 ст. яцвягаў. Апроч Берасцейскага і Кобрынскага паветаў, “Прыходскія спісы” зафіксавалі яцвягаў у Ваўкавыскім (Дабраволья, Клепча, Ляўшова — усяго 2843 чалавек) і Бельскім паветах (Стары Кронін і Чыжы — 3741 чал.). У Берасцейскім, Ваўкавыскім і Бельскім паветах яны ўтваралі адзіны арэал, змешчаны вакол Белавежскай пушчы. Насельніцтва яго, як сведчыў П. Шпілеўскі, складала “нейкае асобае племя, ці рускае, ці літоўскае, мова іх — сумесь старажытналітоўскай і рускай, адзенае — палескае”. [10] Магчыма, што менавіта гэта група захоўвала рэшткі яцвяжскай свядомасці, тым больш, што месца іх жыхарства супадае з арэалам рассялення старажытных яцвягаў.

Куды менш верагоднай прадстаўляецца магчымасць таго, што яцвягамі сябе ў той час магла лічыць большая частка насельніцтва Кобрына, Антопаля і г. д. У анкетах звычайна няма тлумачэнняў адносна яцвяжскага паходжання жыхароў. Але ў некаторых пакінуты наступныя запісы: "Жыхары славянскага племені, але, магчыма, ёсць прымесь старажытнага племені ядзвінгаў" (М. Антопаль), "беларусы, якія паходзяць ад племені ядзвінгаў і ячургаў" (в. Пыловіца), "усе прыхажане па казанню гісторыі г. Паўлішчава павінны паходзіць ад племені летаў і яцвягаў" (м. Дабраволя). У апошнім выпадку маецца на ўвазе падручнік М. Паўлішчава, у якім былі звесткі аб старажытных "яцвягах" і "ядзвінгах" — "народзе сармацкага паходжання, які жыў па Нараву і Бугу ў межах пазнейшага Падляся або Палесся". [11] Верагодна, што менавіта гэта праца паўплывала на погляды астатніх святароў. На карысць гэтай думкі сведчыць і тое, што апроч "Прыходскіх спісаў" іншых сведчанняў рэальнага існавання яцвягаў у сяр. 19 ст. няма. Больш таго, публікацыя вынікаў анкетавання па Беларусі і Украіне М. Лябедкіным выклікала недавер навуковай грамадскасці менавіта з прычыны ўжывання назваў старажытных плямёнаў. [12] Вядомы даследчык П. Баброўскі неаднаразова падкрэсліваў, што думкі аб існаванні яцвягаў у яго час — "грубая памылка", што "яцвягі цалкам зніклі". [13] Такім чынам, трэба адзначыць, што да "Прыходскіх спісаў", роўным чынам як і да сучасных спасылак, да іх трэба адносіцца з вялікай асцярожнасцю.

Разам з тым, заўважым, што сам П. Баброўскі прапаноўваў называць жыхароў Заходняга Палесся "палешукамі", "пінчукамі", "бужанамі" ("рушкамі") і падкрэсліваў, што мова іх ("каралеўская гаворка") значна адрозніваецца ад гаворкі маларасійскай, а тым больш — ад беларускай, але з той і другой мае шмат агульнага. [14] Падобныя думкі можна сустрэць і ў І. Зяленскага, які адзначаў, што "палісяне — жыхары Пінскага павета, не належаць ні да ўкраінцаў, ні да беларусаў, ні да чорнарусаў", і што мова іх — "пераход ад беларускай да валынскай гаворкі". [15] Палешукамі называў жыхароў Пінскага павета і А. Кіркор. [16] Трэба нагадаць і некаторыя іншыя, блізкія погляды. Так, напрыклад, П. Чубінскі адносіў палешуцкую гаворку да маларасійскай, разам з украінскай і чырвонарускай. ён адзначаў падабенства палешуцкай гаворкі да ўкраінскай у граматычных адносінах, але падкрэсліваў адрозненні фанетычныя як ад украінскай, так і ад чырвонарускай. [17] Т. Фларынскі лічыў "пінчукоў" беларусамі, хаця адзначаў, што па гаворцы яны бліжэй да маларосаў, а мову насельніцтва Берасцейскага, Кобрынскага і Пружанскага паветаў адносіў да падляшскай падгаворкі маларасійскай мовы. [18]

Стракатасць навуковых поглядаў у пэўнай ступені адлюстроўвала рэальную складанасць этнакультурнай сітуацыі. Працэсы кансалідацыі беларускай і ўкраінскай нацыяў у той час знаходзіліся ў пачатковай стадыі развіцця і практычна не закраналі насельніцтва Палесся, ізаляванае з прычыны спецыфічных прыродна-геаграфічных умоваў.

Да канца 19 ст. этнічная самасвядомасць жыхароў Заходняга Палесся вызначалася галоўным чынам лаальнымі формамі ментальнасці накшталт “гідуны”, “загародцы”, “столінцы”, “пінчукі”. У некаторых мясцовасцях ужывалася назва “палешукі”, яле яна не мела агульна-рэгіянальнага характару. На заходнім паўземежжы рэгіёна сустракаліся этнонімы “падлесяне”, “палесяне”, якія паходзілі ад тэрміна Поляссе (Подляссе, Падляшша). Усе гэтыя этнанімічныя формы адлюстроўвалі абшчынныя, валасныя, павятовыя і лакальна-рэгіянальныя ўзроўні самасвядомасці. [19]

У пачатку 20 ст. даволі выразна выявіліся тэндэнцыі арыентацыі інтэлігенцыі Заходняга Палесся на беларускі нацыянальна-вызваленчы рух. Аб гэтым сведчаць шматлікія карэспандэнцыі, якія дасылаліся з гэтага рэгіёна ў газету “Наша Ніва”. Так, толькі за 1908 г. у ёй было надрукавана 18 лістоў з Берасцейскага і Кобрынскага паветаў. Аўтары карэспандэнцый даволі дакладна ўсведамлялі адрозненні рэгіёна ад “чыстай Беларусі”, сведчылі, што “мова палешукоў бліжэй да ўкраінскай”. Аб захаванні лакальных саманазваў сведчылі і псеўданімы, якія выкарыстоўвалі аўтары лістоў — “палешук”, “пінчук”, “бужанін”. [20] Арыентацыя інтэлігенцыі Заходняга Палесся на беларускі нацыянальны рух была зусім невыпадковая. Згодна з матэрыяламі Перапісу 1897 г. у Берасцейскім і Кобрынскім паветах роднай мовай беларускую лічылі 9, 5% мясцовых чыноўнікаў і 11% настаўнікаў, у той час як удзельная вага беларускага насельніцтва ў гэтых паветах не перабольшвала ў сярэднім 1, 3%. [21]

2. Заходнепалескі этнапалітычны феномен.

Да другой паловы 19 — пачатку 20 ст. адносяцца першыя прыкметы зараджэння заходнепалескага руху. Найбольш значымі яго праявамі можна лічыць публікацыю палескага лементара ў 1907 г. і літаратурную творчасць на палескім дыялекце вядомага беларускага этнографа М. Янчука. [22] Факт публікацыі лементара пакуль што не з’яўляецца дастаткова даказаным, але, ва ўсялякім выпадку, відавочна, што ён не выклікаў колькі-небудзь значнага грамадскага рэзананса і быў падрыхтаваны адносна невялікім замкнёным колам людзей. Не зусім зразумелай застаецца і сацыяльны змест літаратурнай дзейнасці М. Янчука. Верагодна, што ў той час палескі рух, калі ён і існаваў на самой справе, не прыняў колькі-небудзь арганізаваных формаў. Даволі цяжка прасачыць у гэты перыяд і значныя праявы праўкраінскіх арыентацый заходнепалескага насельніцтва. Разам з тым, трэба адзначыць, што памкненні атаясамлення яго з украінскім этнасам пэўнымі коламі ўкраінскай інтэлігенцыі адносяцца яшчэ да сяр. 19 ст. [23]

У міжваенны перыяд кансалідацыя заходнепалескага і беларускага насельніцтва была змаруджаная з прычыны палітыкі кіраўнічых колаў Польшчы. У рэгіёне дзейнічалі адначасова як беларускія, так і украінскія культурна-асветныя арганізацыі. Відавочныя сведчання развіцця заходнепалескага руху ў 20—30-ыя гг. пакуль што не знойдзены. У пасляваенны час далучэнне Заходняга Палесся да БССР ва ўмовах

русифікацыі і крызіснага стану беларускай нацыі нарадзіла супярэчлівыя тэндэнцыі ў развіцці рэгіёну. З аднаго боку яго жыццары засвойвалі беларускую самасвядомасць (“Мы беларусы, таму што жывём на Беларусі, а мова наша мешаная — ёсць у ёй і ад украінскай, і ад беларускай, і ад рускай, і ад польскай”). З другога боку, уздзеянне беларускай культуры было абмежаванае. Дастаткова абмежаваным было, у параўнанні з іншымі рэгіёнамі, і ўздзеянне рускамоўнай культуры з прычыны нізкага ўзроўню ўрбанізацыі на Палессі. Гарадское насельніцтва тут, асабліва ў невялікіх гарадах, добра захавала традыцыйныя вясковыя структуры жыцця, абрады, мову і г. д.

Па меры фарміравання мясцовых кадраў у асяроддзі інтэлігенцыі пачала асэнсоўвацца магчымасць кансалідацыі насельніцтва ў асобны этнас. Першай значнай прайвай гэтай тэндэнцыі стала публікацыя вершаў на палескім дыялекце ў часопісе “Беларусь” у снежні 1985 г. Кароткі нацыянальны маніфест, змешчаны разам з вершамі, сведчыў аб тым, што асноўныя пастулаты паляшускай ідэі былі створаны раней, магчыма на мяжы 70—80-х гг. Ня выключана, што загадкавая знаходка “яцвяжскага” слоўніка ў Камянецкім раёне мае непасрэдныя адносіны да гэтых працэсаў.

Увогуле фармаванне заходнепалескага этнапалітычнага руху — з’ява цалкам заканамерная. У 60—70 гг. у грамадскай свядомасці і, асабліва, у свядомасці інтэлектуальнай эліты эканамічна развітых краінаў адбыліся істотныя зрухі: адмаўленне ад сацыяльнага ўтапізму, пераход на пазіцыі некансерватызму і традыцыяналізму. Рэабілітацыя этнічнай спадчыны кожнага народу садзейнічала экалагізацыі свядомасці. Вынікам гэтага стала ўзмацненне нацыянальных рухаў так званых “малых народаў” Заходняй Еўропы (правансальскага, каталанскага, валійскага і г. д.), а таксама — этнакультурны рэгіяналізм. Прыкметы апошняга — літаратурная творчасць на дыялектах у Італіі, стварэнне кашубскай радыёстанцыі ў Польшчы, русінскі і гуцульскі рухі на Украіне, латгальскае адраджэнне ў Латвіі, публікацыі на жамойцкім дыялекце ў Літве, спробы стварэння дыгорскай літаратуры ў Асеціі. У Германіі і Японіі прынята адпаведнае заканадаўства, прызванае забяспечваць захаванне рэгіянальных асаблівасцей культуры. Менавіта ў гэтым кантэксце трэба разглядаць феномен заходнепалескага руху на Беларусі.

Разам са стварэннем аб’яднання “Паліссе” (красавік 1988 г.) і руху “Суйдінне” (красавік 1989 г.) адбывалася далейшая распрацоўка і канкрэтызацыя асноўных пастулатаў заходнепалескай ідэалогіі. На думку лідэраў, тэрыторыя этнічнага Палесся ахоплівае частку Беларусі, Украіны і Усходняй Польшчы. Пры гэтым сумненне выклікаюць не толькі памеры рэгіёну, але і разуменне яго ў якасці этнічнага. Імкненне максімальна дыстанцыраваць сябе ад беларускага і ўкраінскага этнасаў выяўляецца ў намаганнях замацаваць на ўзроўні масавай свядомасці новы этнонім “яцвягі” і назву рэгіёна “Етвызь”. Пры гэтым старажытных яцвягаў разглядаюць як продкаў сучасных палешукоў. Гэты тэзіс

выглядае таксама даволі сумнеўным: арэал рассялення яцвягаў у 9—13 ст. толькі часткова супадае з сучаснай тэрыторыяй Палесся.

Аналагічная тэндэнцыя прасочваецца і ў працэсе кадыфікацыі палескага дыялекта. Яна выяўляецца ў падкрэсленым пурызме, увядзенні вялікай колькасці новатвораў, каб максімальна адасобіць новую літаратурную мову ад беларускай і іншых усходнеславянскіх. Распрацаваны этнацэнтрычны варыянт гісторыі Палесся як гісторыі палескага народу. Ён заснаваны на дастаткова адвольным трактаванні гісторыі, што павінна стымуляваць абуджэнне нацыянальнай самасвядомасці. Часам друкуюцца матэрыялы, мэта якіх — зацвердзіць этнічную і антрапалагічную выключнасць “яцвягаў”. Сцвярджаецца, напрыклад, што палешукі — апошняя на Усходзе Эўропы група “чыстага” еўрапейскага насельніцтва, якое асобна стаіць паміж балтамі, усходнімі і заходнімі славянамі.

У гісторыі “яцвяжскага” руху прасочваецца шэраг супярэчлівых тэндэнцый. На першы погляд, здаецца, што гэта дынамічная сацыяльная з’ява. Ад першай публікацыі на палескім дыялекце да стварэння арганізацыйных структур прайшло ўсяго 2, 5 года. У 1987—1988 гг. публікацыі на палескую тэму змяшчаліся ў газетах “Чырвоная змена”, “Голас радзімы”, у 1989 г. з’яўляюцца беспэрсэнзурныя выданні: “Баласы Палісся”, “Збудінне”. У траўні 1989 г. было праклямавана стварэнне палітычнай арганізацыі “Суйдінне за одродінне Етвызі”, у красавіку 1990 г. праведзена навукова-практычная канферэнцыя па праблемах Заходняга Палесся, у канцы таго ж году пастаўлена пытанне аб стварэнні Яцвяжскай нацыянальнай партыі.

Разам з тым, яцвяжскія ідэі пакуль што знаходзяць падтрымку сярод адносна нешматлікага кола інтэлігенцыі. Колькасць прыхільнікаў руху па розных ацэнках вагаецца ад 200—300 да 600 чалавек, актывістаў — некалькі дзесяткаў. Аб’яднанне “Паліссе” так і засталася адзінай рэальна існуючай яцвяжскай арганізацыйнай структурай.

Супярэчліvasць руху выяўляецца яшчэ і ў тым, што ён хутка пераўтварыўся з культурна-асветніцкага ў палітычны. Пры гэтым палітычная лінія руху выглядае надзвычай непааслядоўнай. Гэта тычыцца і ідэалагічнай накіраванасці (ваганні паміж дэмакратычнай і кансерватыўна-таталітарнай плынямі) і пытання аб будучым статусе рэгіёна. У розныя часы вылучаліся патрабаванні самага рознага ўзроўню нацыянальнай аўтаноміі: ад культурна-нацыянальнай да тэрытарыяльнай і дзяржаўнай. Відавочна, што ўзровень групавой кансалідацыі палескага насельніцтва далёка не адпавядае гэтым патрабаванням. А ступень кадыфікаванасці палескай мовы, напрыклад, не дазваляе ёй сёння выконваць ролю дзяржаўнай, або мовы навучання. Рэальны стан рэчаў у развіцці этнапалітычных і этнакультурных працэсаў на Палессі дазваляе высвятліць сацыялагічнае даследванне.

3. Палескі рэгіяналізм у святле сацыялогіі.

Сацыялагічнае даследванне, праведзенае ў жніўні-кастрычніку 1993 г. Беларускамі інстытутам праблем культуры, істотна ўдакладняе

ўяўленні аб этнічнай самасвядомасці, этнакультурных і этналінгвістычных арыентацыях насельніцтва Палесся.

Даследванне было задумана такім чынам, каб высветліць суадносіны афіцыйнай (пашпартнай) прыналежнасці і рэальнай самасвядомасці жыхароў Палесся, прасачыць межы пашырэння і ступень актыўнасці агульнанацыянальнай (“беларускай”), рэгіянальнай (“палескай”), лакальнай (адміністрацыйна-тэрытарыяльнай) і мікралакальнай (вяскова-абшчыннай) самасвядомасці.

З 1568 апытаных па пашпарту аказалася 94,4% беларусаў, 3,0% рускіх, 1,8% украінцаў, 0,7% палякаў, 0,1% прадстаўнікоў іншых этнасаў. Гэта прыкладна адпавядае этнічнай структуры насельніцтва Палесся.

Аналіз вынікаў даследвання дазваляе сцвярджаць, што дамінуючай формай этнічнай ментальнасці з’яўляецца агульнанацыянальная свядомасць (“беларусы”). Беларусамі сябе лічаць 89,7% усіх рэспандэнтаў, або 95,0% “пашпартных” беларусаў. “Свядомых” рускіх крыху болей, чым “пашпартных” (адпаведна 3,1% і 3,0%), а ўкраінцаў (адпаведна 1,3% і 1,8%) і палякаў (0,6% і 0,7%) — наадварот, менш. Сярод “нетытульных” формаў самасвядомасці зафіксааны “палешукі” (4,1% апытаных) і “яцвягі” (0,06% — 1 (адзін) чалавек!). Трэба адзначыць, што разыходжанне рэальнай самасвядомасці і пашпартнай прыналежнасці характэрна, перш за ўсё, для Заходняга Палесся. Ва ўсходнім Палессі (Гомельская вобл.) “свядомых” беларусаў крыху болей, чым пашпартных (93,4% і 93,1% адпаведна), а ў Заходнім Палессі (Берасцейская вобл.) — наадварот (87,1% і 95,3%).

Трэба канстатаваць, што “палеская” самасвядомасць, як агульна-рэгіянальная форма, адсутнічае. Большасць выпадкаў атаясамлення рэспандэнтамі сябе з “палешукамі” прыпадае на Лунінецкі, Пінскі і Столінскі раёны (68,2% ўсіх апытаных “палешукоў”), у той час як рэспандэнты з гэтых раёнаў складаюць толькі 26,2% ад выбарачнай сукупнасці. На астатняй тэрыторыі “палешукамі” лічаць сябе адзінкі, а ў некаторых раёнах яны ўвогуле не зафіксаваныя (напрыклад, у Ельскім). Разам з тым, нават на тэрыторыі найвышэйшай канцэнтрацыі “палешукоў” яны складаюць не больш як 12% рэспандэнтаў. Таму этнонім “палешукі” можна разглядаць толькі як вузкая рэгіянальную форму самасвядомасці, характэрную для невялікай часткі насельніцтва.

У сувязі з гэтым трэба падкрэсліць, што куды больш актыўнымі з’яўляюцца лакальныя формы (адміністрацыйна-тэрытарыяльныя) самасвядомасці (напрыклад, “пінчукі”, “лельчане”, “столінцы”, “петрыкоўцы”, “мазыране” і г. д.), аб веданні якіх адказала ад 34 да 37% рэспандэнтаў. Іх існаванне трэба тлумачыць даўняй гістарычнай традыцыяй, а таксама сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам. [24]

Гістарычныя формы самасвядомасці (напрыклад, “бужане”, “гідуны”, “загародцы” і інш.), якія ня маюць дачынення да сучаснасці, ужо амаль што забытыя — іх ведае толькі ад 1,5% да 2% рэспандэнтаў. Аналагічнае становішча склалася з мікралакальнымі вяскова-абшчын-

нымі назвамі (“глушкаўчане”, “яноўцы”, “бухлічане”, “магдалінцы”, “дімамерцы” і г. д.). Яшчэ радзей сустракаюцца рэшткі сацыяльна-саслоўнай этнаніміі (“сяляне”, “шляхта”, “мяшчане”). Падкрэслім, што лакальныя і мікралакальныя формы свядомасці існуюць паралельна з агульнанацыянальнай і не прырачаць ёй.

Відавочна, што агульнанацыянальная форма самасвядомасці “беларусы” з’яўляецца адзінай, характэрнай для абсалютнай большасці насельніцтва Палесся формай самаідэнтыфікацыі. Колькі-небудзь значнага пашырэння рэгіянальнай (групавой) свядомасці (“палескай” ці “яцвяжскай”) няма.

Спецыфіка палескага насельніцтва выяўляецца не ў сферы ментальнасці, а ў сферы мовы. У праграму даследвання былі закладзены пытанні аб пашырэнні беларускай, рускай і іншых моваў, а таксама мясцовага дыялекта ў хатніх і сяброўскіх зносінах, на рабоце, у сферы спажывання культуры, моўных чаканнях у адукацыйнай сферы, аб ідэнтыфікацыі з той ці іншай мовай у якасці роднай. Відавочна, што мясцовыя дыялекты яўна дамінаюць у хатнім ужытку (імі карыстаюцца 68,9% рэспандэнтаў), у зносінах з сябрамі (61,6%). Пры гэтым у Заходнім Палессі гэты паказчык вышэйшы (75,2% і 66,9% адпаведна) за Усходняе (59,6% і 53,9%). На рабоце мясцовымі дыялектамі карыстаецца ўжо меншая доля рэспандэнтаў — 39,5%. Трэба падкрэсліць, што пад мясцовымі дыялектамі апытаныя разумеюць перш за ўсё гаворку сваёй мясцовасці, вёскі. Уяўленні аб агульнапалескім, ці “заходнепалескім” дыялекце на ўзроўні масавай свядомасці адсутнічаюць.

У сферы спажывання культуры пераважаюць беларуская і руская мовы. Пры гэтым іх пазіцыі амаль што аднолькавыя. Так, радыё і тэлебачанне слухаюць на беларускай мове 62,9% рэспандэнтаў, на рускай — 64,9%, чытаюць газеты і часопісы — на беларускай мове 62,9%, на рускай — 65,4%, кнігі — адпаведна 46,4% і 62,4%. Адзначым, што ў Заходнім Палессі пазіцыі рускай мовы мацнейшыя за Усходняе. Асабліва гэта характэрна для Кобрынскага раёна.

Што ж тычыцца палескамоўных выданняў, то іх чытае 4,7% рэспандэнтаў, перадачы па радыё слухае 7,1%. Папулярнасць іх прыкладна аднолькавая з украінамоўнымі. Украінскія газеты чытае 4,3% рэспандэнтаў, кнігі — 3,3%, слухае радыё і глядзіць праграмы тэлебачання — 7,5%. Асабліва заўважная гэта “украінаакіраваная” тэндэнцыя па Заходняму Палессю ў цэлым (5,9%, 4,3% і 9,6%) і, прынамсі, у Кобрынскім (7,3%, 5,7% і 15,4%) і Маларыцкім (7,4%, 8,5% і 17,6%) раёнах.

Разам з тым у сферы адукацыі перавага яўна аддаецца беларускай мове. На ёй пажадалі вучыць дзяцей 65,8% рэспандэнтаў (адпаведна 72,6% на Усходзе і 61,2% на Захадзе), на рускай мове — 21% (адпаведна 15,7% і 25,9%), на мясцовым дыялекце — 3,2% (2,6% і 3,5%), на ішшых мовах — 1,7%.

Гэта асабліва паказальна на адказах аб ідэнтыфікацыі з той ці іншай мовай у якасці роднай. Так, беларускую мову лічаць роднай 65,8%

рэспандэнтаў (адпаведна 71,8% на Усходзе і 47,2% на Захадзе), рускую — 11,6% (адпаведна 9,7% і 12,9%), украінскую — 1,0% (0,7% і 1,2%), мясцовы дыялект — 25,7% (13,9% і 33%). Такім чынам трэба адзначыць, што мясцовыя дыялекты займаюць трывалае месца ў паўсядзённым ужытку палескага насельніцтва, значная колькасць жыхароў ідэнтыфікуе сябе з імі як з роднай мовай. Гэта, аднак, як можна заўважыць, не перашкаджае развіццю беларусізацыі, аб чым у першую чаргу сведчаць чаканні ў сферы адукацыі.

У сувязі з пададзенымі матэрыяламі пытанне аб формах дзяржаўнай палітыкі на Палессі ў сферы культуры ўяўляецца дастаткова складаным. Зразумела, што яна павінна адпавядаць міжнародным стандартам. Апошнім часам Арганізацыя Аб'яднаных Нацый, Савет Еўропы прынялі шэраг дакументаў, згодна з якім разнастайныя групы меншасцей павінны валодаць бенефітнымі (дадатковымі) правамі для захавання сваёй моўнай і культурнай ідэнтычнасці. Галоўнай цяжкасцю з'яўляецца вызначэнне бенефіцыянтаў. Спецыяльная дэкларацыя ААН вылучае нацыянальныя або этнічныя, а таксама рэлігійныя і лінгвістычныя меншасці. [25]

Відавочна, што да рэлігійных меншасцей насельніцтва Палесся не адносіцца. Нельга лічыць яго і этнічнай (або нацыянальнай) меншасцю, як гэта робяць, напрыклад, лідэры аб'яднання “Паліссе”. Этнічную супольнасць вылучае перш за ўсё ўласная групавая самасвядомасць, якая выяўляецца ў этноніме і супрацьпастаўленні сябе іншым народам (у апазіцыі “мы—яны”). Як сведчаць матэрыялы даследвання, абсалютная большасць насельніцтва Палесся лічыць сябе беларусамі.

Праблематычнай з'яўляецца і атрыбуцыя насельніцтва Палесся ў якасці асобай лінгвістычнай меншасці. Згодна з “Еўрапейскай хартыяй рэгіянальных моваў і моваў меншасцей”, да іх адносяцца мовы, якія “традыцыйна ўжываюцца ў межах пэўнай тэрыторыі грамадзянамі, якія ўтвараюць групу, колькасца меншую за астатняе насельніцтва дзяржавы і якія адрозніваюцца ад афіцыйнай мовы(аў)”. Аднак, гэтае палажэнне “не ўключае тыя ці іншыя дыялекты афіцыйнай мовы(аў) або мовы мігрантаў”. [26] Пытанне аб тым, ці ёсць палескія гаворкі дыялектам беларускай мовы, ці самастойнай мовай, з'яўляецца спрэчным, а дыскусіі на гэтую тэму, на наш погляд, бесперспектыўныя.

Эксперты ў галіне правоў меншасцей раюць у дадзеным выпадку арыентавацца не на вонкавыя, а, перш за ўсё, суб'ектыўныя элементы вызначэння. Тая ж “Хартыя...” прадугледжвае вызначэнне тэрыторыі лінгвістычнай меншасці ў залежнасці ад таго, ці з'яўляецца гэта мова “сродкам выяўлення большасці народа, якая прымае, згодна з прапановамі Хартыі ў сферы адукацыі, СМІ, справаводства і г. д. [27] Сацыялагічныя дадзеныя сведчаць адваротнае. Таму трэба канстатаваць, што ні па аб'ектыўным, ні па суб'ектыўным крытэрыям насельніцтва Палесся не можа быць аднесена да якіх-небудзь пазначаных у міжнародных дакументах групах меншасцей і, адпаведна, не можа карыстацца асаблівымі бенефітнымі правамі. Гэта — частка беларускага

этнаса з пэўнымі лінгвістычнымі і этнаграфічнымі асаблівасцямі.

Разам з тым, нельга не заўважыць высокую ступень захаванасці палескіх гаворак, асэнсаванне іх у якасці роднай мовы значнай колькасцю насельніцтва. Культура насельніцтва Палесся з усёй яе спецыфікай з'яўляецца неад'емнай часткай культурнага багацця Беларусі і патрабуе адмысловых мерапрыемстваў па захаванню і падтрымцы.

1. Карский Е. Ф. *Этнографическая карта белорусского племени*. Пгр. , 1917; Романов Е. Р. *Материалы по этнографии Гродненской губернии*. Вильно, 1911; Коялович М. О. *О расселении племени Западного края России*. М. , 1863; Эркерт Р. Ф. *Взгляд на историю и этнографию Западных губерний России*. СПб. , 1863; Риттих А. Ф. *Этнографическая карта Европейской России*. СПб. , 1875; *Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям* СПб. , 1864.

2. ФДГА Беларусі у г. Гродна. Ф. 14, Воп. 1, Сп. 601. А. 1.

3. *Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г.* СПб. , 1904. Т. 11, 22.

4. Талько-Гринцевич Ю. Д. *К антропологии народностей Литвы и Белоруссии*//Труды антропологического общества при Военно-медицинской академии. М. , 1867, Т. 1, вып. 1; Довнар-Запольский М. В. *Песни пинчуков*. Киев, 1895; Эремич И. *Очерки белорусского Полесья* // *Вестник Западной России*. Вильно, 1867. Кн. 8.

5. ЦА АН Расіі. Ф. 292, Воп. 2. Сп. 20.

6. *Обзоры Гродненской губернии за 1903, 1907, 1913 гг.* Гродно, 1904, 1908, 1914.

7. Шпилевский П. М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*. СПб. , 1858. С. 11, 29, 36.

8. ЦА АН Расіі. Ф. 30, Поп. 2, Сп. 17.

9. ЦА АН Расіі. Ф. 30. Воп. 2. Сп. 17. А. 211.

10. Шпилевский П. М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*. СПб. , 1858. С. 29.

11. Павлищев М. И. *Польская история в виде учебника*. Варшава, 1843. С. 2.

12. Лебедин М. О. *О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи* // *Записки ИРГО*. 1861. Кн. 3; *Статистические таблицы г. Лебединна* // *Северная пчела*. 1862. И 2.

13. Бобровский П. О. *Гродненская губерния*. СПб. , 1864. Т. 1. С. 26, 47.

14. Там жа. С. 623, 647.

15. Зеленский И. *Минская губерния*. СПб. , 1864. С. 36, 409, 411.

16. *Живописная Россия*. СПб. , 1881. Т. 3, С. 345.

17. *Краткое извлечение из доклада, прочитанного П. П. Чубинским* //

Географические известия. 1872. И. 1.

18. Флоринский Т. Д. Славянское племя. Статистическо-этнографический обзор современного славянства. Киев, 1907. С. 42, 45.

19. Чаквин И. В., Терешкович П. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (14—нач. 20 вв.) // Советская этнография. 1990. И 6. С. 45.

20. Наша ніва. 1907. И 7, 1908. И 2—12, 1910. И 8.

21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 11.

22. Щэляговіч М. Яцвяскае (палескае) адраджэнне // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1989. І 12. С. 8.

23. Мохряница О. Несколько слов о пинчуках // Основа. 1861. И 10.

24. Чаквін І. У. Гістарычная этналіміка Палесся // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1985. І 4. С. 75—81.

25. Declaration of the rights of persons belonging to national or ethnic, religious and linguistic minorities // UN Document. Refi E/CN. 1992. N 4.

26. European Charter for regional or minorities languages. Strasbourg. 1992. С. 2.

27. Там жа. С. 3.

Вімаўт КІПЕЛЬ

ПОСТТАЛАІТАРНАЕ ГРАМАДЗТВА І БЕЛАРУСКАЯ ДЫЯСПАРА

Найперш, колькі заўвагаў-удакладненняў тэрміналогіі й тэмы.

Бясспрэчна, што прамінулыя 70 гадоў грамадства Беларусі знаходзілася ва ўмовах таталітарнага рэжыму, хоць і ў тым пэрыядзе былі нязначныя, коротка трывальныя, адлігі. І тым ня менш, увесь пэрыяд панавання савецкае ўлады на Беларусі трэба разглядаць, як час жорсткага, народагубчага для беларускае нацыі, таталітарнага рэжыму, а пара сталіншчыны, асабліва гады 1929-53, безканкурэнцыйнай жудаснейшая старонка гісторыі ў развіцці чалавецтва.

Адначасна, шмат дасьледнікаў палітычна-культурнае гісторыі беларускае нацыі ўважаюць, што прыгнятальны рэжым, хоць і не савецкага, таталітарнага, тыпу, а аўтарытарны, царскі быў для Беларусі таксама рэжымам прыгнятальніцкім, імперскім, які не даваў магчымасці свабоднага развіцця беларускаму нацыянальнаму грамадству.

Я, асабіста, трымаючы гэтага, апошняга пагляду, ды ўважаю, што пад прыгнятальнымі рэжымамі Беларусь знаходзілася два стагоддзі і ўвесь гэты час ушчамляліся як правы беларускага народу, гэтак і гвалтаваліся правы людзкія.

Дык, уважаючы, што ў нейкай меры, цяпер надыйшла пара нетаталітарная (прынамсі, на першы пагляд!), трэба мець на ўвазе, што вызваляцца з-пад 200-гадовага расейска-царска-савецкага ўплыву значна цяжэй, чым з-пад 70-гадовага бальшавіцкага тэрору.

Іншая заўвага — удакладненне тэмы мае гутаркі. Схэматычна, у агульных рысах, будзе разгледжанае беларускае грамадства дзяспары, як частка беларускае нацыі, якая апынулася ў не таталітарных умовах, паза бацькаўшчынай. Вось колькі разважаньняў, каб удакладніць цвёрджаньне.

Што сабой уяўляла эміграцыйнае грамадства ў часе выезду з бацькаўшчыны. Відавочна, што тая эмігранцкая маса ў часе эміграньня, была ня што іншае, як частка грамадства тагачаснае Беларусі з усімі ягонымі адзнакамі, хоць мела тое эмігранцкае грамадзтва і на першым этапе выхаду з бацькаўшчыны свае адменныя характарыстыкі. Зь Беларусі, як ведама, на працягу XX стагоддзя выехалі тры выразныя хвалі эміграцыі:

- масавая эміграцыя першай сусьветнай вайны;
- эміграцыя паміж войнамі;
- эміграцыя ў выніку падзеяў 2-ога сусьветнага вайны.

Кожная з гэтых эміграцыйных хваляў мела свае характэрныя адзнакі.

Хваля эміграцыі перад першай сусьветнай вайной вызначалася малой нацыянальнай самасьведомасьцю, жаданьнем зарабіць грошай, вярнуцца на радзіму, каб набыць кавалак зямлі — купіць сваю новую зямлю, ды працаваць. Дзеля свае малое нацыянальнае сьведомасьці, гэтая хваля эміграцыі амаль нічога не дала нацыянальнай справе. Міжваенная хваля эміграцыі, пераважна з былога Заходняга Беларусі, была палітычна-эканамічнага профілю. У посттаталітарных абставінах тая эміграцыя, хоць і праводзіла нацыянальную дзейнасць, але хутка была раскладзеная савецкай агентурай, дзеля свае непадрыхтаванасьці й недасьведчанасьці. Эміграцыя, якая паўстала ў выніку падзеяў другога сусьветнага вайны, эміграцыя не дабрахотная, а вымушаная, была ў большасьці нацыянальна сьведомая, цвёрда здэцыдаваная несьці ідэю беларускае дзяржаўнасьці ў заходні сьвет. У імя ідэі беларускае дзяржавы гэтая хваля эміграцыі і выходзіла з бацькаўшчыны.

Усе хвалі эміграцыі ў момэнт выезду зь Беларусі, бяспрэчна, адлюстроўвалі пагляды тагачаснага грамадства бацькаўшчыны.

Да месца тут будзе падкрэсліць, што ня глядзячы на храналягічную розніцу паміж хвалямі эміграцыі, і бяручы на ўвагу і розныя палітычна-эканамічныя абставіны часоў эміграцыі, у ва ўсіх эміграцыйных хвалях была і супольная рыса — эмігрант (адзінка) і грамада (эмігранцкае грамадства), апынуўшыся ў новых умовах пачыналі жыцьцё, як ка-

жацца, “з нуля”: у эмігранта ня было “ні кала, ні двара”. Кожны эмігрант, пераступіўшы мяжу, адразу-ж усъведамляў, што паза бацькаўшчынай, у новых умовах, уладжаньня жыцьця было ў ягоных руках. І якраз гэтая рыса была бадай ці ня першай адзнакай, першым псыхалягічным пераломам у не таталітарных умовах — асоба, эмігрант, уразумеваў, што яму нічога і ніхто не дасьць — ён сам гаспадар свайго ўладжаньня: шуканьня працы, набыцьця кватэры і г. д.

Значна пазьней за хвалі беларускае эміграцыі, у 1961 годзе, амерыканскі прэзідэнт Джон Кэнэды сфармуляваў філязофію дачыненьняў паміж дзяржавай і адзінкай так: “Грамадзяне, не стаўце пытаньня — што для Вас можа зрабіць дзяржава, спытайце сябе, што я магу зрабіць для дзяржавы?”.

Гэтаксама эмігранты хутка пачыналі разумець вагу выбара сыстэмы, дэмакратычнае свабоды ды свабодных арганізацыяў. Арганізацыі былі наступным пераломным этапам у посттаталітарных умовах — эмігрант надаваў асаблівае значэньне арганізацыям — царкоўным, палітычным, грамадзкім і г. д. Арганізацыі — была сіла і голас эмігранта. Але разам з арганізацыйным жыцьцём прыходзіла сьвядомасьць, што арганізацыі трэба ўтрымваць. Патрэбныя былі грошы, устанавілівалася самадyscyпліна для ўтрыманьня арганізацыі. Прычым паступова ў псыхалёгію эмігранта ўкараняўся прынцып: у новых абставінах усё павінен рабіць сам і ніякая дзяржаўная структура ня будзе дапамагаць грамадзкаму руху, хоць гэты рух і дапамагае дзяржаўнаму арганізму і спрыяе яго дэмакратызацыі.

На мой пагляд, падобныя псыхалягічныя перамены адбудуцца і ў грамадстве на бацькаўшчыне, калі палітычна-сацыялягічныя абставіны на Беларусі будуць сапраўды адпавядаць усім крытэрыям посттаталітарнага грамадства. Цяпер варта разгледзець як разьвівалася беларускае грамадства, структура беларускае дыяспары.

Так як і грамадства на бацькаўшчыне, беларускае эмігранцкае асяродзьдзе разьдзялялася на некалькі выразных пластоў.

Пласт мяшчанска-бытавы, які дбаў найперш аб матарыяльных выгадах і уладжаньні прыватнага дабрабыту. На эміграцыі гэты пласт дасягнуў выдатных паказьнікаў матарыяльнае забясьпечанасьці, ды толькі рэдка дапамагае нацыянальнаму руху.

Пласт варажы нацыянальнаму руху — пераважна пра-расейскі, у меншай меры пра-польскі, які на любую праяву нацыянальнае дзейнасьці рэагуе балюча-варожа, ды выступае ў друку, ды выступы зводзяцца да застрашваньня беларусаў. На шчасьце гэты пласт развальваецца ў геаметрычнай прагрэсіі.

Нацыянальны пласт эміграцыі — частка дыяспары з часу па другой сусьветнай вайне — пачынаў сваю дзейнасьць пад дэвізам адраджэньня беларускае незалежнае дзяржавы. Эмігранты гэтае групы лічылі і лічаць, што збудаваньне беларускае палітычнае структуры ў дыяспары будзе дапамагаць адраджэньню беларускае дзяржаўнасьці. Гэтая група эміграцыі разьвіла самую шырокую дзейнасьць — былі

збудаванья дзесяткі цэркваў, арганізоўваліся школы, вялася праца з моладзьдзю ды, асноўнае, стваралася палітычнае лобі для дапамогі беларускаму дзяржаўніцкаму адраджэньню. Бясспрэчна, праца гэтае групы здабыла значныя, хоць і не максымальныя, поспехі. Стала гэта магчымым толькі таму, што арганізацыя і праца вялася пад адназначным дэвізам — дасягнуць, што патрэбна беларускаму народу, магчыма толькі праз нацыянальны арганізацыі (а на бацькаўшчыне — толькі ў незалежнай беларускай дзяржаве!). На эміграцыі заківалі нам — я асабіста належу да гэтае групы і з'яўляюся безкампрамісовым беларускім незалежнікам — што мы самыя нічога не зробім! Тым-жа часам мы самыя зрабілі ня горш за іншых!

Тут мне суродзічы могуць закінуць: “а якое значэньне мае эмігранцкае дасьведчаньне на бацькаўшчыне”? На маю думку, эмігранцкае дасьведчаньне мае вось якое значэньне:

Калі нацыянальна сьведамае грамадства апынаецца ў сапраўды не таталітарных умовах, яно мае магчымасьць мабілізаваць нацыянальны патэнцыял і дзеючы пад ідэяй максымальнага, і толькі максымальнага варыянту — незалежнае беларускае дзяржавы — грамадства можа дасягнуць жаданых вынікаў.

Гэтак, на бацькаўшчыне, нацыянальны беларускі рух, а гэта ўсе дэмакратычныя сілы Беларусі — у пэрыядзе сапраўднае нетаталітарнасьці, змогуць адрадзіць нацыянальную беларускую дзяржаву. І толькі нацыянальная незалежная беларуская дзяржава зможа вывесці беларускі народ з эканамічна-палітычнага хаосу, карані якога ў Маскве ды 200 гадовае даўнасьці.

Гарантыя людзкім правам беларусаў, гарантыя свабоднаму разьвіцьцю нацыі і нацыянальнаму дабрабыту толькі ў незалежнай беларускай дзяржаве.

Дна Чэрвенкова

ПОСТТОТАЛИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО: НАРОД И ЛИЧНОСТЬ

Я хочу говорить о стране, которая вместе со своим новым соседом являет собой пример того, как в посттоталитарном обществе удалось решить национальные вопросы и разделить два народа мирным и цивилизованным путем. В этот раз я не буду говорить о проблемах, которые породило это деление и которые разрешимы. Посредством послевоенного изгнания немцев, о чем мы дискусируем сейчас, и за что президент Гавел принес свои извинения вскоре после революции, мы избавили себя даже от проблемы другого национального меньшинства,

которая могла бы, мы должны это признать, усложнить нашу жизнь так, как венгерское меньшинство усложняет жизнь словаков. Может показаться, что дискуссии такого рода неизвестны нам. Тем не менее, на самом деле в нашей ситуации, то есть когда государство свободно идет по пути развития, всегда есть вероятность существования какой-либо "проблемы меньшинства", будь то народность или что-либо другое.

После государственного переворота выдающиеся личности вышли на передний план. Но не все они, однако, выдающиеся. Разочарование революцией — это прежде всего разочарование многих тем фактом, что в отличие от песни, где "мы имеем все, что хотели", на самом деле мы еще не достигли этого. Например, мечта о том, что можно стать удачливым бизнесменом или, по крайней мере, что настанет лучшая жизнь, как только тоталитаризм перестанет подавлять, в конечном итоге заставила заглянуть в зеркало и увидеть там человека неспособного, болтливую, теряющего уважение к самому себе. Это открытие шокировало многих людей, разрушило их самоуверенность. Это, я думаю, является важной фазой в революции, которая происходит не на площадях, перед избирательными урнами или в парламенте, но в душах миллионов людей. Это переворот, в котором их самоуверенность играет важную роль.

Многое уже написано о том, что посттоталитаризм нуждается в новых врагах. Это, я думаю, не представляло бы единственного зла тоталитаризма, который отнял нашу свободу и которому удалось объединить и ограничить нас в отрицательном смысле. Но это означало бы ту мысль, что я один отвечаю за все, что делаю. Что сейчас я сам себе враг.

Многие люди в посттоталитарных странах предоставлены сами себе, они сами ищут себе союзников и в этом стремлении совершенно подсознательно доходят до момента, связанного в некотором роде с проблемой происхождения, а затем и национальности.

"Чешские земли — чехам!" — один из самых примитивных лозунгов нашего времени, но в то же самое время никто не собирается отнимать у нас наши земли, никто не пытается разрушить нашу культуру и язык. Эти лозунги направлены не против иностранных инвестиций, хотя то тут, то там люди опасаются этого. Чешский национализм, хотя и незначительный на данный момент, направлен против иностранцев с несхожей внешностью, а также против цыган.

В случае с иностранцами чешский национализм не имеет расового объяснения. Мне было стыдно, когда в одной из телепередач японская пианистка жаловалась на то, что хулиганы беспокоили ее и ее сына на улицах Праги. И даже существует ресторан, куда не допустили атташе одной африканской республики.

В случае с цыганами ситуация более сложная. У них совсем другой склад ума, совсем другой образ жизни, который после 700 лет их существования на нашей территории не был преодолен. Их называли

“гражданами, не поддающиеся исправлению”, и они сами иногда характеризуют себя, как людей, не думающих о завтрашнем дне, без собственности. Если бы в этот момент “небесные птицы” напали на нас, то мы знаем, что не Бог, а украденные вещи будут кормить многих цыган.

Предыдущий режим делал попытки ассимилировать их путем запрета языка и культуры и через систему разномасштабной помощи, которой они сейчас должны обходиться. В то же самое время режим предоставил им право на развитие жилищного строительства, в чем даже наши граждане имеют проблемы. Выбитые окна, поврежденные телефонные линии, обгоревшие двери и паркетные полы, а также невыплаченная рента являются существенной причиной общей вражды, особенно в период жилищного кризиса — и эта репутация, к сожалению, влияет даже на тех цыган, которые живут совсем по-другому.

Возникает вопрос — кто такие цыгане? Если мы скажем, что это национальность, то во многих случаях это не так. Национальность, как мы знаем, это то, чему мы отдаем предпочтение. Например, одна наша знакомая, известный специалист по цыганскому вопросу, преподаватель университета, являясь дочерью чехов, хочет, чтобы ее считали цыганкой. В то же самое время определенная группа цыган стыдится репутации своих этнических предков, прекрасно ассимилируется, цыгане этой группы хотят по праву называться чехами. Однако смуглость лица при этом не исчезает, и расисты издеваются над ними, как и над остальными цыганами. Говорят, что цыгане должны быть чистоплотными, трудолюбивыми и надежными, тогда люди, окружающие их, признают их равными.

Все это дает цыганам основания для объединения, что для них часто совершенно неестественно. На нашей территории живут разные племена с разными обычаями и взаимными антипатиями, которые трудно преодолеть.

В последние годы движения слились, и вместе они будут характеризоваться как цыганское национальное возрождение; это напоминает, через какие проблемы прошла наша культура 200 лет тому назад. Эти цыгане, стремясь поднять самосознание своего народа и отстаивая свои права, стараются сохранить и обновить старый цыганский язык, записать и расширить исчезающий фольклор и прежде всего поддержать цыганскую культуру, которая крайне низка.

Сегодня трудно определить, будет ли существовать зародыш дальнейшего национализма, который в следующем столетии, возможно, станет проблемой. Никто сейчас не знает, сколько цыган в Чешской Республике. Говорят, от 114 до 500 тысяч человек. В то время, как число цыган быстро множится, число чехов уменьшается.

Чем больше я размышляю о цыганской проблеме и чем больше знакомлюсь с людьми, мне приходит на ум, а не имеет ли вопрос об их непригодности и неспособности жить с нами более глубокие корни.

Современное европейское положение, родившееся в 30-е годы, препятствует созданию больших семей. Проблемы угрожающего перенаселения планеты не дают видеть эту реальность, которая представляет собой вторжение в естественный процесс. Цыганские семьи с 6 детьми и женщинами, которых не волнует контроль рождаемости, так как в этом они видят выполнение своего долга по дальнейшему продолжению рода, эти цыганские семьи — нечто большее, чем просто другая национальность, раса или культура. Когда молодая цыганка в восточной Словакии рассказала мне, как при прежнем режиме ее против воли стерилизовали, и что женщина в мире существует для того, чтобы давать жизнь детям, то я осознала тогда, что существенная разница между нами заключается не в том, что мы разных национальностей, а в том, что они остаются в рамках естественного процесса, а мы уходим от этого. Я не осмеливаюсь делать каких-либо выводов из этого предостерегающего сообщения.

Но это печально.

Яцек Бохеньски

ЧЕЛОВЕК — НАРОД — ДЕМОКРАТИЯ — ЛИТЕРАТУРА

Начнем с простого вопроса: стоит ли быть человеком? Столько вещей теряют сейчас ценность. Изо дня в день обесцениваются деньги, добродетель, идеи, взгляды. Но не утрачивает ценность человек, особенно независимый. С этим согласятся, пожалуй, все. Если вообще чем-нибудь стоит и быть, то человеком. По крайней мере, на первый взгляд.

Хорошо, а стоит ли быть народом? Ответил бы, что, на первый взгляд, — да.

В течение многих веков люди со всех уголков мира мечтали о том, чтобы стать народом. Если бы им только было позволено! Некоторые даже считали это своей главной целью, более важной и достойной, чем все другие цели. Так, по крайней мере, думали поляки под гнетом панов.

Что-то вроде этого, если не ошибаюсь, начали уже в 19 веке чувствовать белорусы. Но за последние 200 лет это случилось также с италийцами, литовцами, ирландцами, с жителями Северной Америки и черной Африки. Недавно желание стать народом еще раз дало знать о себе в Европе.

Между прочим, немцы из бывшей ГДР говорили дословно “мы народ”. Необязательно, что они тогда имели в виду объединение с Федеративной республикой. Речь шла о правде людей на данной территории чувствовать себя неодинокими и получать поддержку.

После падения коммунизма различные объединения людей разных

стран провозглашали, что они народ. И иногда результаты этого были трагичны. Особенно в Югославии.

Но это не первое открытие в истории такого рода. Как заметил когда-то Маркс, у пролетариев нет родины. Следовательно, получается, что лишь после последней катастрофы марксизма начало подтверждаться предположение Маркса в этом деле.

Свободы можно применять ко всему, даже к деяниям во вред себе. Это известно еще с античных времен. Приговоры судов были ужасно глупыми. Лучших граждан народ осуждал на изгнание только из-за собственной зависти и безмыслия. Можно демократическим способом, путем свободных выборов устранить демократию. Это известно с тех времен, когда Гитлер завоевал власть благодаря избирателям. Но не знаем мы, как быстро это канет в небытие. С другой стороны, не знаем мы, как легко можно использовать народную независимость только для того, чтобы избавиться от нее.

Возникает вопрос: что в этой ситуации должна делать литература? Существует такой ответ, сегодня охотно повторяющийся в бывших коммунистических странах: литература должна оставить в покое то, что имеет отношение к людским сообществам — народ, демократия, общество и т. д., а заняться отдельными личностями. Иначе говоря, она должна описывать главным образом то, что происходит с человеком, а не между людьми; скорее всего историю созревания девушки или чью-то смерть от рака, чем историю развития или вымирания народа или демократии, а если писать об отношениях, то лучше о сексуальных, чем об общественных.

Те, кто отказывается быть частью коллектива, общества, народа, отказываются также и от участия в культуре. Такие единицы перестают быть личностями. Чем они становятся, не знаю и не хотел бы знать. Может, в результате возникающих сейчас процессов человечество уже не будут делить на личности, а только на штуки, как зверей.

Одно несомненно: быть личностью, по правде говоря, стоит, но, конечно же, это не просто.

Хотел бы обратить внимание, что нелегко быть и народом. Народ не возникает из обычного собрания каких-то там человеческих единиц, лишенных культуры, языка и чувства собственного достоинства.

Звериная хватка, хищность, страх, самоограничение, ненависть присущи племени, а не народу. И это проявляется во многих странах мира. Воистину не легко быть народом, состоящим из обособленных личностей!

Осознать это могут люди, принимающие активное участие в культуре, владеющие языком народа и принадлежащие к народу.

ПРАЦЭС НАЦЫЯНАЛЬнай ДЗЯРЖАВАТВОРЧАСЦІ І САЦЫЯЛЬНАЯ АКТЫЎНАСЦЬ МАСТАКА

Гістарычна заканамерны распад савецкай імперыі — СССР прывёў да ўзнікнення на палітычнай карце свету шэрагу незалежных дзяржаў, у тым ліку Рэспублікі Беларусь. Пачала ажыццяўляцца мара лепшых сыноў беларускага народу, якія, пачынаючы з XIX ст., усё рабілі дзеля нацыянальнай самаідэнтыфікацыі беларусаў, а затым — дзеля іх нацыянальна-культурнай аўтаноміі ў складзе абноўленых Польшчы і/ці Расіі і ўрэшце — дзеля атрымання Беларуска поўнай дзяржаўнай незалежнасці. Бо, як слушна падкрэсліваў Янка Купала ў артыкуле “Незалежнасць” (1919), “толькі адна поўная дзяржаўная незалежнасць можа даць і праўдзівую свабоду, і багатае існаванне, і добрую славу нашаму народу”.

Атрыманне Беларуска дзяржаўнай незалежнасці ў канцы XX ст. ускладняецца, аднак, шэрагам акалічнасцяў як аб’ектыўнага, так і суб’ектыўнага кшталту. Галоўнае, відаць, звязана з наступным: крушэнне імперыі супала па часе з крахам ранейшага сацыяльна-палітычнага (у нашым выпадку - сацыялістычнага ці дакладней, псеўда-сацыялістычнага ладу, што ў гісторыі чалавецтва сустракаецца, бадай, упершыню. Амаль усе былыя імперыі (ад Рымскай да Аўстра-Венгерскай) і каланіяльныя сістэмы (іспанская, англійская, французская і інш.) разбураліся пры захаванні ранейшых эканамічнай і палітычнай сістэмаў. Гісторыя ведае і некалькі супрацьлеглых выпадкаў, калі разбураўся грамадскі лад, але імперыя захоўвалася. У прыватнасці, гэтак Расійская імперыя, памяняўшы сацыяльна-палітычны лад, у абноўленым выглядзе стала існаваць як дзяржава СССР. Сярод іншых акалічнасцяў, што ўскладняюць замацаванне дзяржаўнай незалежнасці Беларусі, можна назваць яе спецыфічнае, надзвычай выгаднае геапалітычнае становішча. што вядзе да скрыжавання палітычных інтарэсаў розных дзяржаў, адносна нізкую нацыянальную самасвядомасць беларусаў, наяўнасць у сучасным кіраўніцтве рэспублікі моцнага камуністычнага праімперскага лобі і, бадай, поўную адсутнасць у ім хая б нацыянал-камуністаў (у адрозненне, скажам, ад урадаў суседняй Балтыі), вольнае распаўсюджанне на тэрыторыі рэспублікі антыбеларускіх, расійска-шавіністычных ідэй, слабасць і раз’яднанасць у Беларусі патрыятычных, дэмакратычных сілаў... Не апошняю ролю адыгрывае тут і пэўная індэферэнтнасць у справе нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва пераважнай большасці беларускай інтэлігенцыі ўвогуле і творчай — у прыватнасці.

Адносна нешматлікі атрад творчай інтэлігенцыі, які жыў ідэямі як дзяржаўнай незалежнасці Беларусі, так і кардынальных дэмакратычных пераўтварэнняў у ёй, з радасцю ўспрыняў новую рэальнасць, актыўна

ўключыўся ў працэс нацыянальнай дзяржаватворчасці. Гэта адносіцца ў першую чаргу да пісьменнікаў як найбольш нацыянальна свядомых асобаў у параўнанні з творцамі іншых відаў беларускага мастацтва. Мастацкім і публіцыстычным словам, актыўным удзелам у грамадскім жыцці, а падчас і сілаю дзяржаўнай улады яны ўсяляк імкнуцца падтрымаць станаўленне новай дзяржавы (Алесь Адамовіч, Рыгор Барадулін, Леанід Баршчэўскі, Васіль Быкаў, Анатоль Вярцінскі, Сяргей Законнікаў, Алэг Лойка і інш.). Да іх далучаюцца асобныя майстры выяўленчага мастацтва, найперш сярэдняга і малодшага ўзросту (Яўген Кулік, Мікола Купава, Аляксей Марачкін, Васіль Шаранговіч, браты Валерыі і Фелікс Янушкевічы і інш.), журналісты (Ігар Гермянчук, Мікола Маркевіч, Сяргей Навумчык і інш.), навукоўцы, перш за ўсё грамадазнаўцы (Анатоль Грыцкевіч, Уладзімір Конан, Адам Мальдзіс, Зянон Пазьняк, Пётр Садоўскі, Алэг Трусаў, Юры Хадыка, Міхась Чарняўскі і інш.). Усе яны засведчылі сваю грамадскую пазіцыю праз удзел у рабоце Вярхоўнага Савета Беларусі, асобных грамадскіх арганізацый (Беларускі Народны Фронт, Беларуская сацыял-дэмакратычная Грамада і інш.), выступленнямі ў друку, па радыё, тэлебачанні, на масавых мерапрыемствах і г. д.

Прадстаўнікі іншых творчых саюзаў (кампазітараў, кінамаграфістаў, архітэктараў, тэатральных дзеячоў) у сваёй пераважнай большасці, на жаль, выявілі абьякавасць ці нават негатыўнае стаўленне да дзяржаватворчых працэсаў у рэспубліцы. Рэзка адмоўную або і варажую пазіцыю да новай дзяржавы, яе сімволікі, культуры і мовы заняла частка навукоўцаў (у асноўным былыя выкладчыкі гісторыі КПСС, навуковага камунізму, іншых “партыйных” дысцыплін), а таксама некаторыя пісьменнікі, што аб’ядналіся ў “Асацыяцыю баталістаў і марыністаў”. У гэтым яны блакіруюцца з даволі шматлікімі прадстаўнікамі былога “партыйна-гаспадарчага актыву” рэспублікі, многія з якіх і цяпер займаюць кіраўнічыя пасады ў адміністрацыйных органах, народнай гаспадарцы, з’яўляюцца дэпутатамі розных узроўняў і г. д. Не ўмеючы і не хочучы быць гаспадарамі на сваёй зямлі, несці за яе поўную адказнасць, яны згодныя быць слугамі, прыслужнікамі, лакеямі, толькі б мець ранейшыя матэрыяльныя выгоды і ўладу. Праўда, і ў іх асяроддзі ў апошні час выявіўся раскол, вылучалася група лідэраў, якія сталі падтрымліваць ідэю незалежнасці Беларусі, зыходзячы з агульнанацыянальных або вузка класавых, нават партыйных інтарэсаў (напрыклад, каб абараніцца ад наступу расійскіх эканамічных рэформаў, захаваць перавагу ў грамадстве камуністычнай ідэалогіі і інш.).

Суверэнізацыя Беларусі — працэс неабарачальны. Аднак тэмпы нацыянальнай дзяржаватворчасці, яе характар, сутнасць, працягласць будуць залежаць ад многіх чыннікаў. У тым ліку — і ад грамадскай актыўнасці рэспубліканскай творчай інтэлігенцыі, якая пакуль што, на жаль, у сваёй пераважнай большасці пазіцыій сваіх не выявіла.

Закончыць сваё выступленне я хачу вершам, за эпіграф да якога я ўзяў словы Максіма Багдановіча “Народ, Беларускі Народ! Ты цёмны,

сляпы, быццам крот...”.

*Уваскрэсні, Народ, Беларускі народ,
Ты, што цёмны, сляпы, быццам крот!
Бо няўжо не спазнаў і за семдзесят год:
Той, хто піў твае слёзы і пот,
Краў мазгі, кроў глытаў, волю кідаў за дрот,
А каб крыкнуць не змог — кляп у рот, —
Той і сёння жыруе, кліча: “С намі вперед!”
І ліе словаблудлівы шрот.*

*Уваскрэсні хутчэй, Беларускі Народ!
Занімай свой пасад між яснот і даброт,
Покуль нейкі прыблуда ці свой жываглот
Не ўхапіў твой прыплод, твой гарод і завод.
Хіба гэтак упудзіў цябе хітры зброд,
Што не страшны здаецца й Чарнобыльскі звод?
Хіба можаш маўчаць, калі зноў, як штогод,
Твае цела й душу дзеляць Захад і Ўсход?*

*Як Хрыстос уваскрос, уваскрэсні, Народ!
Тваю долю прадзе ўжо падзей калаўрот.
Ты — зямлі гаспадар! Скінь адвечны прыгнёт!
Вось твой герб, і твой сцяг, і твой гімн, і твой фронт.
Бяры зноўку сяўню, слухай Бога, як Лот,
Зерне лёсу рассей, сам збяры намалот,
Каб на векі на вечныя, з роду у род,
Ты быў вольны, багаты, відушчы Народ!*

Віктор Казько

МЕЖДУ ТЮЛЕНЕМ И АКРОБАТОМ ИЛИ ЭНЕРГИЯ НАДЕЖДЫ

Это было прошлой осенью и всего в двадцати-тридцати километрах от стольного нашего города Минска. Как мы помним, минувшая осень прошла в ожидании хорошей погоды, бабьего лета как теплого взгляда и доброго глаза перед затяжными дождями, осенней хмуристью без солнечного света зимы.

Но мелькали дни, шли дожди, наплывали туманы. А бабьего лета все не было и не было. И может, из-за этого, развевшего душу слякотного ожидания, когда оно вдруг наступило, его попросту не заметили. Один единственный короткий осенний денек, когда с рассветом —

легкий морозец и хрусткий иней на траве и по стерне, а восшедшее солнце непонятно где выспелило и запустило в небо паутину с крохотными пауками.

В то благостное утро я оказался на небольшой станции Седча, ничем не примечательной, если не считать обилия дачных курятников, опутавших ее окрестности. Все поезда, пассажирские и товарняки, проскакивали Седчу сходу, только позванивали осколками стекол разбитые, как после бомбежки, окна небольшого вокзальчика. Останавливались здесь одни лишь электрички. И валом валил из них люд деловой, работающий и хозяйственный — страдно дачный, увешанный как в послевоенные годы деревенские старухи в городе, спереди и сзади сумками, мешками, рюкзаками, с топорами и лопатами в руках, с саженцами и кустарниками смородины, крыжовника подмышками.

Весь этот люд, не замечая ни погожести дня, ни летящей над землей паутины, торопливо выламывался из вагонов и, не сбиваясь с ноги, на рысях шел во все стороны к своим колумбариям. Мне было даже немного обидно за это их равнодушие и деловитость. Хоть бы на мгновение приостановились, распрямились, вздохнули вольно. Но куда там.

Застыл неожиданно сам я, приблизившись к краю невысоконой платформы метрах в сорока от раздолбанного перестройкой вокзальчика. Меж рельсами и платформой лежал человек, — то, что было некогда человеком. По цвету и пористости кожи, скорее, свиная туша с раскупоренным, обрезанным, как чаша, человеческим черепом. Голый, безрукий, безногий, незрячий. Налетела очередная электричка. Выдала очередную порцию людского товару. Товар тот стадно выпашагнул из вагона, который остановился дверями как раз над трупом, и, не сбившись с ноги, не переменявшись в лице, пошел за несомой ветром паутиной к своим мавзолеям.

Не видят, не знают, подумал я и бросился в вокзальчик.

— Видели, знаем, — ответило мне там единственно присутствующее служебное лицо в чине кассирши... — Даже кто это знаем. Парень из соседней деревни, отслужил армию и вчера вечером зарезало поездом.

— Вчера? — Это был не мой голос и не мой вопрос. То было эхо пятидесяти прожитых мною лет. А может, и чье-то другое эхо: “Под насыпью, во рву некошенном лежит и смотрит...”

Сыскался на перроне и милиционер, капитан:

— А что я могу сделать. Лежит и будет лежать, голова у него уже не болит... Нет бензина, чтобы снарядить машину, забрать труп.

До этого мне казалось, что за свою жизнь я до конца узнал, что такое отчаянье беспомощности. Но такого, поверьте мне, я не испытывал. Все прошлые мои беды и невзгоды были только моими бедами и невзгодами. И я их даже прятал как можно глубже, как нечто стыдное и заразное. Здесь же отчаянье было прилюдно вопиюще и, мне кажется,

бессовестно в своей предельной откровенности. Бессовестно со всех сторон. Со стороны живых, не сбиваясь с ноги перешагивающих через труп, и со стороны самого трупа, избавленного уже от мозга, с раскупоренным, обрезанным как чаша черепом, с взывающе и вызывающе выставленным небу, летящей по ней паутине и прилипшим к той паутине крохотным, как птичий зрачок, паучкам. И казалось, что это на тонкой паутине отлетает в небытие человек, человечество и человечность.

И еще, это мне кажется уже сегодня, с таким же отчаянием беспомощности и сознанием нарастающего внутри нас чувства предательства чего-то живем все мы последние три-четыре года. И предаем мы ежедневно не кого-нибудь, не какие-то мифические идеалы, а самих себя, заложенные генетически в нас до октября семнадцатого года остатки человечности и нормальности. Мы, похоже, оскоплены нашим сегодняшним бытом, в котором невозможно предвидения завтрашнего дня, жизнь со взглядом, забегающим чуть вперед, не только себе под ноги, но и дальше, за горизонт. И никакого света в конце тоннеля. Одни только крушения и катастрофы. Распад системы, строя, государственности, личности. И душа в постоянном смущении и искусе — жить проще, то есть элементарно примитивно, инстинктами и только инстинктами. А мир, пусть себе рушится, катится в тартарары. Мы и у адского костра погреемся.

Эйфория первых дней свалившейся будто с неба, предписанной нам, как и все в нашей прежней жизни, свободы кончилась. Наступило неизбежное и простое — время выбора, осмысления себя во времени. И это бремя, бремя свободы выбора раздавило нас, душевно свихнуло и вывихнуло. Хотя отравленность и сдвинутость сознания — это у нас было всегда. Сейчас же свихнутость еще при рождении и яд, впитанный нами вместе с молоком матери, настигают нас и мстят нам. Мы были нищенски самонадеянны в прошлом, хотя по природе своей мы люди и без прошлого. Наше прошлое, наша история — это история с выколотыми глазами. История того, как мы сами ей в быстро стареющих школьных учебниках выкалывали глазки.

Никаких богов, боги мы сами, а писатели никак иначе, а только властители человеческих душ, инженеры человеческих душ. Как вручили членский билет, так с той минуты уже не нормальный обычный человек, а властелин и инженер. Поэтому, видимо, так рвались и рвутся в членство Союза писателей. И я думаю, что по этому членству Беларусь сегодня обогнала уже Америку. Нас уже более 400.

И как же поразило меня высказывание Д. Стейнбека. Сразу после войны, во время его поездки по Украине его спросили, наверное, с намеком: каково положение писателя в Америке. Он был нормальным человеком, вопрос показался ему по крайней мере странным, он даже задумался, действительно интересно, каково же его положение как писателя в американском обществе. Нечто среднее, ответил он, между акробатом и тюленем.

Нечто среднее, думаю я сегодня, прежде всего и есть человек, не претендующий на звание и званием на эту простую должность. И этот нормальный человек уходит из нас, покидает нас сегодня. Действительно, как раньше говорили, шизуха косит наши ряды. Идет абсолютный геноцид культуры и писательского труда, в частности, без внешних его видимых и ярких проявлений. Геноцид внутренний, когда слово писателя теряет вообще какой бы то ни было смысл. Обесмысливается любое слово. Обесмысливается сам писательский труд. Я имею в виду здесь множество аспектов, среди которых не последнее место занимает и аспект материальный. За свою последнюю книгу почти в двадцать листов я получил в окончательный расчет (40 процентов) 140 тысяч рублей — это где-то около двадцати долларов. И не думайте, что этот пример не характерен. Василь Быков на страницах одной из газет говорит: заплатили за книгу, хватило почти на полный бак бензина. И, может быть, следствие этого горький вывод из телефонного разговора двух писателей, Василя Быкова и Виктора Астафьева, обнародованный в “Комсомольской правде”: “как мы счастливы, что жить нам осталось недолго...”

Писатель в наши дни незащищен, ограблен и гол духовно и материально. Раньше у него была возможность работы хотя бы в стол в надежде, что его все же услышат когда-нибудь и прочитают. Сегодня отнято и это. Сегодня потребность и разгул иного рода литературы и искусства, искусство интриги политической, парламентской, красно-коричневых и белопенных прибоев. Несуразица, нескладуха и галиматья с высоих трибун типа нашенского знаменитого на весь мир: человек в заднем проходе, — становится на наших глазах новым видом массового искусства и массовой культуры. Для чтения и отвлечения от бессонницы, заполонившая не только Беларусь, а всю одну шестую суши, книга, все содержание которой уже на обложке: голая задница. Для раздумья, работы ума и сердца — полушизофренический бред с экранов телевизора народных избранников. И кому-то все же, на мой взгляд, это надо, очень надо. И именно это бессмыслие ведет к фашизму, это и есть фашизм духовный, а не игра в него нескольких мальчиков. Почва для фашизма — постсоветский бульончик, который варят сегодня пришедшие к власти, с одинаковой легкостью поклонявшиеся вчера светлому будущему человечества, а сегодня — сегодня рублю и доллару, и принципам свободного рынка, которого они в душе боятся все же как черт ладана. Именно поэтому наши парламентарии, трижды голосуя, находят деньги для коровников и свинарников, а библиотекам и клубам резко и однозначно говорят “нет”. Именно потому так глубоко-мысленно задумчив наш парламент, когда решается вопрос о государственном языке: уж лучше японский, чем родной, белорусский, ибо многие из сидящих там по своей природе двуязычны, двулики. Налицо по-прежнему отречение от себя, своего народа и своей истории.

И потому, наверно, в нашей белорусской литературе такое глухое безнадежное молчание. Старый язык ее вырван, отпало ухо, слушающее

наш прежний голос. И мы немые. Нам бы кому-нибудь вновь продаться. Мы вновь готовы пасть на колени, если уж не перед серпом и молотом, так перед двухглавым орлом. В зону нам хочется, скорее обратно в зону, рублевую, долларовую, любую, была бы только твердая рука, хоть с того света. И это не только наше желание, таково состояние нашего общества сегодня.

Совсем недавно я судился. Меня обворовали. Дачу обворовали. Что можно взять у писателя на даче — известно. Но воры не знали, что грабят писателя и были очень обижены. Кстати, как говорили мне, они очень обижены и на Игоря Лученка. Тоже композитор, интеллигент, зазря только срок мотать будут. Вот продавца магазина грабанули, там да, за их правду можно и посидеть. Но дело не в этом. Моих грабителей, как ни странно сегодня, нашли. На суде я их искренне поблагодарил за то, что они так аккуратно обошлись с моей дачей. И мы стали почти друзьями. Сам суд был почти домашний, в кабинете судьи, потому что зал заседаний расписан по минутам. Не нашлось свободного и адвоката. Они ведь тоже приставлены к делам серьезным: в районе за три месяца этого года уже десять убийств, в то время как за весь прошлый год их было только восемь. Убийств, а тут какое-то писательское шмустье, хламье и телевизор. Да к тому же испорченный еще, да и древний, громоздкий, пудов пять весом. На том телевизоре они и сгорели.

И чувствуя невольную свою вину перед людьми меня ограбившими, пришлось мне на том суде исполнять роль адвоката. Я просил судью, чтобы не было им ни лагеря, ни тюрьмы: дети ведь у них, дети. Да и какие они воры, хотя один из них и считается рецидивистом. За что же он получил такое гордое звание: первая ходка — два мешка ячменя, вторая, полгода назад освободился, — ягненок, тринадцать килограммов живого веса. Дайте им условно, при колхозе, пошлите на химию или стройку какую. Рецидивист, как я говорил, почти приятель, когда мы остались наедине, обиделся:

— Ну ты даешь, мужик. Химия, колхоз, стройка. В тюрьму и только в тюрьму или в лагерь. Все делом, пора, а то я тут кого-нибудь прирежу или вилкой заколю. В зону, в зону...

Все мы стремимся вновь на государственное обеспечение, напрочь забыв, что там уже были. Именно там мы потеряли свой язык, превратились в манкуртов. Именно там нам отшибло память, мы стали народом без прошлого и будущего, в колхозе.

Сент Экзюпери в свое время говорил, что мы отвечаем за тех, кого приручаем. Мы же одновременно прирученные и приручивающие. Мы родились в клетке. Нас выпустили на волю. И сегодня мы все, как дикое животное, выращенное в искусственной обстановке и отпущенное в обстановку естественную, не имеем понятия о жизни на свободе. Она обжигает нас. Многие из нас обречены, как ни горько, но надо иметь мужество признать это. И все же на свободе есть всегда надежда. Хотя Максим Горьцкий и говорит, что надежда — мать глупых. Но это единственное, что остается у нас сегодня. И это не так уж мало. Надежда

— постоянное состояние нашей души сегодня, она действительно умирает последней.

А сейчас мы просто немые. И одна из причин этой немоты — тот же колхоз, стремление к гурту, чтобы кто-то за нас отвечал. Потому, наверно, и прервана связь времен, оборвана связь поколений. Это ведь случилось не сегодня и не в один день. Сколько лет уже в белорусской литературе звучит вопрос: кто идет следом за Адамовичем, Брылем, Быковым. Колхоз истощил себя прежде всего творчески. Хотя говорят, на миру и смерть красна. Да, но ведь смерть все же, смерть. Вообще-то человек должен и помирать более достойно, не на миру. Я говорил уже про смерть на миру на станции Седча. Но есть ведь вещи и пострашнее смерти. Это то, что происходит с нами живыми сегодня. Не знаю, имеет ли это отношение к теме сегодняшнего нашего разговора, уместно ли это будет звучать или нет. Но поскольку все мы считаем себя чем-то средним между тюленем и акробатом, я не могу об этом не говорить.

Во времена еще развитого социализма был такой шикарно красивый шлягер — “Яблоки на снегу”.

Яблоки эпохи демократии лежали на прилавке небольшого базарчика в захолустном маленьком городке. Полногрудые и яркие, как снегири — пять тысяч рублей килограмм, с червоточинкой и гнильцой, но старательно обрезанные — тысяча. Возле этих яблок с авоськой в руке стояла интеллигентного вида старушка, чисто и без претензий на моду и вкус одетая и с блеском в глазах. Моя знакомая подошла прицениться к яблокам, поскольку она тоже была не без блеска в глазах, приценилась к яблокам с червоточинкой, конечно. Мне стало больно, я отошел в сторону.

Когда продавец накладывал яблоки на весы, одно из них упало на снег и подкатилось к ногам старушки. Она застыла, уставившись на него. Я хотел подойти к прилавку и положить яблоко на стол и уже сделал шаг, но на следующий не решился. Старушка колебалась над яблоком, как маятник часов, которые сломались или у которых кончился завод. Я уже знал, что будет дальше, но не могу сказать и вам, что заставило меня досмотреть эту сцену до конца. Старушка заметила мое движение к яблоку, и я понял, действительно почувствовал кожей, увидела во мне врага, соперника. Она быстренько наклонилась и сгрэбла яблоко вместе со снегом в руку. Мгновение ушло на демонстрацию честности и порядочности, она в открытую держала яблоко на ладони, одновременно поглядывая то на продавца, то на меня. Продавец не обращал на нее внимания. Старушка затолкала яблоко в карман, независимо и вместе с тем обреченно стряхнула снег с ладони и проворненько засемила прочь.

Вот и все. Только я до сегодняшнего дня вижу и помню эту сцену и в ушах звучат в общем-то глуповатые слова: яблоки на снегу, ты им еще поможешь, я уже не смогу... А вдруг, а вдруг...

Моя суверенная незалежная держава растерзана, как тот двадцатилетний молодой парень на станции Седча. И как тому рецидивисту

поневоле, который ограбил меня, мне внутренне чуть-чуть тоже хочется в зону, ибо я низведен нуворишской демократией, оскорблен и унижен ею до состояния той же привокзальной старушки. Я ближе сегодня к тюленю, чем к акробату. И все же, а вдруг... У того же Стейнбека в его путевых дневниках есть удивительное наблюдение над нами, советскими тогда: русские потрясающий народ, единственный в мире, который может черпать энергию из надежды. Я думаю, что скорее всего он так понял наше слово "авось". И я говорю себе и вам сейчас: авось. Потому что люблю это слово, потому что мне нечего больше сказать. Разве только привести вот такую длинную цитату из Честертона:

"На самом пределе страха мы обретаем непостижимый покой. Это не надежда, ибо надежда — чувство, она романтична и устремлена в будущее. Это не вера, ибо вера исполнена сомнения и вызова. Это не мудрость — разум как будто отключен. Наконец, это не оцепенение горя (как сказали бы глупые нынешние люди). Состояние, о котором я пишу, не отрицательно; оно положительно, как благая весть. Собственно, мы можем его назвать благой вестью — словно существует некое высшее равновесие, о котором нам знать не положено, чтобы мы не стали равнодушны к добру и злу; и знание это открывается нам на мгновение, как последнюю помощь, когда никакой другой помощи быть не может".

Валентин ОСКОЦКИИ

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Вскоре после распада СССР и отставки М. С. Горбачева бывший член распущенного президентского совета Валентин Распутин назвал политику настолько "грязным делом", что "порядочному человеку там делать нечего. Это не значит, что в политике не бывает порядочных людей, но они, как правило, обречены; там мораль и язык не человеческих отношений, а двойной и тройной игры, в каждой из которых свои козыри".

Сказанное не помешало писателю стать вскоре, в том же 1992 году сначала сопредседателем Думы Русского национального собора в триумвирате с такими прожженными политиками, как бывший генерал КГБ А.Стерлигов и лидер российской компартии Г.Зюганов, а затем войти в руководство Фронта национального спасения, сыгравшего провокационную роль в трагических событиях в Москве 3-4 октября прошлого года. Обе организации не просто политические. Имперская политика, провозглашенная их программами, столь неприкрашенно и наступательно великодержавна, шовинистична, что обрела

целенаправленные черты национал-социализма или, говоря точнее, в российском красно-коричневом варианте, национал-большевизма.

Разумеется, это личное дело Валентина Распутина — искать и находить выход из противоречия между словесным отречением от политики как заведомо грязного дела и усиленным погружением в нее, подтверждаемым едва ли не каждым выступлением писателя в печати. Важно другое: анафема политике, отлучаемой от морали, стало в российском самосознании и особенно в самосознании интеллигенции расхожим клише, своего рода традицией, исторические истоки которой в природе советской власти, большевистской диктатуры.

На них пророчески указывал Петр Кропоткин, работая в последние годы жизни над теоретической частью истории этики. К слову заметить, именно в это время он дал впечатляющий урок этического поведения, если не единственный, то уникальный в огосударственной книгоиздательской практике. Пытаясь задобрить, приручить, укротить неподатливого анархиста, Ленин поручил ЦИКу осуществить многотомное издание его сочинений. “Вполне признавая прекрасными намерения этого предложения”, П. Кропоткин, однако, ответил решительным отказом. “Принять его, — разъяснял он, — значило бы признать, что правительство поступает правильно, становясь единственным издателем целого народа. Между тем, проведение в жизнь этого начала — значило бы убить всякое развитие мысли в России, кроме тех мыслей, которых держится правительство... Если бы я принял выше упомянутое предложение, — это означало бы мое нравственное одобрение того, что целая страна низводится на степень рабского безмолвия, которое я считаю пагубным, не только для развития вообще мысли и жизни, но и самой русской революции”. Кто назовёт хотя бы одного советского писателя, дерзнувшего, исходя из нравственных убеждений, моральных принципов, отказаться от издания собрания своих сочинений?

Вдумчиво анализируя трагические уроки Октябрьского переворота, Петр Кропоткин снова и снова делился тревогой о том, сколь губительно для России “зло, изначально присущее диктатуре партии”. Он видел в нем “смертный приговор строительству нового общества” и тщетно взывал к разуму большевистских вождей, заклиная их расстаться “с мыслью об управлении Россией через диктатуру одной партии”, привлекать “широкие народные массы к строительству народной жизни”, признать “необходимость для этого полной свободы слова”. В противном случае, предрекал он, “рано или поздно партии, находящейся сейчас у власти, придется уйти в отставку”.

“Рано или поздно” затянулось на три четверти века, что, впрочем, также предсказано П.Кропоткиным: “...метод, которым большевики думают совершить переворот, из центра, якобинскую властью и террором, я считаю безусловно ложным, не достигающим своей цели; и я убежден, что он неизбежно ведет не только к неудаче, а и к суровой реакции, которая может продлиться не только у нас, но и вообще в

Европе десятки лет". Однако столь длительная протяженность процесса лишь подтверждает его историческую необратимость. И непреложность современного вывода: политическая безнравственность, политический аморализм изначально запрограммированы советской историей — антинародной природой большевистской власти, казарменной сущностью как победившего сталинского, так и развитого брежневского социализма. Общество, отвергшее самое понятие правового государства как противоречащее его марксистско-ленинской идеологии, взявшее на свое идейное обеспечение максимум В. И. Ленина: "Морали в политике нет, а есть только целесообразность", исповедующее иезуитский принцип цели, оправдывающей любые средства, не могло быть нравственным. И не стремилось стать таковым.

"Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата". Это из некогда хрестоматийной речи Ленина на III съезде комсомола, ориентировавшей "все дело воспитания, образования и учения современной молодежи" на жесткий партийный диктат. Ничем такое не лучше освобождения немецкой молодежи от химер совести в гитлеровские времена. Разве что не так обнажено, как у идеологов фашизма, хитроумней закамуфлировано социально-классовой демагогией. Прав поэтому Фазиль Искандер, когда, рассуждая в повести "Ленин на "Амуре"" о вожде пролетарской революции и первого в мире социалистического государства с точки зрения нравственной, усматривает в его речах и деяниях не что иное, как апологию утилитаризованной классовой, антигуманной диктаторской морали насилия. "В пустыне истории караван человечества должен дойти до оазиса социализма. Но караван может разбредаться, останавливаться, сворачивать. Нужен хороший погонщик с хорошим кнутом. Отныне он будет великим погонщиком каравана! Оставьте совесть! Не оглядывайтесь на нее! Я знаю, где, когда и как!" Вот о чем кричат все его статьи и выступления.

То, что у прозаика сдобрено изрядной иронией, в поэме Александра Твардовского "По праву памяти" поднято до трагедии. Не просто униженной личности или выкошенного поколения, но в целом народа, чьи мораль и нравственность уродливо деформированы, выхолощены, уничтожены кнутобойными усилиями примерного выученика великого погонщика. "Ясна задача, дело свято, С тем — к высшей цели — прямиком. Предай в пути родного брата И друга лучшего тайком. И душу чувствами людскими Не отягчай, себя щадя. И лжесвидетельствуй во имя И зверствуй именем вождя"...

Мораль и нравственность казарме ни к чему. Чтобы держать в узде верноподданных строителей социализма и коммунизма, достаточно дисциплинарного устава. Вот почему, узурпировав власть, большевистская диктатура не замедлила объявить "старую нравственность" умершей, разложившейся, сгнившей. "На авансцену истории выдвигает"

гается новый господствующий класс, — он начинает строить свои собственные правила поведения, свою этику”. И отныне нет в этой новой этике места такой старорежимной, “ханжеской” заповеди, как “не убий”. Победивший пролетариат подойдет к ней “строго по-деловому, с точки зрения классовой пользы. Убийство злейшего, несправимого врага революции, убийство, совершаемое организованно классовым коллективом, — по распоряжению классовой власти, во имя спасения пролетарской революции, — законное этическое убийство. Метафизической самодовлеющей ценности человеческой жизни для пролетариата не существует, для него существуют лишь интересы пролетарской революции”.

Замените мысленно большевистскую фразеологию национал-социалистической — что это изменит в словоблудии профессора-моралиста, развивавшего ленинское учение о старой внеклассовой и новой классовой морали по горячим следам речи на комсомольском съезде? Ровным счетом ничего! Как ничего не изменилось бы и от того, если бы поменялись местами лозунги над входными воротами Соловецкого и Освенцимского лагерей. “Железной метлой загоним человечество к счастью!” — зазывал первый. “Только труд делает человека свободным!” — увещевал второй. Уместно вспомнить: лагерь на Соловках на два десятка лет опередил лагерь в Освенциме, а создавался он по ленинскому декрету и под бравурный аккомпанемент леденящих призывов к первым годовщинам Октября: “Чтобы завоевать весь мир навсегда, будьте готовы пожертвовать всем!”, лихих приказов времен гражданской войны: “На наших штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. На Запад!” С завоеванным миром и очастливленным человечеством не получилось, — осуществили чудовищный эксперимент в собственной стране, над собственным народом. То есть как раз то, с чего десяток лет спустя начнет Гитлер, воодушевив третий рейх обещаниями побед, которые он поставил выше нравственного закона и морального права.

После того, как был снят арест романа Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”, уподобление социалистической казармы казарме фашистской стало расхожим стереотипом обыденного сознания. Но в десятилетия, предшествовавшие этому, к пониманию типологической общности обеих тоталитарных систем, антигуманного тождества двух диктаторских режимов, духовного родства их идеологий прорывались немногие выдающиеся умы. Один из них, немногих, — Рабиндранат Тагор, еще в 1930 году написавший в “Письмах о России”, русский перевод которых изобиловал цензурными лакунами: “...Они уподобляются фашистам. Ибо не хотят признавать никаких препятствий в подавлении личности в интересах общества. Забывают, что, ослабляя личное, нельзя усилить общее. Если личность скована, общество не может быть свободным”.

Таким был пронизательный взгляд со стороны. Но он полностью совпадал с тем, что академик Вернадский наблюдал изнутри, о чем

бесстрашно размышлял в дневниках конца 30-х — начала 40-х гг., называя советский строй полицейским, а ВКП(б) — партией, куда идут “все отбросы”. Об этом февральская запись 1941 года: “Газеты переполнены бездарной болтовней XVIII конференции партии. Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники, боящиеся сказать правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного (заметим: нравственного! — В. О.) уровня по сравнению с реальной силой нации”. И как развитие, углубление “антисоветской крамолы” — сопоставление “тоталитарных организаций” общества: “нашей — коммунистической и германской — национал-социалистической” в записи, датированной третьей неделей Отечественной войны: “В обоих случаях — диктатура и в обоих случаях — жестокий полицейский режим. В обоих случаях — миллионы людей неравноправных”.

Иная — недолгая “оттепельная” пора. Возбужденный подъем общественного сознания, едва-едва прикоснувшегося к обнаженным ранам народной истории, которые всецело списывались на “издержки” порочного “культа личности” и на языке тогдашних эвфемизмов объяснялись исключительно “нарушениями социалистической законности и ленинских норм партийной жизни”. В досье-компромете на вольнодумного академика Льва Ландау, которое продолжали неумоимо накапливать кагебэшные профессионалы слежки и сыска, зафиксирован очередной донос. 12 января 1957 года в частном разговоре с коллегой (!) ученый сказал: “...Наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система, и она такой осталась и измениться так просто не может”...

Социализма не казарменного, не лагерного, не родственного в силу своей тоталитарной природы фашизму мировая история так и не узнала. Оттого, если и выдвигал он политических лидеров достойной нравственной репутации, то по духовным масштабам их деятельности куда более скромных, чем, скажем, Джавахарлал Неру и Индира Ганди, Урхо Калева Кекконен и Улоф Пальме, Шарль де Голль и Жорж Помпиду, Конрад Аденауэр и Альдо Моро, Голда Меир и Вилли Брандт, Мариу Соареш и Гельмут Шмидт. И, что характерно, — без исключения из числа лишь тех немногих, кто, подобно Александру Дубчеку и его единомышленникам, романтически принимал на себя бремя безнадежной, обреченной борьбы за “обновленный”, “демократический” социализм “с человеческим лицом”.

Такова закономерность историческая: не в спертой духоте социалистической казармы, а на вольном воздухе, вне ее только и возможно нравственное формирование личности, убежденно приверженной идеалам гуманизма. В советских условиях конца 60-х — начала 80-х гг. это проявилось более чем внушительно. Непокладистых людей незапятнанной чести и неподкупной совести выдвигало не охранительство, не соглашательство с властью, а “диссидентская” оппозиция

тоталитарному режиму. Первыми среди них назовем Д. С. Лихачева и Мстислава Ростроповича, Лидию Чуковскую и Елену Боннэр, Андрея Синявского и Георгия Владимова, Вячеслава Иванова и Юрия Любимова, Владимира Корнилова и Владимира Войновича, Льва Тимофеева и Ларису Богораз. А из тех, кого уже нет с нами сегодня, — Виктора Некрасова и Георгия Товстоногова, Юлия Даниэля и Юрия Карабчиевского. Но раньше и прежде всех — Андрея Дмитриевича Сахарова, чьи последние дни сократила очередная травля, развязанная на съезде народных депутатов и направляемая его президиумом. Узнать бы, что думают сейчас о своем постыдном участии во “всеобщем осуждении” академика-“клеветника” и воин-афганец, и узбекская учительница, и прочие витии, послушные указаниям теневых дирижеров. Неужто не мучит, блаженно спит совесть?

“Давно известно, что власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно”, — заметил Милован Джилас о феномене Сталина-Тито-Мао и прочих социалистических монстров. При всем разнообразии типажей — от кровавого Пол Пота до либерального Эдварда Герека, от Ким Ир Сена, первым из коммунистических диктаторов додумавшегося до династического завещания и наследования власти, до “штрейкбрехеров” “пражской весны” Г.Гусака, А.Индры, Й.Ленарта, В. Биляка, — на каждом некий родовой знак, роковая мета, выдающая ущербность нравственную. Ее не сбить и не смыть ничьими усилиями. Тем паче Эдуарда Лимонова, увидевшего в диктаторской чете Чаушеску — кого бы вы думали? — Ромео и Джульетту XX века. Не могу не продолжить логически ряд, подсказав писателю другие пары: Гитлера и Эву Браун, Муссолини и Клару Петаччи... Если не политическим цинизмом, то в лучшем случае нравственной неразборчивостью возможно объяснить излюбленный мотив бывшей партийной и нынешней национал-патриотической прессы, до неузнаваемости искажающей облик ближневосточных деспотов. Чаще других — Саддама Хусейна, которого и фашиствующий “День”, и черносотенный “Русский вестник”, и партократическая “Советская Россия” согласно возвели на недостижимый нравственный пьедестал образцового национального лидера. Своим ближайшим другом величает иракского правителя Владимир Жириновский. Не диктатора, а обаятельного мужчину увидела в нем Сажу Умалатова. “Саддам Хусейн меня пленил”, — оповестила она по возвращении из Ирака, не найдя там никаких нарушений прав человека. И даже истребление непокорных курдов и шиитов не омрачили ее преклонения перед кумиром: эти проблемы она сочла попросту надуманными. Что и говорить: любовь не только, согласно народной поговорке, зла, но и слепа до безрассудства...

В ответ на это позволю себе воспоминание о том, как в 1988 году — очередной пик войны Ирака и Ирана — мне довелось провести две недели в Багдаде, изнутри наблюдая режим военной диктатуры — восточный вариант фашизма.

В одну из пятниц — выходной день мусульман — я пару часов

кряду провел перед телевизором, неотрывно вглядываясь в кадры репортажа о поездке по стране Саддама Хусейна: неразумный народ отдыхает, а мудрый вождь неутомимо трудится на благо верноподданных. В каком-то селе шел митинг. Площадь битком набита людьми, лица в молитвенном экстазе, фанатичный энтузиазм толпы, чьи головы приходится вровень с помостом, на котором монументально возвышается великий Саддам, за ним полукружьем — охрана. Стоит недвижно, как изваяние. Но чуть ослабевают ликование площади, он, не поворачивая головы, протягивает назад руку. Адьютант услужливо вкладывает в нее заряженный автомат. Несколько одиночных выстрелов поверх голов, лягз отстрелянных гильз, падающих на помост, — и вновь всеобщий восторг “народа”. Не оборачиваясь назад, возвращает автомат охране и опять застывает неподвижно. И так несколько раз на протяжении митинга, на котором не произнесено ни слова. Что-то варварски ритуальное было в таком жутком явлении вождя, который пока что стрелял поверх толпы. Но кто поручится, что, неровен час, не взбредет ему выкосить площадь очередями? Разбой в Кувейте, кровавые расправы с противниками единовластного режима тому свидетельство...

Героизация Чаушеску, Фиделя Кастро, Хусейна выдает отнюдь не благодушную ностальгию по сильной личности, твердой, жесткой, даже жестокой руке. Высадись нынче Сталин “где-нибудь в тихой бухте в Крыму... и направь свои стопы в Москву, многие его встретили б, как Наполеона, бежавшего с острова Эльба, цветами”, — писал Виктор Некрасов в 1981 году. Не будет преувеличением повторить сказанное им и в середине 90-х. С чего бы иначе появлялись вдруг в изобилии портреты генералиссимуса над скандальными толпами “патриотов”, митингующих на московских площадях? Не обошлось без них и в роковые октябрьские дни прошлого года...

Подобная ностальгия по лучезарному прошлому не случайна. Нет у нынешней партократически-аппаратной и национал-патриотической оппозиции демократии никакой иной программы, кроме оголтелых призывов вернуться назад, в “светлое будущее”, дабы восстановить в целостности и неделимости советскую империю, снова отгородить ее от “буржуазного” Запада “железным занавесом”, возродить социалистическую казарму с ее административно-командной, бюрократической системой управления, осчастливить подневольных, зато безропотных, послушных граждан нормированным уравнивающим распределением продуктов и товаров.

Но что бы значил возврат к старому в плане нравственном? Раньше и прежде всего — возрождение чудовищной, всепроникающей и всерастлевающей лжи, в лицемерной, фарисейской, удушающей атмосфере которой прошли все семь с лишним десятилетий советской истории. Ложь неотлучно сопутствовала самому рождению “рабоче-крестьянского” государства, и масштабы ее потрясли современников революции и гражданской войны — Владимира Короленко и Александра Куприна, Дмитрия Мережковского и Зинаиду Гиппиус. “...Не только

о каком-нибудь мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности, применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради промедления еще на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия, готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых". Так писала горьковская "Новая жизнь" в начале 1918 года. Великий пролетарский писатель и будущий основоположник социалистического реализма не очень-то расходился в то время с дворянином Иваном Буниным, ужаснувшимся в одесском дневнике 1919 года: "Лжи столько, что задохнуться можно"...

Снова всплывает та же аналогия, заданная историей. "Третий рейх, начав свое существование с откровенной лжи, с ложью же сходил со сцены", — сопоставляет "взлет и падение" гитлеровского режима автор его монументального исследования Уильям Ширер. Но "даже нацисты не выдавали желаемое за действительное в таких масштабах", как пропаганда коммунистическая, — полагает гарвардский профессор истории Эдвард Кинан.

Завалов лжи, скопившихся за почти три четверти века советского строя, мы и поныне не представляем себе в полном объеме. И то благо, что собираем правду по крупицам, по малым кирпичикам, шаг за шагом приподымая плотную завесу тайн над фактами и событиями, сокрытыми от отечественной и мировой истории. До самых недавних пор неприкасаемым "белым пятном" оставался Кронштадтский мятеж. По сию пору неизвестна точная цифра жертв ленинградской блокады, словно еще действует запрет на нее Сулова-Романова. С еще большим тщанием блюлись до недавнего времени, а в ряде случаев строго блюдутся и в наши дни государственные тайны, раскрытие которых проливало бы свет на политические преступления партии и правительства, органов безопасности и армии. Оттого и по сей день не перевелись еще лжеисторики, перекладывающие катынский расстрел польских офицеров с советских чекистов на гитлеровских оккупантов. Очередная фальсификация на эту тему появилась совсем недавно в газете "Завтра" (бывшем "Дне").

Но не будем отдавать ложь безраздельно прошлому: ее наступательные плацдармы множатся и сегодня. Сколько времени истекло, а крохи правды о кровопролитиях в Тбилиси, Баку, Душанбе, Вильнюсе, Риге и провокационном участии в них крючковского КГБ все еще не сложились в полное и точное знание. С отъявленного, шитого белыми нитками вранья начал свою трехдневную деятельность самозванный ГКЧП в августе 1991 года. А до какого апогея социальной и националистической истерии раздувается отъявленная ложь, признанная увести от ответственности истинных виновников октябрьского кровопролития в Москве и представить их коммуно-фашистский мятеж справедливым народным восстанием против президентской диктатуры! Слово не

депутаты, заседавшие в “Белом доме”, приняли при свете телевизионных юпитеров грозный указ, учреждавший за неподчинение хасбулатовскому парламенту смертную казнь без суда и следствия. Будто не бывший вице-президент Рудкой прилюдно звал к штурму мэрии и Останкинского телецентра. И не свастика отличала чернорубашечную форму баркашовских штурмовиков. Легко представить: если б мятеж удался, бессудные расстрелы опять стали бы в России обыденным явлением...

Подобно тому, как уголовные преступления редко вершатся среди бела дня, чаще — во мраке ночи, так и родная стихия преступников от политики — не гласность, а непроницаемый покров тайны. Кого и что только не поглотила, не погребла пресловутая секретность, при яростном сопротивлении правительственных структур, кагебэшных и армейских ведомств, мало-помалу отступавшая под напором журналистских расследований! “Цинковых мальчиков” и военнопленных на афганской войне. Жертв чернобыльской катастрофы. Радиоактивное заражение сел Оренбуржья во время репетиции атомного апокалипсиса. Эпидемию сибирской язвы в Екатеринбурге, вызванную лабораторной утечкой бактериологического оружия. Принудительные медицинские эксперименты над людьми. Экологические болезни, поразившие население нефтехимических и хлопковых районов. Загрязнение Белого моря сбросом отравляющих веществ и Невской губы строительством ленинградской дамбы...

Разномасштабные трагические события нанизываются на единый стержень правовой незащищенности людей от произвола властей, для которых человек — не более чем “колесико и винтик” социальной системы. Недаром так бешено воспротивилась она приоритету общечеловеческих ценностей над классовыми идеями. Но на такую же безгласность, бесправие обрекает личность и идея государственная, когда ставит права нации выше прав человека. Здесь тоже впору повторить вслед за поэтом: “И не надо мне прав человека, — Я давно уже не человек!..” (Владимир Соколов).

Научную карьеру Роберта Оппенгеймера пресек, сокрушил его ответ на вопрос в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности: какую лояльность он ставит выше - по отношению к человечеству или отечеству? Ученый предпочел первое. Русские национал-патриоты, проповедующие, будто не государство существует для человека, а человек для государства, идут сегодня по стопам сенатора Маккарти. А тот, в свою очередь, тоже не был оригинален. “Что такое “жизнь”? ... Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ”, — словоблудил Гитлер, доведя до абсурда гегелевскую идею государства как верховной, надличностной, абсолютной власти...

“Идея не должна отдаваться на откуп большинству — оно не в состоянии сделать верный выбор” ... Не член гитлерюгенда 30-х годов, одурманенный нацистскими лозунгами Германии, которая “превыше

всего”, рассуждает так, а в наши 90-е председатель городской комиссии по делам молодежи и спорту, возглавивший в Иркутске спортивное объединение численностью свыше 5 тысяч юношей и подростков. Культ сильной личности, апология насилия, апофеоз “единоличного права наиболее сильного” — краеугольные камни его каратистской философии, антидемократизм которой круто замешан на имперских амбициях: “Лучше империя, чем колония”.

Таков политический контекст красно-коричневого реванша, в каком следует воспринимать и участвовавшие в печати остервенелые нападки на интеллигенцию, изначально неугодную уже одним тем, что, в полной мере испытав на себе “безысходность несносной душевной несвободы” (Борис Пастернак), оставалась приверженной неписанным правилам общечеловеческой морали. И то сказать: как сигнализировал брежневским верхам В. Гришин об “отдельных лицах”, отказавшихся приказным голосованием “за” одобрить советскую оккупацию Чехословакии в августе 1968 года, все они “преимуществом представлятели интеллигенции”. Упрямо портила эта не до конца упрямая интеллигенция, особенно научная и творческая, отрадную картину безмозглого единодушия и во многих других случаях. Втайне сочувствовала опальным “диссидентам”, изгнанному Солженицыну и сосланному Сахарову, симпатизировала польской “Солидарности”, а не военному положению генерала Ярузельского, без ура-патриотического энтузиазма встретила афганскую войну, сначала настороженно, а потом и вовсе неприязненно отнеслась к шовинистической “Памяти”, не приняла имперскую идеологию других национал-патриотов и антисемитизм нынешних охотнорядцев, высказалась за национальную независимость прибалтийских народов, осудила тбилиское и прочие кровопролития, не поддержала августовский путч 1991 года и октябрьский мятеж 1993-го... Иными словами, какими бы куцыми ни были зачастую ее возможности благотворного воздействия на унифицированное общество, она противилась благодной атмосфере всеобщего согласия и тем самым препятствовала нравственному беспределу.

Сколько потоков брани и даже клеветы приняли, например, на себя писатели, подписавшие в ночь с 3 по 4 октября письмо 44-х, где ясно и твердо высказались в защиту демократии! “Правда” и “Советская Россия”, “Независимая газета” и “Завтра” не перестают клеймить их как чужь ли не главных виновников кровопролития, в то время как они авторитетом своего слова отводили от России вплотную подступивший призрак гражданской войны. “Сервильная интеллигенция!” — из статьи в статью гневно повторяет Владимир Максимов, видя в писательской поддержке демократии соглашательское услужение власти. Но неужто творческая интеллигенция должна быть непременно оппозиционна любой власти? Даже той, которая готова гарантировать свободы слова, печати, творчества, понимая, что без них искусство, культура в целом снова окажутся в железных тисках цензурных намордников? Другое дело, если эти гарантии останутся невыполненными, уступив место новому

диктату, до которого по-прежнему есть “тьма охотников”...

Поистине “социалистический” Восток не выдержал соревнования с “буржуазным” Западом не только по объему производства и уровню жизни, но и по правовой защищенности человека, нравственным нормам общественной и личной морали. Раньше и прежде всего потому, что непризнание общечеловеческих приоритетов в политике неминуемо оборачивается распадом нравственности, кризисом морали во всех других сферах народной жизни, но наиболее губительно — в духовной сфере культуры, литературы, искусства.

В прошлом отсталом веке для человека порядочного, тем более для писателя считалась зазорной апелляция к городовому. В нынешнем передовом обществе без стеснения зовут к насилию и расправам и не испытывают при этом никаких угрызений совести. Как, скажем, уже упомянутый выше Эдуард Лимонов, обнародовавший в “Советской России” полтора-два года назад “Манифест русского националиста”. Свобода демократов, заявлено в нем, должна быть ограничена размерами тюремных камер. И никаких выстрелов в воздух — сразу в цель...

В условиях развитой демократии, исторически жизнестойкой, умеющей защищать себя, возможно, наверное, допустить, чтобы профашистская газета “Завтра” выходила под первополосной “шапкой”: “Русское оружие — в руки патриотов”, а философ и писатель Александр Зиновьев возглашал со страниц “Правды”, что “народное восстание, борьба, сражение, жертвы — единственная альтернатива существующему строю, который он именуется “криминальным режимом”. Однако в России, как и в других регионах бывшего Союза, где юная, малоопытная, неискушенная демократия принимает на себя натиск коммунистического реванша, подобные подстрекательские лозунги и призывы звучат вовсе не комариным пискком.

Приходится признать откровенно и самокритично: наступление национал-коммунизма в значительной мере облегчено и ускорено тем, что не все демократы смогли после августа 1991-го и октября 1993 года выдержать испытание эйфорией победы и властью. Кажется, что и горький урок поражения на выборах в Федеральное собрание России не всем из них пошел впрок. Но это не перечеркивает исторически выверенной закономерности общественного прогресса: ничто, кроме демократии, полной и всесторонней, способной к самосовершенствованию, не гарантирует возвращение морали и нравственности в политику, а вслед за нею и во все другие сферы материальной и духовной жизнедеятельности посткоммунистического общества. Ибо демократия — это распрямление коленопреклоненного человека, высвобождение его из-под всеокрушающей тирании самодовлеющей классовой или обуженной национальной идеи...

ПАРАДОКСЫ ДЕМОКРАТИИ

Меня никогда не покидала мысль, что проблемы наших народов, долгое время и до недавних пор страдавших от удушья в советской империи, при всем своем различии все же глубоко родственны. Отчужденность или высокомерие, с чьей бы стороны они не проявлялись, не способствовали нашей солидарности, которая в те времена, пожалуй, была единственной опорой. И сейчас во время посттоталитаризма, вернее, в стадии советского постимпериализма, эти проблемы имеют общие черты.

То обстоятельство, что мы, государства Балтии, относительно раньше смогли вырваться из когтей власти наследников царской империи и их продолжателей, еще не дает никаких гарантий. Щупальца советской империи еще жизнеспособны и действуют. Один пример. Навязанный латвийскому правительству Скрундский локатор мировому сообществу подается как гражданский объект под военным контролем. И этот объект, который (якобы с одобрения канцелярии Ельцина, что впоследствии вызвало якобы опровержение) совершенно справедливо был назван военной базой, будет находиться в Латвии еще четыре года и полтора года. Нет, вы не ослышались, четыре года и восемнадцать месяцев. Первоклассник спрашивает у своих родителей: неужели взрослые дяди не умеют считать — это же пять с половиной лет. Да, речь идет о военной базе в Латвии, при участии которой в случае необходимости можно начать любые акции против народов Балтийских стран. Можно назвать танк трактором для самообороны, суть дела не меняется. Сохраняется угроза взрыва. Остается очаг напряжения. Такова одна из форм внешнего проявления тоталитарного режима в Латвии. Проявления явного. Но есть и другие — скрытые. “Разделяй и властвуй!” — древняя фарисейская мудрость. К сожалению, этот закон действует и поныне. Заслуга Народного фронта Латвии, а потом и Верховного Совета была в том, что они четко и своевременно смогли вступить в борьбу за восстановление независимости — на грани последнего риска, но в нужный момент без опоздания. Заслуга была и в том, что удалось избежать кровопролития, как бы ни провоцировали его встревоженные ситуацией московские функционеры во главе с Пуго, который, в свою очередь, ощущал на затылке покровительственное дыхание Горбачева, а за ними послушное правое крыло ЦК компартии Латвии во главе с Альфредом Рубиксом и при помощи исполнителей их воли — омонических преступников.

К сожалению, дальнейшие пути народофронтовцев разошлись. Одна часть продолжала жить в надежде возможного автоматического решения социальных и национальных проблем. Создание новой микросреды было нелегким делом. Однако же большая часть, вошедшая во властные структуры, была вовлечена в аппаратные игры, основу

которых, как выяснилось позже, составляли: 1) неупорядоченное законодательство и вообще отсутствие некоторых законов; 2) взаимные разногласия; 3) тайный характер конверсии армейского имущества; 4) неотрегулированные экономические отношения с государствами и территориями бывшего СССР. Таким образом, многие представители власти были вовлечены в системы коррупции, характерные для переходного периода.

Пример. Латвия наряду с Эстонией, не имея собственных месторождений, стала одним из крупнейших экспортеров цветных металлов в мире. Где же были открыты эти залежи? Львиную долю, разумеется, составляла завуалированная передача армейского имущества, потом же вновь найденные старатели взялись за провода линий электропоездов, создавая таким образом угрозу жизни тысячам пассажиров, не пощадили они и кладбища с их памятниками и мемориальными досками, в ход пошли даже металлические буквы, содранные с кладбищенских надписей. Поэтому, когда председатель Совета Министров Годманис за три дня до ухода с поста наложил запрет на вывоз цветных металлов, население восприняло этот указ с насмешкой. Рыночная стихия отнюдь не слепа, как это пробуют втолковать нам, а сознательно строится руками позавчерашних уголовников, вчерашних чекистов и сегодняшних рекетиров. Правительственный лоббизм вырос и продолжает расти. И все время культивируется идея, что на такой стадии раннего капитализма подобные нравы не только терпимы, но и необходимы.

Разумеется, люди культуры, которые вместе с диссидентами во второй половине восьмидесятых годов использовали перестройку, чтобы перейти к движению возрождения, а затем к прямому требованию независимости, не могут смириться с этим и никогда не смирятся. Организованный в Риге Янисом Петерсом конгресс в защиту культуры прозвучал как колокол тревоги, как набат. Петерс напомнил слова Райниса: "Говорить о культуре — значит говорить о Латвии". Кому напомнил? Самим работникам культуры. Руководящие мужи согласно кивали головами, мол, мы все понимаем, но поделать ничего не можем, поймите и вы нас... Понять оказалось нетрудно. Одним из первых деяний Сейма было постановление о повышении оклада депутатам, министрам и далее чиновникам по иерархии. Субсидии для культуры сократились. Угроза нависла над всем хоровым движением и культурой народных промыслов, имеющих вековые традиции. Одно время почти остановилось издание серьезной литературы. Министерство культуры было ликвидировано и стало частью общего ведомства для просвещения, культуры и науки одновременно, концепция действия которого не разработана до сих пор. Правда, в последнее время в результате усилий государственного министра культуры Яниса Дрипе обозначились некоторые положительные направления. Продолжают субсидироваться главные рижские театры и целевые программы художников, писателей, литературоведов, историков культуры — это осязаемый

стимул для трудоемких исследований. Обозначено и два престижных мероприятия, для осуществления которых деньги все-таки нашлись.

Прежде всего это строительство Национальной библиотеки. Затем это капитальный ремонт здания Национальной Оперы, который затянулся на десятилетие, в то время как солисты оперной и балетной сцены вынуждены выступать в Италии, Германии, в скандинавских странах. То же самое происходит и в науке. Каждый третий ученый из известного в мире Института твердого тела ныне работает за границей.

Разогнать специалистов, разрушить какую-либо отрасль искусства или науки не составляет труда. Вопрос в том, удастся ли это восстановить вообще, ведь многое создавалось и целенаправленно, и спонтанно. Неразумная налоговая политика (с другой стороны, бесконтрольное вторжение безналогового алкоголя с Запада), непомерный подоходный налог для книгоиздателей не способствуют развитию культуры.

И все же — культура жива, возрождается и дает новые всходы. Да, книжные магазины завалены бульварщиной и сомнительными переводами, однако выходят и серьезные талантливые произведения — проза и поэзия. Некоторые издательства, несмотря на финансовые трудности, упорно стараются не снижать уровень и популяризировать хорошую литературу. Журнал “Карогс” со спонсорской помощью коммерсанта Геркена объявил конкурс, в результате которого к изданию были рекомендованы 28 романов. Это намного превышает количество оригинальных произведений, созданных за несколько предыдущих лет.

Если же говорить об изобразительном искусстве, то подобная свобода и раскованность, а также многообразие талантов не наблюдались у нас с двадцатых — тридцатых годов.

Периодические издания растут как грибы после дождя. Конечно, их содержание и художественный уровень различны — от элитарного культурологического журнала “Кентавр-XXI” до желтого листка “За кулисами”. Однако читатель начинает эти издания различать, сортировать, его заставляют это делать и время, и деньги. Время, которое можно провести с большей пользой, и деньги, которых большей части населения не хватает.

Но самое главное свершилось — пресса Латвии стала свободной прессой. Отсюда и начавшиеся судебные процессы между нынешними и бывшими начальниками и журналистами. Весьма комичной стала судебная тяжба бывшего председателя Совета Министров с газетой “Диенас бизнес”, она вызвала широкую реакцию публики. Истец потребовал отозвать не только фразу, что он служил на благо некоей фирмы усердней, чем государственным интересам, но и... карикатуру на него. Как это сделать (а именно — отозвать карикатуру) не знал никто — ни суд, ни жалобщик.

Да, это парадоксы демократии. Демократия не возникает сама по себе. У нее есть и ахиллесова пята, и другие слабые места, о которых слишком хорошо знают и пользуются этим знанием ее противники, в

какие бы одежды они не рядились.

В Латвии теперь часто говорят о возвращении в Европу. Но — ведь Латвия, как и Литва, и Украина, и Беларусь никогда в другом месте не находились! Поэтому хотелось бы, несмотря на различия в области экономики и государственного устройства наших стран, чтобы наши контакты продолжались и развивались. В связи с этим мы с Кнудом Скуениексом благодарим за приглашение на конгресс и, в свою очередь, можем сообщить, что 26 мая ждем белорусских поэтов на вечер белорусской поэзии в Риге.

Иван Бурсов

ДА, КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫЛ ПАСТЬ...

То, что ничто не вечно под луной, людям известно еще со времен Екклесиаста...

Поднимались и рушились города, возникали и исчезали государства, образовывались и рассыпались могущественные империи. Одни события проходили незамеченными даже для современников, другие приобретали резонанс вселенский, носили глобальный характер.

То, что мы видим сегодня, принадлежит, несомненно, к событиям мирового масштаба. Мы являемся свидетелями заключительного акта исторической драмы — гибели огромной, многонациональной Российской империи. СССР — лишь псевдоним ее заключительного периода, особенно жестокого, достигшего высшей формы тоталитаризма.

Гигантская страна, в колониальной неустойчивости выплеснувшаяся на половину Азии и в имперском устремлении углубившаяся в неподатливую Европу, еще недавно казавшаяся непоколебимой, как базальтовая материковая плита, вдруг, с легкостью подтаявшего айсберга, развалилась на части.

Как бы мы не относились к политическим догмам и амбициям этой страны, — безоглядно верили в силу “всепобеждающего учения” или разделяли сомнения автора трактата “Доживет ли Россия до 1984 года?” — такой исход произвел на всех нас ошеломляющее впечатление.

Да, общество ждало перемен, было готово к ним, но о таком повороте событий не думали даже самые отчаянные реформатские головы. (Пожалуй, только в Прибалтийских республиках бытовало особое мнение. Там предполагали покинуть наше коммунально-интернациональное судно (или галеру) и продолжать плавание самостоятельно).

Но у Истории свои расчеты и решения...

Как бы мы к ней не относились — как к естественному ходу событий или как к целенаправленному действию Провиденциальных

сил, она поступает так, как считает нужным, проводя свои решения через нас, оставляя нам только запоздалую возможность подискутировать — что было бы, если бы мы поступили не так, а вот так или этак.

Но, как известно, самой Истории сослагательное наклонение не знакомо.

Да, мы обладаем свободой выбора. Наше понимание Добра и Зла, как основанное на жизненном опыте, так и привитое разными факторами целенаправленного воздействия, приводит нас к выбору определенной позиции.

Но в любом случае, какую бы позицию мы не избрали, сумма позиций будет всегда такой, какая необходима для эволюции, следовательно, и для Истории.

В данном случае, Карфаген должен был пасть.

Хотя силам, возникшим в результате экономических, социальных, политических, национальных проблем, просто отрицающим старый стиль руководства, объединившимся под общепонятным лозунгом “За демократию!”, в их стремлении к внутреннему переустройству, мало представлялись такие разрушительные последствия их действий.

И основную разрушительную роль здесь сыграли силы, если можно так выразиться, национальной ориентации. Именно они, в первую очередь, привели к центробежному ускорению, отторгшему, как и положено по законам физики, от огромного материка Российской империи ее окраинные территории, в разное время пристегнутые на живую нитку к ее границам, с надеждой на постепенное приживание. Они одновременно поспособствовали образованию каверны и в самой метрополии.

В результате мы имеем пятнадцать государственных новообразований с разным уровнем жизнеспособности и с суммой самых разных проблем.

Но самая острая и болезненная проблема, перешедшая по наследству от СССР ко всем странам-республикам, недавно его составляющим, — это проблема реставрации советско-коммунистического режима. Ибо силы, приобретшие “боевой опыт”, по словам наших недавних институтских учебников, “...в ожесточенной борьбе с народниками, “легальными марксистами” и с “экстремистами”: эсерами, меньшевиками, анархистами и буржуазными националистами всех мастей...”, уступать, даже собственному народу, не приучены.

При анализе всех нынешних конфликтов, как внутренних, так и внешних, почти всегда можно вычислить одну и ту же иницирующую силу. Да, это она, наша родная партия, с которой мы всю жизнь, если верить преследовавшим нас повсюду лозунгам, были едины.

Не потому ли с таким трудом, с такими усилиями приходится рвать эти кровные узы.

Именно эта, накопившая свой опыт далеко не бескровным способом, поднаторевшая в борьбе за власть, сила противостоит сегодня молодой и неопытной демократии в новых независимых государствах,

возникших в результате, в первую очередь, национального фактора.

И нам кажется, демократы сейчас только бы выиграли, соединив свои усилия с силами национального возрождения. Последние все громче, хотя и по-разному заявляют о себе в каждой из стран, объявившей о своем суверенитете. А ведь эти силы могут оказаться и под красным знаменем, добавив к нему немного коричневой краски или украсив национальным орнаментом.

Кстати, нужно уметь видеть и саму "национальную идею". Одно дело — защитить себя от ассимиляции, отстаивать собственное достоинство и независимость, при равноправном общении с соседями, другое — претендовать на превосходство, противопоставлять интересы других наций своей...

Национальность, она как инстинкт, от нее нельзя избавиться, ее можно подавить только интеллектом. И тут же хочется продолжить: самое главное на планете — это права человека к какой бы национальности он не принадлежал. И в этом нет парадокса...

В заключение, несколько слов о республике Беларусь.

Это, пожалуй, одна из республик бывшего Союза, которая меньше всего ожидала оказаться в ранге независимого государства. Экономически благополучная, по сравнению со своими недавними "сестрами" политически, социально, этнически стабильная, с хорошо профильтрованным национальным сознанием, она в основном под воздействием общих демократических сил оказалась якобы вне пределов привычного имперско-советского государственного устройства.

Естественно, что говорить здесь о каких-то качественных демократических преобразованиях не приходится.

Нынешние кормчие, стоящие сегодня у руля республике Беларусь, недалеко ушли в своей политической ориентации от своих предшественников. Это все та же советско-коммунистическая номенклатура, привыкшая к командам сверху. Она сегодня говорит о демократии, но видит ее во френче знакомого нам всем покроя, разве что с белорусским орнаментом на вороте и рукавах (как дань национальной независимости).

Хотя и национальные украшения представляются ей необязательными. Ведь многие из тех, кто представляет сегодня независимую Республику Беларусь в высших ее управленческих инстанциях, порой стесняются даже своего белорусского акцента, видя в нем признак провинциализма, а не отзвук произношения своего народа, с многовековой и славной историей.

Чтобы здесь хоть что-то изменить в лучшую сторону, потребуется огромное совместное напряжение как демократических сил, так и сил национального возрождения.

История дала многострадальному белорусскому народу за всю его трудовую и сложную историю первый такой шанс — обрести собственное независимое государство, базирующееся на демократических устоях.

Хочется верить, что белорусский народ этот шанс не упустит.

РАЗОРВАТЬ КРУГ

(к вопросу о военной мифологии тоталитаризма)

Наш конгресс почти совпадает по времени со знаменательной датой в жизни белорусского народа: через полтора месяца — 3-го июля — будет отмечаться 50-я годовщина освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

Я сказал — будет, хотя праздник этот давно уже начался, все первое полугодие 1994-го проходит под его знаком. Несмотря на все тяготы и потрясения нынешнего нашего бытия, это действительно праздник, но отнюдь не бравурный, не парадный, каковым его в очередной раз хотели бы сделать те, кто на протяжении всех послевоенных десятилетий нещадно и бесстыдно эксплуатировал Победу, целиком и полностью приписывая ее себе, возвеличивая и укрепляя ею свою тоталитарную власть над народом. Это праздник прежде всего поминальный, с горьким привкусом скорби. Потому что на празднике этом мы не досчитываемся миллионов своих сограждан, мирных жителей, погибших в годы фашистской оккупации: горожан и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей — белорусов, русских, поляков, почти поголовно истребленных белорусских евреев... Не досчитываемся тысяч и тысяч белорусских партизан, сложивших голову в вооруженной борьбе с гитлеровскими оккупантами...

Нет на этом празднике и сотен тысяч воинов Советской Армии, освобождавших белорусскую землю и оставшихся в ней навсегда под бесчисленными обелисками братских могил...

Вечная память всем, кто погиб в Беларуси и за Беларусь...

Вечная память!

Но память — это не просто приличествующие случаю слова, не просто ритуальная минута молчания. Память — это долг живых перед мертвыми, долг совесть, требующий и ныне, спустя полвека, сопротивления все тому же врагу — фашизму, в какой бы ипостаси он перед нами не предстал, какую бы “библию” не исповедывал: “Майн кампф” или “Вопросы ленинизма”.

В октябре прошлого года мы были потрясены, увидев фашистов рядом с коммунистами, оказавшихся по одну сторону баррикады. Но мы забыли, что это уже было — в 39-м, когда Риббентроп пожимал руку Сталину и Молотову, когда антифашистов стали называть “близорукими”, когда в Бресте, на костях поверженной Польши, состоялся совместный парад вермахта и Красной Армии и весь мир затаил дыхание, глядя, как две тучи — красная и коричневая — вот-вот сольются в одну чудовищную красно-коричневую тучу, готовую накрыть собою весь земной шар.

История распорядилась так, что тогда эти две тучи не слились, а

столкнулись, и молнии, вызванные их столкновением, испепелили сперва советскую землю, а затем землю Германии. Однако столкновение это не изменил их общей природы, никуда не исчезло генетическое родство национал-социализма с коммунизмом большевистского толка. Родство, которое проявляется и в военной мифологии тоталитарного государства, мифологии, в основе которой лежит культ жертвенности, культ вождя, культ партии, фальсификация и приукрашивание истории, когда выпячиваются только победы, а поражения затушевываются или по крайней мере ретушируются так, что начинают выглядеть как победы, когда преступления или замалчиваются, или выдаются за доблести, как это мы видим на примере преступной афганской войны, чужь ли не отождествленной с Великой Отечественной, во всяком случае, поставленной на те же котурны, что и Великая Отечественная, чей подлинный образ был искажен кистью партийных батальных живописцев в духе и в манере сталинского классицизма.

Рудименты этой мифологии остались в нашей жизни и поныне. В сознании. В душе.

Об этом я и хочу сказать.

Тема весьма нелегкая, весьма болезненная, потому что приходится посягать на так называемые святыни, спорить с мифами, построенными на крови Великой Отечественной, которая в глазах миллионов людей все еще предстает такой, какой обрисовала ее официальная советская историография, какой послевоенные поколения увидели ее в сотнях и тысячах лживых, полулживых или, по крайней мере, на четверть лживых книг и кинофильмов — не только художественных, но, как это ни парадоксально, документальных. (Впрочем, кто-то из самих же документалистов заметил, что нет более отъявленной лжи, чем документальная...) Да если бы только послевоенные поколения! Многие участники Великой Отечественной видят навязанный им образ этой войны глазами тех, кто навязывал, верят не себе, не своему личному опыту, а мифу. Поэтому приходится пробиваться через стереотипы мышления, пробивать броню идеологических догм, тугоплавкий сталинит советской ментальности.

Но спорить трудно еще и потому, что есть опасность вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Что я имею в виду?

Ныне, когда все знают правду о преступлениях Сталина и его подручных, на чей совести, помимо всего прочего, и военная катастрофа 41-го года, когда у людей, способных мыслить, не осталось сомнений относительно характера советского государства как государства тоталитарного, идентичного по своей сути гитлеровской Германии, — делаются попытки кардинально, исходя именно из тоталитарности сталинского СССР и Германии фюрера, поменять оценку Великой Отечественной войны, попытка доказать, что она не была воистину народной, отечественной, не была антифашистской: мол, как она могла быть антифашистской, если обе противоборствующие стороны являли

собой две стороны одной медали? К чему привела победа одного тоталитаризма над другим? К тому, что победивший тоталитаризм раздулся до необъятных размеров, нарастил мускулы невиданной ядерной мощи и стал угрожать всему человечеству?

Что касается последнего, то, увы, так оно и было. Но это совсем иной разговор. А Великая Отечественная война стоит здесь особняком. Потому что в тот момент истории, когда гитлеровская Германия напала на сталинский Советский Союз, характер войны стала определять не сталинщина, а борьба народа с иноземным нашествием, которое поставило под угрозу не только советскую власть, но само физическое существование нашего народа. С гитлеровским фашизмом нужно было драться насмерть. Четыре года Великой Отечественной — это время, когда цель и задача коммунистов — победить Гитлера — совпали с целью и задачей народа. Больше таких совпадений в нашей советской истории, пожалуй, не было. Оспаривать же характер той нашей великой войны как отечественной могут только те, кто запятнал себя сотрудничеством с гитлеровскими оккупантами и сегодня пытается уверить, что сделал это из тактических соображений, дабы вместе с фашистами свернуть шею большевикам, а затем избавиться и от германо-фашистского ярма, утвердить независимое белорусское государство. Может, у кого-то и впрямь были такие расчеты, такие планы, но позволительно спросить: как это возможно, отшатнувшись от одного дьявола, заключить союз с другим, не менее отвратительным и страшным, и оставаться при этом под хоругвями Бога?

Другое дело, что давно уже пришло время рассказать и показать всю правду об этой войне, снять с нее розовую вуаль героико-романтической эпопеи, персонажами которой выступают сконструированные из гладких блоков соцреализма “рыцари без страха и упрека”, — показать все то ужасное и бесчеловечное, что было содеяно не только немцами, но и нами, и не только по отношению к врагу, но и к своим же людям: произвол особых отделов в партизанских отрядах, особых отделов, которых партизаны боялись больше, чем СД или гестапо, расстрелы по одному только подозрению, расправы не только со старостами, но и с их семьями, казни белорусских учителей только за то, что они и при немцах учили детей родному языку...

Словом, образ этой войны и в целом и в частности, если говорить только о Беларуси, не совсем такой, какой был создан.

Да, Беларусь по праву называют республикой-партизанкой, неоспоримы подвиги белорусских партизан и подпольщиков, но главное — это мученический подвиг мирного населения Беларуси, в первую очередь, ее крестьянства, которое грабили и немцы, и полицаи, за счет которого кормились, одевались и обувались партизаны, — подвиг мирного населения, подвиг женщин, сумевших спасти, уберечь, накормить своих детей в условиях во стократ более тяжелых и жестоких, чем нынешние, подвиг людей, которые и тогда пахали землю, строили хаты, рожали, читали книги, помогали ближним... Просто — жили,

оставались людьми вопреки виселицам под окнами, вопреки погромам и пожарам, вспыхивающим от факела карателей... Вот на таких примерах жизнестойкости, на примерах подвига вроде бы не героического надо бы учить и воспитывать нынешнюю молодежь, нынешних подростков. А их сызмала готовили к жертвенной смерти, воспитывали в них готовность умереть во имя "великого дела партии", воспевали, поэтизировали жертвенность.

Скажу в этой связи о наиболее близком мне.

В каждой школе, в каждой детской библиотеке, в каждом красном уголке сельского клуба есть стенд "Пионеры-герои", посвященный мальчишкам — участникам Великой Отечественной, мальчишкам-партизанам. Тем, кто погиб в бою, кто был повешен гестапо, замучен в тюрьме...

Конечно, они совершили подвиг, были храбрыми, отчаянными мальчишками, но ведь это ужасно — то, что дети должны были воевать, тянуть лямку тяжелой, смертельно опасной партизанской жизни наравне со взрослыми. Ужасно то, что подростки должны были убивать, что они невольно учились быть беспощадными, жестокими, непримиримыми... О да, виноваты условия, в которых они оказались. Но условия эти возникли по вине тех, кто благодаря своей бездарности, своему "шапкозакидательству" и политической слепоте сдал врагу огромную территорию с многомиллионным населением, обрек его на ужасы оккупации. И гибель этих мальчишек на совести не только гитлеровских карателей, но и на совести тех, кто допустил разгром Красной Армии в июне-июле 41-го года. Может быть, прежде всего на их совести. И, думается, весьма смахивает на кощунство превращения "пионеров-героев" в милитаристские иконы, в наглядные пособия для так называемого военно-патриотического воспитания.

Думаю, что имею моральное право так говорить: я тоже мог оказаться на одном из таких стендов, потому что ушел в партизаны тринадцатилетним подростком и боевую медаль получил раньше, чем паспорт — в четырнадцать лет. Пуля меня миновала, но, как пуля, застряла во мне память о партизанской войне, о том, как это страшно, как, в сущности, нелепо, противоестественно — мальчишка с оружием, мальчишка, готовый убить и быть убитым...

Сравнительно недавно, когда разгорелись с новой силой страсти вокруг книги Светланы Алексиевич "Цинковые мальчики", когда шел суд над этой книгой и ее автором и я вступился, не мог не вступить за Светлану, ревнители нашей советской боевой славы, ревнители мифов о Великой Отечественной обвинили меня чуть ли не в предательстве, в отречении от партизанского детства, в попрании святых и праха героев, на примере жизни которых были воспитаны и "цинковые мальчики". Мальчики, для которых уготованы, да и созданы, новые стенды. Мальчики, превращенные в те же милитаристские иконы, мальчики, пример которых учит не тому, как жить, а готовности умереть.

Порочный круг замыкается, хотя, казалось бы, с крахом “красной империи” должны были уйти в прошлое и все ее атрибуты. Но им не дают уйти. Ибо наверху все те же люди, все те же мифотворцы и борцы с “дегероизацией”, — те, кто свирепо боролся с обнаженной правдой Василя Быкова, с “Хатынской повестью” Алеся Адамовича, те, кому и сегодня необходим образ войны, созданный в духе сталинского классицизма. Необходим для того, чтобы вернуть прошлое.

Святая память о Великой Отечественной требует противостояния им. Тем, кто оказался на одной баррикаде с фашистами. Тем, кто хочет довершить то, что не состоялось в 39-м — слить воедино красную и коричневую тучи в одну чудовищную красно-коричневую. И удушить нас ею, как облаком циклона-Б, в газовой камере... Но я верю, что мы разорвем порочный круг.

Адам Мальдзіс

ТАЛЕРАНТНАСЦЬ І ДЭМАКРАТЫЯ: ЦІ ЗАЎСЁДЫ ЯНЫ СУПАДАЮЦЬ?

(З гістарычнага вопыту беларускага народа)

У апошнія гады і месяцы французскае слова талерантнасць як сінонім слоў цяпымасць і плюралізм, як неад’ёмная і вызначальная рыса дэмакратычнага ладу, яго філасофія, як антыпод паняццяў нацыяналізм, фундаменталізм і фанатызм усё часцей з’яўляецца на старонках і беларускага друку, і шматмоўнага друку Беларусі. З лёгкай і кампетэнтнай рукі берасцейскага літаратара Генадзя Праневіча ў газеце “Літаратура і мастацтва” пачалася дыскусія пра тое, на што хварэе беларускае грамадства - на празмерную талерантнасць ці недахоп. Тым жа словам часта жанліруе небеззвестны тыднёвік “Мы і время”, які абвінавачвае беларусаў у нацыяналізме, у адсутнасці талерантнасці, а тым самым і дэмакратыі там, дзе гаворка ідзе ці павінна ісці ўсяго толькі пра звычайны патрыятызм, пра абарону роднай мовы і роднай культуры, у рэшце рэшт, пра элементарнае права гаспадара праспаць, як казаў Уладзімер Караткевіч, у сваёй бацькоўскай хаце капі не на лаве, то хаця б пад лаваю.

Паводле вызначэння навукоўцаў талерантнасць і сапраўды з’яўляецца характэрнай, вызначальнай рысай беларусаў, іх нацыянальнага характару, менталітэту. Эдуард Дубянецкі ставіць яе ў адзіны паравень з такімі становачымі якасцямі, як памяркоўнасць, няпомстлівасць, гасціннасць, вынослівасць, працалюбства, мяккасэрднасць. Іх жа працягам з’яўляюцца недахопы: апатычнасць, нерашучасць, канформ-

нась, недаверліваць, замкнёнась. Вядома, кожную з гэтых рысаў, узятую паасобку, лёгка можна знайсці і ў характары іншых народаў. Але сукупнась іх, на маю думку, усё ж адкрэслівае беларускі менталітэт, яго адметнась.

Гістарычны вопыт беларускага народа сапраўды сведчыць, што ён вызначаўся цярпімасцю да іншасці, чужаземнасці - этнічнай, канфесійнай, маральна-этычнай, культурнай. Хаця, можа, слова цярпімасць тут і не дужа падыходзіць. Цярпяць нешта чужароднае, і пад прымусам. Таму будзем усё ж карыстацца словам талерантнась, укладваючы ў яго той сэнс, што яна заснавана на вольным, добраахвотным, дэмакратычным выбары, на разуменні таго, што іншароднасць - арганічная частка нечага большага і супольнага (Беларусі як дзяржавы, напрыклад, еўрапейскага кантыненту ці ўсяго чалавецтва), урэшце, на рэлігійнай (для нас - пераважна хрысціянскай) любові да бліжняга, якая выключае нянавісьць.

У Беларусі сапраўды не было рэлігійных войнаў (нават забойства Іясафата Кунцэвіча не выклікала яе), інквізіцыйнага спальвання ерэтыкаў-іншадумаў (пакаранне смерцю атэіста брэсцкага падсудка Казіміра Лышчынскага - выключэнне з правіла, і то яно адбылося не ў Беларусі, а ў Варшаве). Чарнасоцэнцам амаль не ўдавалася ўзняць беларусаў на антысеміцкія пагромы, на прафанацыю іншаканфесійных святыняў. Мне могуць запырачыць, што былі гады бальшавізму. Але ж тады святыні знішчаліся не як праваслаўныя, каталіцкія, габрэйскія ці мусульманскія, а як увасабленні абстрактнага, надкафесійнага "опіума".

Талерантнась нашых продкаў асабліва выразна выявілася ў часы Вялікага Княства Літоўскага, дзяржавы шматэтнічнай і шматрэлігійнай. Пра гэта сведчаць выданні Францішка Скарыны, які імкнуўся ўзняцца над канфесійнай абмежаванасцю і праваслаўя і каталіцызму. Прадбачы будучае рэлігійнае процістаянне, якое фатальна адбілася на фарміраванні нацыянальнай свядомасці беларусаў (ды і сёння працягвае адбывацца), ён імкнуўся паяднаць хрысціян на падставе біблейскага вучэння. Пра тое ж сведчыць і Літоўскі статут, ці не самы "талерантны" збор законаў у тагачаснай Еўропе. Паводле гэтай своеасаблівай канстытуцыі ўсе этнасы і веравызнанні карысталіся ў Княстве аднолькавымі правамі. Урэшце, пра гэта сведчыць і паўсядзённая практыка, якая здзіўляла тагачасных заходнеславянскіх падарожнікаў: праваслаўныя, каталіцкія, пратэстанцкія, габрэйскія святары мірна сядалі за адзін і той жа ўрачысты стол, а сяляне-католікі ці ўніаты заходзілі ў праваслаўную царкву і наадварот, слухна лічачы, што "ўсё роўна хвала Боска". Не было нянавісці да этнічнай і рэлігійнай іншасці і ў беларускім фальклору - хіба толькі што тонкі, незласлівы гумар, іронія, якая спалучалася з самаіроніяй.

І такая відочная талерантнась беларускага народа тлумачыцца не яго выбранасцю, выключнасцю ці зададзенасцю, а геаграфічным размяшчэннем, гістарычнымі абставінамі. Як піша польская даследчыца Міраслава Папезыньска-Турэк, гэтая з'ява, што мела і станоўчыя, і

адмоўныя вынікі, была выклікана, па-першае, моўнай блізкасцю з больш моцнымі ўсходнімі і заходнімі суседзямі, з-за чаго не існавалі занадта высокія бар'еры пры асіміляцыі; па-другое, павольнасцю урбанізацыйных працэсаў, што дало мажлівасць доўгага трывання "сялянскасці"; па-трэцяе, частай зменай дзяржаўнай належнасці, падзалежнасці нацыі ў 20-30-я гады ХХст. З-за частковай адсутнасці недзяржаўнасці ў нас быў іншы, чым у Заходняй Еўропе, шлях да самасцвярджэння: там дзяржаўная супольнасць нараджала моўную і нацыянальную еднасць, у нас жа ў прынцыпе ўсё ішло наадварот. Калі не лічыць Вялікага Княства Літоўскага, дзяржавы, супольнай для беларусаў і літоўцаў, толькі цяпер, у канцы ХХ ст., з'явіліся прыкметы суверэннасці.

Была, дадамо, яшчэ адна прычына, з-за якой беларусы сталі асабліва "плюралістычнымі". Яны аказаліся на паграніччы двух вялікіх рэгіёнаў: усходняга, праваслаўна-візантыйскага, і заходняга, каталіцка-раманскага. Тут адбывалася іх судакрананне, узаемадзейненне, узаемаўзбагачэнне, сінтэз (да прыкладу, ва уніяцтве, асабліва ва уніяцкім дойлідстве і жывапісе). А разнастайнасць традыцый і уплываў нараджала культурную і жыццёва-этычную шматалічнасць, вымушала людзей разумець іншасць і паважаць яе. Асабліва гэта стасуецца да XV-XVII ст. ст., калі розныя этнасы і канфесіі былі аб'яднаны ў Княстве адзінай, дзяржаўнай ідэяй.

Аднак у XVIII і XIX ст. ст. гістарычныя абставіны змяніліся. Княства пазбавілася суверэннасці, беларуская мова перастала быць дзяржаўнай. Пачаліся часы прымуsoвай ці вонкава добраахвотнай асіміляцыі. І тое, што было раней нашай сілай, стала слабасцю. Празмерная талерантнасць пачала шкодзіць дэмакратыі, бо паступова ператваралася ў канфармізм, падданіцтва. Пачуццё ўласнай годнасці трансфармавалася ў пачуццё гістарычнай і культурнай непаўнацэннасці, патрыятызм - у нацыянальны нігілізм, манкурцтва. Асабліва гэтыя працэсы ўзмацніліся ў гады таталітарызму, які не дапускаў ніякай іншасці, ніякага плюралізму.

Названыя вышэй працэсы, нягледзячы на наш суверэнітэт, хутчэй вонкавы, чым сутнасны, працягваюцца і сёння. І нават узмацняюцца. Беларускі патрыятызм, вельмі кволы па сваіх праявах, абвешчаецца небяспечным нацыяналізмам, які, маўляў, супярэчыць і дэмакратыі і агульначалавечым гуманістычным прынцыпам (для доказу я спашлюся на прамову ў парламенце генерала Сарокіна). У імя той жа тэндэнцыйна зразуметай талерантнасці родная мова зноў узмоцнена вышчасняецца мовамі суседніх дзяржаваў, нацыянальная культура зноў слепая пераймае не лепшыя ўзоры чужых культур. Каб быць падобнымі да іншых, беларусам прапануецца пазбавіцца ўласнай тоеснасці - культурнай, нацыянальнай, дзяржаўнай. І робяць ўсё гэта пераважна не прадстаўнікі суседніх дзяржаваў ці народаў (якраз ёсць многа прыкладаў з іх боку сапраўднай талерантнасці - прыгадаем хаця б страсныя артыкулы ў абарону беларускасці праф. Ефрасінні Андрэевай, рускай па нацыяналь-

насці), а самі ж дэнацыяналізаваныя беларусы, якіх большасць і ў дзяржаўнай, і ў эканамічнай эліце. Псіхалагічна зразумець іх можна: аднойчы заразіўшыся нацыянальным нігілізмам, гэтым сапраўдным беларускім СНІД'ам, адчуваючы маральны дыскамфорт, яны жадаюць, каб гэта ж адчувалі і іншыя.

Такім чынам, шаноўнае спадарства, у сённяшняй Беларусі ўзнікла ўнікальнае ў Еўропе становішча: асноўнае, карэннае насельніцтва краіны, якое складае 80 працэнтаў усіх грамадзян, падзелена на дзве няроўныя часткі. Яны заўважаюць адразу нават недасведчаным вокам і слухам - дастаткова прайсці па вуліцах Мінска, зайсці ва ўстановы і кнігарні ці паслухаць трансляцыю выступленняў беларускіх парламентарыяў. Большая, дэнацыяналізаваная частка беларускага насельніцтва аб'якава адносіцца да свайго генетычнага паходжання, саромецца яго, а то і ақтыўна супрацьстаіць яму, вынішчае яго, абзываючы нацыяналізмам, нацыянал-фашызмам і ўсялякімі іншымі словамі, якія выклікаюць і жах, і страх у недасведчаных жыхароў заходнееўрапейскіх краін. Меншая ж частка адстойвае права свайго народа "людзьмі звацца", абараняе нацыянальныя інтарэсы. Пры гэтым часта ў адчаі сапраўды карыстаецца лексікай, якая нібыта дае падставы большасці абвінаваціць яе ў нецяярпімасці. Але гэта толькі фразы, за якімі не ідуць (бо не могуць ісці) дзеянні. Наадварот, дзеянні ідуць ад большасці, якая распальвае і нацыянальна-рэлігійнае супрацьстаянне, зноў лепячы вобраз ворага, даказваючы, што толькі адно вызнанне (праваслаўнае, каталіцкае, пратэстанцкае...) мае права быць нацыянальным і тым самым дзяржаўным вызнаннем Беларусі, лічачы, што зноў настала пара разыграць "антысеміцкую карту" (прыгадаем тут артыкулы праф. Кучарава і адказ яму грамадскасці ў "Народнай газеце") ці што беларусы робяць, паводле газеты "Збудзінне", з палешукамі тое, што іракскія ўлады - з курдамі. Усе гэтыя выказванні, вонкава прасякнуты клопатам пра талерантнасць і дэмакратызацыю, на самай справе ёсць праявы імперскага шавінізму, які спараджае нестабільнасць, пераўтварае Беларусь у анамалію сярод суседзяў і іншых еўрапейскіх краінаў. А ўсякая анамальнасць, усякае забыццё інтарэсаў сваёй дзяржавы і нацыі вядуць да непрадсказальных сітуацыяў і катаклізмаў, вядуць да баснійскага сіндрому.

Дык што ж тады талеранцыя - дабро ці зло? Супадае яна з дэмакратыяй ці не? Адказы тут неадназначныя: і дабро, і зло; і супадае, і, як у сённяшняй Беларусі, не зусім супадае. Дабро - для моцных, таму што яна памнажае іх моц, пазбаўляючы ад недругаў, праціўнікаў сярод меншасцяў у краіне і тым самым прадухіляючы пагрозу звяржэння ўлады, даючы ёй стабільнасць і перспектыву. Для слабых жа, для саміх меншасцяў, а свядомыя беларусы якраз і з'яўляюцца такімі ў сваёй краіне, талерантнасць становіцца слабасцю, таму што непазбежна ператвараецца ў сваю крайнасць - згодніцтва, прыстасаванцтва, духоўнае рабства, таму што не садзейнічае дасягненню роўных правоў з "моцнымі". Вонкавыя ці часовыя выгады і даброты, атрыманыя ў

выніку такога кампрамісу, уступаюць тут у супярэчнасць з вышэйшымі каштоўнасцямі, якімі з'яўляюцца правы нацыі. І ўжо іншая справа, што дасягнуўшы роўных правоў з "большасцю", стаўшы ёю, былая моц павінна талерантна адносіцца да тых, хто слабей, чым яна, хто мае патрэбу ў дыялогу, падтрымцы і каардынацыі дзеянняў у сваім змаганні за нацыянальнае адраджэнне. А ва ўмовах Беларусі гэта - і палякі, і ўкраінцы, і літоўцы, і гэбрэі, і татары. І рускія, вядома.

Як бачым, у некаторых выключных выпадках, а Беларусь якраз з'яўляецца такім выключэннем, дэмакратыя і талерантнасць уступаюць паміж сабой у супярэчнасць. Калі ўлада большасці не паважае правы меншасцяў, у тым ліку свядома беларускай, то "талерантнасць" меншасці перастае служыць дэмакратыі, то хвалёная большасцю цярпімасць меншасці ператвараецца ў псеўдатарантнасць, квазіталерантнасць. А гэта раней ці пазней вядзе да імкнення змяніць свой статус кво. Добра, калі гэта ўдаецца зрабіць дэмакратычным шляхам. Горш, калі прымус выкліча прымус.

Вось чаму сваё выступленне я хачу закончыць зваротам да дэнацыяналізаванай "беларускай" большасці: будзьце хаця б талерантнымі ў дачыненні да свядомай беларускай меншасці, не пазбаўляйце яе хаця б тых правоў і магчымасцяў, якія сёння маюць іншыя нацыянальныя супольнасці хаця б таму, што за імі стаяць іншыя, сапраўды суверэнныя краіны. Бо інакш у Еўропе, раней або пазней разабраўшыся ў становішчы, зразумеюць, што вы квазідэмакраты, а мы - квазінацыяналісты.

Жартмутэ Трөппер

КУЛЬТУРА, РЫНОК І СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

Предварительные замечания:

а) Представления о свободе личности и свободе совести, являющиеся нынче неотделимой частью прав человека, возникли в процессе развития буржуазного общества. Они предполагают наличие определенной формы регулирования взаимоотношений членов общества; эту форму мы называем рынком.¹

¹ Культурой мы называем не только ряд специализированных областей творческой деятельности, но и всю совокупность структур, образцов, всю специфику восприятия и истолкования реалий человеческой жизни, весь процесс придания им значимости. Эта специфика может видоизменяться; но погибнуть, исчезнуть она по своей сути не может.

[Я полагаю, что в нашем обсуждении культура будет рассматриваться то в одном, то в другом аспектах.]

б) Представлении о культуре как о вечном каноне святых текстов характерно для закрытых обществ. На самом деле каждая эпоха, каждое поколение пишет историю культуры заново.

в) Я не спою Вам песню о свободном рынке. Я лишь проанализирую в происходящих на глазах сложных процессах те аспекты, которые имеют отношение к свободе творчества как элементу свободы личности, свободы слова.

Четыре гипотезы по данной теме:

1. Не рынок положил конец прежней системе культуры; она изжила себя сама.

2. Рынок не губит культуру; он провоцирует развитие другой системы культуры.

3. Сохранить отечественный рынок изолированным невозможно: он связан с мировым рынком по принципу сообщающихся сосудов.

4. Творческой интеллигенции предстоит определиться: либо признать рынок и выступить за его усовершенствование, либо конкурировать между собой за скудные субсидии и тем самым дать государству право на вмешательство.

[Чтобы уложиться в отведенное время, я вынуждена говорить довольно абстрактно, в расчете на то, что все мы здесь располагаем достаточным опытом и материалом для иллюстрации сказанного.]

1)

Ушедшая система культуры изжила сама себя, потому что:

- (во-первых) лежащая в ее основе дихотомия, т. е. разделение всего мира на "родное" и "чужое", "наше" и "не наше" - по разным параметрам² - держала страну в изоляции, которая истощала ее творческий потенциал.

- (во-вторых) иерархичная во всех отношениях модель культуры - в отношении жанров, стилей, символов, ценностей, имен при наличии конкурирующих иерархий³, была непригодна для мобилизации всех творческих ресурсов.

- (в-третьих) огромному контингенту творческой интеллигенции - обеспечивающему систему необходимой легитимацией - гарантировалось если и не богатое, то довольно безбедное существование (при условии отказа от диссидентской деятельности); гарантировалось статусом, а не индивидуальной производительностью. Фактически они являлись государственными служащими.

- (в-четвертых) зависимость как активистов культуры, так и потребителей их услуг, от решений государства оставляла неудовлетворенными многие культурные запросы обеих сторон.

На все это реагировала творческая интеллигенция еще до

² ...идеологическим (классовым) и эстетическим, которые порой распространялись и на вопросы национальные, и государственно-территориальные и т. п.

³ Табель о рангах у одних, скажем, возглавлял Шолохов, у других Пастернак.

развернувшегося спора о рыночной экономике с требованием о признании автономии культуры, признании своего профессионального и морального превосходства, о демократизации и плюрализации институтов и организаций культуры. Но мы помним, что первые шаги по этому пути стали возможными благодаря появлению так называемых кооператорских средств.

2)

Если понимать рынок как форму организации деятельности общества, которая основывается в принципе на индивидуальных решениях субъектов этого общества, то отпадает момент предсказуемости и планирования его движения. Лишь задним числом и только для конкретной ситуации можно установить соответствие или несоответствие между спросом и предложением в области культуры. Из-за конкуренции рынок находится в непрерывном поиске новых потребителей, нового товара и старается породить - и порождает - новые запросы.

Это применимо к нашей теме следующим образом:

- Рынок располагает крайними интеграционными способностями; он стирает все границы, будь то идеологические, ценностные, эстетические, и игнорирует государственно-территориальные. Самиздат, тамиздат, пролетарская или буржуазная культура - эти понятия уже не играют никакой роли. Рынок осваивает области, до сих пор защищаемые этническими и эстетическими табу. Он превращает в объекты интереса такие общественные явления как преступность, проституция, такие (якобы низовые) аспекты человеческого бытия как насилие, сексуальность, и объединяет несовместимое: валютную биржу и высокопарный театр.⁴

- Рынок чувствительно реагирует на феномен социальной дифференциации и раскрывает огромный потенциал массовой публики и не только массовой. Он рушит традиционную иерархию жанров, стилей и ценностей, всю дидактику и педагогику, которые были признаком сугубо элитарной культуры. Он стимулирует развитие новых жанров и жанров-гибридов, усиливает аспект развлечения - часто, но не всегда за счет просвещения, - способствует эстетизации быта и визуализации характерной для России словесной культуры, часто путем заимствования периферии центру.⁵

В связи с этим понятие рынок часто сопровождается такими эпитетами как "демократический", "анти-идеологический", "плюралистический" и т. п.

- Творческая интеллигенция потеряла те общественные функции, которые были связаны не только с разработкой легитимации, но и с тем,

⁴ См. Статья Ан. Смелянского "Exchange", МН 51, 1993.

⁵ Отсылаю на анализы американских исследователей Конди и Падунов - в журналах Вопросы литературы и Искусство кино - всего диапазона тектонических изменений в связи с концом мифа о целостности русской культуры.

что в искусстве трактовались косвенным образом многие проблемы, которые сегодня нашли свое место либо в СМИ, либо в специализированной литературе.

- Согласование спроса и предложения является самой сложной проблемой; бывшие распределительные, высокоцентрализованные структуры нужно заменить новой системой информации и связей, в рамках которой "спрос" сможет либо самостоятельно артикулироваться, либо учитывать имеющийся уже где-то на рынке товар.⁶

3)

Логика и механика включают - и уже включили - отечественную культуру в систему мирового рынка культуры, в результате чего неизбежна переоценка ценностей или просто падает интерес к определенным явлениям национальной культуры, которые раньше пользовались неоспоримым успехом.

Это расширение референциального пространства отечественной культуры можно воспринимать не только как потерю, но и как приобретение. Однако конец изоляции равнозначен ликвидации заповедника. Осложняет ситуацию и то, что пока формирующийся рынок не приобрел стабильных структур, он не может эффективно помешать мировой конкуренции монополизировать на нем целые секторы.⁷

Превосходство импортной культуры наблюдается ярче всего в области развлечения, не только, кстати, на так называемых рынках, но и в Западной Европе. Играют свою роль и элемент эротики, и заграничные образцы красивой жизни, и обширный опыт плюс высокая профессиональность тех, кто давно занят в этой сфере мирового экспорта. Сказываются и бывшее советское пренебрежение к человеческим потребностям, и элитарность большей части творческой интеллигенции, и почти полное отсутствие недидактической либо непедagogической массовой культуры.

4)

Ныне требуется поддержка и помощь от государства почти как в прежние времена. Возникает дилемма не только между ограниченными средствами и теперь уже неколлективными интересами творческой интеллигенции, но в известной форме и между индивидуальной творческой исповедью и государственным представлением о направлении и содержании культурного процесса. О чем, почему-то, многие уже забыли.⁸

---

⁶ Здесь нужно иметь ввиду и огромную территорию страны, которая требует особую инфраструктуру, вклуче, кстати, с интенсивной децентрализацией.

⁷ Так в данной ситуации дело обстоит в России в кинематографической сфере, но как было уже сказано: слабым звеном оказывается прокат, а не сфера производства.

⁸ Не даром Ан. Смелянский сравнивал недавний юбилей Марка Захарова с десятилетием МХАТа в 1928 г. и с тщетной надеждой Станиславского беречь свой театр от инструментализации государством.

Что же культуре нужно от государства? Ей нужно, чтобы оно
- создало стабильные благоприятные условия для становления рынка с максимальным количеством участников;
- ставило структурную политику - правовую, налоговую и т. д. - выше субсидий;⁹

- способствовало созданию общественных институтов и разработке кодексов процедур, регулирующих распределение государственных средств в сфере культуры независимо от политической конъюнктуры.¹⁰

Мне могут возразить, что эти представления - чистая утопия. Но это касается не только культуры, ситуация в целом сложна. Мне хотелось подчеркнуть, что упование на прямую государственную помощь - контрпродуктивно. Даже когда все заняты проблемой выживания, необходимо, чтобы внутри общества возникали, артикулировались представления о далеких перспективах и о том, что нужно отстаивать принцип инициативы снизу.

Главное, мне думается, в осознании всей глубины, а не в вынесении оценки.

Уходят в прошлое не только советские, но и более древние культурные парадигмы, и среди них идея о неизменности основ русской культуры, к которым относится творческая интеллигенция как отдельный слой со своим специфическим отношением и к народу, и к государству, и вообще к материальному миру.¹¹ В то время, как вновь стали признавать вклад в культуру таких личностей как петербургский издатель Сытин, который сочетал в себе понимание рынка с просветительскими и эстетическими страстями, сегодня ему подобных пренебрежительно называют коммерсантами.

На рынке книга или театральная постановка - товар, который в принципе от другого товара не отличается. Нужны ли они, и кому - устаревший уже вопрос, - это решают покупатели, публика: они нужны тем, кто готов выделить на них часть индивидуального бюджета. Хороша ли вещь или не очень, глубока ли она или мелка, произведение ли искусства или кустарная работа - признание на рынке, как известно, зависит от воли потребителя. Как, кстати, в формальной демократии уважается воля избирателя, без учета, умен ли он или глуп, соображает ли он в политике или поддается иррационализму. В этом смысле рынок может стать своеобразной школой демократии, научить признанию вкусов широкой публики и пониманию их основ, ценить разнообразие (многомыслие, разномыслие) как таковое, учить не столько толерантности, сколько реалистическому взгляду.

На этом рынке творческая интеллигенция может отстаивать свои

⁹ ...например заставил хотя бы государственные - для начала - учреждения уважать интеллектуальную собственность.

¹⁰ В этих рамках, наверное, имеет свое место и обсуждение о том, какие национальные ценности (виды творчества) нуждаются в прямой поддержке обществом.

¹¹ См. Михаил Золотонос в споре с Конди (Падуновом, ВопЛИ 1) 1991.

интересы и прежде всего свою свободу уже не как привилегированный слой, а через добровольные корпорации индивидуумов, которых связывают общие профессиональные проблемы, но не обязательно общие представления о желательном развитии общества и культуры. Последние относятся скорее к сфере политической, т. е. к свободе совести. Хотим мы этого или нет - рынок усиливает индивидуализацию общества.

Евгений Будинас

ПРИЧАСТНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (Интеллигенция. Экономика. Политика.)

В иные, доисторические времена, когда Дом творчества белорусских писателей вполне помещался на бывшей даче одного из них, а наше общество было еще не пост-, а просто тоталитарным, что, впрочем, немногим из постояльцев Королицевич приходило тогда в голову, известный поэт и знаменитый проказник Рыгор Бородулин будил по утрам своих пишущих братьев громогласным призывом:

- К корыту!

На хулиганскую шутку братья обижались, но на завтрак к корыту покорно шли.

Корыто тогда мастерски расширяли (писательский дом на Ислочи - тому свидетельство), в чем, совершенствуясь, дошли однажды до того, что только секретарей Союза писателей СССР избрали на съезде аж семьдесят восемь. Ни у одного народа не бывало сразу столько писателей, сколько у нас руководителей литературы.

Потом корыто отодвинули...

Писательство перестало нас кормить, как, впрочем, оно никогда и нигде почти никого из пишущих не кормило.

Но корыто отодвинули не из-за этого. А потому, что недовольно похрюкивая, мы забывали отрабатывать пайку, восхваляя дающего и его щедрость.

Корыто не убрали совсем, а лишь отодвинули. Поставив писателей, как и всю интеллигенцию, перед выбором: служить новой власти, оставаясь частью общепартийного дела (здесь не важно, кто занял место КПСС) и жить сыто (о чем бывший спикер Шушкевич однажды на встрече с писателями прямо сказал, обещая послушных подкормить). Или питаться чем Бог пошлет, оставаясь в стороне или в оппозиции.

Здесь личный выбор: с кем, куда и зачем идти. Здесь каждый имел бы право и на сытость, и на голодовку.

Но трижды перед выбором вся страна.

Сначала в экономике. Если отбросить нюансы и обнаружить суть, выбор здесь сводится все к тому же. Или мы остаемся верны своим, пусть и кем-то навязанным, пусть и придуманным, даже бредовым идеалам (хотя не надо упрощать: коммунистические идеи, увы, вечны, как жизнь) и живем счастливыми и голодными. Это как выпивка без закуски. Или поступаемся принципами, чтобы жить сыто. Сыто и скучно, как чаще всего и живет сытый мир.

Затем выбор в политике... Затем, а не сначала, потому что все-таки бытие определяет сознание, а не наоборот, как бы нам того не хотелось. Здесь тоже простая раскладка: вместе или врозь. Или пытаемся не утонуть на гигантском, плоховато управляемом имперском дредноуте, или каждый пробует выгрести на своей шлюпке. Тут тоже не следует упрощать, полагая, что выбор уже сделан: империи создаются веками и не рушатся в один день. Материк или множество островков, имперская мощь или сотня президентов.

Теперь о выборе в культуре. Впрочем, о культуре уже сказались: служить или прислуживать. Отметим только одну опасность: отказываясь служить, неизбежно начинаешь прислуживать. Служат отечеству, это значит несут Бремя, понимая высокий смысл и высокое призвание. Прислуживая, отвечаешь только за себя. Оставим иллюзии, нейтральных писателей не бывает.

Выбирать дорогу положено тем, кто образован и умен.

В безумную пору, когда задача выбора оказалась вдруг первостепенной, когда сама жизнь остановилась на распутье и все мы вдруг очутились на дыбе раздирающих противоречий, роль интеллигенции возрасла в прогрессии не геометрических, а термоядерных правил. Нам выбирать. Скажем точнее: обозначить и назвать выбор. При сем непреложно: он должен быть обусловлен знанием того, что нужно народу. Не референдум, с его казуистикой формулировок, сводящей к нулю всякий смысл. Не всенародное обсуждение: народ не всегда понимает, чего он хочет и на таком обсуждении не устояла бы и таблица умножения. Иной инструмент узнавания нам дарован, ибо писатель только тогда писатель, когда он слышит и понимает свой народ.

Но выбирая и ведя за собой, мы на одно не имеем права: остаться потом посторонним. Причастны - значит ответственные. За всю страну. И за ее независимость.

Позвольте мне считать себя жителем той страны, в которой я родился и рос, в которой я обрел друзей и близких, страдал и бывал счастлив и с которой я никогда не собирался расставаться.

Позвольте мне эту самостоятельность - знать, что Родина это не то, что очерчено политиканами, рвущимися к власти и готовыми, как стареющая балерина, все продать за аплодисменты дешевой популярности, пусть даже и мировой. Это не то, что поспешно разодрано дураками, мечтающими стать президентами, чтобы иметь свою охрану и свой самолет, а своих противников публично унижить, или упечь за решетку. Родина это то, где я вырос, к чему я житейски привык, что я полюбил, иногда даже и не касаясь.

Когда здесь в Белоруссии мы говорим о независимости, как о

национальной идее, способной нас сплотить и вывести, я путаюсь в понятиях, как школьник. Потому что для меня независимость - это возможность самому за себя заплатить за столом, для иного - возможность свободно говорить на родном языке, но третьему - это уже возможность заставить всех говорить на его родном языке.

Я никогда не ощущал себя в Москве "младшим братом", а в Тбилиси "старшим", я везде чувствовал себя дома и ухитрился с первого взгляда полюбить и таджикский Ховалинг, и тихую белорусскую деревушку Птичь, и безумно бурлящий Тбилиси, и веселую маму-Одессу за одно и то же ощущение, будто я жил в них всегда. Долгие годы оставаясь невыездным, я больше всего ненавижу границы и языковые барьеры. Неловкость и ущемленность от того, что я литовец, впервые испытал совсем недавно, уже в посттоталитарную эпоху, когда наша общая культура стала раздираться на части.

И дело не в том, что никогда не бывало попыток меня ущемить. Просто я всегда находил в себе силы этому противостоять, полагая, что имею дело с невежеством и хамством. Ибо знал, что главным призванием культуры всегда было объединение души и сердца людей, не признавая иных неравенств, кроме неравенств мышления, и иных границ, кроме границ между культурой и невежеством.

Свою неизбежную причастность к кошмарам имперского насилия я всегда компенсировал своей активной непричастностью. Я не был причастен к гонениям евреев, потому что всегда вступался за своих еврейских друзей, но и отличать в них евреев меня вынудили силой. В детстве, в студенческой юности никто из нас - мы были так воспитаны - никого по национальным признакам просто не различал.

Я вырос в семье скромной культуры, моя мать умела шить и готовить, она знала разные кухни и разговаривала на пяти языках, свободно переходя с одного на другой - ради собственного удовольствия, а не по принуждению и даже не по вынужденному выбору.

Везде, где кончается скромная культура, везде, где совершаются даже слабые попытки покушений на нее, в лучшем случае наступает ограниченность, в худшем - обыкновенный фашизм.

И если сегодня, идя на поводу у политиков, мы призываем к раздору вместо того, чтобы вопреки им служить развитию и сплочению национальных культур и морочим своими призывами головы многих, и кромсаем по живому, мы обязаны помнить, что за это нам еще предстоит заплатить. Отлучением от культуры, ибо культура может и должна быть национальной, но она не бывает независимой.

Только ли за это нам предстоит ответить?

Прикинем итоги, вспомним время перестроечных начал. Оглядим десятилетие, в начале которого нам "за так" подарили право громко и свободно вещать, право, которым мы так бездарно распорядились с тем, чтобы потом тихо слинять.

Начнем с эйфории, которую мы обрушили на народ. Это когда даже тончайший Андрей Битов сказал о счастливом времени, когда

мысли и чаяния интеллигенции и правителей совпали. Он ошибся дважды, а если бы такое случилось, то стало бы не счастливым, а мрачнейшим из всех времен.

Разобравшись, мы тут же отказались от своего меченого кумира, легко свалив на него ответственность за все, что он в этой стране натворил. В отличие от многих из нас, никуда потом не уехав. Это я и о телеведущих, которые столь рьяно раскачивали лодку и будоражили общественное сознание, что теперь, глядя на их спокойные и вполне умиротворенные лица в сытой дали, уже и вспомнить трудно, о чем так страстно вещалось с голубого экрана. Это и о Виталии Коротиче, слинявшем вдруг так далеко, что и "огонька" не видно.

Давайте вспомним, с каким восторгом и самовлюбленностью наши кинодеятели играли в новое кино и новых героев. Сколько обязательств они нахватили и так бесславно капитулировали перед порнухой и дешевым американским триллером. На отечественное кино не хватает денег? А раньше мы этого не знали? Что денег от развала и разрухи не прибеднет?..

Давайте вспомним, как возносились мы к вершинам литературной, кино- и политической славы, воспевая архангельских, белгородских, гомельских и прочих мужиков, в телячьем восторге требуя каждому из них дать по полсотни гектаров земли, чтобы упираясь на ней - без техники, без горючего, без удобрений, без дорог - на одной свободе они накормили страну. Как не явились мы потом на похороны того же Сивкова, чтобы бросить в могилу горсть земли, той самой, которая его, с нашего благословения, и угробила...

Многое можно вспомнить из того, что мы выбрали и за что совсем не хотим отвечать. И никак не поймем, что мы - крайние и не имеем права быть не умны.

Из двух зол мы обязаны выбрать меньшее. Потому что если мы разучились приносить пользу народу, то обязаны хотя бы уменьшить количество чинимого ему зла. Мы не вправе становиться в позу и обязаны быть реалистами, потому что, как только мы утрачиваем реализм, образуется щель, в которую пролазит любой жириновский и разрастается, заполняя собой все.

Оставим правителей и упреки им, давайте прикинем, что же мы сами за эти годы сделали.

Сдали культуру таможене...

Сдали кино порнухе...

Сдали телевидение рекламе...

Сдали союз писателей безликим чинушам...

Сдали печать новой "демократической" цензуре...

Сдаем придуркам народ... Э... Да что говорить!..

Настала пора сначала все-таки думать. Ибо слово - ответственнейшее из дел. Проводырь и глашатай не может не отвечать за судьбу тех, кто за ним пошел и ему поверил.

МОВА Ў КАНТЭКСЦЕ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫХ ЗМЕНАЎ

Мова і грамадства, колькі існуюць, ніколі не траплялі ў становішча паралельных прамых. Якія б змены ў грамадстве ні адбываліся, яны закранаюць мову на ўсіх яе ўзроўнях - лексічным, граматычным, арфаграфічным і нават пунктуацыйным. У сваю чаргу слова здольнае ў пэўнай меры ўплываць на грамадскія працэсы. “Рухаючая сіла падзей, часам мацнейшая за факт”, - сказаў пра мову Вацлаў Гавел. “Палкую, страшную, амаль эратычную сувязь маміж ім і ёю (языком і Французскай рэвалюцыяй)” адчуваў імператар Павел I, таму хацеў засланіць шлях французскаму палітычнаму лексікону ў рускае маўленне. Шмат разоў цытаваліся спісы забароненых ім для выкарыстання слоў, але нічога, акрамя смеху, гэта не выклікала. Падобны спіс друкаваўся ў “ЛіМе” за 15 кастрычніка 1993 года як частка дакумента, адрасаванага таварышу Сталіну І. В. “О беларусском языке, литературе, писателях”, падпісанага Сакратаром ЦК КП(б) Панамарэнкам П. К. 21 лістапада 1938 года. Толькі ў спіс забароненых слоў трапілі не чужыя, а свае, беларускія словы. Зачыгаю некаторыя з іх. “Слово “подъем” заменено каким-то диким “уздым”, правительство - урад???, годовщина - гадавіна (Белорусы говорят так в смысле гад-гадюка). Лозунг “Да здравствует годовщина Октябрьской революции” на беларусском языке “Няхай жыве гадавіна Кастрычніцкай рэвалюцыі”, іспохаблен от начала до конца. Белорусы говорят здравствуй, а “няхай” означает “пусть” в смысле пренебрежительного “так и быть”. Гадавіна означает гада большого размера. Так и говорят : “Ух, якая гадавіна”. Кастрычнік - октябрь. Но кастрыца - это не лен, а отбросы от льна”. Пры гэтым аўтар пасланья выказаў сваю вялікую заклапочанасць стварэннем “вполне научной грамматики”, очищенной от всего антинародного, основанной на “действительно живой, правильной, не испорченной речи Белорусского народа” і папрасіў у Сталіна параду (Я прошу Вас дать мне совет).

Смяцца са слоўнічка з яго каментарам было небяспечна, словы ж беларускія засталіся непадуладнымі Цэнтральнаму камітэту. Праўда, граматыка беларуская надта ж “дагадзіла” камунізму і “зганьбіла” капіталізм, дадаўшы да першага і яго тэматычнай кампаніі ў родным склоне адзіночнага ліку канчатак -а, да другога - канчатак -у, што зафіксавана Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы ў 5-і тамах. І гэта пры тым, што руская мова такога ўзору палітычнай угодлівасці (подобострастия) не дыктавала. Толькі апошнім часам моўная практыка адмяніла гэтую норму на карысць канчатка -у, нарматыўнага для назоўнікаў, абазначаючых абстрактныя, адцягненыя паняцці.

Звернемся да сённяшняга дня нашае мовы, да яе стану ў сённяшняй палітычнай, эканамічнай, культурнай сітуацыі.

Найперш варта павіншаваць яе, беларускую мову, з “пачэсным пасадам”, які заняла яна паводле новай Канстытуцыі, - прызнана мовай дзржаўнай. Пашыраецца сфера яе выкарыстання: па-беларуску вядзецца дыпламатычная перапіска, афіцыйна-справавая дакументацыя, у ВНУ можна пачуць лекцыі на роднай мове. Актывізавалася беларуская мова ў сродках масавай інфармацыі. Словам, працэс адраджэння мовы ідзе, хаця і марудна. Але ж... Ёсць такі афарызм: “Усё на свеце павінна адбывацца памалу і няправільна”. Даводзіцца канстатаваць і нізкі ўзровень культуры маўлення ў названых сферах. Пра гэта скажу крыху пазней.

Як вядома, найбольш адчувальны да ўсялякіх грамадскіх зменаў лексічны склад мовы, у прыватнасці грамадска-палітычная лексіка. Гэты тэматычны пласт дастаткова адкрыты для пранікнення намінацый з іншых моваў. Сёння на беларускую мову, як і на рускую, украінскую, абрынулася плынь замежных слоў. Але, дзякуй Богу, мірных, рынкавых, сімвалізуючых эканамічную рэвалюцыю, а не палітычную. Пералічваюць іх няма патрэбы. Адно скажу - беларускі эквівалент (адпаведнік) больш-менш прыдатны знайшоўся толькі для слова спонсар - фундатар. Што да астатніх запазычанняў, дык нічога іншага не застаецца, як адаптаваць іх да ўласных моўных нормаў. Што не проста (параўн.: Словарь иностранных слов падае “маркетінг”, Слоўнік іншамоўных слоў (1993) - “Маркецінг”. Першы адлюстравваў націск мовы-крыніцы, другі пайшоў за моўнай практыкай; альбо мэнэджэр ці менеджэр?). А вось ці патрэбна нашай мове слова summit? Відаць, не, бо для нашай мовы яно негаваркае, ні пра што не гаворыць, не адчуваецца яго метафарычнасць (у ангельскай мове - гэта вяршыня, верх, мяжа). Адзіная вартасць - кароткае ў параўнанні з “сустрэча ў вярхах”, “сустрэча на найвышэйшым узроўні”.

Рынкавая лексіка - гэта адзін вынік развалу таталітарнай сістэмы. Так, без болю здалася “франтавая” лексіка: бітва за ўраджай, на пярэднім краі, лінія фронту, ідыялагічны фронт (але прыйшоў БНФ), армія працоўных і інш. Пакінула наш слоўнік “партыйная феня”: маральна ўстойлівы, палітычна граматычны, выдатны сем’янін, не жанаты (да жарту), ёсць думка зверху, з пачуццём высокага задавальнення і шэраг іншых. Шмат якія словы з негатыўна-ацэначных перайшлі ў разрад нейтральных ці пазітыўна-ацэначных (кулак, сялянін; старэйшы брат, Расія), цэнтр, Захад (краіны Захаду) і наадварот - з пазітыўна-ацэначных, з арэалам узнесласці - у негатыўна-ацэначныя (бальшэвікі, камуністы, партыйцы, і інш.). Гэта з’ява, дарэчы, шырока выкарыстоўваецца ў друку як выяўленчы сродак, калі аўтар хоча выказаць сваё стаўленне да асобы, да яе ўчынку.

Некаторыя словы наогул згубілі сэнс. Такі прыклад. Карэспандэнт Бі-бі-сі спытаў Вацлава Гавела, чаму ен ухліяецца ад слова “сацыялізм”. на што той адказаў: “Давайце прызнаемся, нарэшце, што слова “сацыялізм” страціла сэнс у нашым моўным кантэксце. Ніхто ўжо не можа па сутнасці сказаць, што яно абазначае, што пад ім у нашых

умовах падразумеваецца, дзе сацыялізм пачынаецца і дзе ён канчаецца. З абазначэння вялікіх ідэалаў рабочага руху гэта слова ператварылася ў ідала таталітарнай сістэмы. Маральны, палітычны і эканамічны крызіс у нашай краіне непарыўна звязаны з гэтым словам. З палітычнага ідала яно стала заклінаннем, а з заклінання сімвалам усяго дурнога". Чаму я ўжо другі раз цытую Вацлава Гавела? Бо маю вялікі давер да яго як майстра выказваць свае думкі. Гэта адзін з лічаных кіраўнікоў найвышэйшага рангу, пра якога можна сказаць: *vir bonus dicendi peritus* - достойный муж искусен в речах. (Параўнайце: "Странно ли, что президенты и спикеры на литературном русском разговаривать не умеют?" - гэта пра расейскіх. Пра польскага прэзідэнта палякі кажуць тое ж самае. Пра нашу "трасянку" з вуснаў першых асоб ведаюць усе. "Сёння паўсюдна гавораць пра тое, што прамоўніцкае майстэрства ў заняпадзе", канстатуе Брайан Макартур, які склаў зборнік "Прамовы дваццатага стагоддзя". - Калі я чую Джона Мейджара ці Біла Клінтана, дык гатовы пагадзіцца з гэтай думкай (і гэта пры той адукацыі, якую мае апошні). Пасля штогадовага сезону брытанскіх палітычных канферэнцый - трохтыднёвай кругласутачнай гаварыльні, якая большай часткай транслявалася тэлебачаннем, узрушыліся брытанцы: куды падзелася хвалёная брытанская традыцыя прамоўніцкага майстэрства, - чытаем у артыкуле Вільяма Э. Шмідта "Пакуль Уінстан Чэрчыль не перавярнуўся ў труне" (Нью-Ёрк Таймс, лістапад 23 - снежань 6, 1993) ("Крывёю, потам, слязьмі і цяжкай працай далосся Чэрчылю яго першае выступленне ў якасці прэм'ер-міністра). Чаму так здарылася? Разгэралася дыскусія ў Англіі. Вернемся ў рэчышча нашых разважанняў - як мова рэагуе на становішча ў грамадстве. Калі б я запытала ў шанюнай нашай аўдыторыі, які знак пунктуацыі набыў вялікае распаўсюджванне ў публіцыстыцы, асабліва гады два таму, у пік барацьбы кансерватараў і дэмакратаў, ды і зараз - (гл. "Народную газету" за 27 сакавіка 1994 г., матэрыялы "Не могу молчать", "Вы не правы" альбо за 14-16 траўня Дыскусійная трыбуна), дык, можа і не атрымала б правільнага адказу. Гэта - двукоссе. Ідзе пальба як з правага, так і з левага боку аблепленымі двукоссем словамі. Асабліва масіраваны ўдар наносіцца такімі словамі ў двукоссі, як "Дэмакраты", "адраджэнцы", "паважаны" народны дэпутат, "Барацьбіты за інтарэсы народа", "махровы беларускі нацыяналіст" і шэраг іншых. Падобную з'яву апісаў нямецкі прафесар-лінгвіст Віктор Клемперэр у кнізе "ЛТІ. Запіскі філолага". Лацінская абрэвіятура назвы кнігі абазначае *Lingua Tertii Imperii* - мова Трэцяга рэйха. Аўтар сведчыць, што надрукаваная прадукцыя ў нацысцкай Германіі стракацела двукоссем, амаль ніводнае слова не вымаўлялася нейтральна, часцей за ўсё з зачэпкай, з яўным намерам кагосьці зганьбіць, дыскрэдытаваць тое, што лічыцца нармальным у нармальных людзей ("Нямецкі паэт" Гейне, "вучоны" Эйнштэйн, "гуманізм", "дэмакратыя" і інш.). Кажуць, стыль - гэта чалавек. Але ж стыль - гэта і час, і краіна ў пэўную эпоху развіцця. І ў любым грамадстве палітычныя партыі, прафесійныя групы і асобныя людзі імкнуцца падаць факты ў выгадным для сябе

свецe. Наш жа сённышні, дэмакратычны друк намагаецца даць аб'ектыўную і поўную інфармацыю.

У нашым беларускім друку ёсць яшчэ адно двухоссе, прырода яго да таго спецыфічная, індывідуальная, што аналогу ёй не знайсці, бадай, ні ў якой краіне і ні пры якім рэжыме. Гэта здзеклівае цытаванне па-беларуску асобных слоў, выказаў беларускамоўных дэпутатаў, аўтараў з боку так званых рускамоўных прамоўцаў. У пісьмовых тэкстах падобныя спасылкі бяруцца ў двухоссе. Сустрэкаюцца такія тэксты, якія слепяць вочы сваім двухоссем. З'ява прыкрая, варта грамадскага асуджэння. Родная мова выкарыстоўваецца як экзатычная! Так не павінна быць.

За шматвекавую гісторыю свайго існавання не спазнала столькі знявагі, як за апошнія два гады, слова "спадар" і вытворныя ад яго "спадарыня", "спадарства". Самае паважлівае слова ў вуснах дэмакратаў, і самае зняважлівае ў вуснах партакратаў. Вось ён час, вось яна, мова.

Джон Оруэл, вядомы сваім творам "1984", бачыў непасрэдную сувязь паміж палітычным хаосам і дэградацыяй мовы. Доктар філалагічных навук з МДУ рэзюмуе: заняпадам грамадства заўсёды спадарожнічае заняпад маўлення. Так было ва ўсіх цывілізацыях.

У няпростай сітуацыі апынулася беларуская мова. І ўсё ж шмат чаго ў справе аховы беларускай мовы залежыць ад нас, яе носьбітаў. Такі прыклад. Апошнім часам Бог злітаваўся над беларусамі ды паслаў ім у прэзідэнты трох Славаў, а чацвертага - сына Слававага. Гэта Вячаслаў, Станіслаў, Мечыслаў ды Зянон Станіслававіч. Выбірайце! Дык вось жа бяда - не ўмеем з імёнамі іх абысціся. Калі адзін з іх Мячэслаў, дык чаму астатнія не Вячэслаў і не Станіслаў. Варыянтная арфаэпія! А зараз пра варыянтную арфаграфію: Мячэслаў, Мячаслаў, Мечэслаў, Мечыслаў. Вось у такім шматварыянтным падаецца ў беларускіх сродках масавай інфармацыі крэўны спікер Мечыслаў (руск. Мечислав, польск. Meczyslaw). (Беларускія журналісты, як заўсёды, паглядзелі ў рускія "святцы" і ўзялі за ўзор памылковае рускае напісанне Мечеслав). І ніхто не пажадаў абараніць імя чалавека. Ніхто з яго каманды.

Журналісты шмат чаго маглі б зрабіць дзеля моўнага адраджэння, дзеля паляпшэння моўнай культуры. І робяць. Але праблемы застаюцца. Напрыклад, Белінфарм. Дагэтуль высока нясе сцяг чыноўніцка-бюракратычнай мовы. Як думаем, так і гаворым. Для прыкладу - матэрыял пра візіт Мечыслава Грыба ў Малдову. Называецца "Душа межаў не прызнае", "Усяго ў Малдове пражывае 20 тысяч нашых землякоў. Многія з іх займаюць выдатнае месца ў эканоміцы, навуцы, культуры". Ці ж варта здзіўляцца, што абітурыентка напісала ў сачыненні: "Соня Мармеладова занимала видное место среди униженных и оскорбленных". Падобных выказванняў у матэрыялах Белінфарма не злічыць ("У час гутаркі размова шла...", "урад прымае захады" і іншае). А ўзяць віншаванні кіраўнікоў, іх звароты да грамадзян (суграмадзян). А мова новай Канстытуцыі?

Амаль не распрацаваная мова дышпламатыі. Адзіны ўзор - гэта сам Міністр замежных спраў, у якога можа вучыцца міністэрскі апарат. Але ж не выкарыстоўваюцца і тыя добрыя набыткі, што ўжо ёсць (даверныя граматы замест вяршцелных граматаў).

Найвялікшая бяда нашай беларускай мовы ва ўсіх сферах функцыянавання (за выключэннем літаратуры, ды і то не ўсёй) - гэта моўная калька з рускай мовы. Калька - моўны шашаль. Адраджаць мову трэба найперш у культуралагічным аспекце.

На каго мы можам спадзявацца, на каго разлічваць у гэтай справе? Найперш, на саміх сябе. На паэтаў, празаікаў. "Асноўная місія паэзіі - у ачышчэнне мовы племені" (амерыканскі сімваліст Стефан Малларме). Калі пачынаецца заняпад нацыянальнай літаратуры, нацыя робіцца кволай, гібее.

Зрабіць нацыянальна свядомым грамадства. "Баіцца быць беларус беларусам", - сведчыць паэт Анатоль Вярцінскі, засумняваўшыся пад канец: "Ці, можа, ужо не баіцца?" Шукаць кансэнсус у лінгвістычным асяроддзі, каб не дапусціць бязмежнага разнабою ў мове на ўсіх яе ўзроўнях.

На заканчэнне скажу: вельмі хочацца жыць у невялікай, свабоднай, утульнай краіне. Гаварыць на прыгожай, мілагучнай, недаместыкаванай (непрыручанай) дзяржавамі-монстрамі мове.

Small is beautiful. У малым - прыгажосць.

Іван Драч

ПИСАТЕЛЬ И ПОСТТОТАЛИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО

Я не разделяю слишком смелого суждения, будто литературный труд - наиглавнейший в обществе, а литераторы - священные коровы, однако убежден, что нет ничего более важного для самого писателя, чем его творчество. Может быть, кто-то из режиссеров театра или кино в самом деле умеет умирать в актере, но уж совершенно точно, что настоящий писатель умирает в каждом своем произведении, и в то же время только и живет, пока его книги живут в людях. И даже вопрос о том, больше ли чем просто писатель в своей стране поэт, прозаик, драматург - зависит, по-моему, все же не от его побочных занятий, не от его отхожих промыслов (политических или любых прочих), а прежде всего от уровня писательского ремесла. Тот, кто всерьез воспринимает красное словцо: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан", рискует осуществить только первую часть этого требования.

Данте мог отдавать свои долги с мечом в руках; пером он владел несравненно лучше, но работа, прделанная мечом, казалась ему, сыну

своего века, куда убедительнее. В этом он полностью, хотя и весьма своеобразно, был поддержан - пять столетий спустя - лордом Байроном: "Кто взялся бы за сочинительство, если бы у него была возможность заняться чем-нибудь более важным?"

Действие, действие, действие! - говорил Демосфен.

Действие, действие, - говорю я, - а не писанина, тем более - в стихах. Только посмотрите, что это за скучнейшее прозябание; полное вечных жалоб, на которые обрекла себя писательская братия, как они все пусты и никчемны - за исключением Сервантеса, Тасса, Данте, Ариоста, Клейста (которые были доблестными и деятельными гражданами), Эсхила, Софила и нескольких других древних". ("Дневник Байрона").

Но кто из нас, современников Чернобыля, знает к какой партии (к гвельфам или гиббелинам?!) принадлежал Алигьери Данте?!

И тем не менее мне представляется, что извечный спор об ангажированности писателя не является схоластикой или самооправданием таланта, почему, дескать, я такой, а не другой - просто каждое поколение постигает по-своему истину, что неполитической литературы никогда и нигде не было, и пока что не наблюдается признаков ее появления, и очередная волна новобранцев жизни и литературы лишь стремится определить в этих нескончаемых спорах, какая политика спасительна или губительна для них самих и их современников и избирает ту или иную политику.

Может быть, сама живучесть дискуссий об аполитичности или политизировании художников слова зависит лишь от степени разумения и таланта, то есть: различать ли корни политики только в итоговых материальных факторах, в так называемых производственных отношениях, или видеть их во всех без исключения свойствах человеческой природы, во всех перипетиях земного жизненного цикла личности, нации, народа, человечества.

Что касается моей страны, то украинским писателям, каждому их поколению, никогда не выпадала судьба решать только исключительно свои профессиональные или бытовые проблемы, что достойно сожаления, но вместе с тем они имели то преимущество, что их не отягощало миссионерское бремя вырабатывать духовные ценности непременно и обязательно на экспорт для всего человечества, чтобы потом политики и полководцы силой оружия и порабощения, с чувством превосходства навязывали их другим народам в качестве высшей культуры. Как ни странно, в этом кое-кто вне Украины, даже и в ней самой, склонен сегодня усматривать наши ограниченность и провинциализм, то есть то, что мало интересует "большой мир". Несомненно, мировой рынок общечеловеческих ценностей - авторитетный эксперт и судья в определении уровня духовности и культуры каждого народа. Но и у нас возникают некоторые вопросы по поводу котировок на этом рынке: а по какому индексу оценивается украинское "Розстріляне відродження", то есть уничтожение нескольких сотен, то есть почти всех поголовно

украинских писателей в 30-е годы XX столетия? Не дай Бог, случись такое в Англии, Франции, Италии, Германии, Японии, США - какую бы карту мировой литературы имело современное человечество? Когда один из авторитетов мировой литературы XX века вопрошал европейских коллег: "С кем вы, мастера культуры?", он предчувствовал будущие жертвы грядущей Второй мировой войны, но его великий гуманизм не распространялся на уже умерщвленных голодом на его глазах и глазах всего мира 9 миллионов украинских крестьян - носителей более чем тысячелетней культуры и духовности одного из народов в центре Европы. Я совсем не хочу этими приметами взывать к сочувствию украинцам или даже к пониманию их. Мне лишь представляется, что без учета названных реалий самые искренние поиски объединяющих духовных и моральных стандартов современного мира, могут оказаться, как говорится, напрасными словами, виньетками ложной сути.

Мои сомнения относятся не только к прошлому. Если сегодня мы наблюдали, как интеллигентные поджигатели уже, слава Богу, не мирового пожара, а "только лишь" широкомасштабной бойни в границах бывшего СССР вручают оголтелым головорезам не одно знамя с серпом, молотом и пятиконечной звездой, но и хоругви с ликами классиков своей литературы - мол, готовьтесь идти убивать инородцев, с вами Пушкин, Достоевский и Толстой, воюйте во имя великой литературы и ее языка (так это происходит, например, в Крыму), невольно задаешься вопросом, а в самом ли деле старая тема "литература и жизнь" исчерпана и продумана до конца?

Лично для меня это не абстрактные вопросы. Несколько лет мне пришлось совмещать обязанности первого секретаря киевской писательской организации и председателя Народного Руха Украины и выслушивать немало озабоченных суждений на тему "поэт и политика". До сих пор остается модным удивляться, что Рух, приведший Украину к государственной независимости, возник именно в стенах нашего Союза писателей. Помимо опыта венгерских, чешских, словацких, прибалтийских коллег у нас было для этого достаточно собственных оснований. И ранее, и до сих пор я, в свою очередь, тоже удивляюсь: это ведь так естественно, Если до того, как требует поэта к священной жертве Аполлон, украинец должен был совершать ежедневный и еженочный подвиг, всего лишь разговаривая на языке своего народа, и уже только поэтому приобретали аттестацию антикоммуниста и антисоветчика, ниспровергателя основ. Общеизвестно, что Украина и Беларусь были самыми драгоценными алмазами в короне империи, а острее чужого копыя всегда направлялось в сердце ее народа - его Слово. Украинское Слово. Белорусское Слово.

Приходится сожалеть, что последнее время и внешний и внутренние фронты "холодной войны" против украинского языка соединились и, кажется, пошли в свой последний и решительный бой за "Украину без украинцев", "Беларусь без беларусов", применяя весь долгодетный арсенал борьбы за мировую революцию.

А фашистский лозунг новейшего времени “Хороший хохол - мертвый хохол” получает интеллектуальную подпитку различных слоев великорусского истаблишмента. Против раздора между Украиной и Россией выступили писатели Украины и России - пробиться на страницы даже Литгазеты, как это ни странно, невозможно. Нам горько видеть, что ведут ее не только политики, политиканы, генералы и чиновничество, но и признанные мастера соседней культуры. Право же, в психологической войне с Западом их участвовало намного меньше, чем в антиукраинской. И вновь задумываешься - а может и в самом деле существует особого рода духовность насилия, специфическая идеология и культура смерти, если ее апостолам и пророкам не отказывают в приличных домах мирового интеллектуализма и художественности? Не удивляемся Проханову и Лимонову, поражает активное украинофобство полуукраинца, как он говорит о себе, Александра Солженицына.

В заключение хочу все же сказать, что я убежденный противник хождения писателей в политику. За четыре года работы в парламенте я себе доказал это. Пусть бы все блудные сыновья, как говорят в Украине, “красного письменства”, вернулись к своим алтарям - письменным столам. Наверное, это возможно. Но видимо, в одном случае. Если их алтари не оскверняются завоевателями, если их дом не покушаются поджечь со всех сторон.

Міхась Тычына

АКТ ТВОРЧАСЦІ І БЕЛАРУСКАЕ АДРАДЖЭННЕ

Прырода стварыла дзівоснае вока страказы, якое складаецца з мноства вачэй. У гэтым, мабыць, была свая патрэба. Свет мазаічны і складаецца з адзінак, якія выразна мяжуюцца адна ад адной па “культурнай” прыкмеце. Ніхто не валодае абсалютнай ісцінай.

Беларусь займае ў гэтай мазаіцы сваю ячэйку. Якую?

У выніку вядомых працэсаў нацыянальная культура ў Беларусі не стала агульнапрынятай нормай. Межы яе ужывання вельмі размытыя. Мы не ведаем адказаў на самыя простыя пытанні. Дзе знаходзімся? На Захадзе ці на Усходзе? А можа, ўсё яшчэ на паўдарозе “з варагаў у грэкі”? Да еўрапейцаў нам яшчэ далёка, а да еўразійства яшчэ далей. Пакуль што мы добра ведаем адно: мы жывём на самым скрыжаванні культур, веравызнанняў, цывілізацый. І менавіта гэта хутчэй адчуванне, чым веданне, якое можна назваць словам *landespatriotismus*, робіць нас тымі, хто мы ёсць, былі і, спадзяёмся, будзем, — беларусамі.

Знаходжанне на скрыжаванні ілэолагі “беларускага шляху” падавалі і падаюць як найбоьшую нашу бяду. Але гэтак жывуць многія

“малыя народы” — ад Эстоніі да Грэцыі: вытрымліваючы націск з двух бакоў, яны навучыліся нават выкарыстоўваць сабе на карысць сваё геапалітычнае становішча. Беларусы пакуль што задаволены развагамі пра тое, што жывуць у геаграфічным цэнтры Еўропы.

Найбольшая наша бяда ў іншым. Яе чула, як сённяшні наш духоўны стан, успрыняў Васіль Быкаў, калі назваў кнігу сваёй публіцыстыкі ёміста і дакладна: “На крыжах”.

Назва ўвогуле знаёмая беларускім літаратарам. У Якуба Коласа яна была лірычнаю — “На ростанях”. У Максіма Гарэцкага — псіхалагічнаю: — “Дзве душы”. У Янкі Купалы, Ігната Абдзіраловіча, Кузьмы Чорнага — філасофскаю: “Шляхам жыцця”, “Адвечным шляхам”, “Млечны шлях”.

У Быкава гэта назва яўна прасякнута біблейскай сімволікай: гісторыя ў чарговы раз пацвердзіла ісціну жыцця і шляху Ісуса Хрыста.

Дык вось, беларусы раскрыжаваны паміж мінулым і будучыняй. А калі быць дакладным, то паміж ХІХ і ХХІ стагоддзямі. У час, калі еўрапейскія народы нацыянальна адраджаліся, беларусы спазніліся на некалькі дзесяцігоддзёў, і гэтае спазненне ім дорага каштавала: наша духоўнае Адраджэнне было змята, раздушана, збэшчана. Цяпер, калі цывілізаваны свет стаіць на парозе новага часу, цэлай геалагічнай эры, спадзеючыся на сваю кансалідацыю, беларусы павінны яшчэ прайсці этап першапачатковай нацыянальнай ідэнтыфікацыі. Бацькаўшчына, як сказаў класік, яшчэ не адспявала ў нас, у тым ліку і з дзейснай дапамогай, сваю гістарычную песню. Нацыянальная ідэя ў беларускіх умовах пакуль што іграе пазітыўную ролю ў сацыяльным згуртаванні і ў падрыхтоўцы да жыцця ў адкрытым, плюралістычным грамадстве.

Хочам мы ці не хочам, але падзел у нас ідзе не на тых, у каго ёсць банкаўскі рахунак і ў каго яго няма, у каго высокі або нізкі адукацыйны і культурны цэнз, а на тых, хто гаворыць па-беларуску, і на тых, хто саромеецца сваёй мовы або варожа адносіцца да яе. Многія людзі разгубіліся, бо не былі ў адкрытай апазіцыі да камунізму, і сёння яны жывуць з адчуваннем марна страчанага часу. Усвядомлены імі факт сваёй прыналежнасці да нацыі беларусаў, зняважанай і амаль знішчанай ранейшым рэжымам і ўсё яшчэ здольнай духоўна адраджыцца, дае гэтым людзям новы імпульс да жыцця. Беларускасць сёння стала знакам далучанасці асобы да сакраментальнай таямні самой будучыні. Беларусы не могуць забыць, што за сваё маленькае жаданне быць сабой яны заплацілі задужа вялікую цану.

Пакуль яшчэ свежыя ўспаміны пра таталітарнае мінулае, патрэбна дзейсная дапамога звонку, каб зрабіць першыя крокі да адкрытага грамадства. Накшталт “плана Маршала”. Але дапамога не толькі эканамічная, а найперш духоўная. Тутэйшыя людзі ведаюць, што яны дзейнічаюць у поўнай адпаведнасці з сусветнай практыкай, якая сцвярджае права нацый на самавызначэнне з часоў Вільсана. На жаль, мы чытаем у нашых суседзях адкрытыя кпіны над “самасцыйнасцю”, “краёвым патрыятызмам” і г. д. Як быццам беларусізацыя менавіта ў

нашых надзвычайных умовах суцэльнай дэнацыяналізацыі і вядзе непазбежна і выключна толькі да нацызму — гэты шлях ужо выкарыстаны іншымі і беларусам занадта добра вядомы. Пакуль што ідэя нацыянальнага Адраджэння куды больш эфектыўная дзеля мабілізацыі палітычнай волі, чым ідэя дэмакратыі і адкрытага грамадства, да якой нам яшчэ трэба проста дарасці і псіхалагічна, маральна, культурна падрыхтавацца. Мы яшчэ не адчулі як след, што гэта такое, каб класці за гэта свае жыцці. Нам пакуль што стае таго паветра свабоды, якое маем.

Можна бясконца кружыцца ў коле паняццяў “асоба” і “нацыя”, “нацыя” і “асоба”, пакуль не прыйдзе разуменне, што выхад адзін і ён — у творчасці новых формаў жыцця. Для стварэння нацыянальнай дзяржавы са сваёй культурай патрэбны правілы, структуры, працэдуры. Многае мелі, маем, успамінаем, аднаўляем, а многае патрэбна стварыць нанова — ад побыту да горных сфераў духу. Працы тут на паўстагоддзя, а, можа, і на цэлае стагоддзе. Прынамсі, кожнаму шчыраму працаўніку знойдзецца справа і месца, што ўжо само па сабе ўзвысіць яго, бо твораць заўсёды любячы, захапляючыся, радуючыся.

Скажуць, усе ці амаль усе формы ўжо вынайздзены на тым жа Захадзе. Сапраўды, жыхары Беларусі за апошнія гады пазнаёміліся практычна з усімі кірункамі палітычнай думкі. Але яны яшчэ ў 20-я гады пераканаліся, што ні заходняя, ні ўсходняя культура самі па сабе не даюць гарантый вольнага развіцця беларускага духу. На жаль, ніхто ніколі, у наш час таксама (варта прыгадаць хаця б мітрэнгу з мінулагаднім рэферэндумам), не пытаў у саміх беларусаў, як яны хочуць будаваць сваё жыццё, свой беларускі Дом. Ясна, што ўсе шляхі, якія вядуць да растраты творчай энергіі, усе гэтыя рэвалюцыі і войны, справядлівыя і несправядлівыя, класавыя і расавыя, нашы людзі адвяргаюць. А вось перавагі штодзённай працы “на лусту хлеба, на родны край”, калі ўсё робіцца, паслухаючыся голасу сумлення, нашы людзі ўжо спазналі. Сказана ж самім народам: што самім у працы здабыта, тое не хутка будзе спажыта.

І наастанак словы Ігната Абдзіраловіча-Канчэўскага, нашага нацыянальнага філосафа: “З нашага высокага парыву індывідуальнага і народнага адраджэння ня створым жа гвалту і енкі ні для іншых, ні для саміх сябе: не павінна быць беларускага месьянізму. І ў вялікім і малым, і для сваіх і чужых ён — прымус, зьдэк і сьмерць. Уласным коштам — мільёнамі сьмерцяў, хваробы, нуды служылі мы чужацкім месьянізмам. Не на гэтай падставе збудуем нашу будучыню.

Трэба шукаць на другіх шляхох”.

ПІСЬМЕННІК І ЯГО РОЛЯ Ё Выхаванні НАЦЫЯНАЛЬНАЙ СВЯДОМАСЦІ

Спакон якоў Беларусь была шчодрою на высокія таленты. Яны праяўлялі сваю адоранасць у самых розных галінах жыцця: у навуцы, адукацыі, літаратуры і мастацтве, архітэктурцы, медыцыне, ваеннай справе, палітыцы. Лёс многіх лепшых сыноў і дачок беларускага народа склаўся так, што яны аддавалі свой розум, душэўныя сілы на карысць іншых народаў і многія з іх сталі там, у далёкім ці блізкім замежжы, нацыянальнымі героямі, імёны якіх ушанаваны і захоўваюцца ў памяці. А тут, на радзіме, пануе зона маўчання. Ды што казаць пра тых выдатных беларусаў, каго лёс, розныя варункі раскідалі па свеце. Мы да гэтага часу не аддалі належнай павагі, шаны і ўдзячнасці тым, хто заставаўся на гэтай зямлі разам з яе народамі і вёў змаганне за яго годнасць, незалежнасць і светлую будучыню. У гэтай слаўнай кагорце стаяць многія таленавітыя пісьменнікі. Толькі зараз іх імёны пачынаюць ачышчацца ад паклёпаў, хлусні, вульгарызатарскіх ацэнак і ярлыкоў, толькі цяпер іх постаці высвечваюцца ў нашай гісторыі такімі, якімі яны былі.

Гэтай патрэбнай прэамбулай хачу падступіцца да разглядаемай тэмы: “Пісьменнік і яго роля ў выхаванні нацыянальнай свядомасці”, каб закрануць яе — такую шырокую і неабдымную — толькі часткова.

Сапраўды, у кожным грамадстве і ва ўсе часы пісьменнік быў не толькі стваральнікам “чыстай” мастацкай прадукцыі, але і выконваў функцыі абуджальніка, асветніка, настаўніка. Рэаліі сённяшняга дня паказваюць, што на абуджэнне нацыянальнай свядомасці беларусаў працуюць пісьменнікі ўсіх часоў, і я хацеў бы аддаць перавагу не сучаснікам, а папярэднікам. Думаю, што гэта будзе справядлівым, бо пахаваная ў архівах, у спецсховах духоўная спадчына, з якою не былі знаёмыя беларусы і якая пачала зараз шырока друкавацца, найлепшым чынам уплывае на нацыянальнае сталенне народа.

У жыцці кожнага народа былі такія перыяды, калі літаратура, гуманітарная адукацыя выходзілі на першы план. Але для нацыянальна адукаваных, згуртаваных і загартаваных народаў гэта становілася проста чарговым рыўком да прагрэсу. У нас свае, спецыфічныя ўмовы развіцця. Для Беларусі літаратура, асабліва на працягу XIX і XX стагоддзяў, — гэта нешта больш значнае, чым проста адна з галін культурнага жыцця. Трэба сказаць, хоць і горкую для ўсяго нашага народа, але праўду — толькі дзякуючы пісьменнікам мова, культура, а самае галоўнае і сама нацыя пакуль што не загінулі. Асноўную місію па зберажэнні, стварэнні і развіцці моўнай, нацыянальнай аўры ў грамадстве заўсёды выконвала літаратура, пісьменнікі. Зрэшты, гэта тычыцца і іншых народаў, бо, як пісаў выдатны амерыканскі паэт Эзра

Паўнд: “Добрыя пісьменнікі — гэта людзі, якія захоўваюць жывую сілу мовы. . . Калі пачынаецца заняпад нацыянальнай літаратуры, нацыя марнее і памірае”.

Асабліва важны ўклад пісьменнікаў, літаратуры ў выкрышталізацыю і развіццё нацыянальнай ідэі. У сваім “Дзённіку пісьменніка” Ф.М.Дастаеўскі напісаў: “Ёсць у народа ідэалы або зусім іх няма — вось пытанне нашага жыцця і смерці”. Калі гэта сцверджанне было заўсёды важным для вялікай рускай нацыі, то для беларусаў яно набывала яшчэ большае значэнне. Якраз для беларусаў нацыянальная ідэя, за якую змагаліся ўсе пакаленні беларускіх пісьменнікаў, і ёсць пытанне жыцця і смерці. Беларусы ніколі не марылі пра нейкую сваю асаблівую гістарычную місію. Яны дамагаліся самага элементарнага: стварэння сваёй дзяржавы, набыцця незалежнасці, роўнасці між іншымі народамі.

Наша нацыянальная ідэя мае вялікае адрозненне ад тых узятых сцягоў, пад якімі сёння чыніцца гвалт, ліецца кроў. Гэта не ваяўнічы нацыяналізм або шавінізм, а спроба выратаваць нацыю ад сканання.

Канешне ж, на цяжкім шляху да росквіту грамадства патрэбна, каб агульнанацыянальная ідэя супадала з ідэяй асобы. Увесь цывілізаваны свет не аспрэчвае таго, што дэмакратыя — гэта перш за ўсё свабода і незалежнасць асобы. Але чаму ж свабода і незалежнасць асобы павінны ўваходзіць у супярэчнасць з набыццём тых жа атрыбутаў дзяржаваю, у якой жыве гэты чалавек? Такое разуменне яшчэ неабходна выходзіць у вялікай масе беларусаў, якія атручаны савецкай імперскай прапагандаю.

Асноўнае, чым пісьменнік можа ўплываць на выхаванне нацыянальнай свядомасці, — гэта яго творчасць, кнігі. Ідэалагічны маніпалізм у гады савецкай улады, як наручнікі і кайданы, скоўваў творчасць таленавітых людзей, што працавалі ў самых розных сферах духоўнага жыцця. Велізарны штат партыйных чыноўнікаў не толькі апрацоўваў свядомасць грамадзян былога СССР у зададзеным бальшавікамі накірунку, але і пільна сачыў за інтэлектуальнаю элітаю грамадства — творчай інтэлігенцыяй. Яна заўсёды была пад прыцэлам, як на этапе: крок — улева, крок — управа, буду страляць! Ствараць трэба было толькі ў межах “адзіна правільнай ідэалогіі”. І ў беларускай літаратуры такіх твораў — кан’юктурных, рамесніцкіх — было спечана многа. І яна ўнесла сваю лепту ў ідэалагічнае абалваньванне народа.

Але і тады была іншая літаратура — літаратура на ўсе часы, створаная не вернапападніцкай фантазіяй, а мужным і праўдзівым талентам, дзе заўсёды прысутнічала імкненне бескампрамісна спасцігаць складаныя варункі нашай гісторыі, людскога быцця, глыбока аналізаваць дабро і зло ў чалавеку, разглядаць характары герояў у самы складаны для іх час — момант выбару, зараджаць сэрцы чытачоў ідэямі гуманізму, справядлівасці і праўды. Забароненыя, а цяпер вернутыя да жыцця творы Янкі Купалы, Максіма Гарэцкага, Лукаша Калюгі, Андрэя Мрыя і многіх іншых пісьменнікаў яскравае сведчанне гэтага.

Тое ж тычыцца і сучаснікаў. Варта прыгадаць імёны Васіля

Быкава. Пімена Панчанкі. Янкі Брыля, рана адышоўшага ад нас Уладзіміра Караткевіча, некаторых пісьменнікаў сярэдняга і малодшага пакаленняў, якія, выходзячы на агульначалавечыя праблемы і з высокім майстэрствам вырашаючы іх, заўсёды думалі пра свой народ, абуджалі яго нацыянальную годнасць.

Безумоўна, што ў літаратуры, як і ў іншых галінах нашага жыцця, неабходна праводзіць — прабачце за грубаватае слова — інвентарызацыю. Але, спісваючы непатрэбшчыну, трэба захаваць усё вартэ, што паслужыць яшчэ не аднаму пакаленню беларусаў, і актыўна даносіць яго да людзей.

А цяпер пра сітуацыю, якая склалася на Беларусі пасля набыцця ёю, хаця “папяровых”, але суверэнітэту і незалежнасці. Вядомы амерыканскі палітолаг Фрэнсіс Фукуяма сцвярджае: “З канца другой сусветнай вайны большасць еўрапейскіх краін змаглі спалучыць жывыя нацыянальныя традыцыі з палітычнай памяркоўнасцю і лібералізмам, у асноўным дзякуючы пераводу нацыяналізму ў галіну культуры і прыватнага жыцця”. Гэта — ідэальны шлях. Але ён прыдатны для нацый, якія згуртаваны дзяржаваю, роднай моваю, культураю, любоўю і вялікай павагаю да сваёй матэрыяльнай і духоўнай спадчыны. У нас такіх умоў няма. Беларусы пад прыгнётам расійскага царызму, а затым бальшавіцкага таталітарызму многія з гэтых каштоўных якасцей страцілі. Каб разглядаць наша грамадства з пункту гледжання нацыянальнай мовы, культуры, трэба праўдзіва канстатаваць, што нацыянальнай меншасцю стала карэннае насельніцтва — самі беларусы. Многія з іх беларусы толькі па пашпарце, яны не валодаюць роднаю моваю, не ведаюць уласнай гісторыі, згубілі нацыянальныя арыенціры. А таму працэс нацыянальнага адраджэння Беларусі і яе народа нашмат ускладняецца, патрабуе вялікіх высілкаў.

Улічваючы сённяшнія рэаліі, нашаму грамадству трэба рашаць адразу многа надзвычай складаных задач: пазбавіцца ад рабскае псіхалогіі малодшага, “непаўнацэннага” брата, усвядоміць каштоўнасць сваёй незалежнай дзяржавы, прыйсці да згоды і паразумення як у забальшавізаным свецкім, так і ў рэлігійным жыцці, усвядоміць вопыт продкаў і навучыцца па-сапраўднаму працаваць, стаць — згодна магчымасцей і рэсурсаў — ашчаднымі, беражлівымі, гаспадарлівымі. Паралельна з вяртаннем сваёй унікальнасці, самабытнасці — мовы, культуры, мудрых народных традыцый — неабходна ісці па шляху прагрэсу, імкнуцца да інтэграцыі з еўрапейскай супольнасцю.

Але гэтага не разумее вялікая частка нашага грамадства. Сённяшняе палітычнае, ідэалагічнае супрацьстаянне перакідваецца і ў сферу культуры. Варожасць, ваяўнічае неўспрыманне нацыянальнага адраджэння праяўляюць не толькі выхаваныя ў савецкім духу былыя і цяперашнія наменклатуршчыкі, чыноўніцтва, прадстаўнікі ваенна-прамысловага комплексу, кіраўнікі народнай гаспадаркі, люд без роду і племя, якога шмат на Беларусі. Некаторыя дзеячы мастацтва і літаратуры, а таксама настаўнікі, выкладчыкі ВНУ актыўна выступаюць

за вяртанне ў савецкую імперыю, праводзяць гэтую абсурдную ідэю ў народ.

На працягу апошніх гадоў пісьменнікі, якія абуджаюць нацыянальную свядомасць народа, рашуча выступаюць за незалежнасць сваёй Айчыны, пастаянна падвяргаюцца шальмаванню, паклёпам як у (цяпер ужо былым) партыйным, так і ў дзеючым афіцыйным і неафіцыйным антыбеларускім, праімперскім друку. У студзені 1991 года невядомымі асобамі былі разгромлены рэдакцыі беларускіх літаратурна-мастацкіх і грамадска-палітычных часопісаў “Полымя”, “Беларусь”, “Нёман”, штотыднёвіка “Літаратура і мастацтва”. Як заўсёды ў такіх выпадках, міліцыя і органы КДБ злачынцаў не адшукалі. Зараз маральны ўціск падмацоўваецца і эканамічным. Ніколі яшчэ праца пісьменніка не ацэньвалася так ганебна нізка, як сёння. Скарачаюцца тыражы беларускіх кніг, увесь час пад пагрозай спынення знаходзіцца выпуск беларускамоўнага друку.

Аднак, нягледзячы на складаныя ўмовы, калі дзяржаўныя ўладныя структуры сабатуюць, размываюць адраджэнцкую ідэю, лепшыя прадстаўнікі беларускай літаратуры не спыняюць свае працы па абуджэнні і выхаванні нацыянальнай свядомасці людзей.

Як і іх папярэднікі, пісьменнікі не абмяжоўваюцца сваёй творчасцю, хоць патрэбна адзначыць, што за апошнія гады з’явілася нямала таленавітага ў паэзіі, прозе, драматургіі, крытыцы, але і ўскладаюць на свае плечы цяжар паўсядзённай, патрэбнай працы адраджэнцага накірунку.

Гэта ў першую чаргу тычыцца агульнаадукацыйнай і вышэйшай школы. Запалітызаваныя, фрагментарныя, далёкія ад роднага грунту, ад уласнай гісторыі і культуры веды, які ятрымлівала за ўсе савецкія гады моладзь, не маглі выхаваць не толькі вартага прадстаўніка свайго народа, але і проста адукаванага чалавека. А таму пісьменнікі актыўна ўдзельнічаюць у пераапрацоўцы вучэбных праграм, самі праводзяць урокі ў школах, працуюць выкладчыкамі ў гімназіях, ліцэях, коледжах, ВНУ. Яны ствараюць новыя падручнікі, хрэстаматыі, дапаможнікі, слоўнікі.

Пісьменнікі дапамагаюць нацыянальнаму сталенню народа сваімі выступленнямі ў парламенце, ідуць на сустрэчы з людзьмі ў шматлікія аўдыторыі, дзе дыскутуюць, тлумачаць важнасць нашага адраджэння, тое, што духоўны пачатак заўсёды служыць не толькі ўсталяванню маралі, нармальных чалавечых узаемаадносін, але і спрыяе якаснаму развіццю матэрыяльнага побыту. Яны справядліва сцвярджаюць, што разам з роднай моваю, культурнымі традыцыямі чалавек страчвае вельмі многае, мяняецца нават ягоны характар, натура, прытупляюцца пачуцці самапавагі, адказнасці за сваю зямлю, яе будучыню, за лёс нашчадкаў у гэтым неспакойным і жорсткім свеце.

Рашуча гучыць голас пісьменнікаў у абарону суверэннасці і незалежнасці Беларусі сёння, калі саноўныя дачаснікі спрабуюць зноў зрабіць яе калоніяй Расіі.

Пісьменнікі, якія спакон веку былі на Беларусі выразнікамі надзей і спадзяванняў народа, лепей, чым хто разумеюць, што для беларусаў надышоў гістарычна вырашальны час, які ніколі больш не паўторыцца. І не выкарыстаць яго было б найцяжэйшым злачынствам.

Анатолій Кудельскі

БЕЛАРУСЬ: ЭКОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Экалагічныя дэстабілізацыі і катастрофы, якімі затрута па меншай меры пятая частка тэрыторыі Беларусі, несумненна сталі важнейшым фактарам дэстабілізацый эканамічных і палітычных. Іменна з гэтай обласцю праблем перасякаюцца пытанні суверенітэта рэспублікі, інтарэсы насельніцтва, грамадзянскіх і палітычных рухаў. Пытанне аб стане прыроднай сроды стала пытаннем фізічнага выжывання насельніцтва і стабільнасці дзяржаўнай структуры. Уваходзячы сваімі каранямі ў эканамічную інфраструктуру, гэтае пытанне, у саответствіі з прынцыпамі адваротных сувязей, патрабуе аптымізацыі ўсёй гэтай структуры і, по-сустатку, палітычнага пераўладкавання рэспублікі. Гэта — аб'ектыўная рэальнасць, не лічыцца з якой было б і неразумна, і небяспечна.

Пры разумнай (а сёння гэта значыць — оператывнай і радыкальнай) дзяржаўнай палітыцы ў обласці экалогіі складаюцца яе круг праблем мог бы стаць обласцю адзінства грамадзянска-палітычных рухаў і фарміравання новай сацыяльна-патрыятычнай канцэпцыі. Вот чаму ўсіх намаўняў ў гэтым напрамку прадстаўляюцца надзвычайна важнымі і актуальнымі, хоць обласць іх прымянення дастаткова складаная і дэлікатная ў сваёй процівароднасці і многіх фактарнасці.

У Беларусі функцыянуе недастаткова рацыянальна арганізаваная і тэхналагічна адсталая эканоміка. Заложанымі ў яе аснову затратнымі прынцыпамі развіцця энергетыкі, прамысловасці і сельскага гаспадарства на працяжэнні дзесяцілетняў ігнаруецца праблема аховы прыроды рэспублікі, практычна не рашаюцца пытанні ачысткі высокатоксічных прамысловых стокаў, дымавых выбросаў і утылізацыі цвёрдых адходаў камунальнага гаспадарства, спецыфічных экалагічна-небяспечных прадуктаў. Сітуацыя многіх разоў усугубляецца экалагічна-эканамічнымі і сацыяльнымі наступствамі Чарнобыльскай катастрофы.

Радыоактыўнымі асадкамі пакрыта паловіна тэрыторыі, дзе забаронена або не рэкамендована збор грыбоў. Больш за 16 тысяч квадратных кіламетраў тэрыторыі знаходзіцца ў зоне забруднення цэзіем-137 і

другими радионуклидами интенсивностью от 5 до 100—120 Кюри на квадратный километр и более (Могилевская, Гомельская, Минская и Брестская области). На пораженных землях размещено 1773 населенных пункта с населением свыше 500 тысяч человек. Около 30 тысяч квадратных километров территории подвергнуты радиоактивному поражению с интенсивностью от 1 до 5 Кюри на квадратный километр... Из сферы хозяйственного использования выведено около 20% пахотного клина республики, радиоактивными осадками заражено свыше 40 процентов лесных угодий.

Последствия ядерной катастрофы ликвидировать технически невозможно. Территории, подвергнувшиеся радиоактивному поражению, не подлежат и рекультивации. Если исходить из десятикратной величины периода полураспада наиболее широко представленных в спектре радионуклидов-загрязнителей стронция-90 и цезия-137, можно утверждать, что загрязненные земли Беларуси выведены из сферы нормальной экономики и жизнеобеспечения людей по меньшей мере на 200-300 лет. Навсегда потеряна территория 30-километровой зоны с ее огромным плутониевым потенциалом (период полураспада плутония-239 составляет 24 тысячи лет)...

Между тем, на значительной части загрязненной территории юго-восточной Беларуси продолжает функционировать практически вся инфраструктура сельского хозяйства и промышленности. Производится загрязненная продукция животноводства (в зоне радиоактивного загрязнения продолжают функционировать свиноводческие комплексы и комплексы крупного рогатого скота), зерновые и огородные культуры. Вся загрязненная продукция используется населением, вывозится за пределы загрязненной территории, что, строго говоря, должно квалифицироваться как экологическое преступление. Потребление этой продукции наносит вред здоровью людей, а сами производственные процессы способствуют расширению ореолов радиоактивного загрязнения.

Медико-биологические данные (по состоянию на конец 1992 г.) однозначно свидетельствуют о катастрофически высоких темпах воздействия радиоактивного загрязнения территории на здоровье населения республики и, особенно, проживающих в Гомельской и Могилевской областях. Особенно разрушительно это воздействие в Ветковском, Чериковском и других районах, где продолжают интенсивные сельскохозяйственные работы...

Установлены отчетливые тенденции аэрозольного перераспределения радионуклидов между загрязненной юго-восточной и "чистой" северо-западной частями республики. Этому процессу способствует малый размер частиц деспергированного топлива и шаровидных радиоактивных частиц различной природы, пылевые бури при производстве пахоты и уборке урожая в зоне радиоактивного поражения, все учащающиеся здесь лесные пожары и благоприятствующие северо—северо-западному переносу радионуклидов направления воздушных

течений, а также интенсивные рубки лесов. Реальный путь приостановить аэрозольное и пылевое перемещение радионуклидов на территорию "чистых" северо-западных областей Беларуси состоит в сокращении хозяйственной деятельности на загрязненных землях и широкомасштабном восстановлении лесов. Экологи полагают, что в этом состоит один из методов снижения экологических дестабилизаций на территории республики...

Серьезные разрушения природных комплексов имеют место в пределах и далеко за пределами городских территорий и промышленных комплексов различного назначения. В первую очередь это связано с отсутствием в республике промышленности вторичного сырья и переработки отходов, низкой культурой производства, отсутствием эффективных технологий нейтрализации и очистки твердых, жидких и газообразных отходов производственных циклов, устаревших принципов использования земли, воды, воздуха и вообще всех природных ресурсов, примитивными технологиями коммунальных служб. Как следствие, сотни миллионов кубометров высокотоксичных стоков ежегодно поступают в реки, загрязняют почвы и грунтовые воды. Полное отсутствие в республике промышленности переработки и утилизации твердых (свыше 45 млн.т. в год) и газообразных отходов привело к катастрофическому задымлению атмосферы и захламлению природных ландшафтов, особенно пригородных, чрезвычайно опасных для всего живого веществами, в составе которых широкой комплекс хлороорганических соединений, тяжелых металлов и радиоактивных ассоциаций.

Сложившаяся в республике экологическая обстановка находится в резком противоречии с требованиями безопасности природы и населения. Разрушаются природные ландшафты, уничтожаются уникальные, свойственные только Беларуси ледниковые формы рельефа, леса, луговые и пахотные территории. Ежегодно отторгается около 10 тысяч гектаров сельскохозяйственных и 10 тысяч гектаров лесных угодий. Интенсивно вырубается Налибокская пуша, псевдохозяйственным освоением охвачена, несмотря на статус государственного заповедника, Беловежская. Особенно разрушительным для лесного хозяйства оказался "период перестройки", когда за пять лет, с 1983 по 1989 гг., было вырублено 164 тысячи гектаров лесов, по 35 тысяч гектаров ежегодно. Площадь лесных массивов в Беларуси только за эти годы уменьшилась с 7192 до 7028 тысяч гектаров.

Быстрыми темпами расходуется или разрушается земельный фонд республики. По содержанию остаточных количеств ядохимикатов, азотистых и радиоактивных соединений, а также высокотоксичных тяжелых металлов почвы многих регионов республики (как субстрат для выращивания сельскохозяйственных культур) представляют прямую опасность для животных и человека. Особо неблагоприятно состояние почвенного покрова в районах радиоактивного воздействия Чернобыльской АЭС и всех без исключения промышленных центров, где кон-

центрация таких опасных для организма человека элементов как свинец превышает фоновые в 15—40 раз, меди в 90 раз, кобальта, стронция, марганца, ванадия и фосфора в 5—15 раз, хрома в 3—10 раз, цинка в 10 раз и ртути до 300 раз.

Экологическая дестабилизация природных комплексов республики, вызванная гипертрофированной химизацией сельскохозяйственного производства, еще более усугубляется бесконтрольными и соответствующим образом не обустроенными захоронениями остаточных количеств ядохимикатов. Известен случай траншейной свалки 455 т. ядохимикатов 53 наименований, среди которых представители хлорорганических, фосфорорганических соединений, производные карбамидной и феноксикарбоновых кислот, мочевины, симметриазина, амиды.

Серьезные экологические разрушения на территории республики связаны с гипертрофированным и экстенсивно развивающимся промышленным животноводством мясного и мясо-молочного направления. Со стоками животноводческих комплексов в природные воды ежегодно поступают сотни тысяч тонн азота, фосфора, калия. На окисление органики стоков животноводства из природных вод извлекалось более 185 тысяч тонн растворенного в них кислорода, что составляет почти 45 процентов водорастворенного кислорода в годовом стоке рек. Это приводило к заморным явлениям, деградации или “залповой” гибели водных организмов. Ситуация усугубляется тем, что значительное количество комплексов оказалось в зоне радиоактивного поражения, и что по сей день здесь производится загрязненная продукция.

Все животноводческие комплексы размещены и продолжают размещаться на берегах водоемов, речная сеть республики превращена, по-существу, в канализационную.

Огромный ущерб природным комплексам республики наносится горным и горно-химическим производством. Экологическая катастрофа постигла районы добычи калийных солей (Солигорск), где ПО “Белорускалий” шахтным способом может добывать до 40 миллионов тонн калийных руд в год. Производство калийных удобрений еще в 1990—91 гг. достигало 10 миллионов тонн, ежегодно свыше 30 миллионов тонн солей и засоленных горных пород поступает в солеотвалы. Их объем превышает 450 миллионов тонн, под солеотвалами занято 5 тысяч гектаров ранее плодородных земель.

В результате ведения подземных горных работ наблюдаются интенсивнейшие просадки земной поверхности, просадочными явлениями охвачена территория площадью до 150 квадратных километров. Вследствие того, что добычные работы (извлечение руд) и их складирование в виде солеотвалов осуществляется в пределах смежных, разделенных тектоническим нарушением блоков горных пород, району соледобычи свойственна “наведенная” сейсмоактивность с весьма высокой (до 4—5 баллов) интенсивностью землетрясений.

Ежегодно с поверхности солеотвалов, высота которых достигает 120—140 метров, смываются тысячи и развеваются десятки тонн

хлористых солей. В радиусе до 100 км вокруг ими выжжены леса, засолены почвы и поверхностные водоемы.

Сложившаяся в районе Солигорска экологическая ситуация настолько сложная, что любые подходы к ее улучшению должны исходить из признания экологической неприемлемости ныне принятой шахтной технологии добычи калийных солей. Следствием подобного признания должна быть оперативная постановка и серьезное финансирование разработок по подземному выщелачиванию солей и технологической переработки уже сформированных солеотвалов — наиболее опасного источника разрушения биосферы бассейнов Припяти и Днепра.

Совместным воздействием загрязненных атмосферных осадков и высокотоксичных стоков с сельхозугодий, крупных животноводческих комплексов, горно-промышленных объектов, промышленных предприятий, повсеместных свалок высокотоксичных твердых отходов давно выведены из питьевого регистра поверхностные источники водоснабжения республики, реки и большая часть замкнутых водоемов.

Выведены из строя ряд водозаборов подземных вод в Слониме, Солигорске, Борисове, Новополоцке, Орше, Толочине, Могилеве, Речице, других городах и населенных пунктах. Под угрозой загрязнения выше допустимого уровня находятся подземные водоисточники и ранее вполне благополучные водозаборы Гомеля, Мозыря, Светлогорска, Бреста, Гродно, резко увеличилась загрязненность питьевых вод Минска.

Особую опасность для населения республики представляют водорастворенные нитраты — один из основных и повсеместных загрязнителей природных вод в условиях Беларуси. Потребление воды с повышенными концентрациями нитратов разрушающе действуют на сердечно-сосудистую и иммунную системы, усиливает мутагенез, вызывает тяжелую болезнь крови метгемоглобинемию — серьезную причину детской смертности. Образующиеся в желудочно-кишечном тракте производные нитратов нитрозамины обладают четко выраженными канцерогенными свойствами. В районах интенсивного применения ядохимикатов и нитратного загрязнения питьевых вод высокая детская смертность, изменяется наследственность.

На территории Беларуси нитратное загрязнение неглубоко залегающих (до 20—40 метров) подземных вод повсеместно сформировано в пределах сельскохозяйственных угодий и животноводческих комплексов. Содержание нитратов в воде колодцев здесь во много раз превышает предельно допустимые концентрации (около 20 миллиграммов в литре воды) и достигает 900—1400 миллиграммов при средних 150—180.

Установленные тенденции и темпы загрязнения подземных вод тревожны. При общей мощности слоя пресных вод в среднем 300 метров и существующих технологиях производства полное химическое загрязнение и вывод из строя подземных источников питьевого водоснабжения завершится, согласно предварительным оценкам ученых Академии наук, в течение ближайших десятилетий. Населению

республики угрожает ни с чем не сравнимая опасность...

Завершая этот краткий обзор, отметим, что экологическая обстановка на территории Беларуси чрезвычайно сложная. Загрязнены сверх всех мыслимых пределов поверхностные воды, процессами загрязнения почвы повсеместно затронуты подземные — важнейший ресурс водоснабжения; ядохимикатами и тяжелыми металлами загрязнен почвенный покров, в ареалах воздействия промышленных центров фиксируется интенсивное аэрозольное загрязнение воздушных масс окислами серы, азота, углерода, органическими соединениями и тяжелыми металлами. Источниками загрязнений выступают предприятия всех без исключения министерств и ведомств, что объясняется несовершенством и технологической отсталостью процессов и производств. Ситуация всемерно ухудшена радиоактивным поражением более чем трети республики в прилегающих к Чернобылю областях.

Как следствие экологических разрушений и химического загрязнения среды обитания, фиксируется устойчивое ухудшение здоровья населения, особенно детей. Растет частота генетических отклонений, количества умственно отсталых детей, растет смертность новорожденных, снижается прирост населения. Изменяется соответственно социально-политическая обстановка...

Людей раздражает ориентированная на экспорт (то ли в Россию, то ли в другие страны) ведомственная экономика, при которой республике остается разрушенная среда обитания. В этой связи не исключены чисто луддистские преступления (вывод из строя машин и механизмов), в особом внимании нуждаются трансреспубликанские продуктопроводы (усиление контроля состояния и охрана). Не улучшает ситуацию ограниченная или сознательно ведомственная недоговоренность в области информации о действительном медико-биологическом состоянии общества. Последнее обстоятельство активизирует “экологическую” эмиграцию... Столь же непопулярно и социально преступно ведомственное производство загрязненных радионуклидами продуктов питания в зоне радиоактивного поражения. В интересах целостности государства это должно квалифицироваться как преступление и преследоваться в соответствии с законами.

Экологические дестабилизации в пределах Беларуси связаны, кроме всего прочего, с личной незаинтересованностью ее граждан в процессах и результатах ведомственно-государственной деятельности (пример: случай с переливом высокотоксичных веществ на Новополоцком объединении “Полимир” и отравлением вод Западной Двины). Это проблема общеполитического и экономического переустройства общества в направлении приватизации (частной, частно-групповой и пр.) части экономического потенциала республики. Необходимость этого процесса объективна и безальтернативна. Здесь, кроме всего прочего, начало процессов вписывания экономики страны в общемировое экономическое пространство с его экологоприемлемым производством...

ІДЭАЛЫ І ІЛЮЗІІ

Historia magistra vitae.

Да гэтага сцвярджэння Цыцэрона мне заўсёды рупіла паставіць пыталнік. Гісторыя — настаўніца жыцця? Але каго яна навучыла? Ад чаго засцерагла? Улюбёнымі гульнямі эпох былі і застаюцца войны, рэвалюцыі, заклоты. Падман, хлусня, карыслінасць — хіба хто знайшоў ад іх паратунак? А гісторыя нястомна распрацоўвае сюжэты новых драм, трагедый, фарсаў, трагіфарсаў. Даводзіць сюжэты да іх лагічнай або пазалагічнай развязкі. Але не вырашае праблем: быццёвых, адвечных, субстанцыяльных. Гісторыя — эмпірык. Эксперыментатарка. Суддзя, а, бывае, экзекутар. І — вызначальніца: каму — слава, каму — небыццё... Гісторыя размяркуе...

Гістарычны час... Гістарычныя імгненні... Ідэалы. Ілюзіі. Хаця — часам чалавецтва прымае ідэалы за ілюзіі, а ілюзіі — за ідэалы. Здраецца, пазбаўляецца: і тых, і другіх. Ці не такі сёння гістарычны момант? Разбураны дактрыны, да якіх ставіліся з малітоўнай пашанай, свабодныя месцы ў сферы ідэй пахапліва запаўняюць выпадковымі сэнсамі. Нейкім момантам незразумела — хто, дзеля чаго, навошта змагаецца? Хто, каго, навошта забівае? Хто — суддзі? Хто — падсудныя?

Цывілізацыя выявіла сваю сутнасную супярэчлівасць, стала відавочным, што шляхі, пазначаныя чалавечым геніем, пакуль што набываюць выгляд тупікоў. Прастора сусвету ўсё больш уяўляецца разбурана-трывожным хаасам, усяіснай нязграіцай і ўсё менш — увасабленнем светлай ідэі ў матэрыяльным быцці. На гадзінніку часу — адміністрацыйная эпоха з яе таталітарнымі прадоннямі. Ідэалы сапраўднай свабоды, справядлівасці, дэмакратыі звабліва з'яўляюцца і нікнуць, а на авансцэну гісторыі трапляюць то аморфныя безсасобовыя індывідуумы, то маньжкі, то блазны. І ім чамусьці саступаюць цывілізацыя і эсатэрычна-абстрагаванае мысленне, спачатку не заўважаючы і пагаржаючы, пазней — клічучы на дапамогу хрысціянскі вопыт, хітрамудрасць палітыкаў, моц канкрэтыкі зброі. Глыбіня жыццёвай фактуры пачынае напаўняцца пустотамі, крыніца жыцця не спатале прагу душы. Спасціжэнне Ісціны, пошук унутранай засяроджанасці існавання спатыкаюцца аб жаклівасць і бессэнсоўнасць рэчаіснасці. Губляецца не толькі мелодыя чалавечай душы, не чуцён нават энк, крык яе — у соцыумах знівеліраваных індывідуумаў.

Ідэалы ўсё ж застаюцца. І ілюзіі — таксама. Спраба сённяшняга Адраджэння Беларусі — сапраўджванне ідэалаў ці чарговая ілюзія? Відавочна — гэта адна з самых важных вех нашай гісторыі. Дзе некаторыя трагічныя калізій — навідавоку: Айчынная вайна, Курапаты, Чарнобыль. Іншыя моманты нацыянальнай драмы — не ўяўляюць (ці не маюць ахвоты ўяўляць) нават самыя, здавалася б, прагрэсіўныя людзі. І за межамі нашай краіны, і ў самой рэспубліцы Беларусь. Родная мова,

сфера ўжытку якой старанна і мэтанакіравана рабілі абмежаванай і непрэстыжнай. Гісторыя — якую фальсіфікавалі. Культура, многія набыткі якой хаваліся і замоўчваліся, дзеячоў якой выбівалі, выпальвалі, высыкалі. Ахоўвалі палітычную цноту (у залежнасці ад чарговага рэжыму), ласкава дазвалялі мясцовы каларыт і ў межах дазволенах этнаграфізм.

Сённяшні наш прывідны суверэнітэт — адна з карт у калодзе чарговых гульняў эпохі. І ўсё ж мы спрабуем. Хаця гэтыя спробы — набор непамысных антыномій.

Скінутыя покрывы са шматлікіх фактаў гісторыі, цэлых перыядаў яе. Адсутнасць цензуры і ліквідацыя спецсховішчаў далі магчымасць апублікаваць многія помнікі літаратуры, права, філасофіі, мастацтва, якія засведчылі старадаўнасць і трываласць нацыянальнай культурнай традыцыі. (Лічу за гонар, што давялося падпісаць у друк у часопісе “Нёман” такія вызначальныя для беларускай грамадскай думкі працы, як “Асновы беларускай дзяржаўнасці” М. Доўнар-Запольскага, “Адвечным шляхам” І. Канчэўскага (Абдзіраловіча), “Гэтым пераможаш” У. Самойлы (Сулімы). Між іншым, і названыя працы, і творы А. Луцкевіча, В. Ластоўскага, многія з помнікаў літаратурных было б вельмі карысна перакласці на замежныя мовы — гэта накрэсліла б зусім пэўны ментальны партрэт нацыі). Увайшла ў чытацкі і даследчыцкі абыходак літаратура беларускай эміграцыі. З’явіліся літаратурныя, філасофскія, палітычныя штудыі сённяшніх дзён, што сведчаць пра важкасць мысленніцкага духу нацыі.

Але — які будзе лёс гэтых набыткаў? Хто засвоіць іх? Якую ролю яны адыграюць у жыцці нацыі і ў яе становішчы на планеце людзей? Зразумела, што інтэлектуальны авангард, эліта адначасова выяўляюць сваю эпоху і ідуць наперадзе яе. Маса ўспрымае ідэі і іх увасабленне з пэўнай паўзай. Але гэта павінна быць паўза, дыстанцыя, не бездань. У нас жа эўрыстыка не была і ў нядаўнюю пару ў пашане, а сёння індывідуальна-экспрэсіўны пачатак асобы фарміруецца ва ўмовах сацыяльнай і крымінальнай усёдазволенасці, рэанімацыі не толькі фашыстоўскіх ідэй, але і фашыстоўскіх хаўрусаў, атмасферы духу гандляроў і мянял (нібыта творцы і вытворцы няўзнак увогуле зніклі), атмасферы таннай, ліпуча-дэбільнай рэкламы, цягамотных тэлесерыялаў з мізэрна-нішчымнай эстэтычнай запраграмаванасцю, парнаграфічнай кніжнай і відэапрадукцыяй. Ва ўмовах, калі большасць у нас, на Беларусі, не ведаюць уласнай мовы, затое ледзь не з калыскі засвойваюць мат — гэтка “высокая” мода, ад кірмашу да стужак майстроў экрану. А самая вялікая абраза — у слове: “інтэлігэнт”! Гэта так і вымаўляецца — з пагардай, агідай і адчуваннем уласнай перавагі: маўляў, мне такая ганьба не пагражае.

У нас нібыта атрымалі магчымасць свабоды веравызнання. Сталі сутаргава прываджваць усё, ад чаго адкараскваліся дзесяцігоддзі. Але па звычцы фанфарна-параднага волевыяўлення неяк звялі ўсё да залаташатавых урачыстасцяў, да казаняў выключна дыдактычных.

Вышыні маральных асноў рэлігіі, філасофіі быцця, таямніцы духу — гаворка не пра тэолага-эсхаталагічныя росшукі, а пра выявы, што ўмеюць спасцігнуць людзі звычайнай свядомасці — усё засталася па-за ўвагай.

Мітусня. Гульні. Гульні палітычныя. Гульні эканамічныя. Гульні бысконцых саюзаў. Суполак. Фондаў.

Імпрэзы. Прэзентацыі. Рахункі. Якія лозунгі! Якая прага міласэрнасці і вышыні духоўнай! А побач можа спакойна гібець чалавек. “Любіць чалавецтва лягчэй, як зрабіць дабро суседу”.

Вядзецца гаворка пра галоснасць і свабоду асобы, пра абарону пісьменнікаў і журналістаў, а гінуць ад рукі забойцаў супрацоўнікі Беларускага тэлебачання Леанід Пятруша і Аляксандр Чуланаў — і нешта не чуваць было рашучых галасоў пратэсту.

Галёкаюць пра экалагічны марш праз Менск. Выдатна. Колькі гаворкі будзе — узрушанай, пафаснай! Але сам Менск і Беларусь сучаснымі пейзаж пасля бойкі, вялікі сметнік, з дэмантаванымі сучаснымі вандаламі помнікамі, знявечанымі дрэвамі, стаптанымі газонамі.

Тымчасам стомлена лічуць дні тыя, хто ўсё ж не адышоўся ад нармальнага, адвечнага занятку — працы. Стварэння матэрыяльных і духоўных каштоўнасцяў. Трываюць гвалт жыцця. Ужо і не слухаюць. І веры не даюць. І наўрад ці што чытаюць. “Словы, словы, словы...”

Ці ж не абернуцца словы тых, хто іх прамаўляе — толькі духоўнай гімнастыкай, слоўнай эквілібрыстыкай, практыкаваннем розуму?

Пра што б ні весці гаворку, няма нічога, што не мела б свайго “але”. Свабода друку паспрыяла з’яўленню некалькіх выданняў, што сапраўды ўплываюць на грамадскую і эстэтычную думку. Аднак колькі малапісьменных, бульварнага кшталту газэтак і друкаваных лёткаў з’явілася засмечваць галовы грамадзян Беларусі. Праўда, гэтая бяда ў нас агульная з усім светам: наступ маскультуры самага нікчэмнага ўзору, засілле парнаграфіі, дэтэктыву — ледзь не як жанры веку. Ёсць і сваё, уласнае дзіва. І ў старых выданнях, і ў новых узмацнілася арыентацыя на пэўнае кола пішучых. З’ява нібыта нармальная — так было заўсёды ў практыцы друку. Аднак, калі згадаць інфляцыю і тое, што існуюць выданні або за кошт бюджэтных датацый, або з ласкі спонсараў, дык відавочна, што талент “па-за групоўкай” застанецца і па-за друкам. (Уласнае выданне не адчыніш).

Шалёны рост цэн на паперу і друкарскія выдаткі вельмі пахіснулі фінансавыя пазіцыі дзяржаўных выдавецтваў. А нованароджаныя бізнесмены з іх кніжнай прадукцыяй адразу ўзялі курс на чытача з інтэлектуальным узроўнем людаедкі Элачкі і схільнасцямі прафесійнага гангстэра. Да таго ж — упадабаўшы позу гаспадароў жыцця, нуварышы ад кніжнага бізнэсу ўзнялі ашалелы віскуцень супраць беларускай мовы. І беларушчыны. Маўляў, ратуйце, забіваюць расейскую культуру. Ну, да культуры гэтыя грамадзяне. пэўна, маюць вельмі далёкія адносіны. Што ж датычыць рускай культуры і ўвогуле замежных культур, дык на

Беларусі да ўсіх заўсёды ставіліся з пашанай і павагай. Да ўсіх — акрамя сябе. Парадокс. Хаця хістанні ў рэчышчы ўсходнеславянскай традыцыі — ці ганіць, ці ўзносіць да нябёс: ёсць. І ў літаратуры, і ў навуцы, і ў мастацтве. Зноў — ілюзіі, якія робяць эталонам, ідэальным увасабленнем існай дадзенасці. Знаёмы пафас, хранічны. І хранічная кан'юнктура. З новымі арыенцірамі. І як хранічная з'ява — мітусня ў пражэктарах грамадскага і мастацкага жыцця асоб, якім не тое што таленту, але і квольных здольнасцяў бракуе. І — часам гэта вельмі ж знаёмыя асобы, мы іх бачылі і раней, пад іншымі штандарамі, з іншымі лозунгамі. Ажно з той жа палымнеючай прагай — быць навідавоку, на слыху, падтрымліваць сваё уласнае вечнае prosperity. Сапраўды, “не прыткім даецца ўспешлівы бег, не харобрым — перамога, не мудрым — хлеб, і не ў разумных — багацце, і не спраўным — благасць, але час і выпадак для ўсіх”.

Не, не навучыла нікога гісторыя. Светлыя розумам Вальтэры і Дзідро даюць мудрыя ідэі, самаахвярныя Рабэсп'еры кладуць свае галовы на гільятыну, а ў рэшце з'яўляюцца лейтэнанты артылерыі, фюрэры ці сыны юрыста і ўкраінкі.

І ўсё ж... “Выратуецца той, хто ратуе сам”. Ратуе дзеяннямі, учынкамі. Словамі, што імкнуцца наблізіцца да таго Слова, што было “на пачатку”, наблізіцца да “Святла сапраўднага”.

Тыя, хто пазначаў і пазначае вышыні духу нацыі, яе сумленне, яе эстэтычны, мастацкі ўзровень. Тыя, каго спазнаем з даўняй і нядаўняй мінуўшчыны. Тыя, хто, нягледзячы ні на што, у творчасці трымаўся спрадвечнай грунтоўнасці традыцыі, устойлівасці маральных законаў. Тыя, хто не даў сысці з літаратурных старонак лірыцы і рамантыцы, хто ішоў на ўзроўні жыцця і над узроўнем жыцця. Тыя, хто, выкінуўшы штандар колеру выкліку, віхурна ўварваўся ў літаратуру з памкненнямі, якія ў сваю пару сфармуляваў Андрэ Мальро: “Мастацтва — не падпарадкаванне, мастацтва — заваяванне”.

Ці ж матэрыялізуюцца ў справе тыя ідэалы, што яшчэ засталіся? Ці пазбавімся мы ад ілюзіяў? Ці вытрымае Слова? І разам са словам — будова Натуры? І — працягнецца “бляск цудаў”? І подых кветак будзе трывожыць істот? І жывая душа чалавечая не загіне?

Алесь Разанаў

ТРЭЦЯЯ РЭЧАІСНАСЦЬ

Гадзіннікі паэтаў могуць паказваць розны час, і тым не менш, нягледзячы на відавочную рознасць, гэта дакладны час. — і таму кожны з паэтаў мае ўнутранае права меркаваць, што ён ведае, што такое сучаснасць і што ён судавядае ёй. Больш за тое, гадзіннікі паэтаў, каб

на самой справе быць дакладнымі, і павінны паказваць розны час. Толькі ў такім разе той агульны, храналагічны, лінейны час, у якім яны жывуць, мае магчымасць трансфармавацца ў з'яву, што называецца сучаснасцю.

Трэба згадзіцца, што сама з'ява сучаснасці не настолькі адназначная, каб яе можна было інтэрпрэтаваць у адных і тых жа вобразах і паняццях; апрача відавочнага, альбо наяўнага плану, яна змяшчае ў сабе нешта не выяўленае і невідавочнае, што ні за чым не можа атаясаміцца. Ні з чым і ні з кім, і кожны раз, калі рэчаіснасць хоча выказацца, яна шукае таго, хто мае дачыненне да невыяўленага і невідавочнага, — яна шукае паэта. Без творчага, паэтычнага акту рэчаіснасць не дасягае сваёй завяршальнай стадыі, стадыі здзяйснення, а сучаснасць застаецца адно толькі магчымасцю быць сабой.

Сучаснасць — гэта не напісаны верш. І хоць акрэслена тэма, і словы, якія ў ім прагучаць, агульнавядомы, сам верш, аднак, дагэтуль нідзе, ніколі і ніякім чынам не гучаў. Не існаваў. Ён яшчэ мусіць знайсціся і ўтварыцца, а рэчаіснасць прайсці — і быць здольнай прайсці — творчую трансмутацыю, каб падключыцца да кантынууму, чые законы не супадаюць з законам лінейнага часу.

І тут выяўляецца дзіўная і нават надзвычайная роля паэта: як ён скажа — так і атрымаецца, як ён зробіць — так і будзе, і няма на зямлі вышэйшай інстанцыі, якая перааспрэчыла б яго.

Здавалася б, так не павінна быць, ніхто не даваў паэту такога права, ды і, урэшце, ёсць жа цэлая іерархія рэгламентаваных вартасцяў — народны і асабісты дабрабыт, асвечаныя продкамі традыцыі, грамадская думка і грамадскае становішча. І хоць паэт зусім не абавязаны змагацца ці не згаджацца з існуючым парадкам рэчаў, ён усё роўна ў дачыненні да гэтага парадку аказваецца самазванцам, і да таго ж з нерэгламентаванай уладай. Такім чынам, грамадская роля паэта па самой сваёй прыродзе, з самага пачатку, набывае палітычнае адценне.

Асабліваю вастрэню пытанне суадносіны ўлады, якую мае паэт, і ўлады, якую маюць валадары дзяржавы, набывае ў таталітарным грамадстве. І якія б варыянты пры гэтым ні ўзнікалі, мэта ў таталітарнага рэжыму — зрабіць паэта сваім, падпарадкаваць яго ўладу сваёй. Паэт можа фармуляваць свае ўмовы, але ён бачыць, насколькі рэжым зацікаўлены ў ім, і ведае, што яго пазіцыя ў грамадстве выключная і ключавая.

Іншая сітуацыя для паэта ўзнікае ў пастаталітарны перыяд, паміж дзвюма рэчаіснасцямі, — калі адна з іх адышла, а другая не паспела прайсці. Ён апынаецца на водмелі, і тая паэтыка паводзін, якая стасавалася да стыхій вады, тут не прыдатна, аднак не прыдатна і паэтыка паводзін на сушы. Паэт, такім чынам, апынаецца як бы без рэчаіснасці, але якраз у гэтай сітуацыі агольваецца нейкі механізм яго жыццядзейнасці, і як ніколі раней (ці пазней) ён адчувае цяпер, што ні мора, ні суша, ні адна, ні другая рэчаіснасць не з'яўляецца яго рэчаіснасцю, што яго рэчаіснасць трэцяя, і што яна наогул не асягаецца

на плане адносін чалавека да маёмасці і маёмасці да людзей.

Яго рэчаіснасць — трэцяя, і таму ён магчымы як паэт, і таму ён не можа цалкам супасці з ніводным ладам, і таму тое, што ён кажа, мае асаблівы сэнс.

Паэта заўсёды пільнуе двойная небяспека: выпасці з кантэксту храналагічнай рэчаіснасці і праз гэта пазбавіць яе тэургічнай магчымасці выявіцца яго абліччам, а, па-другое, супасці з ёю, стаць проста прыватнай асобай.

Не варта паддавацца ўражанню, што дэмакратычны і таталітарны лад, пры гэтым, прынцыпова адрозніваюцца паміж сабой. Іх адрозненне адноснае — ні адзін з іх не вырашае кардынальнай праблемы чалавечага існавання. Яна вырашаецца на іншым узроўні, і кардынальнай альтэрнатывай як адной, так і другой рэчаіснасці, ці, калі хочаце, іхнім якасным працягам, выступае трэцяя рэчаіснасць, паўнамоцным прадстаўніком якой і з'яўляецца паэт. Яго ўлада — ад яе.

Гэтая ўлада даецца ў творчасці і праз творчасць, і ў творчасці і праз творчасць паэт сустракаецца з рэчаіснасцю, дзе яго слова адначасова становіцца і важкім, і свабодным.

У кірунку да гэтай — трэцяй — рэчаіснасці разгортваецца супярэчлівы рух гісторыі.

Мы шукаем і фармулюем паэта па сучаснасці, аднак гэты занятак набудзе глыбіню, калі і сучаснасць мы будзем шукаць і фармуляваць па паэце.

Янка Запруднік

КАНЦЭПЦЫЯ ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ І НЯЎРАДАВЫЯ АРГАНІЗАЦЫІ Ў ЗША

Лейтматыў шмат якіх выступленняў на гэтым кангрэсе можна было б перадаць вобразам каня: конь свабоды — як на яго надзець вуздэчку, але так, каб яна ня сталася путамі.

Алесь Разанаў тут гаварыў пра ўзаемадачыненьне паэта й рэжыму. Я ж хачу сказаць колькі слоў пра ўзаемадачыненьне грамадзяніна й рэжыму.

У чалавеку, у грамадзяніне закладзены вялікі патэнцыял да дзеяння — ці то ў імя індыўідуальных інтарэсаў, ці грамадзкіх. У працэсе такога дзеяння грамадзянін павінен мець максімум свабоды ды максімум спрыяння з боку дзяржавы, ейных адміністрацыйных органаў. Рэгуляцыйная функцыя дзяржавы, аднак, залежыць ад разуменьня ролі дзяржавы ў дачыненні да грамадства ў цэлым і ў дачыненні паасобнага грамадзяніна, а таксама залежыць ад разуменьня

правоў грамадзяніна як сувярэннай адзінкі ў дзяржаве.

Некаторыя аналітыкі сучасных дынамічных сацыяльна-палітычных працэсаў у сьвеце называюць цяперашні час “векам расчараваньняў”. І сапраўды, эпоха ідэалёгіяў, як выглядае, скончылася: утопіі не збываюцца, артадаксальныя вучэньні заводзяць у тупік догмы і канчаюцца тэрорам. Разам з тым мы сёньня бачым нязвычайнае ажыўленьне сацыяльна-палітычнай думкі, якая шукае выйсьця на шляхі зблянсаванага плюралізму. З асаблівай інтэнсыўнасцю працу апошнімі гадамі палітычная думка ў Лацінскай Амэрыцы і Ўсходняй Эўропе, дзе адбываецца пераход ад аўтарытарызму ці таталітарызму да дэмакратыі.

Назіраюцца новыя з’явы і ў Беларусі, як пра гэта сьведчыць, сярод буйных падзеяў, наш кангрэс. Хто думаў гадоў чатыры-пяць таму, што Міністэрства ўнутраных спраў рэспублікі будзе гаварыць пра патрэбу распрацоўваньня пытаньня правоў чалавека? Але вось 16 лістапада летась загадаў начальніка Акадэміі міліцыі МУС РБ генэрал-лейтэнанта Савіча была створана (праўда, на грамадзкіх пачатках) катэдра правоў чалавека. Дзейнасьць сваю катэдры даводзіцца пачынаць з нуля. Як сказаў загадчык катэдры праф. Іван Басецкі (ён жа намесьнік начальніка Акадэміі міліцыі па навуковай рабоце) у інтэрв’ю газэце “Звязда” (21.12.93): “Сур”эзна гаварыць пра выкананьне правоў чалавека можна ў падрыхтаваным грамадзтве, а ў нас пераважная большасьць людзей і ня ведае, што гэта такое”.

Між іншага, праф. Басецкі зазначыў: “З усімі, каму спатрэбіцца наш навуковы патэнцыял, нашы рэкамендацыі, мы будзем актыўна супрацоўнічаць”. Шкада, што на гэтым кангрэсе (наколькі я азнаёмлены з праграмай) няма прадстаўніка катэдры правоў чалавека Акадэміі міліцыі МУС.

Апошнім часам усё больш і больш уваходзіць ва ўжытак паняцьце “грамадзянская супольнасьць” — грамадзянскае грамадства, Civil Society. Гэта грамадзянскае супольнасьці яшчэ даволі новая. У Калюмбійскім унівэрсітэце ў Нью-Ёрку, дзе я выкладаў гэтую вясную курс “Гісторыя і палітыка Беларусі”, бібліятэкарка ня шмат змагла назваць прац на тэму грамадзянскай супольнасьці. Затое ў вялікай кнігарні Барнс энд Ноўбл я набыў вялікую новую працу “Civil Society and Political Theory” (Грамадзянская супольнасьць і палітычная тэорыя), выдавецтва The MIT Press, Cambridge, Mass., 1992. Аўтары кнігі Джын Коэн і Эндру Арата (Jean Cohen and Andrew Arato) пішуць на ўступе:

“Мэта ў нас падвойная: прадэманстраваць, што паняцьце “грамадзянская супольнасьць” адпавядае сучаснай палітычнай тэорыі аб грамадзянскай супольнасьці, адэкватныя сучасным умовам. У працэсе гэтай работы мы спадзяемся запоўніць даволі-ткі вялікую пусціню ў сфэры дэмакратычнай тэорыі. Усякая тэорыя дэмакратыі прадугледжвае грамадскую мадэль, але тым часам ніхто не займаўся пытаньнем: якога тыпу грамадзянскай супольнасьці найбольш падыходзіць сучаснаму

дэмакратычнаму ладу. Інакш кажучы, узаемасувязь паміж нарматыўнымі мадэлямі дэмакратыі ці праграмамі дэмакратызацыі, з аднаго боку, ды структурай, інстытуцыямі і дынамікай грамадзянскае супольнасці, з другога, застаецца нявыразнай, часткава таму, што сёння мы ня маем яшчэ дастаткова распрацаванай тэорыі грамадзянскае супольнасці. Заданьне гэтае кнігі — пачаць распрацоўваць гэтую тэорыю.” (ст. VII).

Аўтары кнігі, прафэсары, адзін Калюмбійскага ўнівэрсітэту, другі — ведамай нью-ёрскай Новай школы сацыяльных даследаваньняў, выстаўляюць тэзіс, што канцэпцыя грамадзянскае супольнасці мае ў сабе патэнцыял пашырэння дэмакратыі ў сучасных краінах зь лібэральна-дэмакратычнымі рэжымамі. Распрацоўваючы гэты тэзіс, кажучь яны, мы пакажам, што канцэпцыя грамадзянскае супольнасці мае нарматыўнае і крытычнае дачыненне да ўсіх тыпаў сучасных грамадстваў. Да традыцыйнае пары паняццяў — “дзяржава” і “грамадства” — аўтары далучаюць ня менш важнае трэцяе паняцце — “грамадзянская супольнасць”, якой даюць гэткае вось азначэнне:

“Мы разумеем “грамадзянскую супольнасць” як сферу сацыяльнай узаемадзеянасці паміж эканомікай і дзяржавай. Узаемадзеянасць гэтая ўключае перш-наперш інтымную сферу (асабліва сям’ю), сферу згуртаваньняў (асабліва дабраахвотных), грамадзкіх рухаў і формаў публічнае сувязі. Сучасная грамадзянская супольнасць ствараецца шляхам самаўстанаўленьня і самамабілізацыі. Яна ўстанаўляецца як інстытуцыя і набывае агульны характар праз законы і правы, якія стабілізуюць дыфэрэнцыяцыю.” (ст. IX).

Тлумачачы, чым адрозніваецца грамадзянская супольнасць ад грамадзасці палітычнае і эканамічнае (якія імкнучца кантраляваць і кіраваць дзяржаўную ўладу і эканамічную дзейнасць), прафэсары Коэн і Арата падкрэсліваюць, што “роля грамадзянскае супольнасці не накіравана на здабыццё палітычнае ўлады, але на рабленне ўплыву праз дэмакратычныя згуртаваньні і свабоднае абмяркоўваньне справаў у грамадзкай сферы.” (ст. IX-X).

Хоць тэарэтычнае асэнсоўваньне грамадзянскай супольнасці — справа новая, нормы гэтага паняцця (гэткія, як індывідуальныя правы, прыватнасць, дабраахвотныя згуртаваньні, плюралізм, галоснасць, свабоднае прадпрымальніцтва) выпрацоўваліся, хоць і несистэматычна ды супярэчліва, на працягу стагодзьдзяў у заходніх грамадствах.

У Амэрыцы, прыкладам, дабраахвотныя згуртаваньні становяць добра распрацаваную грамадзянскую мускулятуру, уздымаюць палітычную культуру грамадства, пайнфармаванасць, забяспечваюць якаснасць прадукту, пачынаючы ад налэпак на кансэрвах і аж да абслугі ўрадоўцамі наведнікаў афіцыйных устаноў.

Добрае ўяўленьне пра пашыранасць сеткі дабраахвотных згуртаваньняў у Злучаных Штатах дае маса друкаванае інфармацыі пра

гэткія згуртаваньні. Да стандартных даведнікаў у гэтай катэгорыі належыць “Энцыклапедыя згуртаваньняў”, выдаваная Дасьмоніцкім інстытутам Гэйла. Сёлета выйшла ўжо 28-е выданьне гэтага папулярнага аб’ёмстага даведніка. І ў ім вы знойдзеце асноўныя дадзеныя пра 23000 няўрадавых арганізацыяў. Гандлёвыя, сельскагаспадарчыя, прамысловыя, вэтэранскія, прафэсійныя, этнічныя, рэлігійныя, экалягічныя, жаночыя, зацікаўленыя пытаньнямі замежнае палітыкі, атлетыкай, рыбалоўляй, калекцыянерствам, чым хочаце — пра ўсе падобныя згуртаваньні вы знойдзеце дадзеныя ў гэтым даведніку: назоў, адрас, нумар тэлефону і факсу, дата заснаваньня, колькасць сяброў, штат працаўнікоў, вышыня сяброўскіх складак, бюджэт, рэгіянальныя аддзелы, характар дзейнасьці, публікацыі, іхні наклад, пэрыядычнасьць з’ездаў і г. д.

Хоць на паверхні жыцця яны не надта заўважальныя, дабраахвотныя згуртаваньні ў Злучаных Штатах становяць адну зь найбольшых сілаў грамадства. Яны займаюцца асьветаю сваіх сяброў; устанаўляюць прафэсійныя стандарты; распрацоўваюць і пашыраюць інфармацыю; прадстаўляюць і бароняць прыватныя інтарэсы; забяспечваюць падтрымку палітычным арыентацыям, стымулююць і арганізуюць прыватную дзейнасьць.

Праведзеныя ў 1990 годзе дасьледаваньні паказалі, што кожныя сям’я зь дзесяціх амэрыканцаў належаць да нейкага згуртаваньня. Кожны адзін з чатырох амэрыканцаў належаць да чатырох або й больш згуртаваньняў. Разам узятыя, згуртаваньні выдаткоўваюць вялізарныя сумы грошай (у 1989, прыкладам, восем з палавінай мільярдаў даляраў) на асьветныя курсы, бізнэсаўскую практыку і да гэтага падобнае на карысьць сваіх членаў і грамадзкасьці. Дзевяноста працэнтаў згуртаваньняў маюць асьветныя курсы для сваіх членаў і для публікі. У тым жа 1989 годзе дабраахвотныя згуртаваньні выдаткавалі чатырнаццаць з палавінаю мільярдаў даляраў на тое, каб прамысловасьць устанаўляла адпаведныя стандарты і трымалася іх. Больш як палавіна згуртаваньняў заснаваная каб устанаўляць і дапаляць стандарты тавараў і паслугаў, пашыраць адпаведную інфармацыю, веду. У 1989 годзе згуртаваньні далі сто мільёнаў гадзін грамадзкіх паслугаў у сваіх асяродках, улічваючы ў ладнай меры здольнасьці і веду сваіх членаў. Гэта ўся дзейнасьць накіраваная на падвышэньне якасьці жыцця, далёкая ад палітыкі. Толькі грацьца абсьледаваных згуртаваньняў выдаткоўвала грошы на палітычную работу, аддаўшы на гэтую мэту ў сярэднім пяць працэнтаў свайго бюджэту.

Так што, як гэта відаць з аналізу дзейнасьці дабраахвотных згуртаваньняў, вялікая частка энергіі амэрыканскага грамадства накіравана на абарону інтарэсаў спажывца — на мацаваньне здароўя, бяспэкі, на палепшваньне якасьці тавараў і абслугі, на адукацыю сваіх сяброў і публікі, на ўстанаўленьне стандартаў прафэсійнае абслугі і этыкі, зьбіраньне, аналізаваньне і абнародваньне статыстыкі, наладжваньне сувязі, пашырэньне веды, спрыяньне палітычным працэсам,

уплываньне на дзейнасьць урадавых устаноўаў.

Яшчэ ў 1830 годзе выдатны французскі палітык і пісьменьнік Алексіс дэ Токвіль у сваёй клясычнай працы “Дэмакратыя ў Амэрыцы” адзначаў, наведаўшы Злучаныя Штаты:

“Амэрыканцы ўсіх узростаў, усіх заняткаў і ўсіх перакананьяў вэчна засноўваюць згуртаваньні. І гэта ня толькі камэрцыйныя ці прамысловыя згуртаваньні, у якіх усе ўдзельнічаюць, але й тысячы іншых тыпаў — рэлігійныя, маральныя, паважныя і мімалётныя, вельмі агульныя і вельмі абмежаваныя, вялізарныя і маленечкія.”

Тое, што існуе здаўна ў Амэрыцы і Ўсходняй Эўропе, асэнсоўваецца цяпер тэарэтыкамі грамадзянскае супольнасьці. Гэтая новая канцэпцыя вядзе да ўзмацненьня грамадзянскай актыўнасьці, мацуе пачуцьцё годнасьці чалавека, усьведамленьне ім сваіх правоў і гатовасьці да калектыўнай акцыі на абароны гэтых правоў перад пасяганьнем на іх з боку дзяржаўнага чыноўніка.

Тут пісьменьнік Віктар Казько гаварыў у сваім выступленьні, што чалавек у быллым савецкім рэжыме жыў у свайго рода “зоне”, дзе тая мізэрная колькасьць свабоды, якую партыя адпушчала грамадзяніну, ня лішне абцяжарвала яго. І цяпер у новых больш складаных умовах, у якіх свабода сталася ня толькі блаславенствам, але і цяжарам, чалавека цягне назад у тую “зону”. Вось жа, каб паслабіць, спыніць гэткую цягу, трэба распрацоўваць і ўкараняць паняцьце пра грамадзянскую супольнасьць і няўрадавыя арганізацыі. Выхад з “зоны” можа адбыцца толькі праз актывізацыю грамадзянскае дзейнасьці. Дзяржава на сябе такія функцыі браць ня будзе. Тут сп. Анатоль Кудзельскі, гаворачы пра шкоду, наробленую на Палесьсі мэліратарамі, слушна зазначыў, што дзяржава (а ў бальшыні выпадкаў практычна — гэта чыноўнік) абьякавая да ўсяго. І найбольш эфэктыўны спосаб змагацца з гэтай абьякавасьцю гэта — мабілізаваць грамадзянскую ініцыятыву, засноўваць і актывізаваць няўрадавыя арганізацыі.

Цікава было б грунтоўна прааналізаваць з гэтага гледзішча новую Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь. Але ўжо беглае азнаямленьне з разьдзеламі “Асновы канстытуцыйнага ладу” і “Асоба, грамадства, дзяржава” паказвае, што Канстытуцыя адводзіць дамінуючую ролю дзяржаве: “дзяржава гарантуе”, “дзяржава забясьпечвае”, “дзяржава стварае”... Праўда, Артыкул 59 сьцьвярджае:

“Дзяржава абавязана прымаць усе даступныя ёй меры дзеля стварэньня ўнутранага і міжнароднага парадку, неабходнага для поўнага ажыццяўленьня правоў і свабодаў грамадзян Рэспублікі Беларусь, прадугледжаных Канстытуцыяй.”

Праблема ў тым, аднак, што Канстытуцыя прадугледжвае далёка ня ўсё, што яна павінна была б прадугледзець, каб стацца аптымальным дакументам для патрэбаў дэмакратызацыі. Паняцьця “грамадзянскае супольнасьці” Канстытуцыя і ня згадвае. Найбліжэй да гэтага канцэпту падводзіць толькі агульны пастулят у Артыкуле 36-м: “Кожны мае

права на свабоду аб'днаньняў”.

Вось чаму, думаецца, было б вельмі карысным заняцца перакладам на беларускую мову кнігі прафэсараў Коэна і Арата “Грамадзянская супольнасьць і палітычная тэорыя”. Пераклад гэты зрабіць будзе ня лёгка, бо кволая беларуская паліталёгія не заўсёды мае патрэбныя тэрміны й паняцьці. Але пераклад дзеля гэтага тым важней зрабіць, бо нам трэба ўзбагачаць сваю паліталёгічную лексіку. Яна нам патрэбна для выпрацоўваньня паняцьцяў, якія дапамаглі б нам выбірацца з задагматызаванае “зоны” на прасторнейшы шлях свабоды праз узмацненьне ініцыятывы грамадзяніна, павышэньне правоў чалавека.

Вера Рыч

ЦЭНЗУРА — У МІНУЛЫМ...

НЕГАЛОСНАЯ ЦЭНЗУРА — У ЦЯПЕРАШНІМ...

НЯЯСНЫЯ ПЕРСПЕКТЫВЫ — У БУДУЧЫМ...

Для мяне вялікі гонар выступаць на гэтым кангрэсе, прысвечаным праблемам свабоды друку й слова. Рыгор Барадулін толькі што нагадаў вам, што ў мяне самой у мінулым былі складаныя адносіны з Галоўлітам. Таму я хацела б пачаць свой выступ з выказваньня падзякі ўсім маім сябрам тут, у Беларусі, якія ў тых змрочных часіны ўхвалілі й падтрымлівалі мае спробы пазнаёміць англамоўны сьвет з беларускай літаратурай. Вы, мажліва, ведаеце пра сумны лёс маёй кнігі, пра спробы тадышніх уладаў зьнішчыць усё выданьне, зьмяніць “правакацыйную” вокладку кнігі й гэтак далей... Але гэта было ў мінулым, а цяпер мы, хвала Богу, жывём у крыху іншым сьвеце.

Тым ня менш, сьвет гэты не пазбаўлены сваіх праблемаў. У сёньняшніх выступах мы пачулі пра той ціск, якім ціснуць маладую дэмакратычную прэсу Беларусі, пра негалосную цэнзуру, якая навязваецца эканамічным кантролем і бюракратычнымі заслонамі. У гэты крытычны момант перад першымі ў гісторыі краіны прэзыдэнцкімі выбарамі, надзвычай важна, каб — калі гэтыя выбары і сапраўды павінны даць роўныя шансы ўсім кандыдатам — у перадвыбарнай кампаніі ўсім былі дадзены роўныя мажлівасці выказаць свае погляды ў друку, такім чынам знаёмячы выбаршчыкаў са сваёй пазыцыяй. На жаль, усё адбываецца зусім наадварот. Цалкам мажліва, што ў дзень самых выбараў міжнародныя назіральнікі будуць кантраляваць празэс галасаваньня, робячы выбарачныя праверкі на выбарчых вучастках, а потым прасочаць падлік галасоў. І цалкам мажліва, яны змогуць паведаміць усяму сьвету, што ўся працэдура была здзейсьнена ў адпаведнасьці з патрабаваньнямі правядзеньня самых дэмакратычных

выбараў. Пра што яны, на жаль, ня змогуць паведаміць — бо яны не ўбачаць таго, што бачыла я — гэта пра тых цяжкасці, з якімі сутыкаюцца кандыдаты дэмакратычнае арыентацыі, калі размова йдзе пра азнаямленьне грамадзкасці з іхнімі поглядамі праз друкаваныя й электронныя сродкі масавае інфармацыі.

Гэта прыводзіць мяне да другое, ў роўнае ступені балючае праблема, з якою вы, вераемяна, менш знаёмы. У шмат якіх заходніх журналістаў — і што горай за ўсё — у выдаўцоў — назіраецца тэндэнцыя сьпісваць Беларусь як безнадзейную, “праіграную справу”. Калі верыць некаторым дужа паважаным журналістам, дык атрымліваецца, што народ Беларусі ніколі не хацеў быць свабодным, атрымаў свабоду дзякуючы выпадковасці й імкненца вярнуцца ў абдымкі матухны-Расеі гэтак хутка, як толькі яго ногі несці!!!

Маецца шмат прычынаў для існаваньня падобнае сподумкі — сподумкі, якую — мне ня варта пра гэта казаць — я заўсягды стараюся абвяргаць усімі мажлівымі спосабамі. Трэба памятаць, што журналісты, якія маюць такі пункт гледзішча, ў мінулым лічыліся экспэртамі-“саветолагамі”, а цяпер няма таго Савецкага Саюзу, “олагамі” якога яны маглі б быць! Такіх мала ў Менску. Яны прылятаюць сюды на гадзіну-другую з Масквы, з Санкт-Пецярбургу, ці Вільні, ці Варшавы, бяруць звыш-хуткасныя інтэрв’ю (як звычай ў выдатных персанажаў з былое “вярхушкі”) — а потым вяртаюцца назад. Я не хачу называць імёны — ды сярод іх ёсць некаторыя, чыё невуцтва сьлед лічыць вартым пакараньня. Пры гэтым іхныя імёны й іхныя часопісы маюць гэтакую вагу, што цяжка пераканаць іншых рэдактараў, што йснуе й іншы пункт гледзішча. Я ўдзячная Богу, што прынамс адзін рэдактар — Крыс Цвін, які рэдагуе штормесячнае выданьне “Сьвет сёньня”, а яго публікуе Каралеўскі Інстытут Міжнародных Спраў, выявіў жаданьне прыняць артыкул, напісаны адразу ж пасля вымушанае адстаўкі С. Шушкевіча, пад назовам “Чаму Беларусь важная” — важная ня толькі для сябе самое, ейнага народу й стабільнасьці ў Усходняе Эўропе, але таксама й для справы дэмакратыі й свабоды ва ўсім сьвеце...

А гэта вядзе мяне ў будучае. Ня толькі будучае Беларусі, але й усіх маладых незалежных і дэмакратычных дзяржаў. У кастрычніку 1990 года ў маленькім польскім мястэчку Бела Вежа прайшла сустрэча кіраўнікоў “Адраджэньня” й лепшых прадстаўнікоў беларусаў, якія жывуць у Польшы, а таксама беларускае эміграцыі з краінаў Эўропы й ЗША. Староньніх і журналістаў не запрашалі — ды ўсё-ткі неяк здарылася, што й я там была.

У той час, вы памятаеце, краіны Цэнтральнае й Усходняе Эўропы ішлі — з рознымі тэмпамі, з розных адпраўных кропак — па цяжкім шляху да дэмакратыі. Прыбалтыйскія рэспублікі аб’явілі пра сваю незалежнасьць, Украіна, а потым Беларусь — пра свой суверэнітэт... Пасля сустрэчы ў Белае Вежы я напісала верш, які назвала “Пралог”. У ім я звяртаюся да ўсіх гэтых краінаў і народаў, якія змагаліся за нялёгкую, ды ў выніку прыўкрасную свабоду...

PROLOGUE

*Be swift, my friends, be swift,
When storm-clouds thin and sun-fire floods the rift,
When the first green pierces the winter drift...
Eager to grasp the future's slightest gift,
Be swift...*

*Be slow, my friends, be slow,
Be not impetuous at letting go
The good hard-forged through the long years of woe...
To voyage uncharted upon history's flow,
Be slow...*

*Be kind, my friends, be kind,
Gentle to bruised soul and bewildered mind,
To ears for decades deaf, to eyes long-blind...
Let the old enmities be left behind,
Be kind...*

*Beware, my friends, beware,
When would-be allies come to speak you fair,
Sift word and deed, as ever, with due care...
A late frost often blasts the April air,
Beware...*

*Be free, my friends, be free,
Open to all men's thoughts in charity,
Not only on the day of jubilee,
When all is hope, joy and new liberty...
But when work-weariness brings apathy,
Boredom, despair, and petty rivalry...
"And all things shall be added unto ye!"
Be free!*

Янка Брыль

ПУНКТ АПОРЫ І ЗАПАС СПАКОЮ — НА ГАЛОЎНАЕ

На нашу сустрэчу, дарагія прыхільнікі міру і дружбы, я прыехаў з прэляснай глухамані Верхняга Наднямоння, дзе ўжо немала гадоў жыву з ранняй вясны да позняй восені.

Усім і ўсюды з прыгчы пра матчына імя вядома дзіцячая мудрасць, заключаная ў простыя, неабвержаныя словы хлопчыка, які заблудзіўся

ў натоўпе і ў адказ на пытанні, хто яго мама, ад якой ён адбіўся, паўтараў адно: “Мая мама лепшая за ўсіх!..”.

Пра сваё месца на планеце Зямля кожны з нас, у тым ліку і я, мае права сказаць таксама — лепшае за ўсе другія.

Я, да таго ж яшчэ, ганаруся высокім зямляцтвам з двума Міцкевічамі — польскім і сваім. Роўна сто шэсцьдзесят гадоў таму назад вымушаны эмігрант Адам Міцкевіч у сваім “Пану Тадэвушы” маліўся красе нашай роднай Наваградчыны, так званай “Беларускай Швейцарыі”, з парыжскай бяднотнай далечы: “Сёння бачу красу тваю і апісваю, бо тужу па табе”. А ў пачатку нашага стагоддзя апальны вясковы настаўнік, палітычны вязень царскай турмы ў Мінску малады Кастусь Міцкевіч, ён жа, на псеўданіму, Якуб Колас, адзін з высокаталенавітых пачынальнікаў сучаснай беларускай літаратуры, эпапею “Новая зямля” пачаў з сыноўняй тугі праз краты: “Мой родны кут, як ты мне мілы! Забыць цябе не маю сілы!”.

Я пакуль што не эмігрант і не вязень, па родных мясцінах тужу толькі зімой, у гарадскім выраі, і туга мая светлая, яшчэ ўсё, дзякуй Богу, поўная творчых спадзяванняў. Я не люблю называцца дачнікам, я там жыву сярод сваіх працалюбівых землякоў-сялян, і сам працую, удзячна ўспамінаючы і нашага вялікага сярэднявечага асветніка Скарыну, з яго гаюча-мудрай ласкай да родных мясцін, і яшчэ больш даўняга, усечалавечнага эліна Архімеда — з яго славытым пунктам апоры, які і мне дапамагае калі не Зямлю, крый Бог, дык проста лепей бачыць сваё месца на ёй, стартавую пляцоўку — ад свайго роднага — у агульна-людскае.

Калі ўжо цытаваць яшчэ, і не шчыруючы ў вучонасці, як юны дысертант, але адпаведна ўзросту чалавека і літаратара на восьмым дзесятку гадоў удзячна звяртаючыся да вопыту папярэднікаў, згадаю Райніса і Твардоўскага.

У сваёй “Кастаньёле” светлы латыш Ян Райніс гаворыць “За гэтыя нялёгка гады, — ён мае на ўвазе гады сваёй эміграцыі, — мы паглынулі столькі сонца, прынялі ў сябе столькі красы і сілы, — тут мне трэба падкрэсліць ягоныя словы, — краса таксама сіла, і, магчыма, найбольшая з найбольшых”.

Гэтую шчодро-вечную сілу шчасліва чэрпаў, чэрпаю і я — ад мноства сустрэтых у полі, ў лесе, над ціхай ракой усходаў сонца, ад мудрай чароўнасці зорных або поўнамесячных начэй, ад неаглядна хвалючай прасторы хлебнага поля і расквечанага луга, адпяшчотна блакітнага, белавоблачнага неба над імі... Краса мацавала, мацуе і мяне, яна натхняе на сціпла глыбіннае, шчырае слова, на жыццядайныя мары пра мірную будучыню чалавецтва, — яна дапамагае жыць як мага больш разумна.

Ну, а вялікі рускі паэт, і мне асабіста знаёмы сучаснік Аляксандр Твардоўскі часта згадваецца сваім выказваннем пра абавязковы літаратару запас спакою, — спакою не для бяспечнай дачнай ляюты і абьякавасці, а для штодзённай пісьменніцай працы, пажыццёвай

вучобы.

Я вельмі люблю падарожжы, я адносна нямала пахадзіў, паездзіў, палятаў па белым свеце. Што за карысць ад гэтага каму іншаму — пра гэта мне трохі гаварылі і пісалі чытачы маіх дарожных эсэ пра Польшчу, Германію, Канаду, Індыю, Крым, Арменію, Волгу, Амур... А што самому яны, падарожжы, як чалавеку і пісьменніку, карысныя — гэта і перш за ўсё, таўшчэзны том пад назвай “Было”, у якім адзін з модных у свой час паэтаў, вандроўнік з пераважна афіцыйнымі заданнямі, пералічвае шматлікія краіны і сустрэчы так, што прачытаўшы нейкую — па цяжкім беручы — частку гэтай сухой справаздачнасці ўзнікае адно пытанне: ну і што? А ў пытанні прысутнічае і адказ: а нічога! Проста было і не больш. Спажывецкая мітусня, што не ратуе ад самога сябе, павярхоўна самазадаволеннага пустадомкі не дае магчымасці паглыблення ў жыццё таго ці іншага народа, ў спакой неабходнага роздому, непасрэднасці адчуванняў.

Тое, што мне апошнім часам — нашым няпростым, нялёгкім часам — удалося зрабіць, гэта дзве кнігі дзённікавага характару. Адна з іх нядаўна з цяжкасцю вышла, другая знаходзіцца ў нямогла-запаволеным вытворчым працэсе. Мала гэта ці многа — не мне гаварыць. Я магу сказаць толькі адно: у гарадской ды палітычнай гамонкі, а то часцей крыклівай мітусні я не зрабіў бы і гэтага. Не асуджаю нікога з тых, хто можа, умее добрасумленна і плённа спалучаць у сабе мастака слова і відущага палітыка, — я проста ведаю, што сам на гэта не здольны, і не лічу, што лёс мяне такім чынам пакрыўдзіў. Згадаем англійскую прыказку, што кожная бочка павінна стаяць на сваім уласным дне, дбайна падумаем пра сапраўдны прафесіяналізм, якога цяпер не стае асабліва нам, беларусам. Нас абавязвае вялікая, нялёгкая праца адраджэння нацыянальнай свядомасці, пабудовы дэмакратычнага грамадства. Нашу мову, сярод славянскіх моў адну з найстарэйшых і найчысцейшых, скажам гэта ўслед за Адамам Міцкевічам, выкладчыкам у Каледж дэ Франс, у свеце ведаюць — спадзяемся: пакуль што — вельмі нямногія, літаратура наша перакладаецца на іншыя мовы надта ж няшчодро. Многа працы, многа цяжкіх і ў паглыбленым творчым спакоі патрэбна нам, беларускім рушліўцам роднага слова, шчырым удзельнікам чалавечага паяднання.

Нават самае чулае, спагадлівае сэрца не здолее ахапіць усё гора людское, дома і на свеце, пра якое так бязлітасна шчодро расказвае сёння штодня, што ночы прэса, радыё, тэлебачанне... А каб ахапіла тое сэрца, дык, відаць, і не вынесла б такое процьмы болю. Значыцца, дарагія сябры, трэба крыху пашкадаваць яго, сэрца пісьменніка, асланіць адзінотай, не такую ўжо і грэшнай, падмацаваць кантактамі з людзьмі нялёгкай палявою працай, даць сэрцу магчымасць засяродзіцца на найважнейшым. Нагрузак хопіць сэрцу і ў адзіноце, у магчымым спакоі, найважней тут узяць, перажыць, паказаць найбольш сваё...

У адказ на маю шчырасць мне, магчыма, можна і сказаць, што крэда маё — маё, і я магу ім на здароўе карыстацца, так пацяшаючы

сваю творчую сталасць ды старасць, а для іншых, маўляў, тым больш для маладых яно не абавязковае. Ды мне чамусьці здаецца, так адчуваецца, што і для тых, хто таксама шчыры, кожны ў родным кутку на такой неспакойнай сёння планеце, пад адным для ўсіх нас сонцам, служыць для ўсіх нас і ўсюды найважнейшай справе міру, дружбы людзей і літаратур, маё таварыскае слова і мой сціплы пісьменніцкі вопыт — не зусім лішні, можа каму і спатрэбіцца, пачуецца родным у пераклічцы. Бо я сумую па дружбе даўно і чым далей, то ўсё больш. І я ад душы жадаю ўсім вам добра!

Дзмітрый Буааёў

ЛІТАРАТУРА І ТАТАЛІТАРЫЗМ

Праблема вельмі шырокая, шматаспектная і, мусіць, старая, як свет. На нашай памяці з рознымі аспектамі гэтай праблемы сутыкнуліся ўсе народы, зведаўшыя жахі фашысцкай тыраніі і так званай дыктатуры пралетарыяту, якая на практыцы азначала тую ж тыранію, але ўжо не ў карычневай, камуністычнай упакоўцы, закліканай крывадушна замаскіраваць таталітарную сутнасць узвышанай, псеўдагуманістычнай фразеалогіяй пра ўладу чалавека працы. Цяперашні феномен чырвона-карычневых і іх узгодненая барацьба супраць дэмакратыі наглядна сведчаць пра ўнутраную роднаснасць гэтых як быццам розных форм таталітарызму. Аднолькава небяспечныя яны і для літаратуры. І небяспека гэтая ў нас далёка яшчэ не мінулася.

Праўда, Алесь Адамовіч (няхай будзе светлай яго памяць) у адным са сваіх апошніх выступленняў сказаў: “Камунізм здох”. Так словамі прадстаўніка народных нізоў ён ахарактарызаваў галоўную падзею нашага часу. Мы, беларусы, таксама жывем як быццам у посткамуністычнай дзяржаве, маем афіцыйна дэклараваную дзяржаўную незалежнасць. Але ні ў нашых суседзях, ці, як зусім яшчэ нядаўна казалі, пабрацімаў па былой камуністычнай імперыі, ні тым больш у нас на Беларусі, якая становіцца прытулкам для камуністычных банкрутаў з розных краін, камунізм яшчэ не здох. У лепшым выпадку ён толькі яшчэ здыхае, здыхае марудна, пакутліва, балюча агрызаючыся і атручваючы сваімі смяротнымі выкідамі-метастазамаі многае і многіх. І не відаць, каб гэтае здыханне завяршылася бліжкім скончаем. Бо вельмі ж багата ў нас тых, хто не траціць надзеі на рэванш, на вяртанне асуджанага гісторыяй паўнябожчыка да жыцця і новага панавання.

Больш таго. Сёння ўсё часцей раздаюцца галасы з пракляццем дэмакратыі як формы існавання грамадства, з асуджэннем свабоды як такой, настойліва паўтараецца парадаксальная думка пра згубнасць свабоды для мастацтва і літаратуры.

“Демократія — гэта самы ўжасны рэжым, які можа існаваць. Самы неестэственны і сапраўды пераўтвараючы чалавека ў дэфіцыт”, — на поўным сур’ёзе заяўляе вядомы рускі паэт А. Межыраў. Ён жа адназначна сцвярджае: “Літаратура не можа вытрымаць свабоды і нікогды яе не вытрымае”. Гэта адчайна плачуща чалавек, які цяпер жыве ў ЗША. А нам, беларусам, скардзіцца на выдаткі свабоды, калі яны і ёсць, ніяк не выпадае. Бо нават адноснай свабоды, бадай з часоў сярэднявечча і кароткіх пробліскаў у пачатку ХХ стагоддзя, мы не ведалі. І толькі гарбачоўская галаснасць і наступныя грамадскія перамены пэўную свабоду думкі і слова прынеслі і нам.

Затое сёння ўжо добра вядома, як душыла наш народ несвабода, як настойліва, дзіка, безаглядна і бязлітасна дзяржаўны таталітарызм спачатку з манархічнай, а потым з камуністычнай фразеалогіяй вынішчаў усё жывое ў нашай культуры і літаратуры. Прычым камуністычны таталітарызм аказаўся куды больш жорсткім, чым таталітарызм з манархічнай падкладкай. Думаю, што ён пераўзыхіў у гэтых адносінах і звычайны фашызм.

Толькі ў такой літаратурнай арганізацыі, як “Маладняк”, створанай на пачатку 20-х гадоў, было звыш 500 членаў, а разам са студыйцамі — больш за тысячу. А існавалі ж яшчэ “Узвышша”, “Полымя” і некаторыя іншыя пісьменніцкія суполкі. Хто-ніхто прыйшоў у літаратуру і ў наступнае дзесяцігоддзе. Але к канцу 30-х гадоў сталінскія рэпрэсіі так прарэдзілі літаратарскія шэрагі, што ў іх засталася ўсяго некалькі чалавек, з больш-менш вядомых пісьменнікаў — літаральна дзесяткі з хвосцікам. Ды і для іх ўжо былі падрыхтаваны ордэры на арышт, нейкім чынам зменены на ордэны. Пад нож сталінскай гільяціны трапілі Максім Гарэцкі і Уладзіслаў Галубок, Цішка Гартны і Янка Нёманскі, Францішак Аляхновіч і Міхась Чарот, Міхась Зарэцкі і Анатоль Вольны, Алесь Дудар і Лукаш Калюга, Уладзімір Хадыка і Андрэй Мрый, Платон Галавач і Васіль Каваль, Уладзімір Жылка і Барыс Мікуліч, Юлі Таўбін і Сяргей Дарожны, Сымон Баранавыч і Тодар Кляшторны, Васіль Шашалевіч і Адам Бабарэка, Іван Замоцін і Міхайла Піятуховіч і яшчэ многія іншыя прайзвіскі, паэты, драматургі, крытыкі і літаратуразнаўцы. А сярод іх жа былі і ўжо сцверджаныя класікі, як Гарэцкі, расстраляны ў 45 гадоў, і пісьменнікі першараднага таленту, якія класікамі маглі стаць. Гэта можна ўпэўнена сцвярджаць пра Нёманскага, Зарэцкага, Мрыя, Калюгу, знішчанага на 28-м годзе жыцця. Нічым не абмежаваная ў сваім шалёным разгуле бальшавіцкая рэпрэсіўная машына не шкадавала нікога — ні тых, хто ў нечым з новымі ўладарамі не пагаджаўся, ні тых, хто заявіў сабе правераным песняром рэвалюцыі і новых парадкаў. Для справы было дастаткова таго, што ўсе яны прыхільна ставіліся да беларускай ідэі, да нацыянальнага адраджэння, няхай сабе і на абмежаванай савецкай аснове.

Невялікая частка бязвінных пакутнікаў за нацыянальную ідэю перажыла гулагаўскія жахі і вярнулася, пераважна з канца 50-х гадоў,

да літаратурнай творчасці. Але яшчэ амаль тры дзесяцігоддзі над імі вісеў дамоклаў меч несвабоды, усемагчымых, але тыповых для таталітарных рэжымаў забарон, вымушанай аглядкі. На яе не паддаваліся ў сваіх творах толькі самыя мужныя, напрыклад, нязломная ў сваёй вялікай духоўнай сіле Ларыса Геніюш з яе турэмнай лірыкай і напісанай пасля вызвалення кнігай успамінаў “Сповідзь”. Можна згадаць таксама напісаных за кратамі ці ў высылцы аповесці і раманы “Пустадомкі” Л. Калюгі, буйныя творы М. Гарэцкага, вершы У. Дубоўкі, Я. Пушчы, А. Звонака, В. Супруна, С. Пярловіча, дзённікавую “Аповесць для сябе” Б. Мікуліча, створаную ім у перапынку паміж двума зняволеннямі. Але гэтыя творы апублікаваны толькі нядаўна, ужо ў наш час.

Толькі цяпер змагі свабодна загаварыць пра лагерныя пакуты і той жа А. Звонак, і С. Грахоўскі, і П. Пруднікаў. Тое ж, што прызначалася для друку ў часы таталітарызму і імі, і тымі, хто не дажыў да нашых дзён, не ідзе ні ў якое параўнанне з творамі, якія пісаліся без аглядкі на цэнзуру ці хоць бы ў атмасферы адноснай свабоды, характэрнай для 20-х гадоў. Так, Пушчава лірыка канца 20-х гадоў крывавіцца пазтавым болем за лёс сялянства, якому тады ламалі хрыбет, поўніцца балючай скрухай за лёс Беларусі. Нічога падобнага ўжо няма ў яго творах, напісаных пасля афіцыйнай рэабілітацыі. А ўзяць Дубоўку. Ягонае творчасць 50-х — 70-х гадоў хоць і мае свае немалыя вартасці, але ў сэнсе баявітасці, грамадзянскай мужнасці яна ніяк не супаставіма з тым, што выходзіла з-пад пяра гэтага “бузацёра” да арышту. Адкрытая апазіцыйнасць да найбольш грубых праяў таталітарызму, уласцівая Дубоўкавай паэзіі 20-х гадоў, цяпер знікае зусім, змяняецца пачалавечы зразумелай, але згубнай для літаратуры асцярожнасцю паэта, якога прымушалі выступаць у друку з заявамі, што і ў Сібір ён проста пераехаў, а не быў вывезены за казённы кошт і пад моцнай вартай.

Ды ўжо адно тое, што таленавітыя людзі, нават калі ім пашчасціла фізічна выжыць у нечалавечых гулагаўскіх умовах, на цэлыя дзесяцігоддзі былі адлучаны ад пісьменніцкай працы, — ужо толькі гэта наносіла непараўныя страты для нармальнага літаратурнага развіцця, а ў канчатковым выніку — для духоўнага патэнцыялу нацыі.

Цяпер апублікаваны ўспаміны Дубоўкавай жонкі пра гады ягонага зняволення. З іх відаць, як рвалася мастакоўская энергія з душы паэта, але трацілася яна на побытавыя дробязі /вершаваныя запіскі жонцы пра кухонныя справы/, бо адважыцца ў тых умовах на нешта сур’ёзнае было смяртэльна небяспечна. І таму паэт рызыкаваў вельмі рэдка — да нас дайшло пакуль што толькі тры сапраўды дубоўкаўскія вершы з тых гадоў.

Незайздроснай аказалася і доля тых нашых пісьменнікаў, якія пазбеглі турэмных кратаў ці пабылі за імі адносна непрацяглы час. Можа, самы ярскі прыклад тут — Янка Купала і Якуб Колас, нашы вялікія трыбуны, будзіцелі беларускага народа, прарокі нацыянальнага адраджэння ў пачатку XX стагоддзя. Ужо ў гады панавання балышавікоў

Купала не пабаяўся кінуць гнеўныя словы папроку беларусам за тое, што яны цярпелі чужое ўладаранне:

*Заціснуты, задушаны, як мышы
Пад жорсткім венікам з усіх бакоў,
Шукаем, як сляпыя, не згубіўшы
Таго свайго, што наша ад вякоў.*

.....
*А хтось далёкі ці хтось, можа, блізкі
Засеў за наш бяседны, сытны стол
І кідае, як з ласкі, нам агрызкі,
А мы к зямлі з падзякай гнёмся ўпол.*

*Нявольніцтва й жабрацтва нас так з'ела
І так нам высмактала з сэрца сок,
Што нат у вочы глянуць, плюнуць смела
Не смеем, стоптанья на пясок.*

.....
*Аграбленыя з гонару й кашулі,
З свайго прыпынку выгнаныя вон,
Мы дзякуем, што торбы апранулі
На нас ды з нашых нітак-валакон.*

А як можна прагучаў коласаўскі голас, калі тыя ж бальшавікі, пацярпеўшы параженне ў сваіх авантурных спробах распаўсюдзіць рэвалюцыйны пажар на ўсю Еўропу, аддалі Пілсудскаму палову Беларусі, не пытаючыся ніякай згоды ў яе народа:

*Нас падзялілі — хто? Чужаніцы,
Цёмных дарог махляры.
К чорту іх межы! К д'яблу граніцы!..
Нашы тут гоні, бары!*

Магутна арганізаваная і ўсеўладная тады бальшавіцкая таталітарная сістэма з цягам часу паставіла сабе на службу і гэтых выдатных паэтаў, прымусіўшы іх спяваць гімны крываваму тырану, якога стваральнік вялікага нацыянальнага эпасу Колас называў “Бацькам і Настаўнікам”, а палымяны народны трыбун Купала і ўвогуле пісаў: “Маё мне сонца правадыр”. Зрэшты, справа не толькі ў гэтых фактычна прымусовых гімнах, колькі ў тым, што агульны ўзровень і коласаўскай, і асабліва купалаўскай творчасці ва ўмовах таталітарнага дыктату рэзка паніжаўся, часам нагадваючы пародыю на сапраўдную паэзію. Хіба ж не парадыйна сёння гучыць купалаўскае:

*Я — калгасніца
Маладая,
Жыву весела,
Ані дбаю.*

.....

*Густа сцелюцца
Услед снапockі.
Пяю песенькі
Аж да ночкі.*

А чаго варта значна пазнейшая коласаўская “Кукуруза”, тая кукурузка, кукурузка, што “для ўсіх жывёл закуска”!

Але і гэтакі гвалт над сабой, над сваім талентам не заўсёды выратаўваў пісьменнікаў. Нават адчайная Купалава спроба самагубства ў 1930 годзе хутчэй за ўсё толькі адтэрмінавала расправу над ім, мабыць, усё ж здзейсненую таталітарнай сістэмай праз няпоўных дванаццаць гадоў.

Гэтая ж сістэма звяла ў дачасную магілу выдатнага прэзіка Кузьму Чорнага, якому таксама шмат даводзілася пісаць насуперак сваім перакананням, для таго, каб, як ён сам казаў, пазатыкаць “горлы дурням і брахунам”.

І чым больш быў уціск, тым часцей прыходзілася гаварыць пра нечування пспехі, здабыткі, росквіт. Вось той жа Чорны, 1934 год: “У нас такі вялікі ўздым беларускай савецкай культуры, якога не дасягалі ніколі, на працягу гістарычнай практыкі, ніякія народы”. А Міхась Лынькоў, які ў гады жажлівых рэпрэсій фізічна ўцалеў, але толькі выпадкова, бо ўжо афіцыйна абвяшчаўся “нацдэмам” (ворагам народа) і чакаў арышту, у 1939 годзе напісаў: “Нет в мире лучшего театра, чем советский театр, лучшей литературы, чем советская литература, лучшего фильма, чем советские фильмы”.

Я прыгадаў імёны паважаных беларускіх пісьменнікаў, у тым ліку самых выдатных, зусім не для таго, каб пасмяротна паўшчуваць вялікіх пакутнікаў. Крыў Божа! Але на трагічным прыкладзе вялікіх і першародных талентаў, якім таталітарызм не даў магчымасці ажыццявіцца спаўна, асабліва выразна бачыцца цана несвабоды, цана фізічнага і духоўнага распінання творчай асобы.

І вялікая праўда не ў пракляццях свабодзе, а ў выпакутаваных словах выдатнага іспанца, Нобелеўскага лаўрэата Хуана Рамона Хіменеса: “Человек волен, он должен быть вольным, и его главное достоинство, его высшая красота — это свобода. [...] Поэт старается знать, и приносит пользу, и даже соблюдать логику, но он не может не петь свою вольную песню. Когда он поет вольно, он очищается, даже не помышляя о том, от любой скверны. Знание, опыт и логика его не выручат, и, если рассудок помешает ему петь вольно, он запоет вымученно и черство.

И лучше бы политику не принуждать поэта не петь или петь под диктовку, а самому пригубить эту вольную песню. Вольная песня красива и к тому же лучший поводырь и лучший спутник” у любых абставінах.

Гэтыя словы не цяпер сказаны. Але яны актуальныя і сёння, для нас асабліва. Бо ў нас усё больш выразна праглядаюць трывожныя сімптомы, зусім пэўна акрэсліваецца небяспека, што мы можам страціць

і тую свабоду, якую нядаўна атрымалі і яшчэ маем. Дастаткова прыгадаць, як сёння хапаюцца некаторыя вучоныя дзеячы за чарнасоченца Саланевіча, з якім змагаліся яшчэ Купала і Гарэцкі, або як настойліва, наперагонкі адзін перад другім пэўныя органы друку навязваюць нам у нацыянальныя лідэры І. Антановіча, які яшчэ зусім нядаўна вучыў нас партыйнай мудрасці і ідэалагічнай вытрыманасці як загадчык аддзела культуры ЦК КПБ, а потым спрабаваў зрабіць кар’еру ў Маскве, прыкмуўшы там да самых кансерватыўных важакоў Расійскай кампартыі, стаў нават сакратаром яе ЦК і членам палітбюро, а калі яна пацярпела поўны крах, вярнуўся зноў вучыць нас, цяпер ужо таму, як ставіцца да беларусаў у рэспубліцы і ў свеце. Толькі песні ў яго ўсё тых ж, старыя, хоць і з пэўнай спробай камуфляцыі.

А чаго варты заявы пра “агульнасць беларуска-расійскай культуры”, якія прагучалі з вуснаў кіраўнікоў выканаўчай улады ў Беларусі. Таксама ж добра знаёмы матыў. Бо якраз пад размовы пра агульнасць і вынішчалася русіфікатарамі рознага кшталту беларуская культура, якой фактычна адмаўлялася ў самабытнасці, а беларуская мова знарок, вельмі этанакіравана і паслядоўна выцяснялася мовай рускай. І добра, што ў цяпер прынятай Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь усё ж захавана палажэнне аб дзяржаўнасці беларускай мовы, якое так зацята атакавалі многія прыхільнікі старых парадкаў, прыкрываючы сваю непавагу да нашай незалежнасці крыкамі пра міфічны беларускі нацыяналізм.

Не магу я зразумець і пазіцыю тых пісьменнікаў, якія, справядліва крытыкуючы цяперашняе бязладдзе ў самых розных сферах жыцця, катастрафічнае зьбядненне многіх груп насельніцтва, клічуць нас назад, у мінулае, апеліруючы пры гэтым да вопыту сумленных камуністаў. Як быццам асобныя партыйныя функцыянеры, няхай асабіста і вельмі сумленныя, маглі нешта істотнае змяніць у той бесчалавечнай сістэме, якой яны аддана служылі. І як быццам цяперашні развал не з’яўляецца заканамерным вынікам тых злачынных эксперыментаў над абдураным народам, якія менавіта камуністы ажыццяўлялі семдзесят з лішнім гадоў.

Вялікая небяспека тоіцца і ў тым, што вельмі жывучымі аказаліся старыя, яшчэ з часоў непасрэднага камуністычнага ўладарання, звычкі і навыкі, уся ганебная практыка тых уладароў. Вунь які крык падымаюць сённяшнія вялікія і меншыя начальнікі ад Барысава да Брэста, патрабуючы забараніць сустрэчы былога спікера Станіслава Шушкевіча з людзьмі ў розных гарадах Беларусі. Хіба за гэтымі крыкамі, як і за ўсё больш настойлівымі спробамі зрабіць паслухмянымі сродкі масавай інфармацыі, не праглядаецца імкненне вярнуць нас да часоў нічым не абмежаванага таталітарызму, такога зручнага для начальства, але смяртэльна небяспечнага для свабоднага чалавека, свабоднай думкі, свабоднай творчасці?

СІНДРОМ “РУЖОВАЙ” СВДОМАСЦІ

Помніцца, у далёкім юнацтве я прачытала вынікі аднаго сацыялагічнага даследавання, праведзенага ў ЗША: людзі, якім спрабавалі даказаць, што ва ўсіх сваіх бедах яны вінаватыя самі, упарта не хацелі ведаць праўду ні аб сабе, ні аб свеце, а шукалі тых, на каго можна ўзваліць уласную ляноту, неадукаванасць, хібы характару — яўрэяў, неграў, дрэннае надвор’е, лёс... Тады я доўга раздумвала аб гэтым феномене чалавечай псіхікі і паступова стала знаходзіць яго прыкметы ў навакольным жыцці, асабліва ж у гісторыі нашага народу, бо сённяшня рэчаіснасць, неверагодна закамфліраваная пад “шчаслівае жыццё шчаслівага народа”, раскрывалася перад непрудзеным поглядам паступова, ад года да года, па меры сталення і ўсё большага пранікнення ў сутнасць з’явы, якая ў заходнім літаратурнаўстве атрымала назву сіндрома “ружовай літаратуры”, калі мільённы тыражы пустой, нічога агульнага не маючай з рэчаіснасцю літаратуры наглядна паказалі, што феномен уцякання ад рэчаіснасці і падмена яе міфамі ў людзях незалежна ад расы, краіны і сацыяльнага становішча. Але калі ў цывілізаваных краінах гэта выказывалася ў вялікіх тыражах падобнай “ружовай” літаратуры, у нас, краіне, дзе вялікае сацыяльнае ашуканства было часткай пануючай ідэалогіі, феномен “ружовай” (калі так можна яе назваць) свядомасці знаходзіў сваё выразненне ў сутнасці самога жыцця, напоўненага чаканнем светлага будучага, і ад таго не толькі не цярпімага, але і жаданага. Хто не памятае гэтай найўнай радасці ад таго, што толькі гэты народ (былы савецкі) ведае Будучае і рыхтуе яго!

Гэты гіпноз быў надзвычай моцным. Тады, у 60-я гады, пра якія я расказвала напачатку, я рыхтавала шэраг перадач пра людзей, якія ў былой Заходняй Беларусі былі альбо членамі КПЗБ, альбо Грамады, альбо Таварыства беларускай школы, адседзелі сваё пры паляках, немцах і “Саветах” і, амаль цудам застаўшыся ў жывых, расказвалі, як яны тады, у 20-х і 30-х гадах, успрымалі Савецкую Беларусь і ўсю краіну Саветаў у цэлым: як рай на зямлі, створаны чалавекам.

Павел Крынчык, былы пасол Сейму, расказваў, як аднойчы камсамольцы цэлай вёскі вырашылі збегчы ў Савецкі Саюз. Цёмнай зімовай ноччу, у час завірухі, яны перайшлі мяжу незаўважна для пагранічнікаў і зайшлі ў сялянскую хату, дзе сядзела адзінокая старая.

— Ну як тут у вас, бабуля? — радасна звярнуўся сакратар да жанчыны. — Сацыялізм будзеце — а хата бедная?

— Дрэнна, хлопчыкі, дрэнна: страляюць людзей ні за што. Некуды звозяць — і як у ваду, — праўдзіва адказала старая. — Майго мужа за тое, што трымаў дзвюх кароў, арыштавалі, усё пазабіралі...

Маладыя людзі, якія шчыра верылі радыёперадачам, якія на ўсе лады распісвалі шчаслівае і заможнае калгаснае жыццё, спачатку палічылі, што гэта правакацыя. Яны вырашылі ісці далей — і сапраўды

з крыўдаі пакінулі гэтую хату. Але ў наступнай убачылі яшчэ большую беднасць і ў тую ж ноч, па рэдкай сваёй удачы, незаўважна зноў прайшлі паўз пагранічнікаў назад — і толькі далі адзін аднаму слова нікому не расказаць пра тое, што абяцанага раю ў Савецкім Саюзе не толькі няма, але і жыццё там нашмат бяднейшае...

Такіх гісторый я пачула шмат. Былі і такія, хто, вярнуўшыся, спрабаваў расказаць праўду — і ў адной гісторыі беднага хлопца расстралялі яго ж калегі, адвёўшы ўпотаі у лес, бо таксама палічылі — за правакатара.

У цэлым жа менавіта гэтай містыфікацыяй была абумоўленая тая радасць, з якою ў былой Заходняй Беларусі сустракалі Чырвоную Армію як вызваліцельку ад белапольскага прыгнёту. Але расчараванне хутка ахапіла не толькі інтэлігенцыю, якая ўсё-такі каштавала такія-сякія дэмакратычныя свабоды ў Рэчы Паспалітай — магчымасць выступіць у Сейме, выдаваць апазіцыйныя газеты і г. д. , і якая з прыходам савецкага рэжыму была альбо знішчаная, альбо вывезеная ў Сібір, як і рабочыя, і сялянства, якое зразумела, якою пасткай для гаспадароў і для працаўнікоў будуць калгасы, і што нясе з сабой новы парадак.

Феномен “ружовай свядомасці” тут быў аплачаны крывёй — і якой крывёй! Па некаторых дадзеных, рэпрэсіям падверглася каля чацвёртай часткі жыхароў Заходняй Беларусі. Напрыклад, па адной Вілейскай вобласці ў 1940 г. меней за год былі рэпрэсіраваны 1603 чалавекі (“Спадчына”, нумар 1, 90 г.).

У гады постаталітарызму аказалася, што, нягледзячы на сотні, тысячы дакументаў, сведчанняў, кніг, якія расказвалі аб крываваых справах Кампартыі, органаў бяспекі, чалавечая свядомасць не хоча прымаць праўду. Як ні дзіўна, першы сіндром гэтага можна было зразумець па таму факту, што кнігі Салжаніцына сталі залежацца на паліцах кнігарняў. Заходнія саветолагі, якія палічылі, што камуністычная ідэя канчаткова выкрытая, зрабілі тую ж памылку, што і інтэлігенцыя, для якой перамога праўды аб мільёнах ахвяр здавалася відавочнай. Рэкі крыві, мільёны скалечаных жыццяў аказаліся бездапаможнымі перад жаданнем заплюшчыць вочы і аддацца марам — калі не аб залатым будучым, дык аб залатым мінулым. Без наркотыка “ружовай свядомасці” простама, сярэдняму чалавеку аказалася немагчымым існаваць; прыходзіцца прыняць гэта як непэраложны факт.

Часта даводзіцца чуць у аўтобусе ці тралейбусе пракляцці сённяшняму жыццю з захапленнем мінулым, “калі ўсё было ў магазінах”. Паспрабуйце задаць пытанне: “Што іменна было ў магазінах? Два-тры сарты кілбасы, адзін — малака і адзін кефіру, у лепшым выпадку — сліўкі і сыркі?” Аднак у гаворку абавязкова ўступіць палова аўтобуса, якая стане горача даказваць, што “ўсё” усё-такі было!

Гэты сіндром асабліва небяспечны ва ўмовах палітычнай нестабільнасці, таму што ва ўмовах сталай дэмакратыі ён асноўным чынам дзейнічае ў сферы мастацтва. Канешне, можна біць трывогу па поваду міфалагізацыі мастацкага ўспрымання рэчаіснасці, альбо

крытыкаваць масавага глядача, які пакідае фільмы, за якія высокія акадэміі даюць свае найслаўнейшыя прызы. Можна здекліва пісаць аб неймаверным поспеху мексіканскіх “мыльных опер” у былога савецкага глядача, які, згодна з афіцыйнай прапагандай, лічыўся самым адукаваным у свеце, альбо такога ж неймавернага поспеху ў чыгача грашовых раманаў альбо фільмаў тыпу “Эмануэль”. Але нельга не быць трывогу па поваду міфаў, якія працягваюць аказваць уздзеянне на большасць грамадзян такой, скажам, гіганцкай краіны, як Расія, сведчаннем таму з’явілася абранне ў Дзяржаўную Думу Жырыноўскага (і што мае самае непасрэднае дачыненне да нашай краіны, шчыльна ўманціраванай у сферу ўплыву Расіі). З апошніх міфаў “ружовай свядомасці” можна назваць міф аб шчаслівым эканамічным жыцці Беларусі пасля ўз’яднання грашовых сістэм Расіі і Беларусі — гэты міф пагражае рэальнай стратай незалежнасці, якая дасталася беларускаму народу ў выніку стагоддзяў барацьбы за незалежнасць (скажам так, лепшай часткі гэтага народу).

Лідэры тыпу Жырыноўскага ўзмоцнена выкарыстоўваюць гэтую шчаслівую для іх здольнасць да міфу (ці, дакладней, няздольнасць вялікай часткі дэзарыентаванага і аплеценага самымі неверагоднымі міфамі насельніцтва рэальна ацэньваць перспектывы свайго далейшага лёсу ўслед за тым ці іншым палітыкам).

Феномен “ружовай свядомасці” неверагодна ўзрастае ў так званыя “смутныя часы”, калі ад чалавека патрабуецца амаль недаступная для яго ўзроўню разважлівасць і ўменне аналізаваць, прыцягваючы да аналізу факты гісторыі і сучаснай палітыкі. Прасцей адшукаць ворага, вінаватага ва ўсім. Адным з такіх міфічных ворагаў сталі “дэмакраты”. На Беларусі гэтае слова вымаўляецца цяпер гэтак жа, як некалі вымаўлялася “фашызм”. Парадакспальнасць жа становішча ў тым, што, калі ў Расіі пэўная частка дэмакратычных сіл займае ўладныя пасты, на Беларусі ідзе поўнае ўладаранне пракамуністычных сіл. Можна зразумець гэта ў свеце беларускай гісторыі; калі наша краіна рабілася арэнай жорсткай барацьбы паміж двюма вялікімі дзяржавамі, а таксама прымала ўдары, прызначаныя гэтым дзяржавам. Каб выжыць у час бязлітасных войнаў, трэба было быць асабліва абачлівым. Гэтыя асаблівыя якасці нашага менталітэту — абачлівасць і цярдлівасць, памножаныя на феномен “ружовай свядомасці”, даюць у выніку амаль поўную адсутнасць палітычных выступленняў супроць урада, які падводзіць за рысу жабрацтва. “Шчаслівае будучае”, якое павінна вось-вось наступіць і якое пастаянна абяцае ўрад, спараджае чаканне, якое, у сваю чаргу, спараджае стагнацыю і застоі.

Што рабіць у гэтыя горкія і досыць складаныя для інтэлігенцыі часы, калі само яе існаванне знаходзіцца пад пагрозай? Мабыць, тое, што рабілі яе папярэднікі — не плыць услед за загіпнатызаваным патокам чалавечай масы, ствараючы для яе “салодкія сны” і суцяшаючы яе “ружовай” літаратурай, кіно, мастацтвам, а шукаць шляхі абуджэння ад наркотыку, які можа стаць гібельным для чалавецтва, якое і так стаіць на краю бездані.

ЦІ АБАВЯЗАНЫ ПАЭТ БЫЦЬ ГРАМАДЗЯНІНАМ? (Паэт і грамада)

Не будзем усё звальваць на таталітарную сістэму, бо шмат што пачалося задоўга да яе. І якраз сёння — у часе посттаталітарным, каб яго і сябе ў ім глыбей зразумець, відаць, найперш трэба шырэй і паномаву ўбачыць менавіта час даталітарны, вярнуўшыся на даволі аддалены ад нас кругі перад нашыя. Тое, пра што пойдзе ў нас размова, пачыналася, вобразна кажучы, як хмара, якая не ведала, што яна будзе хмарай, ды яшчэ чорнай, ды яшчэ не проста грымотлівай і маланкавай, а жахліва забойнай, спапяляючай і няўмольнай у сваёй разбуральнай стыхіі як і ў пераіначванні, дыктаце, рэгламентацыі, гвалце. А дзе гвалт, там драмы і трагедыі.

Тою хмараю ўсё было запачаткавана спачатку ў рускай, затым і ў кожнай блізкай да яе ці залежнай ад яе літаратуры. Прыватныя нібы справы адной эстэтыкі, адной паэзіі прывялі, нарэшце, да такіх вынікаў, якія і не сніліся ні А. С. Пушкіну, ні, пэўна ж, М. А. Нярасаву, ні А. А. Фету. Бо ці ж маглі яны прадбачыць бальшавізм, таталітарызм, сацыялістычны рэалізм? Бо ці ж маглі яны ведаць, што іх літаратурная спрэчка абвернецца драмамі і трагедыямі людскімі, ды і найвялікшай драмай асобных нацыянальных паэзіяў, як, напрыклад, драмай нашай нацыянальнай паэзіі, якая прадаўжаецца і зараз, у часе посттаталітарны, і вырвацца з сілкоў якое не вельмі проста?..

Іншымі словамі, чорныя хмары дэфармацыі паэзіі, якая наплыла на яе з усталяваннем рэжыму таталітарызму, ніяк яшчэ за гарызонт не сплыла. Яна ўсё засціць блакіт паэзіі, высокую высь паэзіі як на зямлі беларускай, так і рускай, як, напэўна, і на ўсіх землях усіх былых рэспублік былога СССР. На кожнай з зямель, вядома, засціць чысты воблік паэзіі гэтая хмара па-рознаму, бо ў кожнай нацыянальнай паэзіі — свае лёс, асаблівасці, краса. Але, думаецца, што сапраўды, калі няма дыму без агню, то ад дыму трэба ісці, каб дым, што выядае вочы і засціць даль, развеецца, каб развесці рукамі тую бяду, якая дымам на твай палетак хай прыйшла і не з твайго палетка.

Пагэтаму, маючы за мэту вяртанне на кругі перад свае, мы пачнем з вяртання на кругі не ўласна перад свае, бо на кругі мінулых дзеяў паэзіі, суседняй нам паэзіі, без якога шмат у чым не было б і паэзіі ўласна нашай, нацыянальнай, але ад якога мы, беручы шмат што, узялі і бяду сваю. Не ў адсуджэнне чагосьці і кагосьці будзе ў нас тут усё гаварыцца, а менавіта з горыччу і за бяду суседзяў, і за сваю бяду.

Такім чынам, калі і пры канцы нашага XX стагоддзя канца драмы, што дзеецца ў паэзіі ўсходніх славянаў вось ужо каля паўтара стагоддзяў не відно, то пачатак яе, ён відзён дастаткова выразна — пачатак звязаны з вершамі А. С. Пушкіна “Паэт”, “Паэт і натоўп”,

“Паэту”, “Я помнік сабе ўзнёс нерукачынны”, “Не дорага цаню я гучныя правы...”

Два апошніх з іх — 1836 года — былі, вядома ж, у працяг папярэдніх 1827, 1828, 1830 гадоў. Усе яны сталі для рускай паэзіі праграмнымі — аж да савецкага ў ёй перыяду, сталі ўласна падмуркам яе ўзвышэння на форме ўсееўрапейскай паэзіі, бо сталі пераёмнымі і для рускай паэзіі XIX стагоддзя так званага срэбнага веку і для так званай дэкадэнцкай пачатку XX стагоддзя. Такім чынам, як прадвырашальна-налёсавы гэты цыкл пушкінскіх вершаў нас зараз вельмі цікавіць.

У А.С.Пушкіна усё пачыналася, так бы мовіць, з паўдэмакратызма, бо ў самым першым вершы цыклу ў цэнтры вобраз паэта, як часткі натоўпу: “пакуль не патрабуе паэта да свяшчэннай ахвяры Апалон”, ён — не паэт, ён — звычайны чалавек (“быць может, всех ничтожней он!”). Да на гэтым паўдэмакратызме, паўэлітарызме А. С. Пушкін не спыніўся. Верш “Паэт і натоўп”, санет “Паэту” сталі ў яго проста як бы ваяўніча антыдэмакратычнымі, — дэманстратыўна антыдэмакратычнымі. “Кругом народ непосвященный... бессмысленно внимал!;” ...Толковала чернь тупая”, “...народ, поденщик, раб нужды, забот. ; “подите прочь — какое дело поэту мирному до вас!”, “Поэт! Не дорожи любовью народной...” — усё гэта нібы і не патрабуе каментарыяў і разам з тым вунь як патрабуе. Бо ніякі не антыдэмакратычны быў у гэтых сваіх усіх азначэннях і інвектывах А.С.Пушкін, як і марна дашуквацца за імі якога-небудзь канкрэтнага адрасата: вышшы прыдворны свет, нізшы гарапашны чорны люд. “Бо справа для А.С.Пушкіна насамперед ішла аб адным самым агульным, самым важным для яго і самым важным для лёсу паэзіі, наогул, найперш рускай, — аб самым першасным у паэце. Гэтаму самаму першаснаму па закону завостранасці ў сюжэце, спантаннасці яго, паэтычнай няўтрыманасці — супрацьпастаўлялася А. С. Пушкіным паэту і паэзіі ўсё, што, паводле сэрца Пушкіна, было варожае паэзіі, несумесным з ёй, што было не яе існасцю, не яе мэтай. Паэзія для Пушкіна — ідэал; эстэтычныя крытэрыі для яго — першасныя і адзінасныя. Толькі паводле іх павінна тварыцца паэзія, а творца павінен быць ім усвядомлены, імі апантаны да ваяўнічасці. Менавіта прыклад такой ваяўнічасці і даваў А.С.Пушкін сваімі вершамі пра паэта і натоўп, і іхняя нібы недэмакратычнасць на самой справе была выявай вышэйшага пушкінскага дэмакратызму, бо Пушкін ад сябе і ад паэтаў патрабаваў сапраўднай паэзіі пры разуменні, што толькі сапраўдная паэзія патрэбна людзям, народу, толькі сапраўдная паэзія робіць паэта “любезным” народу і славу паэта сярод паэтаў уносіць.

І гэта шчасце рускай паэзіі, што ў ёй быў А.С.Пушкін з яго праграмнымі для паэзіі, заповітнымі для паэтаў радкамі:

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

У сусветнай паэзіі, можа, і няма больш высакароднай вымовы элітарнасці паэта, больш апафеознага сцвярджэння неабходнасці свабоды для яго з патрабаваннем ад яго ўдасканалвання ягонага “плёну любімых думаў”. І пра ўзнагароды тут добра, і пра подзвіг, бо сціпласць бескарыслінасці як бы збалансавана тут “нясціплай” самаацэнкай працы піты як “подзвігу высакароднага”.

Руская паэзія, аднак, ва ўсім XIX і XX стагоддзях так зайздросна развіталася не толькі таму, што слухалася заветаў А. С. Пушкіна, але і таму, што іх не слухалася, што іх аспрэчвала. І, можа, больш за ўсё аспрэчвала дыскусійнае і для нас сёння:

*Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.*

Так званая рэвалюцыйна-дэмакратычная руская крытыка мінулага стагоддзя, колькі ж яна патраціла пораху на подрыву палацавых калонаў гэтага выдатнага гмаху-бэльведэру пушкінскай думкі! Колькі здзеклінасці было, знішчальнай іроніі ды і грацыёзнасці ў зруінанні долу гэтага нібыта мастацтва для мастацтва, якое нібыта парвала свае сувязі з народамі, з прагрэсам, з часам, з новым векам! Славуты дабралюбаўскі прыклад з вобразам лістка, апяванне якога нібыта нічога не вяртае, тым больш у параўнанні з паэзіяй, што паставіла сябе на службу сапраўднай народнасці, быў сапраўды забойчым для эстэты — у вачах, вядома, усіх тых, хто прыняў на сябе як Евангелле паняцце аб народнасці Вісарыёна Бялінскага, якое ў 60-х гадах мінулага стагоддзя высока ўзнялі на шчыт Мікалай Дабралюбаў, Мікалай Чарнышэўскі. Палітыка ўмешвалася ў эстэтыку. Ідэалогія ўмешвалася ў яе. Прагматык Дзмітрый Пісараў, той цалкам па-нігілістычнаму адмаўляў не толькі элітарнасць Пушкіна, але ўсяго Пушкіна, усю паэзію наогул. Названыя ў савецкі час рэвалюцыйнымі дэмакратамі, Бялінскі, Дабралюбаў, Чарнышэўскі цалкам Пушкіна не адмаўлялі, бо зрабіць такое ўвогуле немагчыма, што пацвердзіў і вопыт Пісарава. Затое працяг традыцыі Пушкінскага элітарызму, які меў месца ў так званым срэбным веку рускай паэзіі XIX стагоддзя, асабліва ў паэзіі Афанасія Фета, рэвалюцыйна-дэмакратычныя крытыкі не тое што адмаўлялі, яны яго ўсімі фібрамі душы заваёўвалі. І што з таго, што вобраз лісцейка ў паэзіі А. Фета быў сімваланосны, падтэкставы, псіхалагізаваны — “этот листок, что иссох и валился” і “золотом вечным горит в песновеньи” ці той “лист кленовый”, што “в ночь краснеет..., что жизнь любя, не в силах жить”, — пустым ненародным заняткам утрыравана аб’яўлялася паэтызацыя лісця ўвогуле. А ў выніку публіцыстычна-крытычна дабралюбаўскі вобраз лістоты стаў тым лістком, што закрыў агульначалавечую, нацыянальную, гуманістычную паэзію памешчыка-эстэты А. Фета — паэзію праграмную па-пушкінску, патрыятычную і сапраўды дэмакратычную. Прычым, як праграмная па-пушкінску яна нас сёння ў посттаталітарны час надзвычай цікавіць. І

Пушкін, і Фет — паэты перадтаталітарныя, як і дасавецкія А. Блок, В. Брусаў, да сувязей з бальшавікамі Уладзімір Маякоўскі. Маякоўскі, аднак, не быў пераемнікам, як Блок ці Брусаў, Г. Ахматава ці М. Цвятаева, А. Фета. Ды — галоўнае, што не па пушкінска-фетаўскай дарозе пайшла руская савецкая паэзія, уся заслуханая ў крытыку мастацтва для мастацтва, служба якому была ўрэшце аб'яўленая безыдэйнасцю. А ці ж тое, што для вольгарна-сацыялагічных крытыкаў савецкага перыяду было безыдэйным, антынародным, ці ж сапраўды тое было ў сваёй істоце такім?

І тут пара ўжо сказаць, што А. Фет — паэт, відавочна, праграмны не толькі для свайго часу, але і на кожны час, у тым ліку і для нашага посттаталітарнага перыяду, для таго нашага сённяшняга дня, для якога вельмі важна рашыць праблему дэмакратычнага светапогляду пры ацэнцы літаратурных з'яў таталітарнага перыяду і ўвогуле праблему ўзаемаадносін творцы і грамады.

Эстэтыка так званых рэвалюцыйных дэмакратаў, ставячы наперадзе крытэрыі народнасці і патрабуючы ад мастацкага слова службы ідэалагічнай дактрыне, па сутнасці, адчужала літаратуру, паэзію ад іх першаасновы, іх першародства, іх натуральнай матэрыі. Эстэтыка рускіх рэвалюцыйных дэмакратаў пачала заганыць літаратуру ў таталітарнае сіло. Бальшавікі адразу так па-асабліва прыязна і ўхапіліся за элітарнасць, якая першасным прынцыпам пракламавалася М. А. Дабралюбавам і М. Г. Чарнышэўскім, бо гэта ж вельмі напраткі вяло ад яго да аб'яўлення літаратурнай службы “калёсікам і вінцікам пралетарскай справы”. Прынцып партыйнасці ў літаратуры, формула “партыйнасць — вышэйшая ступень народнасці”, яны ж і выраслі з супрацьпастаўлення сябе пушкінскай і цютчаўска-фетаўскай элітарнасці, з ахайвання элітарнасці ў літаратуры як такой. Ды калі ні М. А. Дабралюбаў, ні М. Чарнышэўскі не былі дэмагогамі, пракламуючы эстэтыку рэалізму і народнасці, то ўжо апора на іх у XX стагоддзі нарматыўнай сацрэалістычнай крытыкі была і камуфляжам, і дэмагогіяй, — пры кан'юктуршчыне, пры дэгуманізацыі, дээстэтызацыі, дэфармацыі літаратуры ў цэлым, паэзіі — у прыватнасці.

І, такім чынам, у атмасферы таталітарнай кан'юктурнасці, дэмагагічнага патрабавання ад літаратуры грамадзянскасці вырошчваўся пышны квет літаратуры імітацыйнай, псеўданароднай. Сацрэалізм імітаваў формы рэалізму як нібы праўдзівага адлюстравання жыцця ў літаратуры, а лозунгам бальшавіцкай народнасці прыкрывалася псеўданароднасць. На самой жа справе партпаратчыкам патрэбна была не праўдзівая, не дэмакратычна-свабодная літаратура, а імітацыя грамадзянскасці, такая служба літаратуры, якая была ілюстрацыйнай, на мове вобразных сродкаў прапагандавала ідэалагічныя догмы, партыйныя заклікі, патрабаванні пралетарскасці, ідэйнасці, сучаснасці, рабочай тэмы, стварэння вобраза камуніста, вобраза ворага ўнутранага і знешняга і г. д. Зразумела, што пры ўсім гэтым свабода думкі, воля мастака, мастацкі пошук ігнараваліся, асоба,

індывідуальнасць мастака прыймалася да таго моманту, дзе яны заставаліся ў рамках, рэгламентаваных пастановамі цэнтральных органаў партыі, нарматызаваных тэорыяй і практыкай сацрэалізма, пільнаваных зоркім вокам крытыкаў не ад прынцыпаў эстэтыкі, а скрозь і заўжды ад прынцыпаў у большай ці меншай ступені звульгарызаваных і здэгуманізаваных. “Партыя і народ — адзіныя!” — гэты лозунг таталітарызму перш за ўсё быў на ўслуге ў руйнавальшчыкаў творчай асобы, праўдзивай літаратуры, сапраўднай народнасці ў літаратуры, літаратуры як прыгожага пісьменства ўвогуле. Аб’яўляючы сябе адзіным выразнікам інтарэсаў народа, партыя любой асобе прад’яўляла абвінавачанні ў буржуазным індывідуалізме і антынароднасці, калі не з галаса партыі хтосці нешта наважваўся мовіць. Магілаю свабодзе чалавека быў таталітарызм, а, значыць, магілаю і паэзіі, магілаю сапраўднай чалавечнасці.

А як сапраўды тут тое было да месца: “Паэтам можаш ты не быць...”! І як часта паэты тады не былі паэтамі, бо важная была тэма, а не яе мастацкае вырашэнне. Няважна было, ці твор сапраўды мастацкі, ці не, — важна было, каб за пралетарскае, ленінскае, сталінскае, хрушчоўскае, брэжнеўскае. А калі, як “Ціхі Дон” М.А.Шолахава ці “Новая зямля” Якуба Коласа, творы з’арыентаваныя на класіку, удаваліся як эпапеі народнага жыцця, дзякуючы магутнасці таленту іх творцаў, ці калі тыя ці іншыя раманы з вобразамі камуністаў, рабочых, сялян аказваліся прыстойнымі па форме, бо ўдала імітавалі класічныя ўзоры еўрапейскай прозы XIX-XX стагоддзя, тое аб’яўлялася савецкай класікай.

Прычым, савецкая класіка ў паэзіі, і ў прозе, і ў драматургіі, і ў кінематографе, жывапісу г. д. была сапраўды шырока напрацавана. Склаліся сацрэалістычныя каноны, стэрэатыпы — пры табу на ўсё, што прырэчыла нарматыўнасці.

На чым тады было табу? Доўгі час на рамантызме, алегорыі і заўсёды на падтэксе, мадэрнізме, эксперыменце — на ўсім, што магло як-небудзь стаць правадніком ідэй ненаскіх. Партапаратчыку ад літаратуры патрэбна было ўсё простае, як рэпа. “Пішыце проста!” — гэта з папулярных у канцы 30-х гадоў літаратурных заклікаў М.Горкага, які ў прыватнасці прывёў і беларускую паэзію першых пасляваенных год да спрашчэнства, да бытаапісальнага прымітыву.

Але дэградаванне паэтычнай формы — гэта ўсё ж — на паперы. Папера ўсё сцерпіць; папера ўсё сцярпела. Зусім іншае — сцерпіванне пакутаў пры страхах-ахвярах — чалавечых, тысячна-, мільённа-чалавечых. А — на жаль ці на сорам ці на абачлівую навуку — і да страты жыцця паэтамі і непаэтамі прывяло колісь аднойчы моўленае паэтам, колісь затым неаднойчы паўторанае як многімі нашымі продкамі ды ўсімі намі.

Сапраўды — такой бяды, калі пасля закліку “паэтам можаш ты не быць, але грамадзянінам быць абавязаны”. паэт пераставаў быць паэтам, а станавіўся кан’юнктуршчыкам. Зрэшты, хоць грамадства,

народ трацілі паэта, чалавек усё ж заставаўся жывым. А да чаго на практыцы рэальна прывялі вось гэтыя словы:

Иди и гибни безусловно.

Умрешь не даром: дело прочно,

Когда под ним струится кровь...

Ішлі і гінулі (ці на франтах з імем Сталіна на вуснах, ці ў бераеўскіх казематах). І “бездакорна” на крыві іншых спрабавалі будаваць лепшае будучае. Была вайна, вайна ўсё спісвала, спачатку — грамадзянская, потым — фінская, Вялікая Айчынная, афганская. Былі рэпрэсіі — даваенныя, пасляваенныя: як жа, якім тонам, якім абухам, якім здзекам гэта “памрэш не дарам” гучала з рэпрадуктараў 1937 года ў гулагах Калымы і Магадана над паміраючымі за калючымі драгамі паэтамі і непасатамі?! “Дело прочно, когда под ним струится кровь...”, — а гэта ці не чуецца сёння ўсім у самазадаволеным вымаўленні Іосіфа Вісарыёнавіча, які сапраўды сваю справу трывалую рабіў крывёю мільёнаў!..

Яно, канешне, ніхто ніколі не ведае цалкам таго, да чаго ён можа спрычыніцца, на слова паверыўшы калісьці. Кожны век мае і свае ілюзіі, і як часта за ілюзіі плаціць чалавецтва жыццямі. Стаючы сёння на абароне і паэзіі, то ж ніяк і майму пакаленню не забыць, што ўсе мы са школы, з універсітэтаў, як загіпнатызаваныя, нібы малітву, паўтаралі: “Паэтам можаш ты не быць...” ды і пра кроў, што трываліць справу. Нам, беларусам, можа, і цяпер найцяжэй пераадолюваць тую памяць у сабе, бо мы вырасталі шмат у чым з Ф. Багущэвіча, Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, а ўплыў на іх Някрасава быў вельмі шырокі. Ды і малады Янка Купала — сцяганосец рэвалюцыйна-сацыяльных ідэй, нацыянальнага Адраджэння, ён жа таксама найперш адчужаўся ад элітарнасці, ад самога слова “паэт” у вядомым вершы “Я — не паэта, о крыў мяне, Божа!..”, гэтым на свой манер згаджаючыся “паэтам... не быць”. Той жа Купала, будучы ўжо аўтарам “Шляхам жыцця”, у 1913 годзе вунь як ваяўніча адстойваў пазіцыі сацыяльнасці ў паэзіі, прыярытэтнасці грамадзянскіх матываў у ёй, праўда, у неакрэсленай будучыні бачачы на покуце ў ёй і паэзію красы.

І вось мне думаецца, што той неакрэслены час сёння прыйшоў, што ён зрэалізаваўся гістарычна менавіта як наш постаталітарны час. І што даўно пара ўжо нашай беларускай паэзіі, як вернай вучаніцы, як паслушніцы, як перыферыі не паўтараць крывёй умытыя догмы, зразумеўшы, што цераз тое ж самае паўтарэнне мы аказаліся адлучанымі, адчужанымі ад вельмі многага. І цяпер да страчанага трэба вяртацца: набытае не губляць, да страчанага вяртацца. Набытае — не губляць, але гісторыі, мінуламу пакідаць, што ў ім — ад таталітарызму як дэфармаванае, дэгуманізаванае, звыраднае і да страчанага вяртацца смела, шырока, рэабілітуючы адрынутае, апаганенае, праклінаючы таталітарызм.

І наша шчасце, што і Янка Купала, і Якуб Колас, і Максім

Багдановіч — усе яны зацвярджалі на пачатку нашага стагоддзя нацыянальныя асновы нашай паэзіі, літаратуры, найперш арыентуючыся на А.С.Пушкіна. А Максім Багдановіч — аўтар “Вянка” — увогуле найперш вучань А.А.Фета. А.А.Фет увогуле быў першай любоўю гэтага нашага класіка. Дык жа да першай любові лягчэй вяртацца! І ніякага вяртання — да нянавісці! З нянавісці, з крывяжэрнасці не паэзія можа спараджацца, а толькі сурагат, імітацыя, ілжэпаэзія.

Што, аднак, з адчужэннем А.Фета адчужалася так званымі рэвалюцыйнымі дэмакратамі ад паэзіі? Што закрывалася ад вачэй свету, як фігавым лістком, крытыкаю яго як эстэта, як прадстаўніка “паэзіі для паэзіі”?

Закрываўся найперш увогуле мацерыковы абсяг фэтаўскай паэзіі і фэтаўскі маштаб разумення яе абсягаў. Бо не толькі ж пейзаж “у маладзіковым знянні” ці “роўны прабор” у валасах на галоўцы каханай ці паэзія імгненнай стомы, самотнасці, пакутлівых мараў, дрыготкага трымцення ўражлівай душы складае змястоўнасць вершаў А.Фета. Ягоная душа — увогуле ў каардынатах быцця, сусвету, космасу і як бы распята на скрыжальных добра і зла, людскасці як чалавечнасці і людскасці як чалавецтва. А.Фет — Паэт з вялікай літары, ён — жрэц паэзіі, яна для яго — храм, святое, тое існае, што трэба пачуць, але не з побыту, а з вышэйшае сферы быцця, з вышэйшае сферы маральнасці, дабыні, прыгоста, А.Фет таму — па-над дробязямі жыцця, па-над нізкімі яго закуткамі, не вартымі чалавека нікчэмнымі пачуццямі, падумкамі, падробкамі. І гэта не аспрэчванне сібарыта, арыстакрата ад жыцця ўвогуле, ад яе высокай годнасці грамадзяніна ў ім увогуле, — гэта аспрэчванне ад яе вялікасці паэзіі ніцага, бруднага, гандлярскага, нізкапаклоннага. Так, неяк нават і вельмі адэкватна нашаму часу ўваходжання ў рынак гучаць радкі фэтаўскага верша “Ісеўдапаэту”.

*На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
Безумной прихоти певца.*

*Там сбыт малеванному хламу,
На этой затхлой площади, —
Но к музам, к чистому их храму,
Продажный раб, не подходи!*

“Маляванага хламу” сапраўды і сёння хапае на сталічных плошчах Менска, а паэтаў “прадажнаму рабу” сёння ўпаўне можна стыкаваць і з нашым пратэстам супроць бязбожнага захламлення нашага кніжнага рынку алітаратараў. Але самы жорсткі ў гэтым вершы ў Фета ўсё ж наступны пасаж:

*Влача по прихоти народа
В грязи низкопаклонный стих,
Ты слова гордого свобода
Ни разу сердцем не постиг.*

Тут так само сабой ну проста ж просіцца-напрашваецца зыначванне—мадэрнізацыя Фета: “влача по прихоти народа” — на “влача по прихоти партии”, якая ж толькі ад народа выступала, а пры тым валачэнні ці ж сапраўды хто з усіх грэшных нас калі спасціг сэрцам гордае пачуццё сапраўднай свабоды!

А тут мы ўвогуле можам сказаць, што фетаўскі пратэст супраць нізасці, несвабоды, прыхамаці кагосьці, чагосьці, што ўсё — у агрэсіўным наступе, у гатоўнасці запаланіць, адкінуць усе высокія ідэалы, самую свабоду, што дае духу, чалавеку, народу паэзія, — ва ўсім гэтым А.Фет як быў у прадчуванні менавіта таго, што наступіла, што стала явай у час таталітарны. Перадтаталітарны час быў, такім чынам, і часам геніяльнага вычування пагрозы, а, з другога боку, вывучэння сёння патэнцыі і існасці яго супрацьстаяння таму, што рэальна ў гісторыі перамагло, ці ж сапраўды яно не здольна дапамагчы нам у часе пастаталітарным ачуняць, пазбыцца таталітарнага менталітэту, пераадолець убіцця нам у галовы і пячонкі міфы, догмы?

Дык у чым жа канкрэтна маштабнасць разумення паэзіі ў А.Фета? Найперш, можа ў тым, што перад раманам Л.М.Талстога “Вайна і мір” ён спыніўся, як перад паэзіяй, “дивясь красе жестоковыйной, в священном трепете”. Яшчэ далёка, далёка да дня, калі Б.Пастарнак скажа, што сапраўдная паэзія — гэта проза, а сваім вершам, прысвечаным аўтару “Вайны і міру”, А.Фет гэта ўжо сказаў. Ды і ў другім вершы, прысвечаным Л.М.Талстому, захоплены народнымі песнямі каўказкіх плямёнаў, А.Фет і іх адносіць да тых, “в которых бьется и кипит та кровь, что мы зовем поэзией”. Так што элітарны А.Фет усёй душой прымае і прастанародную песню, гэтым нібы здымаючы дылему, паэт ці натоўп, бо і натоўп жа паэт, калі паэзія кіпіць, як кроў, у яго вершак.

Ды сёння здзіўляе не толькі шырыня фетаўскага разумення паэзіі, а і яе магутная праграмнасць. Па-пушкінску аддзяляючы асобу паэта ад масы як высокае ад нізкага, як, аднак жа, шырока гэты рускі вялікі паэт бачыў наканаванасць паэзіі, яе задачы, мэту. Цытуем:

*Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославляют мы будем век любовь.*

*... Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим.*

*Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!*

*... Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью...*

*Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?*

*К чему противиться природе и судьбе! —
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки.*

Першае чатырохрадкоўе, якое працытавана, з верша 1891 года, два наступных урыўкі — з датаванага 1887 годам. Вершы канца XIX стагоддзя, якім крышачку больш ста гадоў, але як сапраўды нечакана і пры канцы XX стагоддзя яны сталі актуальнымі, сталі ў баявы рад — баявы духоўна, а не пагромна — з вызначэннем высокасці, боскасці, чароўнасці, выратавальнасці місіі, урачавальнасці паэзіі. Толькі пры свабодзе духу, толькі пры любові, а не пры ніякай нянавісці павінна быць паэзія, — вось самае асноўнае ў закліках А.Фета.

Як “выратаванне ад мукі” паэзія ў А.Фета блізка даходзіць да рэлігіі, але хоць яна для яго боская, яна — не рэлігія! Наш посттаталітарны агул сёння, як вядома, кінуўся шукаць духоўнага заспакаення, моцы духу, паратунку ад мукі, ад душэўных пакутаў у цэрквы: касцёлы, мячэці, сінагогі. А чаму не да А.А.Фета? А чаму не да А.С.Пушкіна, Янкі Купалы, Максіма Багдановіча? — да піітаў, да паэтаў, да паэзіі, якая Свецкаю Мадоннаю можа спаталіць душу і якая з высокай філасофіяй любові і моцы звысакародніць, здабрыніць сэрцы людскія, згартаваць іх у згодзе і ладзе?

Не трубой пагрому замяніць ліру, “не буру палкую, не заклікі да барацьбы” сеяць яе гукамі, — як жа зноў і гэтая пазіцыя А.Фета асучасніваецца — пазіцыя перадтаталітарная ў час посттаталітарны. І якімі пры гэтым злавеснымі паўстаюць фігуры тых, каго аспрэчваў А.А.Фет, хто так доўга хадзіў і прадаўжае хадзіць у героях дня, у героях паэзіі.

А пра А.А.Фета, на якога сёння мы глядзім тут менавіта як на героя і таго веку — XIX і нашага — мы упэўнены, — часу, мы яшчэ скажам напрыканцы як пра аднаго з вялікіх патрыётаў у рускай паэзіі, якога вольгарызатарская крытыка таксама замоўчвала. Мы ўжо цытавалі радок: “Упиться вдруг неведомым, родным”. А цяпер возьмем радкі з верша “Тургеневу”:

*Поэт! И я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной:
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.*

*Привольно, широко, куда не кинешь взор,
Здесь насажу я сад, здесь, здесь я поставлю хату!..
Вот здесь, не ведая ни бурь, ни грозных туч,
Душой привычною к утратам,
Желал бы умереть, как утром
лунный луч,
Или как солнечный — с закатом.*

“Зліцца с сонечным промнем!” — гэты матыў будзе і ў Янкі Купалы. І цяпер нам, нашчадкам А.А.Фета ў посттаталітарным часе, што зведалі буры і грозныя хмары вунь якія, цалкам згаджацца з прагай нібы эстэцкага паэта такіх бураў і маланак, увогуле бураў і грозных хмараў не ведаць. Сапраўды: тое ж было ў А.А.Фета не ўвогуле ж адрачэннем ад грамадзянскіх тэмаў, а толькі ад такіх, якія да бураў і хмараў вялі. Час, як кажуць, расстаўляе ўсё на сваіх пазіцыях.

Ды і шматзначна і да часу гучыць радок А.А.Фета пра сад і пра хату: сад — пасадзіць, хату — збудаваць! Гэта і ў А.П.Чэхава будзе: “Сад пасадзі!” .. і ў нашага Ядвігіна Ш. будзе ў яго дарожных нататках вяртанне да саду, ім пасаджанага, захапленне і садам, і ўласнай хатай, якое — за яго апафеознасць — мы пры таталітарызме так лаялі за яго буржуазна-індывідуалістычную прыроду, а цяпер, як знайшлі, каб услед за фетаўскай прагай садовага квету і плёну паставіць.

Што ж да фетаўскага “здесь, здесь поставлю хату!” — то гэтая “хата” для беларуса ў Фета-расійца, у Фета-парнасца, нібы нечаканасць: сваёй беларускасцю, вясковасцю, прыземленасцю. Але ж сіла асацыяцыяў, сіла ілюзіяў ёсць сіла, і гэтую “хату” я, можа, і без поўных лагічных падстаў на тое асацыірую з так звыклымі сёння газетнымі штампамі-матывамі пабудовы новага нацыянальнага сувярэннага дому-Беларусі, уваходжання Беларусі ў агульна-еўрапейскі адзіны дом!..

А час наш, посттаталітарны час наш, ён жа бурлівы, хмарны, хмарны!.. І як не ўсплываць у ім зноў пытанню, звязанаму з тым, кім быць, кім не быць паэту? Дык паэтам быць яму, паэту, і ці быць грамадзянінам? Вядома ж, грамадзянінам быць, але гэта не значыць, што паэтам ён можа і не быць, бо яму, каб быць грамадзянінам, трэба быць найперш паэтам. Паэт вышэй грамадзяніна! Паэту, асабе, таленту перш за ўсё належыць свабода. Без свабоды паэта, чалавека няма сапраўднага грамадзяніна ў царстве паэзіі, і ў рэспубліцы паэзіі, і ў грамадстве наогул. Элітарнасць паэта, яна ад спецыфікі паэзіі, ад яе грамадзянскага народна-дэмакратычнага прызначэння. Ніякі яна не індывідуалізм, ніякі не нарцысизм, ніякі не арыстакратызм! І не партыя гэта — тое, што можна назваць элітарызм паэтаў у іх аднасці. Бо партыя — гэта частка чагосьці, гэта партыкулярызацыя, якая імкнецца штосьці аб'ядноўваць. Элітарызм паэтаў у іх аднасці — гэта элітарызм непартыкулізаванага агулу, гэта элітарызм па сутнасці сваёй самы дэмакратычны, самы народны.

Патрабаванне да літаратуры былой кіруючай кампартыі быць у яе ў слугах асабліва паказвае сваю антынародную, антымастацкую

сутнасць у час посттаталітарны, калі на палітычнай арэне ўжо не адна, а шмат партый: плюралізм палітычнай думкі. Дык каб быць пэту цяпер грамадзянінам, выразнікам ідэалогіі, якой з мноства партый ён павінен быць? Якая ж з іх забяспечыць яго цяпер сапраўдным залатым запасам грамадзянскасці, а не сусальным?

Пытанне, такім чынам, апошнім пытаннем тут проста здымаецца. Яно робіцца нонсэнсавым, і гэта добра, што палітычны плюралізм пасвойму разумніць пэту, абавязваючы яго рабіць пэтаву справу, а не якую-небудзь іншую.

Будзем жа яе і рабіць пад святымі штандарамі Радзімы і Красы, нацыянальнаму Адраджэнню служачы, чалавецтву ў яго імкненні да гуманістычных ідэалаў служачы. Жывуць жа ўсе людзі, мечаныя радзімкамі, матчынае ўлонне на целе іх пакінула, — нараджаюцца, растуць, жывуць. і хай не паправіць таго, што мечанымі заядлай барацьбой таталітарызму супроць нібыта эстэцтва А. С. Пушкіна ці А. А. Фета пасля таталітарнага часу мы засталіся, ды галоўнае — у іншым: галоўнае ў тым, каб чым хутчэй у нашым пасттаталітарным часе нам усвядоміць, што ёсць сапраўды яе Вялікасць Пазэзія ў яе служэнні красе і дабру, кожнаму з народаў чалавецтва.

Георгіў Колас

АДРАДЖЭННЕ: АПОКРЫФЫ, КЕНТАЎРЫ І СІЗІФ

Пачну з далёкага ўспаміну маладосці. Апынуўшыся ў майстэрні скульптара Заіра Азгура, я прагна ўбіраў у сябе зблізку тое, што раней даводзілася бачыць альбо выпадкова, альбо на адлегласці — жывыя твары нашых беларускіх класікаў літаратуры (“як жывыя”). Пра маэстра ўжо тады гуляў сярод багеми анекдот: “мяшае гліну з фатаграфіяй і лепіць свае бюсты”, — але я зачараваўся ўбачаным: Купала, Колас, Чорны, Броўка, Глебка, Крапіва, Лынькоў, — у кожным дыхала адметнае жыццё натуры. Разам з тым, над кожным з іх лунала нейкая пячатка ці то неадольнае тугі, ці то затоенага смутку, ці то непазбыўнага прыгнёту. Побач з бюстамі партыйных дзеячоў у арэоле перамога-носнай велічы і палкаводцаў з ганарыстымі паставамі — кантраст! Ці так было “задумана”?

Маэстра мабыць не чакаў майго “правакацыйнага” пытання. Пэўны час ён моўчкі раіўся з абліччамі сваіх нованароджаных тварэнняў, і нарэшце, быццам апытаўшы ўсіх, падсумаваў агульную выснову: лёс народа адкладаўся ў генах пакаленняў, склаўся пэўны генатып, ягоная пячатка адбіваецца на тварах і ў вачах пісьменнікаў — выразнікаў душы народа, нацыі.

Адказ быў бездакорна-ідэалагічны, нават прысармаціў мяне, — бо я ў вачах сваіх бацькоў (лішэнцаў, раскулачаных, сасланых на паўночны Урал) не заўважаў тае пячаткі, наогул ні ў каго са спецыялізаванай-беларусаў там, дзе рос я, не было яе ні ў нашы “лепшыя” часы, ні ў самы чорны 1933 год, калі павыміралі цэлыя пасёлкі.

Той адказ не адпускаў мяне. Выходзіла паленінска: у кожнай нацыі — дзве нацыі, нацыянальны генатып — раздвоены на прыгнятальнікаў і падняволеных, мой радавод — “другая нацыя”?..

Прайшоў XX з’езд, вярталіся з ГУЛАГу “невядомыя” пісьменнікі — рэабілітаваныя. Дубоўка, Гаўрук і Пальчэўскі — волаты! Скрыган, Шушкевіч, Звонак, Хведаровіч — гнуткія нязломкі... не было на іх абліччах а ні следу “генетычнага” цяжару. Зноў — “другая нацыя”?

Мне хочацца, каб для гасцей Кангрэсу наладзілі экскурсію ў Купалаўскі мемарыяльны запаведнік Вязынку, — было б нялішне паказаць ім азгураўскі помнік нашаму вялікаму паэту, — унікальны парадокс: на пастаменце — дзве Купалавы штрафы, якія сваім зместам узаемна дысаніруюць з псіхалагічнай дамінантай бронзавага бюста.

Сасланыя і растраленыя патрабуюць не згаджацца са стараннямі прыхільнікаў таталітарнага літаратурнаўства ўзвесці саркафаг недатыкальнасці над тэмай “беларуская савецкая літаратура на паслугах таталітарызму”. На старонках штотыднёвіка “Літаратура і мастацтва” (адзіная літаратурная газета ў Беларусі) гэтыя ахоўныя старанні даходзяць да абсурдных заклікаў ствараць пра нашых класікаў апокрыфы (сацрэалізм “наадварот”). Узоры ўжо друкуюцца, адзін з іх меў назву “Апокрыф”, пад фінал “кананізацыі” прыведзены сінодзік — з прозвішчамі дастойных кандыдатаў на чарговы апокрыф, і каб ніякага сумневу не было, што гэта не пародыя, свой опус аўтар асвяціў жаганнем: “Святыя, ды і годзе”. Сітуацыя абсурдная; калі яны — святыя, мы — сляпыя. А дзеля чаго спатрэбіўся такі абсурд, наглядна выявіў другі апокрыф, у якім, прынамсі, адбывалася далікатная карэкціроўка раней абвешчаных кананізацый: класікі напоўсавецкія-напоўнацыянал-дэмакратычныя пайшлі ў адстаўку, вылучаліся на першы план чыстапародныя сацрэалісты. “Міне нейкі час, — прарочыў аўтар, — прыйдуць новыя альбо адбудзяцца вопытныя ўжо даследчыкі (чытай: ёсць попыт на “той” вопыт? — Г.К.), цвяроза ўсё пераасэнсуюць... Які спрэчны і цяжкі ні быў савецкі перыяд... ды ўсё ж найбольш яркае напісана тут”. (Чытай: Купала з Коласам у да-савецкіх творах нічога “яркага” не напісалі, а пра Багдановіча ды Багушэвіча наогул лепш не ўспамінаць?). Далей — пра моц “чыстапародных”: “Лепшыя нашы майстры, як той Антэй, маглі лепей адчуваць моц і сокі роднай зямлі, радасць, боль і клопаты роднага люду”. (“Лепей” — за каго, і “лепшыя” — у параўнанні з кім? — Г.К.)...

Калі б такое было сказана з нагоды публікацыі ў газеце, скажам, нізкі вершаў Барадуліна альбо ў артыкуле пра новую аповесць Быкава, наўрад ці ўзрадавала б іх такое супроцьпастаўленне іхніх піетэтаў піетэтам папярэднікаў, бо гэта ці не тое самае, што “змадэляваць”

баксёрскі паядынак Джэка Дэмпсі з Ксіюсам Кляем ды прызнаць апошняга мацнейшым на падставе дасягненняў сённяшняга трэнінгу і тэхнікі баксёрскага двубою.

Супроцьпастаўленне бальшавіцкага Антэя да-савецка-прывецкім папярэднікам — наглядная праява настальгіі посттаталітарнага савецка-беларускага літаратурнага кентаўра па таталітарным стойле. У кентаўра з партыяй была адна нязгода: партыя загадвала, каб “вершнікам” быў “сацыялістычны змест” (а конскі “ніз” хай сабе мае функцыю “нацыянальнай формы”), а кентаўр прасіўся, каб было наадварот: нацыянальны “верх” і сацыялістычны “ніз”.

Ці ўсведамляе наш кентаўр, што стаўшы “звышканём”, ён страціў нешта чалавечае? Чаму ён так баіцца азірнуцца на свае сляды ад конскіх капытаў?

“Супроць саветызацыі мы аказаліся найслабейшымі сярод іншых. Так мы і не пасьпелі скласьціся ў нацыю. Мы не пасьпелі спазнаць сябе і сваё — сваю глыбінную радасьць”...

Гэта — не са штотыднёвіка “Літаратура і мастацтва”. Гэта — з “Нашай Нівы” — пераемніцы традыцый Адраджэння да-савецкага, з традыцый да-савецкай “Нашай Нівы”. Сённяшні безганарарны нашанівец (выдавец газеты — беларускі камерсант, які ўвесь плён сваіх камерцый укладае ў “Нашу ніву”) аўтарства сваіх радкоў сваваў пад псеўданімам, як рабілі нашаніўцы дарэвалюцыйнай хвалі, — быццам ён пачуў іх галасы: “мы”, “мы” — як самапакаянне. “Наша незапатрабаваная энэргія радасьці была гвалтам уплеценая ў чужую “ідэю. Нам казалі, што “ідэя” — наша, і мы паверылі. Не пасьпеўшы спазнаць сябе (радасна), мы здрадзілі сабе, пайшлі ў наступ супроць сваёй духоўнай асновы”.

Дрэва Адраджэння у “Нашай ніве” прараствае з неабходнасці самапазнання і з усведамлення “зрады”.

Лімаўскі кентаўр — Нарцыс. Ва ўсім ён вінаваціць каго хочаш: бальшавізм, фашызм, Саўмін, Чарнобыль, — толькі не сябе. Учора — сілкаваўся хвалеспевамі пра “Рудабельскую рэспубліку”, з якой на Беларусі пачынаўся бальшавіцкі генацыд (ГУЛАГ і Курапаты), сёння — з гонарам трасе сваёй гулагаўскай пакутай, наракаючы на “некага”: “І ўсё ж не падаў на калені. /У пачатку і ў канцы дарог. /Як ні цягнуў, але сумленне /Усё ж да кропелькі збярог”. Святы, дый годзе? Новы від апокрыфаў — кананізацыя святога “я”. Такого ні ў Кірылы Тураўскага, ні ў Скарыны Полацкага (іхнімі імёнамі, дарэчы, пачынаўся лімаўскі “сінодзік” на апокрыфы) — не знойдзеш, і калі б мы словам “Адраджэнне” карысталіся не механічна, дык успомнілі б, што нашы пачынальнікі асветніцтва свае прадмовы пачыналі са зваротаў да Усявышняга: “дазволь мне, грэшнаму”, “аз — грэшны”, “блаславі мя грэшнага!”...

Было б наіўным спадзявацца, што ранейшыя зацятты сацрэалісты-алілуйшчыкі пасля распаду таталітарнага стануць у чаргу, каб папрасіць у змардаванага маной народа прабачэння за сваю ману. Дар пакаяння, кажуць, божы дар, і я не заклікаю да таго, каб закідаць крытычнымі

каменнямі таго, каму сам Бог зрабіў палёжку. Але я перакананы, што Нацыянальная Ідэя Беларусізацыі, якую творыць сёння наш кентаўр, не прывядзе да Адраджэння нацыі, пакуль не злезе са свайго каня кентаўраў верхнік, каб ператварыцца з верхніка ў Сізіфа.

Камень Адраджэння Беларускай Нацыі пачаў каціцца крута ўніз — пад сцягам бальшавіцкай беларусізацыі ў дваццатыя гады. Каб усаціць яго назад, патрэбны рукі, а не капыты.

Сізіфаў, як рэліктаў, засталіся лічаныя экзэмпляры. аднаго з апошніх мы нядаўна пахавалі — Алесь Адамовіч. Пакуль мы не ўсвядомім, з-за чаго ён апынуўся чужаком сярод кентаўраў і дзеля чаго пакінуў Мінск на пераломе лёсаў Беларусі і Расіі (далучыўся да Расіі Сахарава — Салжаніцына) — пакуль мы гэта не ўсвядомім і не асэнсуем, камень Адраджэння нам таксама не скрануць... У дзень свайго ад'езду ён пакінуў мне на першым томё сваіх твораў надпіс: "Мы яшчэ вернемся, Жора, і, думаю, што нешта зробім, каб і дома было чым дыхаць!"

Кентаўр валодае багатай спадчынай — усе ранейшыя бюджэтныя выданні перайшлі да рэдакцыйных калектываў, укамплектаваных колішнім ЦК. Калі КПСС распалася, партыйныя арганізацыі рэдакцый прыпынілі сваё членства, але ж партарганізацыя ў галоўным дэпартаменце ўжо аднавілася, — кентаўравы апокрыфы выразна выдаюць партыйна-бальшавіцкі камуфляж адданасці камуністычнаму "сумленню": "як ні цяпеў, але ж да кропелькі збярог". Ніхто не здолее яго пераканаць, што гэткае "сумленне" — несумленнае. Да дабрадзеястваў не змушаюць...

У парламенце кентаўры выдаюць законы аб павышаных памерах пенсій за свае савецкія заслугі. У Нацыянальнай Акадэміі навук яны атрымліваюць званні акадэмікаў. Праз адпаведныя камісіі і праз "кішэнныя суды" — перакрываюць кіслародны клапан незалежнай прэсе.

Божухна! Нашто ты звёў іхтыязаўраў? Хай бы лепш — яны...

Уладзімір Конан

АНТЫНОМІІ ДЭМАКРАТЫ І КУЛЬТУРЫ, ШЛЯХІ ІХ ВЫРАШЭННЯ

Мая задача — не лёгкая, бо даводзіцца крытыкаваць папулярныя ў нашым усходнеславянскім рэгіёне, але, на мой погляд, утапічныя ўяўленні пра нейкую ўніверсальную для ўсяго свету дэмакратыю, стандарты якой напрацаваны ў германа-раманскім рэгіёне і даволі часта "не працуюць" у сацыяльна-палітычных, эканамічных і культурных структурах іншых рэгіёнаў з іншымі менталітэтамі і культурнымі

традыцыямі. Гэтага можна было чакаць, бо сучасная ідэя дэмакратыі, як і ўсякая іншая палітычная каштоўнасць, ёсць часткова рэальнасць, а часткова сфера міфатворчасці.

1.1. Ужо паводле сваёй этымалогіі дэмакратыя (demos - народ + kratos - улада) антынамічная. Бо калі пад уладай народа разумець метады кіравання не толькі маёмасцю, але і людзьмі, то дэмакратычнае грамадства дзеліцца на тых, хто кіруе (суб'ект улады) і тых, кім кіруюць (аб'ект улады), гэта значыць, на ўладу і народ як самастойныя кампаненты грамадства, якія могуць захоўваць адноснае адзінства, але могуць і палярызавацца, уступаць у канфлікты. Калі ж пад дэмакратыяй разумець уладу ўсіх грамадзян дзяржавы, то ўзнікае пытанне іншага парадку: над кім уладарыць народ? Тут магчыма альтэрнатыва: альбо народ уладарыць над самім сабою, альбо ён дзеліцца працэдурай плебісцыту ці іншымі сродкамі выбару на большасць і меншасць. У першым выпадку палітычная сістэма нічога не вырашае, бо ступень самаўлады чалавека над сабою вызначаецца не палітычнымі працэдурамі, а духоўным узроўнем людзей і народа ў цэлым, гэта значыць, культурай. Гэтую антыномію свабоды трапіна раскрыў апостал Павел: “Бо мы ведаем, што закон духоўны, а я цялесны, адданы пад грэх /.../ Бо добрага, што хачу, не раблю, а дрэннае, якога не хачу, раблю” /Рым. 7: 14-15/.

У другім выпадку, калі пад дэмакратыяй разумець уладу большасці над меншасцю (а працэдура дзялення на большасць і меншасць вызначаецца механічна, наборам так ці інакш пададзеных галасоў), то ўзнікае супярэчнасць паміж фармальнай дэмакратыяй, з аднаго боку, гістарычнай праўдай, маральнымі імператывамі і, шырэй, духоўнасцю, гэта значыць, культурай, з другога боку. Бо відавочна, што носьбітам і гарантам духоўнасці, маральных, рэлігійных па свайму паходжанню імператываў, гэта значыць, культуры, з'яўляецца не механічная большасць грамадзян, а інтэлектуальная эліта нацыі, духоўная арыстакратыя настаўнікаў народа. Гэтую антыномію раскрыў расійскі філосаф Мікалай Бярдзьеў. Ён пісаў: “Давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собой в мир. От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности”. [1]

1.2. Прапанаваная мною праблема антыноміі паміж фармальна зразуметай дэмакратыяй і культурай — гэта не ёсць гульня ў лагічныя дэфініцыі. Гэта і сёння — праблема выжывання цэлых народаў і рэгіёнаў, асабліва тых, хто ў апошнія стагоддзі аказаўся адсунутым з авансэны сусветнай гісторыі. Сярод іх — беларусы. У Беларусі трыста гадоў (пасля раздзелу Рэчы Паспалітай ў 1772-1775 гг.) панавала Расійская імперыя. Яна не прызнавала гістарычнай, нацыянальнай і культурнай самастойнасці беларусаў. праводзіла палітыку (адкрытую пры царызме і замаскаваную пры бальшавізме) на геапалітычны і этнакультурны “аншлюс” Беларусі, на “сляянне” самабытнай беларускай

мовы з міфічным “единым русским литературным языком” усходніх славян. У выніку пры канцы ХХ ст. на Беларусь абрынуўся яшчэ адзін, духоўны “Чарнобыль” — выцясненне нацыянальнай мовы і культуры з штодзённага быцця большасці народа, разбурэнне нацыянальнай ментальнасці на масавым узроўні. У такіх умовах вырашэнне нацыянальна-культурных праблем у Беларусі павінна ўлічваць нацыянальную экзистэнцыю народа ў трох яе вымярэннях — сучаснасці, мінуўшчыны і будучыні. Тут непрыёмальныя, больш таго, амаральныя метады фармальнага рэфэрэндуму, на чым настойваюць нашыя апаненты — неабальшавікі, радыкальныя лібералы расійскай арыентацыі, урэшце, прыхільнікі рэстаўрацыі Расійскай імперыі. Спекулюючы на нізкай нацыянальнай свядомасці большасці дэпутатаў Вярхоўнага Савета і дзяржаўнай бюракратыі, сфармаваныя яшчэ пры бальшавіцкай уладзе, яны імкнуцца надаць расійскай мове статус “другой” дзяржаўнай мовы. У сённяшняй сітуацыі, калі беларуская мова толькі пачынае сцвярджаць сябе ў якасці дзяржаўнай, а ў палітычных, эканамічных, адукацыйных сферах усё яшчэ пануе расійская мова, прыняцце такой папраўкі да закона аб мовах азначала б узмацненне ранейшай палітыкі падаўлення беларускай культуры, якая мае за сабой тысячагадовую традыцыю, прывяло б да падзелу грамадства па моўна-культурных прыкметах.

Вось чаму мы не можам пагадзіцца з аднабокай трактоўкай дэмакратыі як выключна “правоў асобы” (дакладней, правоў індывідуальных, бо чалавечая асоба ўвасабляе духоўныя каштоўнасці нацыі і праз яе — чалавецтва) без уліку правоў народаў. На апошнім, трэцім з’едзе Беларускага Народнага Фронта /29-30 траўня 1993 г./ лідэр гэтага руху Зянон Пазыняк справядліва адзначыў, што дэмакратыя ёсць гарманізацыя правоў індывідуальных і права нацыі на самавызначэнне, іх парытэтнасць.

1.3. З нашага аналізу вынікаюць наступныя высновы:

а) дэмакратыя ёсць супярэчлівая па сваёй сутнасці грамадска-палітычная сістэма, яна раскрываецца ў разнастайных формах, забяспечвае сваю стабільнасць няспынным удасканаленнем, метадамі селекцыі, дапасаваннем да менталітэту і культурных традыцый асобных рэгіёнаў і нацыяў;

б) няма абстрактнай дэмакратыі, прыгоднай для ўсіх народаў і рэгіёнаў. Таму простая экстрапаляцыя, механічны перанос дзяржаўных, сацыяльна-эканамічных і духоўных структур з аднаго рэгіёну на іншыя рэгіёны, якія адрозніваюцца ад “рэгіёна-экспарцёра” дэмакратыі тыпамі сваёй культуры і гістарычнымі традыцыямі, вядзе да рэгіянальных крызісаў, а затым — да сур’ёзнай дэстабілізацыі міжнароднай эканомікі, палітычнай і культурнай сітуацыі.

в) нацыянальная культура — родная мова, гістарычныя традыцыі, іншыя феномены культурнай спадчыны адносяцца да каштоўнасцей маральнага зместу, у пэўным сэнсе святых. Яны ёсць уласнасць не толькі сённяшніх пакаленняў грамадства, а ўсяго народа ў яго гістарычнай глыбіні, гэта значыць, таксама мінулых і будучых пакаленняў. Вось чаму

сёння, калі адбываецца адраджэнне дзяржаўнасці Беларусі, праблемы яе культуры не могуць вырашацца механічнай большасцю галасоў. Мы павінны ўлічыць тут “галасы” нашых продкаў, выяўленых у класічнай літаратуры, у заветах прарокаў нацыянальнага Адраджэння Ф. Скарыны, Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, у думках-марах У. Караткевіча, М. Танка, В. Быкава, іншых пісьменнікаў, мастакоў, мысляроў. Адным словам, нацыянальная культура — гэта сфера добра і маральнага абавязку, і рашэнні тут павінны прымацца паводле заключэнняў экспертаў нацыянальнай эліты.

2. Я ўжо казаў пра нацыянальныя і рэгіянальныя аспекты тых супярэчнасцяў, якія ўзнікаюць пры экстрапаляцыі стандартных форм і метадаў дэмакратыі на сферу культуры. У другой частцы свайго выступлення эскізна закрану агульналюдскі, міжнародны аспект гэтых антыноміяў.

2.1. Вядомыя філосафы і пісьменнікі розных краін (Ж.-Ж. Русо ў Францыі, Г. Гегель, Шпенглер у Германіі, Л. Толстой, М. Данілеўскі і К. Леонцьеў у Расіі) даказалі, што духоўны прагрэс у сферы культуры асінхронны сацыяльна-эканамічнаму і палітычнаму прагрэсу, які завяршаецца стабілізацыяй дэмакратыі. Паводле думкі Леонцьева, нацыянальная, рэгіянальная культура і сусветная цывілізацыя праходзяць тры гістарычныя стадыі: перыяд першапачатковай прастаты (этнаграфічная, народная стадыя культуры), затым перыяд “сложнага цветення” (складанага квітнення), якую можна назваць эпохай класічнай культуры, і ўрэшце, заключны перыяд “вторичнага смесительнага упрощення” (паўторнага спрашчэння), гэта значыць, эпоха крызісу культуры. [2] На апошнім этапе адбываецца ўтылізацыя раней створаных духоўна-мастацкіх і навукова-тэхнічных адкрыццяў, наступае “дэмакратызацыя”, а па сутнасці плебеізацыя культуры: выцясненне яе элітарных, класічных здабыткаў шматлікімі варыянтамі масавай культуры, пазбаўленай духоўнага зместу, сакральна-этнічных сэнсаў і сімвалаў.

2.2. Дык вось, парадаксальнасць і антынамічнасць гэтай асіметрычнасці паміж культурай і палітычным прагрэсам заключаецца ў тым, што першыя два, узыходныя перыяды культуры сфармаваліся ў рэгіёнах хрысціянскай цывілізацыі да наступлення развітых формаў дэмакратыі, а трэці, зыходны этап паўторнага спрашчэння культуры пачаўся ў эпоху росквіту парламентарызму, радыкальнага лібералізму і сацыял-дэмакратызму. Ёсць безліч аргументаў на карысць гэтай высновы. Напомню, што класічная культура ў Італіі, Англіі, Германіі, Францыі сфармавалася ў XV—перш. пал. XIX ст. ва ўмовах феадалізму, каралеўскай ды імператарскай улады, ва ўсходнеславянскім рэгіёне — у XIX — першай пал. XX ст. пад уладаю Расійскай імперыі і бальшавіцкай дыктатуры. Праўда, у XVII-XIX стст. поруч с фармаваннем класічных культур пачаўся працэс разбурэння рэгіянальнай і нацыянальнай шматграннасці еўрапейскай культуры, яе рэдукцыі да некалькіх так званых “вялікіх культур” былых імперскіх нацыяў. Дэнацыяналізацыя

самабытных рэгіёнаў была першай прыкметай спрашчэння культуры. Аднак у XVII-XIX стст. дэнацыяналізацыя закранула толькі паверхневы, функцыянальны пласт культуры (дзяржаўнае кіраванне, кнігадрукаванне, школу, сацыяльную і бюракратычную эліту); этнічнае, пераважна сялянскае ядро захавала моўна-культурную самабытнасць і здольнасць да нацыянальнага адраджэння.

2.3. Найбольшыя страты рэгіянальным культурам і духоўнай самабытнасці нацыянальных меншасцяў у XX ст. прынесла апошняя ў Еўропе імперыя, якая адрадзілася ў былой царскай Расіі на аснове камуністычнага месіяства. Тут ідэалогія пралетарскага інтэрнацыяналізму ва ўмовах бальшавіцкага тэрору вырадзілася ў банальную русіфікацыю, разбурэнне самабытных рэгіянальных культур і нацыянальных ментальнасцяў. Пры гэтым у шматнацыянальных рэгіёнах на масавым узроўні навязваўся атэістычны, пазбаўлены духоўнага зместу люмпенпралетарскі менталітэт. Такія гвалтоўныя метады пераходу ад арганічных рэгіянальных культур да прамыслова-тэхнічнай “цывілізацыі” ў яе савецкім, па сутнасці дзяржаўна-капіталістычным варыянце моцна падарвалі шматвяковыя культурна-нацыянальныя традыцыі карэнных народаў усходнееўрапейскага рэгіёну, асабліва беларусаў і ўкраінцаў, і амаль цалкам зліквідавалі народныя культуры нацыянальных меншасцяў — яўрэяў, татараў, цыганаў.

Было б, аднак, памылкова думаць, быццам бы з распадам сусветнай сацыялістычнай сістэмы працэс адраджэння нацыяў і рэгіёнаў, аднаўленне шматгалоснай сімфоніі сусветнай культуры забяспечаны аўтаматычна. Гвалтоўнасць былой бальшавіцкай дыктатуры зусім не азначае, быццам былая сацыялістычная сістэма выпадала з агульнай тэндэнцыі сучаснай урбаністычнай цывілізацыі да татальнай стандартызацыі, да нівеліроўкі нацыянальнай і рэгіянальнай самабытнасці, урэшце, да ўніфікацыі не толькі эканамічных і сацыяльна-палітычных структур, але і духоўных каштоўнасцяў і культурных арыентацыяў на масавым узроўні. Вопыт і логіка кажуць нам: калі прагрэсіўнасць стандартызацыі эканамічнай сферы вельмі адносна і сёння ўжо праблематычная, а ўніфікацыя сацыяльна-палітычных структур шкодна і нават небяспечная, то стандартызацыя духа — смяротная для культуры...

3. З усяго сказанага вынікаюць наступныя асцярожныя прагнозы:

3.1. Місія кожнай гістарычнай нацыі заключаецца ў тым, каб стварыць і развіць сваю самабытную культуру, данесці яе да ўсяго чалавецтва і гэтым самым удзельнічаць у духоўным пераўтварэнні сусвету. Рух за культурна-нацыянальнае адраджэнне цэлых народаў, рэгіёнаў і нацыянальных меншасцяў ёсць заканамернасць і прыкмета нашай эпохі. Ён заслугоўвае падтрымкі дзяржаў-лідэраў са стабільнай эканомікай і культурай. Аднак і для гэтых апошніх духоўнае адраджэнне ёсць наканаванне часу: яно неабходна для таго, каб стварыць больш высокі тып культуры на аснове далучэння сваёй нацыі да элітарнай класічнай традыцыі ўсіх іншых народаў.

3.2. Наш аптымізм грунтуецца на аспірожным прагнозе, паводле якога ў XXI-м стагоддзі наступае не толькі посткамуністычная, але і посткапіталістычная і постіндустрыяльная эпоха, калі будуць пераадолены аднабаковасць і камуністычнага таталітарызму, і буржуазнага індывідуалізму, і, нарэшце, сучаснага матэрыялізму ў яго жыццёва-бытавым сэнсе. Палітычная, гандлёва-прамысловая і грашовая эліта ўступіць пяршыньства эліце інтэлектуальнай і духоўнай, а стыхія сучаснай недасканалай дэмакратыі з яе тэндэнцыямі да алігархіі і анархіі, магчыма, будзе абмежавана і звязана духоўным аўтарытэтам.

1. Бердяев Н. *Філасофія неравенства*. - Паріж, 1970 г. С. 217

2. Леонтьев К. *Восток, Россия і славянство*. Сб. статей. Т. I. М., 1885. С. 137-148.

Уладзімір Арлоў

РЭЦЫДЫВЫ ФАЛЬСІФІКАЦЫІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД БУДАЎНІЦТВА НЕЗАЛЕЖНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

Ці трэба кагосьці пераконваць, якую велізарную ролю ў існаванні любой краіны адыгрывае гістарычная свядомасць яе грамадзянаў? Асабліва шмат прыкладаў дае XX ст. — драматычны перыяд глабальных войнаў, распаду імперыі і ўзнікнення новых дзяржаў. Для Беларусі на яе шляху да нацыянальнае кансалідацыі і паўнацэннага дзяржаўнага жыцця праблема гістарычнай памяці народа мае асаблівую актуальнасць.

Расейская, а ўслед за ёю савецкая гісторыяграфія мэтанакіравана і не без поспеху ўкаранялі казку пра тое, што Расея не мела калоніяў. Гісторыкам і, вядома, палітыкам дапамагала ў гэтым адметнасць створанай царызмам і атрыманай у спадчыну бальшавікамі каланіяльнай імперыі, якая, у адрозненне, напрыклад, ад Брытанскай, была кантынентальнаю. Геаграфічная, а асабліва этнічная і канфесійная (як у выпадку з Беларуссю і Украінай) блізкасць метраполіі давала магчымасць не толькі маскіраваць каланіяльную эксплуатацыю, але і навізваць паняволенаму народу чужую гісторыю з чужымі героямі. Урэшце гэта выходзіла комплекс “малодшага брата”, іначай кажучы, комплекс нацыянальнай непаўнавартасці, з праявамі якога мы асуджаныя сустракацца сёння літаральна на кожным кроку: і на побытавым узроўні, і, так бы мовіць, у высокіх палітычных сферах, калі з трыбуны сесіі Вярхоўнага Савета беспакарана зневажаюцца нацыянальна-дзяржаўныя сімвалы, ставіцца пад сумненне дзяржаўны статус беларускае мовы або гучыць заклік разабрацца з аўтарамі публікацый,

што абвяргаюць замшэлыя гістарычныя стэрэатыпы.

Да самага нядаўняга часу ў афіцыйнай беларускай гістарычнай навуцы непадзельна панавалі міфы і схемы, створаныя не толькі ў 30-я гады, але нярэдка яшчэ расейскімі дваранскімі гістарыёграфамі. Гісторыя была перакуленай у мінулае палітыкай. Таталітарнаму рэжыму яна была патрэбная не як навука, а як паслугачка прапаганды, і клопаты нашых афіцыйных “герадотаў” вельмі нагадвалі дзейнасць чыноўнікаў “міністраўства праўды” з вядомай антыўтопіі Дж. Оруэла.

У выніку ў школьных і інстытуцкіх падручніках гісторыі Беларусі амаль цалкам адсутнічала палітычная і ваенная гісторыя, замоўчваліся імёны дзесяткаў выдатных гістарычных дзеячоў, і святкаваў перамогу прынцып “мінулае без герояў”. Затое з падручнікаў можна было даведацца пра існаванне “адзінай старажытнарускай народнасці” або пра “заваёву беларускіх земляў літоўскімі феодаламі”. Міф пра адзіную народнасць быў створаны дзеля абгрунтавання адвечных прэтэнзій Масквы на беларускія і ўкраінскія землі. Выдумка пра “літоўскую заваёву” закліканая адмовіць беларусам у праве называцца дзяржаўным народам, хоць якраз беларускія землі былі стваральным ядром магутнай сярэднявечнай дзяржавы — Вялікага Княства Літоўскага, а беларуская мова на працягу трох з паловаю стагоддзяў мела ў ім статус дзяржаўнай.

Аўтары падручнікаў і, здавалася б, сур’ёзных навуковых манаграфій усяляк апраўдвалі захопніцкую палітыку расейскіх цароў, праваслаўе абвяшчалі прагрэсіўным, а ўсё звязанае з каталіцтвам або ўніяцтвам, паслядоўнікамі якога напрыканцы XVIII ст. было каля 80% насельніцтва Беларусі, малявалася чорнымі фарбамі. Актам выключнага прагрэсіўнага значэння абвяшчалася і здзейсненае шляхам акупацыі далучэнне беларускіх земляў да Расеі за часамі Кацярыны II. Кожнаму беларусу безліч разоў даводзілася чытаць і чуць з розных трыбун, што яго зямля была, маўляў, самай адсталай ускраінай царскай Расеі, хоць на пач. XX ст. у беларускіх губернях хутка развіваўся капіталістычны ўклад, у той час, як многія мільёны расейскіх падданных, да прыкладу ў Сярэдняй Азіі, жылі яшчэ ва ўмовах феадальнага і нават родавага ладу.

Палітыка пазбаўлення народа гістарычнай памяці як частка агульнай палітыкі дэнацыяналізацыі і русіфікацыі праводзілася не толькі праз сістэму адукацыі і сродкі масавай інфармацыі, але самымі рознымі метадамі. Дастаткова сказаць, што ў 35 гарадах і 24 мястэчках Беларусі існавалі (а большасць з іх існуе і цяпер) вуліцы, названыя імем графа Аляксандра Суворова, які для беларусаў найперш з’яўляецца душыцелем нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 г. Напэўна, дагэтуль шмат хто з беларусаў і з нашых гасцей, ходзячы па менскіх вуліцах імя бальшавікоў Мяснікова, Ландара і Кнорына, думаюць, што гэта заслужаныя перад Беларуссю асобы, хоць у сапраўднасці яны рашуча і паслядоўна змагаліся супраць ідэі беларускай дзяржаўнасці. Або яшчэ адзін красамоўны прыклад: толькі напрыканцы 80-х, праз 125 гадоў пасля смерці нацыянальнага героя Кастуся Каліноўскага савецкая цэнзура з зубоўным скрыгтаннем дала дазвол на публікацыю ягоных

перадсмяротных “Лістоў з-пад шыбеніцы”. Ці трэба здзіўляцца, што для большасці насельніцтва Беларусі айчынная гісторыя па-ранейшаму пачынаецца з тых часоў, калі піва было таннейшае.

Але, нягледзячы на ўсе перашкоды, якія часта з’яўляліся ў абліччы супрацоўнікаў КДБ, у 70-я і асабліва ў 80-я гады, гістарычная, а значыць, і нацыянальная свядомасць беларусаў няўхільна расла. У вельмі значнай ступені да гэтага прычыніліся гістарычныя раманы і аповесці Ул. Караткевіча, навуковыя даследаванні і кнігі гісторыкаў М. Улашчыка, М. Ткачова, братоў Грыцкевічаў, Г. Кісялёва, Г. Кахановіча, А. Мальдзіса і іх больш маладых калегаў. (Некаторым з гэтых людзей сістэма ўмела дапамагла не дажыць да сённяшняга дня.) З пачаткам так званай “перестройкі” праўда пра “белыя плямы” беларускай гісторыі стала ўсё часцей прарывацца на старонкі перыёдыкі. Партакратыя, якая прывыкла разглядаць гісторыю як сваю ўласнасць, аператыўна занялася арганізацыяй адпору. Па рэспубліканскіх газетах пратупалі цэлыя батальёны вытрыманых у духу 30-х гадоў артыкулаў, што мелі на мэце дыскрэдытаваць як нацыянальна-патрыятычныя маладзёжныя аб’яднанні “Талака” і “Тутэйшыя” або гістарычна-асветніцкае таварыства “Мартыралог Беларусі”, так і асобных літаратараў і вучоных.

Як дзейнічала гэтая сфармаваная пад дахам ЦК КПБ “група адпору” ведаю на ўласным прыкладзе. Калі ў 1988 г. мне ўдалося надрукаваць у маскоўскай “Літаратурнай газете” артыкул “Когда краснеет Клио”, прысвечаны праблеме гістарычнай памяці (дакладней, беспам’яцтва) беларусаў, апрача аглабельных водгукаў у рэспубліканскай прэсе, пасля чаго аўтара пачалі цягаць па розных кабінетах, рэдакцыя атрымала з Менска цэлы пакет вытрыманых у дырэктывым духу лістоў за подпісамі людзей з навуковымі ступенямі і з ганаровымі званнямі, якія трафарэтнымі фразамі выкрывалі аўтара ў тым, што ён “ввел в заблуждение всесоюзную общественность” і патрабавалі ад “Літгазеты” “принять меры”. Асабліва дарагой для мяне ў гэтай высокаінтэлектуальнай карэспандэнцыі была адна драбніца: слова “экстрэміст” адразу двое аўтараў абураных лістоў напісалі з аднолькавай памылкаю “экстэрміст”.

Цікавы выпадак адбыўся і пасля публікацыі ў “ЛГ” дыялогу з чыгачамі, што быў своеасаблівым постскрыптумам да артыкула “Когда краснеет Клио”. Як мне памятаецца, гэты дыялог з’явіўся ў газеце праз два дні пасля раз’яўнення ўладамі мітыngu на Дзяды 1988 года. Уранні я купіў у кіёску газету, потым у мой выдавецкі кабінет прыйшоў лейтэнант міліцыі, які склаў на мяне ўжо другі пасля мітыngu пратакол за пражыванне ў Менску без прапіскі, а ўдзень пацягнулі ў адзін даволі высокі кабінет, дзе істэрычная дамачка-ідэолаг крычала прыкладна наступнае: “Вот полюбуйтесь на этого Орлова. Только вчера мы разбирались по его возмутительному поведению в Куропатах, а сегодня он печатает статью в “Литгазете”. Напэўна, ёй уяўлялася, што Арлоў прыйшоў з учарашняй разборкі дадому, накатаў у “ЛГ” артыкул, а

назаўтра яго — раз і надрукавалі.

Пасля абвешчэння Беларуссю дзяржаўнае незалежнасці сітуацыя, паводле логікі рэчаў, павінна была кардынальна змяніцца. Уяўлялася, што скіраваныя на дэміфалагізацыю мінулага намаганні пісьменнікаў, гісторыкаў і журналістаў не будуць сустракаць перашкодаў, прынамсі, з боку дзяржаўных структур. І сапраўды, нейкі час супроцьдзеянне мела даволі маргінальны характар, выяўляючыся пераважна ў выглядзе вылазак “апанентаў” у малатыражных ведамасных выданнях або ў бульварных неабальшавіцкіх газетках.

Але вось, як сказаў бы М.С.Гарбачоў, “працэс пайшоў”: з’явіліся першыя новыя падручнікі; гісторыя Беларусі з неабавязковага дадатку да гісторыі СССР ператварылася ў школьных праграмах у самастойную дысцыпліну; выдавецтвы прапанавалі чытачам некалькі дзесяткаў навукова-папулярных і мастацкіх кніг гістарычнае тэматыкі — як новых, так і замкнёных раней у спецсховішчах працаў У.Ігнатоўскага, В.Ластоўскага, А.Смоліча і інш. Хачу выказаць спадзяванне, што значны ўклад у дэмантаж гістарычных міфаў у англамоўным свеце ўносіць кніга ўдзельніка нашага кангрэса доктара Янкі Запрудніка “Беларусь на гістарычных скрыжаваннях”. Такім чынам, “працэс пайшоў”, і апаненты, а дакладней, праціўнікі нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння ўзяліся за сваю, трэба прызнаць, ядрэнна скаардынаваную справу.

Спачатку газета “Советская Белоруссия” ў адным з лютаўскіх нумароў за гэты год праяўляе пільную цікавасць да апавяданняў з гісторыі Беларусі, што публікаваліся ў часопісе міністэрства адукацыі “Пралеска”. Змест і пафас артыкула зразумелы ўжо з яго назвы — “Урокі ужасоў для дошколаў”. Аказваецца, паведаміўшы пра крываваыя подзвігі маскоўскага цара-тырана Івана Грознага ў гады Лівонскае вайны часопіс — ні многа, ні мала — пасеяў у дзіцячых душах пачуццё страху і нянавісці да ўсяго братаў рускага народа. З абсурднасці такіх высноў можна было б толькі пасмяяцца, каб не іх вынік: “Пралеска” спыніла публікацыю працягу гістарычных апавяданняў. Апрача таго, у рэдакцыю з’явіўся чалавек, які адрэкамендаваўся, здаецца, інспектарам міністэрства, і забраў ужо падрыхтаваныя да друку мае тэксты на нейкую экспертызу.

Услед за вокрыкам “Советской Белоруссии” грозныя абвінавачванні ў адрас аўтараў падручнікаў, гісторыкаў, выдаўцоў і пісьменнікаў, а таксама парламенцкай камісіі па адукацыі і культуры прагучалі на сесіі Вярхоўнага Савета. Яго орган “Народная газета” 27 красавіка 1994 г. друкуе адразу два артыкулы народных дэпутатаў ад ветэранскай арганізацыі В.Сарокіна і І.Някрасава. Першы з іх, у прыватнасці, безапеляцыйна піша: “А што касаецца гісторыі, то... яна зараз прызначана выхавальніцай у дзяцей “беларускую нацыянальную і гістарычную свядомасць”. Гэта значыць — фарміраваць у школьнікаў образ ворага ў лице Расіі, паталогічную нянавіць і чужыню прыватнасці па адносінах да рускаму народу, спосабаваць разжыганню нацыяналь-

ной вражды". Далей фігуруюць імёны вядомых палітыкаў і гісторыкаў З.Пазняка, А.Трусава, Ю.Хадыкі і аўтара гэтага выступлення, які ў такім суседстве пачуваецца, трэба прызнаць, даволі ўтульна. Характэрна, што дэпутат Сарокін заклікае зусім не да навуковай палемікі і звяртаецца не да навуковых аўтарытэтаў. Як у "добрыя старыя часы" ў пошуках гістарычнай праўды ён апелюе да "правоохранительных органов", якія разам з парламентам, сродкамі масавай інфармацыі і "всем обществом" павінны спыніць "националистический беспредел". Нельга не заўважыць і тое, што словы "беларуская нацыянальная і гістарычная свядомасць" аўтар артыкула ў "Народнай газеце" бярэ ў двукоссе. Для яго такіх паняццяў увогуле не існуе або яны маюць адназначна адмоўны і небяспечны змест.

Застаецца дадаць, што ўсё гэта адбываецца ў час, калі пэўныя колы і ў Беларусі і па той бок яе ўсходняй мяжы бачаць сны аб пераўтварэнні маладой незалежнай дзяржавы ў нешта накшталт расейскай губерні або колішняга "Северо-Западного края".

І апошняе. Вазьму на сябе смеласць сказаць, што наша пакаленне літаратараў і гісторыкаў, з'явы, пра якія ішла гаворка, не кідаюць у роспач або дэпрэсію. Яны ўспрымаюцца як своеасаблівы ганарар і стымул для далейшага слугавання суровай і патрабавальнай музе Клію.

Борис Луценко

К ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА

Нас долго держали в клетке, — почти 73 года, и каждый из нас, не претендуя на оригинальность, долго воспринимал окружающий мир как зверинец. Кто-то смирялся с судьбой и с подачками странного этого зверинца "СССР", кто-то рычал, огрызался, бросался на прутья клетки и даже иногда их разламывал... И его чаще всего возвращали на место мощной струей воды... И переводили в другую клетку — побольше или поменьше, но каждый, хотел он этого или не хотел, знал свое место. По крайней мере, каждому место было определено...

И вдруг открылась клетка. Нас всех выпустили из нее: мол, бегайте, прыгайте, лазайте, развивайтесь... разъединяйтесь, объединяйтесь, кричите, пишите, ставьте спектакли... И люди, которые за семьдесят три года привыкли к строго определенному образу жизни ("шаг влево, шаг вправо расценивается как попытка к бегству"), растерялись совершенно искренне. Люди оказались вне системы! Крики и драки друг с другом выявили, что у многих смысл жизни оказался потерянным! За короткий период "свободы от клетки" некоторые попытались даже если не прожить, то смоделировать для себя мир воли вольной и попытаться найти что-то (я подозреваю, что самого себя) в

этом мире-модели, но чаще всего предпочитали делать то, что проще: отрицать, разрушать до основания, следуя прочно усвоенному с детства или молодости, а затем... А затем наступила эпоха какого-то всеобщего разрушения и СССР, огромная клетка рассыпалась... на много-много маленьких и побольше, независимых и очень независимых... клеток. В Грузии и Абхазии, на Украине и в России, в Таджикистане и Узбекистане, даже в Литве и Латвии, этих маленьких оазисах спокойствия и культуры, пролилась кровь. Человеческая кровь! И только в Беларуси (тьфу-тьфу-тьфу), которую я имею честь представлять сегодня, — при всей консервативности, непоследовательности и глупости людей, стоящих у власти, кровь не лилась. Все оставалось пристойно-спокойным. Я могу сослаться и на толерантность белорусов, — это их историческая черта, и сами они часто относятся к ней иронически; я могу и пофантазировать, предрекая великое будущее их терпению и доброжелательности; я могу, наконец, сослаться на Чернобыль, потому что пережив чернобыльскую катастрофу, белорусы, точнее, вся нация, как бы заглянули за черту земного бытия... Все! И в то же время проблемы, которые существовали в огромном СССР, переместились в независимые республики, оставшись нерешенными, открытыми. В белорусских театрах теперь можно ставить что угодно, но вечный вопрос — как? Театральное пространство сузилось, сократилось, съежилось, как шагреновая кожа. А наш большой корабль-общество, независимый политически, юридически и по-всякому, застрял посреди озера (на мели), но всем предлагается думать, что корабль плывет и плывет по океану. Что же происходит с театрами? В театрах?

Парадоксально, но факт: переживая самые мощные за последнее время кризисы (политический, социальный, экономический, производственный), Беларусь, объявленная зоной национальдного экологического бедствия, открывает новые театры: в Молодечно, Слониме, Мозыре, Минске, Витебске (вместе с кукольными их шесть), — базой для них послужили крепкие народные (любительские) коллективы. В Минске из двух десятков студий стабильно работают, выжив благодаря своим идеям и, частично, поддержке республики, театр-студия “Дзе-Я” Николая Трухана, театр-студия Рида Талипова, Альтернативный театр Витаутаса Григалюнаса и Леонида Динерштейна, театр-студия пантомимы “Жест” Вячеслава Иноземцева, Белорусский поэтический театр одного актера “Зьніч” Галины Дягилевой, театр-студия Виталия Барковского, театр-лаборатория национальной драматургии “Вольная сцена”. До недавнего времени существовали даже театр-студия исторической драмы при Доме литераторов и экспериментальная студия “Арт”. Энтузиасты? Но ведь и профессионалы! И профессионалы надежные, профессионалы самых искренних, самых честных художественных притязаний! А между тем проблемы существовавших театров как бы поровну разделились на вновь возникшие: и для национальных, и для академических, и для студийных театров...

Раньше я понимал, что театр — это место, где можно нарушить

благополучие общества (пускай кажущееся), — понимал, ориентируясь, между прочим, на самого Немировича-Данченко, ведь именно он утверждал, что в театр идет человек более или менее благополучный, у которого надо разбудить совесть. И вдруг сегодня мы видим, что зритель приходит в театр растревоженный так, что первые десять минут даже не может толком сосредоточиться на сценическом действии, не оставляя мыслей об инфляции, непонимания политики правительства, межпартийных войн и т. п. Поэтому мне кажется, что сегодняшняя задача театра — немного успокоить людей на спектакле. В чем-то, естественно, это пересекается с поисками Мейерхольда: как ввести зрителя в действие? На малой сцене Русского театра Беларуси идет спектакль “Перепетуум мобиле, или Вечер еврейского анекдота”, где в условном третьем акте зритель имеет возможность запросто пообщаться с артистами, а артисты даже сидят со зрителями за одним столом; теперь мы всерьез думаем о лечебном спектакле, — о взаимном общении, о деликатном диалоге, который поведет ко взаимному очищению. Это будет лечение человеческой души посредством серьезного поднятия проблем человеческого бытия.

Я не буду оригинален, когда от проблем художественных, художественных перейду... да хоть бы к нашим гастролям. Раньше любой театр Беларуси мог выехать в любую точку страны. Если взглянуть на карту гастрольных маршрутов Русского театра Беларуси, то они, мы увидим, протянулись от Грузии до Эстонии, от Сибири до Германии, от Новосибирска до Венгрии. А сейчас театр вынужден работать только в одном городе — Минске. Выезд в белорусский город Витебск уже проблематичен. А в соседний Вильнюс, историческую столицу белорусов, он вообще осуществляется по визе, зарубежному паспорту и с соблюдением всех погранично-таможенных формальностей. Театр не может себе позволить поехать даже в Москву, даже в Екатеринбург (бывший Свердловск), — а ведь там ждут, приглашают... Театру катастрофически не хватает средств к существованию. Гастроли, естественно, я привел толком как один из многих примеров. Государство Беларусь не в состоянии теперь содержать свои театральные национальные гордости или поддерживать необходимый для любого театрального развития студийный эксперимент. И поэтому, не успев поддержать открывшиеся театры, художественные идеи и людей, которые эти идеи более или менее удачно воплощают, мы уже живем под страхом закрытия всех и всего. Месячная зарплата моих неведущих артистов равняется двенадцати долларам. Моя, как руководителя театра, — двадцати пяти.

По-прежнему остро стоит проблема театрального образования, качества актеров и режиссеров, которые готовятся у нас в отрыве от ежемесячной сценической практики. Моя идея о создании на базе Русского театра режиссерской школы встретила понимание и нашла поддержку, но отнюдь не финансовую. У республики на это денег нет. Хотя нет денег и на многое другое. Зато есть уже и в Беларуси толковые предприниматели, готовые вкладывать деньги в культуру, но я тут же сошлюсь на мнение

одного из этих практичных и неравнодушных людей: он утверждает, что “система налогового законодательства республики Беларусь не дает возможности коммерческим структурам спонсировать и науку, и медицину, и образование, и культуру, и особенно искусство, — последнее, что у нас осталось, последнее, на что можно опереться, чтоб не было еще одного “потерянного поколения”, коих несколько уже выросло и возмужало в нашей стране. Коммерческие структуры уже сегодня могут спонсировать и кино, и телевидение, и театр, но... за счет своей прибыли! И только! Это спонсорство становится неэффективным, потому что средства из прибыли используются на что-нибудь другое: строительство, расширение мощностей, соцкультбыт и т. д. Весь цивилизованный мир имеет общественные фонды, и налогоплательщик, вкладывая средства в общественные фонды, освобождается от налогов на вложенную сумму. Тем самым это налогоплательщику выгодно. А наше государство Беларусь делает все наоборот. Оно забирает средства у предпринимателя теми же налогами, а потом само их распределяет и перераспределяет, — то есть, объективно, как скупой, платит дважды, а то и трижды. И хотя предприниматели знают, что рубль, вложенный в культуру, даст десятикратный эффект, они отдают себе отчет в том, что платить из прибыли — это глупость”.

Для меня сейчас вообще очень важно, по каким моральным законам живет человек. Если по закону “после нас — хоть потоп”, потому что “после смерти со мной умирает все”, у меня не много общих тем найдется с ним для разговора в театре. Ведь тогда, по идее, мы все живем правильно. Но если придерживаться другой философии, по которой со смертью человек переходит в другую жизнь, неведомую нам, и душа приобретает новые воплощения, тогда все мы, и я в том числе, живем неверно — не по законам души. Поэтому еще одну задачу театра в моем понимании я сформулирую так: вернуть человека к мыслям о душе, о духовности. И мне кажется, что в этом театре и пересекается, и даже объединяется с церковью, — это “кафедра, с которой можно сказать миру много добра”. Так утверждал Гоголь. Тот самый Гоголь, чья драматургия, не сходя с афиш лучших театров мира, ждет самых новейших, и, возможно, самых добрых, гениально-добрых своих воплощений.

ВИТЕБСК, МАРК ШАГАЛ И ТОТАЛИТАРНАЯ СИСТЕМА

Трудной и долгой была дорога возвращения Марка Шагала в родной Витебск. Она затянулась на многие годы и стала борьбой за имя художника, за дом, в котором он жил и который чудом сохранился в огне войны. И то, что не порушила, не смогла уничтожить война, пыталась уничтожить сама система. Есть у меня такие строки:

*Домик Шагала —
небесное семя —
время шатало,
как землетрясенье.
Не расшатало
силой бесовской
Домик Шагала
на Старой Покровской.*

Этой “силой бесовской” стала сама система и ее служители.

Особой остроты борьба за Шагала, за его Дом в Витебске достигла в канун празднования столетия великого художника, когда весь мир собирался отдать дань уважения и признательности великому современнику.

Из литературного “Дневника Шагаловского года”

11 сентября 1986 г. Настроение испортил сегодняшний номер газеты “Віцебскі рабочы”. На полосе в Фонд мира мои стихи, в которых сокращены строки:

На старой ратуше прбили куранты:

“Мы расскажем тебе про Марка Шагала”...

Что, не пришла еще пора? Не надо о нем рассказывать?

.22 сентября. Написал статью “Уважение к минувшему”. В ней о том, что приближается 100-летие Шагала, что гости города неизменно спрашивают о нем, они знают о том, что с Витебском связаны жизнь и творчество художника, и нам пора бы прямо и четко сказать, что мы помним и гордимся великим сыном города, где он родился, где есть дом его родителей и здание художественной школы, в которой он преподавал. Надо подумать: как отметить юбилей...

3 ноября. Утром звонок из редакции: в завтрашнем номере газеты “Віцебскі рабочы” моя статья.

Вечером звонок: по указанию обкома (зав. отделом пропаганды С.Лукашенок) статья снята...

15 декабря. На телестудии разговор с С. Лукашонок о том, почему снята статья о Шагале. Она: "Надо еще разобраться в его биографии... будем подключать ЦК и Министерство культуры, ученых..."

18 декабря. С А. Вознесенким — по Шагаловским местам Витебска, Лукашонок по телефону председателю Комитета по телев. и радиовещ. А. Савицкому: "в эфир об этом ничего не давать, о Шагале не вспоминать, ограничиться информацией о приезде поэта..."

16 января 1987. На республику — моя программа "Двина". Сюжет о Вознесенском в Витебске я превратил в сюжет о Шагале, говорит Вознесенский, а на экране фотографии и надписи: "Дом, в котором жил Шагал", "Здание художественной школы, директором которой был Шагал", на стихах — репродукции шагаловских картин.

17 января. Звонок из обкома зав. председателя А. Степанцу: срочно принести сценарий "Двины". Принесли — а в сценарии ничего не нашли...

13 февраля. М. Даниленко, зав. отделом пропаганды горкома: "Это не дом Шагала, он здесь не жил, он в Витебке не родился, мы поручили разобраться"...

3 марта. В большом зале обкома — пресс-конференция. Первый секретарь В. Григорьев отечает на вопросы журналистов. Отвечая на первый же вопрос о шефстве города над селом, он вдруг переходит на Шагала... Почему? Тоже на буку "Ш"?

По его словам, Шагал "нас политически не устраивает", "он сионист", "возглавлял самое реакционное крыло сионизма", "расписал кнессет", "ни одного доллара, ни одной картины Витебску не дал", "как можно отмечать столетие", "что скажут арабы, они тут же пришлют ноту протеста", и о каком музее может идти речь, "так еще кто-нибудь предложит поставить памятник Гитлеру", вот книжка Евсева "Фашизм под голубой звездой", передаю ее редактору областной газеты, каждый журналист должен прочесть, в ней все написано..."

Мое выступление-ответ: снова об увековечении памяти Шагала, о том, что надо отметить 100-летие, что потом будет стыдно, если мы этого не сделаем...

И твердое начальственное "нет!" под одобрительные аплодисменты президиума и большинства в зале.

6 марта. Моя полемика с первым секретарем воспринимается как мужество, как исключительный случай, а ведь это должно быть нормой поведения в демократическом государстве, где каждый имеет право голоса, право высказать свое мнение по любому вопросу на любом уровне и любому лицу...

19 марта. Говорят, что не справившись со мной и в назидание и поучение другим сторонникам Шагала, обком решил пригласить в Витебск небезызвестного "борца" с сионизмом В. Бегуна.

На его лекции в зале газеты "Витебскі рабы": он говорил, что

голубой цвет у Шагала — “это цвет израильского знамени”, что его искусство “абсолютно чуждо и искусству, и нашему народу, и белорусской культуре”, “хотят вам повесить миллионные расходы на музей”, “не надо содействовать тем, кто прытко навязывает все это”...

28 апреля. С выставки молодых у скульптора А.Гвоздикова убрали Шагала из триптиха “Гении Малевич, Шагала”... Дал команду инструктор обкома Софронов...

11 июня. На улице Дзержинского телевизионная группа из Минска делает съемки для юбилейной передачи.

Лукашенко по телефону на телестудию зам. пред. Комитета Ф.Кузнецову: “Почему снимают? Это не дом Шагала!... Кто разрешил?...”

16 июня. Краеведческий клуб при областной библиотеке решил провести заседание, посвященное Шагалу, и открыть выставку репродукций.

Л.Гудалева, директор библиотеки: “Мы ждем вас и доклад, вот только должны придти из обкома Софронов и Лукашенко, чтобы заранее посмотреть выставку...”

Звонок Гудалевой после обеда: приходили из обкома, заседание проводить запретили, клуб разогнали - не тем занимается...

22 июня. “Вечерний Минск”: “Идеологическую работу - на уровень январского (87г.) Пленума ЦК КПСС. С VIII пленума Минского горкома КПБ”. (18.06.87). В.Бовш, зав. отделом Института философии: “навязывание советским людям фальшивых авторитетов”, “крикливая кампания в связи со 100-летием художника-модерниста Шагала, связанного с Беларусью фактом рождения”, “в творческом и гражданском отношении он противостоял нашему народу”. “картина Шагала “Революция” уподобляет Октябрь 1917 года цирковой клоунаде”...

7 июля. День Шагала. Отмечает весь мир. Но есть “команда сверху”: ничего о Шагале в Витебске и в Республике... И ни слова в белорусских газетах...

2 августа. Появился первый номер журнала “Политический собеседник”. В нем статья Бегуна “Украденный фонарь гласности”. ответ читателю на вопрос о том, что мешает перестройке. И Бегун сообщает, что мешает шагаломания, что недавно побывал в Витебске и столкнулся с таким фактом: многие тут ведут разговор о Шагале, о его доме. Так вот все это ложь, потому что он родился в Лиозно”. Среди тех, кто распространяет неверные сведения и вводит народ в заблуждение, и я, цитата о Шагале из моей книги “Сквозь даль времен”...

3 августа. В Минске кампания против сотрудницы “Бел.Энц.” И.Шеленковой: она написала не то о Шагале...

В ее защиту и против вымыслов о Шагале - В.Быков, Р.Бородулин, А.Адамович, С.Алексиевич, В.Тарас...

11 августа. Ветеран войны А.Рябкин вспомнил, что когда работал в областном краеведческом музее, обсуждался вопрос в обкоме и горкоме, принимать или не принимать картины Шагала, художник хотел подарить их родному городу. Это же подтверждает бывший директор музея А.Швайнштейн и научный сотрудник Е.Кичина... Обком и горком решили: от дара отказаться...

2 сентября. В Москве открылась выставка Шагала.

В "ЛГ" в моем переводе (с идиш) и с моим вступлением письмо Шагала, его стихотворение в прозе "Моему родному Витебску". От этой публикации уже несколько лет отказывались газеты...

7 сентября. Москва, в Доме литераторов.

Прочел С.Зальгину: "Кто за Байкал, кто против поворота, а мне Шагал - труднейшая работа"... Зальгин: "Надо бороться и не поворачивать"... А.Борщоговский: "Обнимаю в честь большой шагаловской победы"... Е.Воробьев: "Спасибо вам"... М.Курганцев: "Надо бы обсудить письмо на секции переводчиков - хороший перевод"... А.Вознесенский: "Это только еще начало и только первая победа"...

18 сентября. Письмо от А.Вертинского из Пицунды (тоже за 7 сентября)... Прачытаў я тут, у Піцундзе, на старонках "Літгазеты" пісьмо Шагала ў тваім перакладзе - і ... па-першае, парадаваўся, што яно апублікавана. Па-другое... яшчэ раз засмуціўся, растроіўся ўшчэнт ад таго, што не змог надрукаваць пісьмо ў сваім "ЛіМе" (яшчэ адзін выпадак, калі праклінаеш сваё рэдактарства). Публікацыя была падрыхтавана, але... Не буду скрываць - ад былога загадчыка аддзела, то біш І.І.А. паступіў загад нічога пра Ш. не друкаваць. Потым, калі я яго ўсё ж пераканаў і ён згадзіўся, то прапанаваў свой варыянт, свайго аўтара і г. д. (а Сімановіч, - сказаў, - хай гатовіць кнігу, я памагу яму яе выдаць...) - Вось так, такая логіка). Словам, па гэтай пазіцыі я як рэдактар пацярпеў паражэнне і атрымаў сумны ўрок"...

16 ноября. В продаже - "Полит. собеседник" №5. Письма в поддержку позиции Бегуна. Только В.Тарас против: ему стыдно за город, за республику, за журнал, который обливает грязью великого мастера, политическими инсинуациями позорит его имя. И тут же статья, которая должна поставить точки, показывая, что Шагал "не наш" и "нам он не нужен". Ее подписали: художник М.Савицкий, философ М.Бовш, театровед В.Нефед и историк Малашко...

28 декабря. Недавно на семинаре секретарей партийных комитетов выступал секретарь обкома И.Наумчик. О Шагале говорил то, что написано в "Полит. собеседнике". Вспоминая о приезде в город Вознесенского, сказал, что его сопровождали и настраивали местные сионисты...

"Вицебскаму рабочаму" дана команда перевести и дать статью из "Полит. собеседника"...

Все это не было бы возможно без поддержки и указаний заве-

дующего отделом пропаганды Павлова, зав. отд. культуры Антановича, секретарей ЦК...

10 августа 1988. "ЛГ". Е.Евтушенко: о том, что в 1962 году Шагал предлагал подарить свои картины нашей стране и просил лишь только, чтобы ему дали скромный домик в родном Витебске, передал монографию с теплой надписью Хрущеву, но его помощник Лебедев, конечно, ничего не передал, и так прокомментировал картины Шагала: "Евреи, да еще и летают... Это нам не нужно"...

12 ноября. В "ЛіМе" моя статья "Ці дайшла да Віцебска перабудова?" В ней и о Шагале...

24 ноября. Встреча с перв. секр. , уже членом ЦК КПСС Григорьевым на пресс-конф. для журналистов.

40 минут он разносил меня и мою статью: "экстремистские действия Симановича", партия найдет силы, чтобы встать у вас на пути", "вы вбиваете клин между партией и интеллигенцией, между интеллигенцией и рабочим классом", "что, крови народной захотелось?..."

Вот что писала об этом голландская журналистка Лаура Старк в газете "Хандельс блад" (30 июня 1990): "Что касается Шагала, то Григорьев постепенно пришел к пониманию и его искусства. Этому, возможно, дал толчок поэт Давид Симанович, самый активный в Витебске сторонник реабилитации Шагала. Он написал разгромную статью о деятельности партийного руководства в области культуры. На одной из регулярных встреч с местной прессой Григорьев прочитал по поводу этой статьи в течение сорока минут грозную проповедь, которую раблепные журналисты выслушали в мертвой тишине. Еще не так давно такая резкая обличительная речь означала конец карьеры. Когда Григорьев дал выход своим чувствам, в течение двадцати минут выступил с ответной речью Симанович, не оставив камня на камне от выступления Григорьева. Общее замешательство. Все рассматривают носки своих ботинок. Григорьев стоял, как громом пораженный, минут пять помолчал и затем сказал: "Я думаю, что должен принести товарищу Симановичу свои извинения, я, возможно, немножко погорячился". С того времени у нас прекрасные отношения, рассказывает, смеясь, Симанович"...

29 ноября. На партсобрании в Комитете - секретарь парткома Ааратокин заклеил мою статью...

10 марта 1989. Белов, первый секр. Октябрьского райкома, на партактиве района высказывался обо мне: "вышедший из-под партийного контроля", "пописывает в "ЛіМе" и клеветает на нас". "солидаризируется с Быковым, Адамовичем, Бородулиным и другими против партии..."

... И меня несколько недель клеймили в первичных парторг. , пока я не заявил, что подаю в суд за оскорбление национального достоинства...

А солидарность с Быковым и Бородулиным принесла плоды в Шагаловских делах, в которых активно участвовали те, кого клеймили...

Все эти факты, а их можно было бы привести и больше - конкретные свидетельства войны тоталитарной системы против художника Шагала.

Наша победа в борьбе за его имя, за его возвращение в родной город далась нелегко. И забыть обо всем этом мы не должны.

Сегодня в городе готовятся IV международные Шагаловские дни. В Витебске стоит памятник великому художнику, на его доме - мемориальная доска, создается музей, трижды прошли Шагаловские чтения.

Город стремится достойно увековечить имя своего славного сына, чтобы его творческое наследие служило потомкам.

II

ДАКУМЕНТЫ

ЗАЯВА

Беларускага ПЭН-цэнтра аб скліканні Міжнароднага кангрэсу

Улічваючы становішча ў Рэспубліцы Беларусь у розных сферах дзейнасці чалавека, пагрозу фашызацыі грамадства, стан заканадаўства, крызіс каштоўнасцей, у прыватнасці ў галіне культуры, падрыхтоўку Закона аб друку ды іншых сродках масавай інфармацыі без шырокага ўдзелу журналістаў і чытачоў, зацікаўленых у дзейнасці правоў і свабодаў, недасканаласць артыкулаў ГПК Беларусі аб абароне гонару і годнасці, стан эканомікі і культуры, стан інфармацыйнай прасторы, адносіны дзяржавы да друку, супрацьлеглыя меркаванні наконт парытэту правоў чалавека і правоў нацыі, праблемы абароны пісьменнікаў і журналістаў, якія пераследуюцца на Беларусі, у краінах бліжняга і далёкага замежжа, Беларускі ПЭН-цэнтр пры ўдзеле Фонду Сораса - Беларусь вырашыў:

— склікаць Міжнародны Кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры “Постаталітарнае грамадства: асоба і нацыя”, які адбудзецца 18-20 траўня ў Менску.

Прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра,
Народны паэт Беларусі

Рыгор Барадулін

Міжнародны кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры “Посттаталітарнае грамадства: асоба і нацыя”

Спіс удзельнікаў

1. Сябры Беларускага ПЭН-цэнтра

Алесь Адамовіч	Празаік, кінасцэнарыст, дырэктар Інстытута кінамастацтва ў Маскве
Святлана Алексіевіч	Празаік, публіцыст
Уладзімір Арлоў	Празаік, паэт
Рыгор Барадулін	Прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра, народны паэт Беларусі
Данута Бічэль-Загнетава	Паэт
Янка Брыль	Народны пісьменнік Беларусі
Дзмітрый Бугаёў	Прафесар, літаратуразнаўца, крытык
Генадзь Бураўкін	Паэт, намеснік міністра культуры і друку Рэспублікі Беларусь
Васіль Быкаў	Народны пісьменнік Беларусі
Анатоль Вярцінскі	Паэт, дэпутат Вярхоўнага Савета Беларусі, намеснік старшыні Камісіі Вярхоўнага Савета па пытаннях інфармацыі і правах чалавека
Алесь Дудараў	Драматург, старшыня Саюза тэатральных дзеячаў Беларусі
Сяргей Законнікаў	Паэт, галоўны рэдактар часопіса “Польмя”
Васіль Зуёнак	Паэт, кандыдат філалагічных навук, старшыня Саюза пісьменнікаў Беларусі
Віктар Каваленка	Акадэмік, дырэктар Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Акадэміі навук Беларусі
Віктар Казько	Празаік
Адам Мальдзіс	Прафесар, прэзідэнт Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў, дырэктар Нацыянальнага цэнтра імя Ф. Скарыны
Уладзімір Някляеў	Паэт, галоўны рэдактар часопіса “Крыніца”
Пімен Панчанка	Народны паэт Беларусі
Алесь Разанаў	Паэт, намеснік галоўнага рэдактара часопіса “Крыніца”
Міхась Тычына	Кандыдат філалагічных навук, літаратуразнаўца, крытык
Карлас Шэрман	Паэт, перакладчык

II. Дадаткова ад Беларусі

Серафім Андраюк	Кандыдат філалагічных навук, дырэктар
-----------------	---------------------------------------

<i>Генадзь Бубнаў</i>	выдавецтва “Мастацкая літаратура” Паэт, публіцыст, намеснік галоўнага рэдактара часопіса “Неман”
<i>Яўген Будзінас</i>	Публіцыст, генеральны дырэктар выдавецтва “Поліфакт”
<i>Іван Бурсаў</i>	Паэт, перакладчык
<i>Генадзь Грушавы</i>	Дэпутат Вярхоўнага Савета Беларусі, старшыня дабрачыннай арганізацыі “Дзецям Чарнобыля”
<i>Анатоль Гурыновіч</i>	Намеснік старшыні Мінгарсавета
<i>Наталля Доўнар</i>	Юрыст газеты “Звязда”
<i>Аляксандр Дракахруст</i>	Паэт
<i>Леанід Дранько-Майсюк</i>	Паэт
<i>Вольга Іпатава</i>	Паэт, публіцыст, галоўны рэдактар штотыднёвіка “Культура”
<i>Анатоль Казловіч</i>	Публіцыст, уласны карэспандэнт “Літаратурной газеты”
<i>Марыя Карповіч</i>	Кандыдат філалагічных навук, дацэнт БДУ
<i>Георгій Колас</i>	Тэатральны і літаратурны крытык, публіцыст
<i>Уладзімір Колас</i>	Кінарэжысёр, дырэктар Гуманітарнага ліцэя
<i>Уладзімір Конан</i>	Доктар філасофіі, прафесар
<i>Анатоль Кудзельскі</i>	Доктар геалага-мінералагічных навук, прафесар
<i>Анатоль Кудравец</i>	Празаік, галоўны рэдактар часопіса “Неман”
<i>Алег Лойка</i>	Паэт, празаік, крытык, член-карэспандэнт Акадэміі навук Беларусі
<i>Барыс Луцэнка</i>	Рэжысёр, мастацкі кіраўнік Рускага тэатра імя М. Горкага
<i>Васіль Лушкінаў</i>	Юрыст
<i>Іван Макаловіч</i>	Дырэктар праграмы Нацыянальнага цэнтра стратэгічных даследаванняў, намеснік галоўнага рэдактара “Народнай газеты”
<i>Алесь Мікалайчанка</i>	Журналіст, су-старшыня Асацыяцыі свабодных сродкаў масавай інфармацыі
<i>Уладзімір Мехаў</i>	Празаік, журналіст
<i>Аляксей Марачкін</i>	Мастак, старшыня суполкі “Пагоня”
<i>Самсон Палякоў</i>	Кінасцэнарыст
<i>Вячаслаў Рагойша</i>	Доктар філалагічных навук, намеснік дырэктара Нацыянальнага цэнтра імя Ф.Скарыны
<i>Васіль Сёмуха</i>	Паэт-перакладчык
<i>Давід Сімановіч</i>	Паэт, тэлежурналіст, старшыня Шагалаўскага камітэта (Віцебск)
<i>Ала Сямёнава</i>	Літаратурны крытык, публіцыст
<i>Валянцін Тарас</i>	Паэт, празаік, публіцыст
<i>Дзмітрый Філімонаў</i>	Журналіст, прэзідэнт Мас-Медыя Цэнтра
<i>Павел Церашковіч</i>	Кандыдат гістарычных навук, дацэнт БДУ
<i>Вячаслаў Чамярыцкі</i>	Кандыдат філалагічных навук
<i>Наталія Шувагіна-Адамовіч</i>	Супрацоўнік Музея імя Я. Коласа

III. Замежныя ўдзельнікі

Алена Андрунас

Каардынатар Расейска-амерыканскага інфармацыйнага прэс-цэнтра, Расея

Валянцін Аскоцкі

Сябар Расейскага ПЭН-цэнтра, сакратар Выканкама Садружнасці саюзаў пісьменнікаў, сябар камісіі па памілаванню пры Прэзідэнце РФ, Расея

Яцэк Бахеньскі

Віцэ-прэзідэнт Польскага ПЭН-цэнтра, Польшча

Аркадзь Ваксберг

Сябар Расейскага ПЭН-цэнтра, публіцыст, Расея

Іван Драч

Паэт, грамадскі дзеяч, Украіна

Іон Друцэ

Празаік, Малдова

Янка Запруднік

Беларускі публіцыст, грамадскі дзеяч, ЗША

Юрый Каракін

Філософ, пісьменнік, публіцыст, Расея

Вітаўт Кіпель

Беларускі навуковец, публіцыст, дырэктар Беларускага Інстытута навукі і мастацтва, ЗША

Юрыс Кронбергс

Пісьменнік, дыпламат, Латвія

Арай Нейер

Прэзідэнт Фонда адкрытага грамадства, ЗША

Карнеліус Платэліс

Прэзідэнт Летувійскага ПЭН-цэнтра, Летува

Вольга Помар

Асацыяцыя юрыстаў, ЗША

Іна Рагачый

Пісьменніца, праваабаронца, г. Турку, Фінляндыя

Норберт Рандаў

Пісьменнік, г. Берлін, Германія

Вера Рыч

Паэтка, перакладчыца беларускай паэзіі, Вялікабрытанія

Яўген Сверсцюк

Прэзідэнт Украінскага ПЭН-цэнтра, Украіна

Кнутс Схуеніекс

Прэзідэнт Латвійскага ПЭН-цэнтра, Латвія

Элізабет Смедлі

Выканаўчы дырэктар фонда Сораса-Беларусь, ЗША

Галіна Старавойтава

Этнограф, палітолаг, эксперт па міжнацыянальных адносінах, Расея

Юрый Сураўцаў

Цэнтр параўнаўчай паліталогіі Інстытута міжнародных эканамічных і палітычных даследаванняў Расейскай акадэміі навук.

Хартмутэ Трэлер

Садружнасць саюзаў пісьменнікаў, Расея
Даследчыцкі цэнтр Усходняй Еўропы, Брэменскі ўніверсітэт, Германія

Марыс Чаклайс

Паэт, сябар Латвійскага ПЭН-цэнтра, уласны карэспандэнт "Свабоднай Еўропы", Латвія

Яна Чэрвенкова

Чэшскі ПЭН-цэнтр, газета "Дэмакратыя", Чэхія

IV. Прэса

<i>Галіна Айзенштат</i>	“Свабода”, Мюнхен, Германія
<i>Валянціна Аксак</i>	Часопіс “Беларусь”
<i>Аляксандр Александровіч</i>	“Ратуша”, Магілёў
<i>Паўлюк Быкоўскі</i>	“Экспрэс-хроніка”, Масква
<i>Юрый Дракахруст</i>	“Свабода”, Мюнхен, Германія
<i>Алесь Жук</i>	Часопіс “Польмя”
<i>Юрась Залоска</i>	“Літаратура і мастацтва”
<i>Міхась Замскі</i>	“Літаратура і мастацтва”
<i>Ася Ігнацёнак</i>	“Свабода”, Мюнхен, Германія
<i>Анатоль Каляда</i>	Часопіс “Неман”
<i>Уладзімір Кармілкін</i>	Фотажурналіст
<i>Яўген Коктыш</i>	Агенцтва “Навіны”, аўтар выставы прысвечанай Алесю Адамовічу
<i>Алена Малочка</i>	“Народная газета”
<i>Уршуля Мікалайчык</i>	Агенцтва ПАП, Польшча
<i>Людміла Паўлікава</i>	Беларускае тэлебачанне
<i>Ірына Рышына</i>	“Літаратурная газета”, Масква
<i>Валерыя Скварцова</i>	Беларускае тэлебачанне
<i>Аляксандр Старыкевіч</i>	“Известия”, Масква
<i>Віталь Тарас</i>	“Общая газета”, Масква
<i>Андрэй Шастоўскі</i>	Агенцтва “Навіны”
<i>Джан Чычызора</i>	“Журналісты без межаў”, Францыя
<i>Раман Якаўлеўскі</i>	“Постфактум”, Масква

ДЭКЛАРАЦЫЯ

Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры “Аб абароне свабоды слова і забеспячэнні права на інфармацыю ў Беларусі”

Зыходзячы з прынцыпаў Міжнароднага ПЭН-клуба і Беларускага ПЭН-цэнтра, кангрэс лічыць неабходным дэклараваць, што

- у Рэспубліцы Беларусь складваецца маральная і палітычная атмасфера, у якой інтэграцыя рэгіёна ў свабодны свет свядома тармозіцца мэтанакіраванымі дзеяннямі кіруючых колаў, што выявілася ў паступовым, але няўхільным абмежаванні праў і свабод, у прыватнасці, у ігнараванні волевыяўлення звыш чатырохсот тысяч грамадзян, якія выказаліся за рэферэндум аб недаверы вышэйшаму заканадаўчаму органу і датэрміновых выбарах; у адхіленні ад улады асобаў дэмакратычнай арыентацыі і ў пераследаванні прадстаўнікоў нацыянальнай інтэлігенцыі, чые погляды адрозніваюцца ад пазіцыі наменклатурнай большасці; у падштурхоўванні абяздоленага, з бяднелага, разгубленага перад эканамічным развалам і духоўнай дэзінтэграцыяй народа да прымітыўнай формы сацыяльнай арганізацыі, якой ёсць закрытае грамадства, што заснавана на посттаталітарнай ідэалогіі;

- на гэтым палітычным і эканамічным фоне адбываецца крызіс культурных каштоўнасцяў, які паглыбляецца з-за недасканалых заканадаўства, адсутнасці дзейных гарантый правоў чалавека і нацыі. На сесіях Вярхоўнага Савета самі ж заканадаўцы беспакarana выступаюць супраць дзяржаўнай мовы і дзяржаўнай сімволікі. Актыўнае супраціўленне ўрадавых СМІ і іншых урадавых структураў сустракае праца гісторыкаў і літаратараў па аднаўленні праўдзівай, свабоднай ад міфаў гісторыі Беларусі. Інспіруюцца судовыя працэсы супраць пісьменнікаў і журналістаў,

удзельнікі Кангрэсу лічаць сваім абавязкам заявіць, што

- глыбока занепакоены сітуацыяй, якая склалася ў Беларусі ў сферы забеспячэння правоў чалавека, у тым ліку свабоды слова;

- рашуча асуджаюць судовы пераслед пісьменнікаў і журналістаў, што кіруюцца ідэаламі дэмакратыі, эканамічнага прагрэсу і нацыянальнага адраджэння;

- лічаць недапушчальнай закрытую, без шырокага ўдзелу журналістаў і грамадскасці, падрыхтоўку Закона аб друку і іншых СМІ, што супярэчыць прынцыпам публічнага абмеркавання агульнадзяржаўных спраў;

- выказваюць абурэнне спробамі дзяржаўных органаў і іхніх прэс-службаў штучна абмежаваць кола прадстаўнікоў СМІ, якія маюць права на атрыманне інфармацыі;

- не прымаюць заганную практыку, паводле якой ісціну павінен

даказваць сам пісьменнік або журналіст, а не грамадзянін, арганізацыя ці ўстанова, якія выступаюць супраць першых з іскавымі заявамі ў судзе; такім чынам немагчыма ўтрымаць людзей ад непраўдзівых сцвярдженняў і вольнай формы выказвання:

- выказваюць здзіўленне з прычыны таго, што чыста прафесійныя, журналісцкія ці пісьменніцкія праблемы ўвогуле выносяцца на судовы разгляд, а не на публічнае абмеркаванне кампетэнтнымі спецыялістамі з адпаведнай сферы творчай дзейнасці:

- адваргаюць здзіўную логіку, паводле якой правы і свабоды прызнаюцца толькі за дзяржаўнымі органамі, а абавязкі і адказнасць ускладаюцца адно на пісьменнікаў і журналістаў, што супярэчыць асноўнаму прынцыпу існавання цывілізаванага грамадства: не асоба - дзеля дзяржавы, а дзяржава - дзеля асобы.

*У Камісію па пытаннях галоснасці, сродкаў масавай інфармацыі і правоў чалавека
Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь*

Беларускі ПЭН-цэнтр, згодна з пунктам 15 свайго Статута, уваходзіць у Камісію па пытаннях галоснасці, сродкаў масавай інфармацыі і правоў чалавека з наступнай заканадаўчай ініцыятывай у дачыненні да Закона аб друку Рэспублікі Беларусь:

Крытыка заканадаўчай, выканаўчай і судовай уладаў, а таксама асобных прадстаўнікоў уладных структураў, дэпутатаў любога ўзроўню не забараняецца законам. Органы ўлады, як і асобныя яе прадстаўнікі, пазбаўляюцца права падаваць іск у суд на грамадзян Рэспублікі Беларусь, якія іх абралі (вылучылі) сваімі прадстаўнікамі. Любое абмежаванне права грамадзян Рэспублікі Беларусь на крытыку, якая б ні была форма выказвання, караецца законам. Абмежаванне крытыкі разглядаецца як парушэнне правоў чалавека.

За organami ўлады і яе прадстаўнікамі захоўваецца права адказваць на крытыку, але толькі ў тым органе друку ці іншым СМІ, які надрукаваў крытычны матэрыял. Публікацыя адказаў абавязковая.

Абвінавачанне праз судовыя органы за публікацыю твораў мастацкай літаратуры або ўрыўкаў з іх забараняецца законам.

Абвінавачванне праз судовыя органы за публікацыю твора, які не з'яўляецца творам мастацкай літаратуры або яго ўрыўкам, з прычыны дыфаматыі (абразы гонару і годнасці) прымаецца да разгляду толькі ў тым выпадку, калі дыфаматыя наўмысная і гэта даказана існікам. У іншых выпадках факт лічыцца недакладнасцю і тычыцца непасрэдных адносін паміж грамадзянінам і органам друку ці іншым СМІ. Калі факт недакладнасці даказаны, орган друку ці іншы СМІ абавязаны публікаваць папраўку.

Рашэннем суда па фактах наўмыснай дыфаматыі існік мае права:

- на адэкватнае абвяржэнне публікацыяй;
- на кампенсацыю маральных і іншых даказаных судом выдаткаў з абавязковым улікам рэальнага заробку і складу сям'і тае асобы (публікатара), якое тычыцца іск. Сума выдаткаў можа выплачвацца адказчыкам часткамі, якія не перавышаюць 33 працэнты ад яго месячнага заробку.

Па фактах дыфаматыі як у адносінах да кампенсацыі выдаткаў, так і дзеля публічнага абвяржэння, вызначаецца іскавы тэрмін даўнасці не болей за год з моманту публікацыі матэрыялаў, якія ўспрымаюцца існікам як дыфаматыя.

Дзеля рэальнага забеспячэння правоў грамадзян на інфармацыю і свабоду друку, органы друку і іншыя СМІ, якія не належыць палітычным партыям і арганізацыям, маюць права на ўрадавыя датацыі. Памер урадавай датацыі абавязкова мусіць быць аднолькавы для ўсіх органаў друку і іншых СМІ, прапарцыянальна тыражу. Датацыі накіроўваюцца пераважна на пакрыццё выдаткаў па дастаўцы і распаўсюджванню, на частковую аплату за паперу да стабілізацыі цэнаў. Ануляванне або змяншэнне датацыі з прычыны неляльнасці або крытычных адносін да ўрада караецца законам як парушэнне права на свабоду друку.

Заканадаўчая ініцыятыва падтрымана Міжнародным кангрэсам у абарону дэмакратыі і культуры (18-20 траўня 1994 года).

Прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра,
Народны паэт Беларусі

Рыгор Барадулін

ЗВАРОТ

Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры - "3 нагоды 50-х угодкаў з дня Вызвалення Беларусі"

Удзельнікі Кангрэсу сардэчна вітаюць народ Рэспублікі Беларусь з яго вялікім святам, якое прыпадае на 3 ліпеня 1994 года, - пяцідзесятымі ўгодкамі вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Напярэдадні гэтага светлага дня мы разам з усімі грамадзянамі Рэспублікі схіляем галаву перад памяццю тых, хто загінуў у гады Другой сусветнай вайны на зямлі Беларусі - перад братнімі магіламі яе мірных жыхароў, салдат і партызан. Мы ніколі не забудзем, што ў жорсткай бітве з германскім фашызмам Беларусь страціла кожнага чацвёртага свайго грамадзяніна. І хоць сёння, у святле новага гістарычнага бачання, у варунках пераасэнсавання савецкай гісторыі на падставе невядомых раней фактаў і акалічнасцяў, выдавочным робіцца тое, што савецка-германскае сутыкненне 1941-1945 гадоў было сутыкненнем дзвюх таталітарных сістэм - для народаў былога Савецкага Саюза, у тым ліку і для народа Беларусі, яна мела характар айчыннай, вызваленчай, сапраўды народнай вайны. У гэтым - апраўданне тае вялікае крыві. Гітлераўскую Германію неабходна было перамагчы, бо толькі перамога над ёй пакідала народам былога СССР, народам Еўропы, народам усяго свету перспектыву далейшага гістарычнага існавання.

Сённяшняя Беларусь стаіць на парозе свайго Адраджэння менавіта й таму, што ў гады Вялікай Айчыннай не скарылася перад іншаземнымі захопнікамі, гнеўна адрынула ад сябе "новы парадак" германскага нацыянал-сацыялізму. Мы верым, што вопыт барацьбы з ім - вопыт не толькі збройны, але найперш - духоўны, маральны, этычны - дапаможа Беларусі перамагчы захавання яшчэ сілы таталітарызму - сілы, што прагнуць вяртання на Беларусь старога "парадку".

Жыве дэмакратыя і непадлегласць!

Жыве Беларусь!

Рэзалюцыя Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры

“АБ МОВЕ”

Удзельнікі Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры выказваюць глыбокую занепакоенасць тым, што ў Рэспубліцы Беларусь ўсё яшчэ не выконваецца “Закон аб мове”, прыняты Вярхоўным Саветам РБ: беларускай мовы амаль не чуваць ні на паседжаннях самага Вярхоўнага Савета, ні ва ўрадавых установах, ёю не карыстаюцца пры стварэнні многіх урадавых дакументаў, у афіцыйнай дзелавой перапісцы. Мала таго, у сценах беларускага парламента часта гучаць выказванні, у якіх беларуская мова зневажаецца.

Ганебная практыка шальмавання беларускай мовы - штодзённая з’ява на старонках як адкрыта пракамуністычнага і расейскашавіністычнага друку, так і на старонках газет і часопісаў, якія фінансуюцца і кантралююцца ўрадам.

Удзельнікі Кангрэса выказваюць свой рашучы пратэст супраць грубых парушэнняў “Закона аб мове”, супраць знявагі беларускага слова і лічаць гэта несумяшчальным з незалежнасцю і суверэнітэтам Рэспублікі Беларусь, з яе прызначэннем - быць дзяржавай беларусаў, гарантам свабоднага развіцця культуры беларускага народа, а, значыць, яго мовы, - гэтага духоўнага апірышча нацыі.

ЗАЯВА

Міжнароднага Кангрэсу ў абарону дэмакратыі і культуры “Аб экалагічным становішчы ў Беларусі”

Улічваючы катастрофічнае экалагічнае становішча Беларусі ў выніку пашырэння наступстваў Чарнобыльскае навалы, якое з’яўляецца сапраўдным бедствам; забруджванне грунтовых водаў і калодзежаў небяспечнымі для здароўя нітратамі, што прыводзіць да паслаблення фізічнага імунітэту народа; адсутнасці канцэпцыі рэфармавання нацыянальнай эканомікі і сучаснай тэхналогіі, здольных спыніць нарошчванне экалагічна шкодных тэхналагічных наступстваў, Міжнародны Кангрэс у абарону дэмакратыі і культуры:

- звяртае ўвагу беларускай грамадскасці і міжнароднай супольнасці на замоўчванне праўдзівай экалагічнай інфармацыі, што парушае права нацыі і кожнага чалавека паасобку на жыццё і інфармацыю;

- лічыць, што замоўчванне праўды аб экалагічным становішчы ў Беларусі ёсць дзяржаўны падман, за які грамадзяне краіны расплочваюцца жыццём;

- просіць замежныя дзяржавы і асобных інвестараў дапамагчы народу Беларусі этанакіраванымі крэдытамі і інвестыцыямі на новыя, экалагічна чыстыя тэхналогіі;

- патрабуе ў дзяржавы правесці ўсебаковыя незалежныя экспертызы з удзелам міжнародных экспертаў і кампетэнтных арганізацый.

ПРАТАКОЛ № 26

пасяджэння Выканаўчага камітэта Беларускага ПЭН-цэнтра

Дом творчасці пісьменьнікаў “Іслач”

20 траўня 1994 года

ПРЫСУТНІЧАЛІ: Р. Барадулін, В. Казько,
Ул. Някляеў, А. Разанаў,
Ул. Арлоў, М. Тычына,
К. Шэрман

ПАРАДАК ДНЯ: Прыём у сябры Беларускага ПЭН-цэнтра В. Рыч,
Я. Запрудніка і В. Кіпеля.

ВЫСТУПІЛІ: Р. Барадулін, К. Шэрман, В. Казько.

ПАСТАНАВІЛІ: У знак прызнання заслугаў у нялёгкае й высака-
роднае справе захавання Беларускай культуры, высока
цэнячы клопат, руплівасць на тое, каб у сьвеце
чулася імя Беларусі, Беларускі ПЭН-цэнтр мае
гонар прызнаць Веру Рыч, Янку Запрудніка і
Вітаўта Кіпеля сваімі правамоцнымі сябрамі.

Прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра

Рыгор Барадулін

Сакратар пасяджэння

Міхась Тычына

РЭЗАЛІЮЦЫЯ

Міжнароднага Кангрэса ў абарону дэмакратыі і культуры
аб стварэнні Фонда дапамогі пісьменнікам і журналістам
імя Алеся АДАМОВІЧА пры Беларускім ПЭН-цэнтры

Зыходзячы з прынцыпаў Міжнароднага ПЭН-клуба і Беларускага ПЭН-цэнтра, якія даюць магчымасць абараняць у адпаведнасці з дзеючым у Рэспубліцы Беларусь заканадаўствам юрыдычныя, маральныя і матэрыяльныя правы сваіх сяброў, пісьменнікаў і журналістаў, усімі даступнымі сродкамі;

- улічваючы рэальнае становішча са свабодай слова і з забеспячэннем права на інфармацыю грамадзян Рэспублікі Беларусь, якое ў дадзены момант вельмі далёкае ад нармальнага і абцяжарана шматлікімі выпадкамі парушэння свабоды творчасці, судавага пераследу пісьменнікаў і журналістаў, што кіруюцца ў сваёй дзейнасці адрознымі ад афіцыйных поглядамі на стан грамадскіх спраў;

- аддаючы даніну павагі грамадзянскай мужнасці і пісьменніцкага подзвігу Алеся АДАМОВІЧА, імя і дзейнасць якога звязваюцца ў грамадскай думцы з абаронай каштоўнасцей дэмакратыі, свабоды і культуры,

Міжнародны Кангрэс ПАСТАНАЎЛЯЕ:

1. Стварыць Фонд дапамогі пісьменнікам і журналістам імя Алеся АДАМОВІЧА пры Беларускім ПЭН-цэнтры.

2. Звярнуцца да грамадзян Рэспублікі Беларусь, Расейскай Федэрацыі і іншых краін свету, а таксама да дзяржаўных устаноў і арганізацый, грамадскіх згуртаванняў, прадпрыемлівых бізнесменаў і прыватных асобаў з просьбай аб матэрыяльнай і маральнай падтрымцы новастворанага Фонда дапамогі Алеся АДАМОВІЧА пры Беларускім ПЭН-цэнтры.

ЗАЎВАГА. *Разліковы рахунак Беларускага ПЭН-цэнтра №606902 у Гардырэкцыі Белбізнесбанка, г. Мінск, код 764 (з фармуліроўкай "У фонд дапамогі імя Алеся Адамовіча").*

ЗАПІСКА-ПРАПАНОВА

Праекту фонду Алеся АДАМОВІЧА

Стварэнне фондаў вядомых грамадскіх дзеячаў, пісьменнікаў, мастакоў, вучоных - традыцыйная форма ўвекавечвання іхняй памяці, аховы творчай інтэлектуальнай спадчыны, стварэнне духоўнай прасторы, у якой вынікі творчасці захоўваюць сваю актуальнасць, адтуль яны транслююцца ў жыццё грамадства.

У пераважнай большасці падобнага роду фонды носяць закрыты характар. Гэта - мікрасветы для вузкага кола аднадумцаў, якія толькі спарадычна выходзяць на кантакт з шырокай аўдыторыяй, што значна зніжае эфектыўнасць іх сацыяльнага і культурнага ўздзеяння. У сённяшніх умовах падобнага роду фонды нярэдка набываюць вузкапартыйную накіраванасць, становячыся механізмам міжпартыйных канфліктаў.

Прапанаваны праект арыентуе на стварэнне нетрадыцыйнай формы арганізацый падобнага роду.

Аснова фонду - стварэнне адкрытай прасторы камунікацый эліт, якія прадстаўляюць найбольш актыўныя і аўтарытэтныя грамадскія групы. Камунікацыя можа ажыццяўляцца як непасрэдна ў традыцыйных формах (сімпозіумы, канферэнцыі, круглыя сталы, чытанні і г. д.), так і ў аўдыавізуальнай інфармацыйнай сетцы, што стварае магчымасць дзейснай трансляцыі актуальных праблем культурнага, мастацкага, сацыяльна-палітычнага жыцця грамадства.

Фонд Алеся АДАМОВІЧА - гэта трыбуна грамадзянскага, гуманітарнага дыялогу, арыентаванага на пераасэнсаванне і ператварэнне фундаментальных сістэмаў каштоўнасцей ва ўмовах радыкальных трансфармацый усіх сфераў грамадскага жыцця.

Такі характар Фонду ў найбольшай ступені адпавядае асобе Алеся Міхайлавіча АДАМОВІЧА, асаблівасцям ягонай творчасці, прынцыповым устаноўкам ягоных грамадскіх паводзін.

Функцыі Фонду:

- ахова, вывучэнне, выданне творчай спадчыны А. М. АДАМОВІЧА;
- асветніцкая праца, падтрымка культурных, творчых, грамадзянскіх ініцыятываў;
- арганізацыя і падтрымка творчага дыялогу эліт, якія ствараюць аснову грамадзянскай супольнасці, што становіцца ў краінах СНД, Усходняй і Цэнтральнай Еўропы;
- ініцыятаванне і заахвочванне новых тэхналогій у вобласці грамадзянскіх камунікацый;
- ажыццяўленне апякунскай, спонсарскай, дабрадзейнай дзейнасці ў асяродзі культуры, навукі, адукацыі, мастацкай творчасці;
- устанаўленне творчых кантактаў з аналагічнымі фондамі, грамадзянскімі, творчымі і іншымі таварыствамі і асацыяцыямі ў краінах СНД і за яе межамі;
- падтрымка ініцыятыў, накіраваных на грамадскую згоду і канса-

лідацыю, абарона глабальных інтарэсаў чалавецтва;

- правядзенне даследчай, экспертна-аналітычнай, праектнай працы па фундаментальных праблемах развіцця культур і цывілізацый;

- трансляцыя ў грамадства, у грамадскія інтарэсы праблематык і каштоўнасцей, актуальных для захавання гуманістычнай традыцыі для канструктыўнага рашэння глабальных праблем сучаснасці;

- у арганізацыйным плане дзейнасць Фонда мэтазгодна арганізаваць праз сродкі масавай, асабліва аўдыя візуальнай, інфармацыйнай сеткі.

Прастора экраннай культуры - найбольш адэкватная характару Фонду, яго фундаментальнай накіраванасці. Яна найбольш адпавядае інавацыйнаму характару Фонду, значна павышае сацыяльны, культурны эффект яго дзейнасці.

Кіруючая структура Фонду можа насіць біцэнтрычны характар (Мінск - Масква), што пашырае яго камунікатыўныя магчымасці.

СТВАРЭННЕ ФОНДУ.

Падрыхтоўчы этап:

а) стварэнне рабочай групы па распрацоўцы арганізацыйнай і функцыянальнай мадэлі Фонду;

б) стварэнне рабочай групы па падрыхтоўцы арганізацыйнага (устаноўчага) з'езду Фонду;

в) падрыхтоўка устаноўчых, арганізацыйных і рэгістрацыйных дакументаў;

г) інфармацыйна-маркетынгавая праца па ўключэнню ідэй стварэння Фонду ў сферы грамадскага інтарэсу і абмеркавання;

д) пошук партнёраў, заснавальнікаў, інвестараў Фонду;

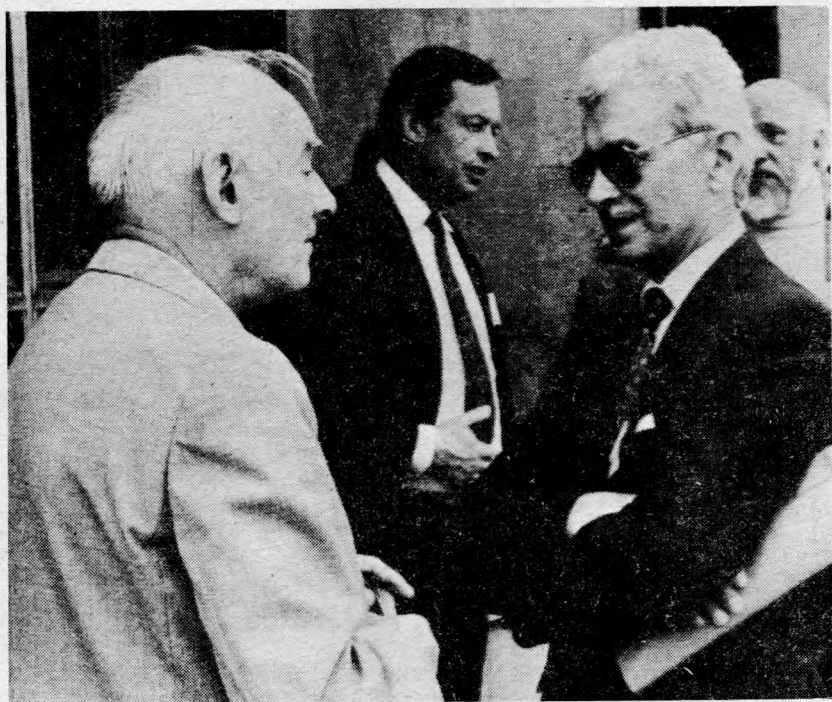
е) правядзенне папярэдняга семінара ўдзельнікаў арганізацыйнага Фонду, вызначэнне характару Устаноўчага з'езду, яго ўдзельнікаў, час правядзення;

ж) правядзенне ўстаноўчага з'езду.

Усе прапановы аб удзеле або сузаснавальніцтве дасылаць у Беларускі ПЭН-цэнтр.

Ад імя ініцыятыўнай групы
Прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра

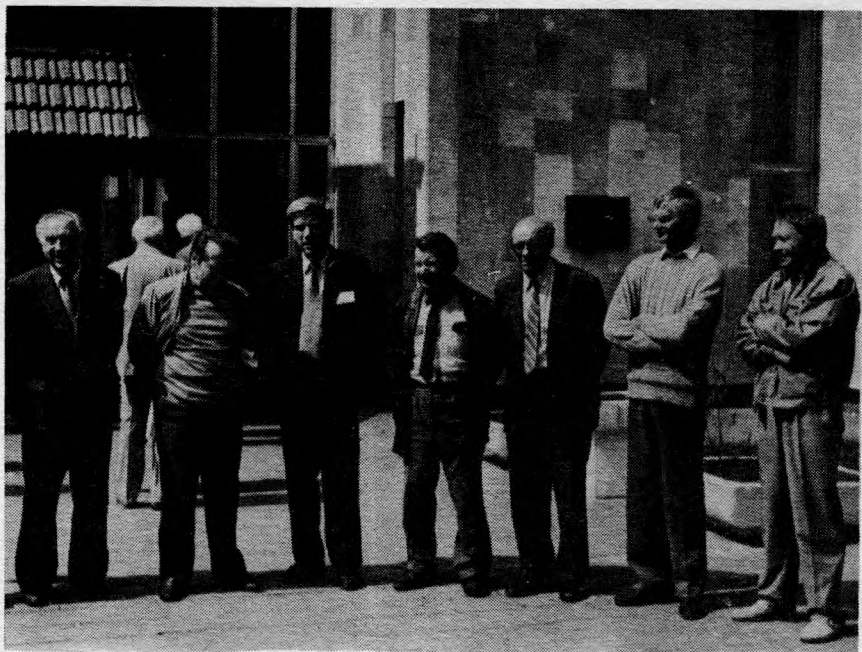
Рыгор Барадулін

*Яцк Бахеньскі, віцэ-прэзідэнт Польскага ПЭН-цэнтра,
і Яўген Сверсцюк, прэзідэнт Украінскага ПЭН-цэнтра*

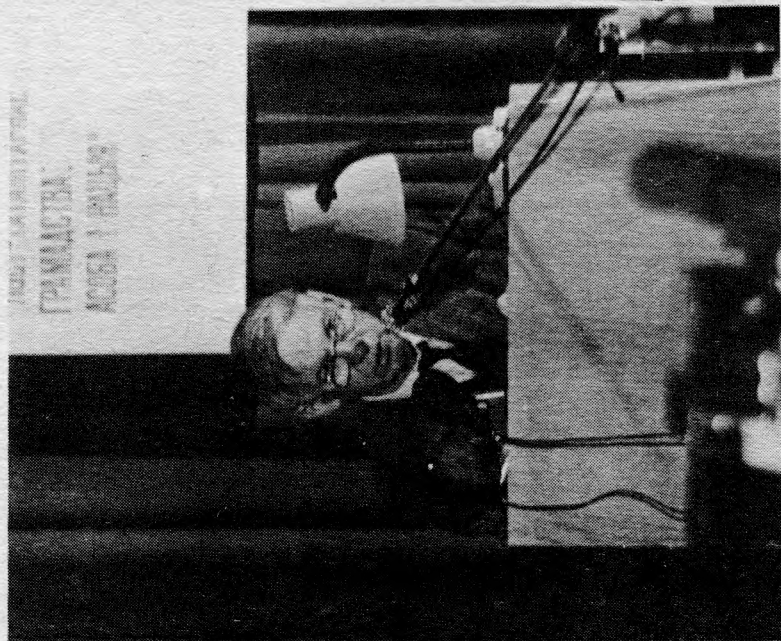
Пад час працы

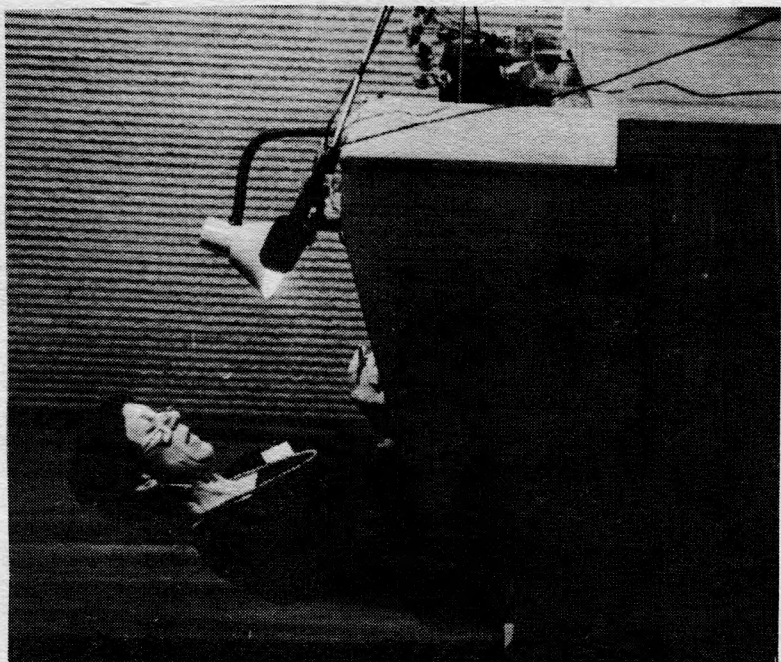
*Васіль Зуёнак, Віктар Казько, Сяргей Законнікаў,
Анатоль Кудравец, Алесь Жук, Уладзімір Халіп,
Самсон Палякоў (Менск)*

Перапынак

*Выступае Народны пісьменнік Беларусі
Васіль Быкаў*

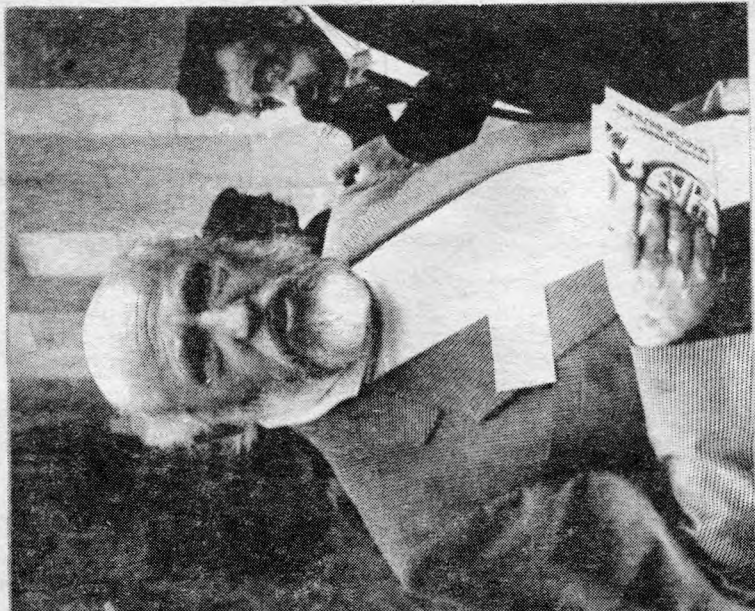
Хартмутэ Трэпер (ФРГ)

Вітаўт Кіпель, дырэктар Беларускага інстытута навукі й мастацтва ў Нью-Ёрку, дае інтэрв'ю Людміле Паўлікавай (Беларускае тэлебачанне)

Вольга Іпатава, Уладзімір Някляеў, Яўген Будзінас

Кнут Скуенікс (Латвія)

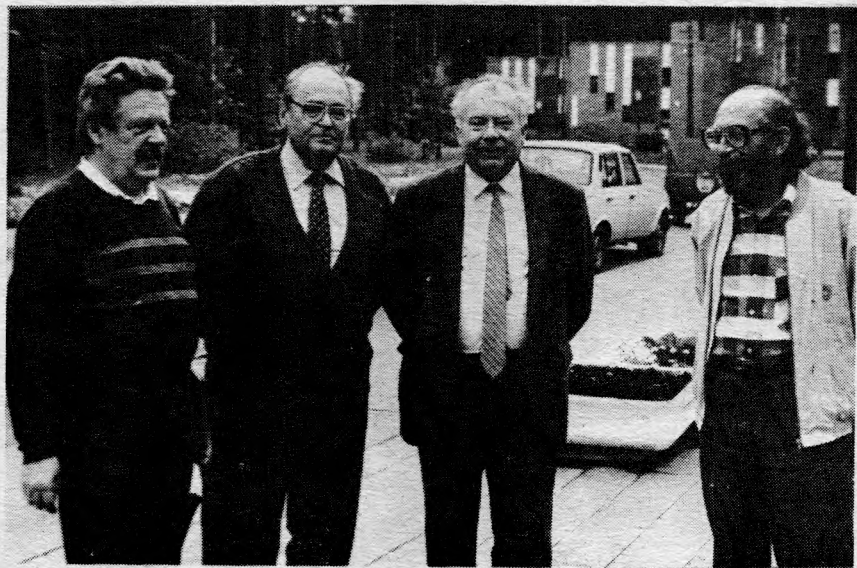
*Рыгор Барадулін,
народны пазт Беларусі,
прэзідэнт Беларускага ПЭН-цэнтра*

*Святлана Алексіевіч (Менск), Ірына Рышына (Масква),
Аляксандр Дракахруст (Менск)*

*Янка Запруднік (ЗША), Уладзімір Арлоў, Валянціна Аксак і
Анатоль Вярцінскі (Менск)*

*Валянцін Аскоцкі (Масква), Юрый Сураўцаў (Масква),
Віктар Каваленка (Менск), Давід Сімановіч (Віцебск)*

Адам Мальдзіс дае інтэрв'ю

Карлас Шэрман (Менск), Ася Ігнаціёнак (Мюнхен)

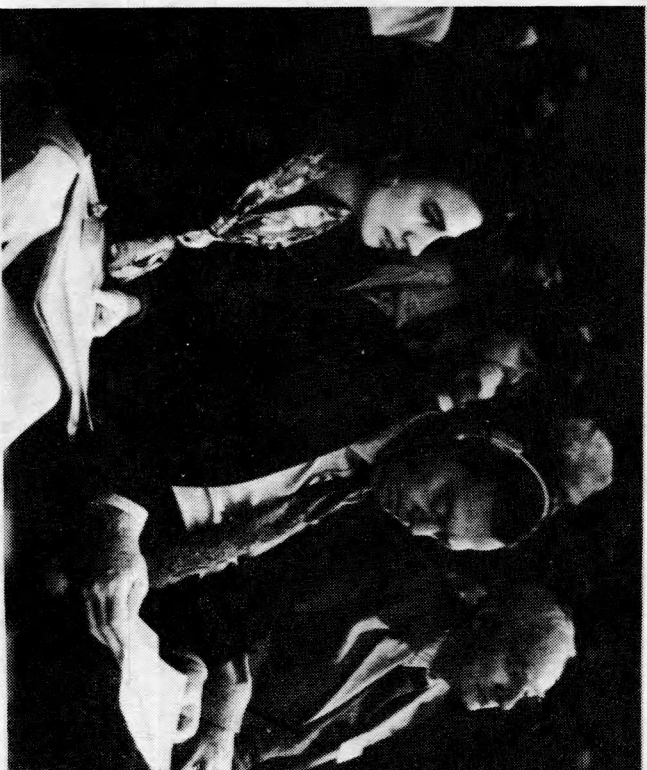
Яна Чэрвенкова (Прага)

Вера Рыч (Велікабрытанія)

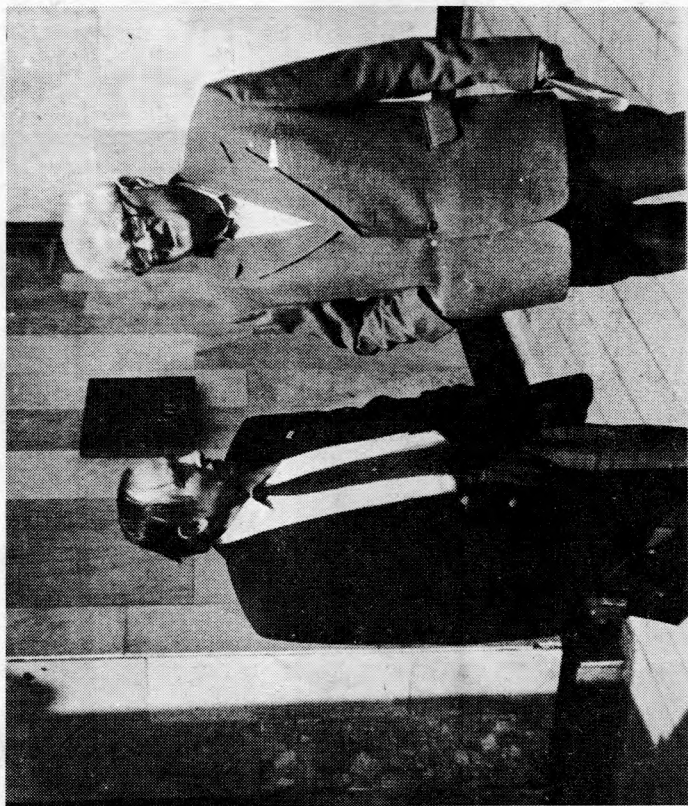
Янка Запруднік (ЗША) дае інтэрв'ю

Элизабет Смедлі, выканаўчы дырэктар фонда Сораса-Беларусь (ЗША), Арай Нейер, прэзідэнт Фонда адкрытага грамадства (ЗША), Яцэк Бахеньскі, віцэ-прэзідэнт Польскага ПЭН-цэнтра (Польшча)

Карнеліус Платэліс (Летува)

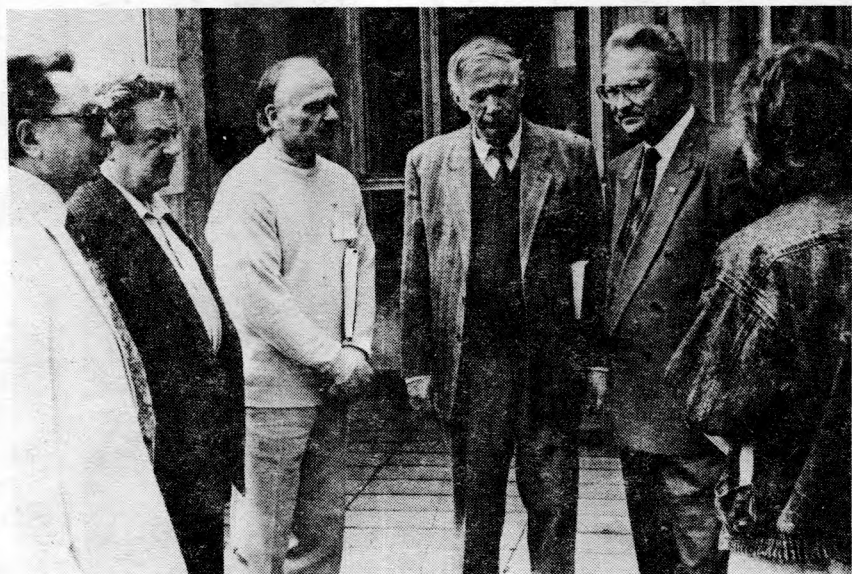
Анатоль Вярцінскі, Аляксандр Дракахруст (Менск)

Алег Лойка (Менск)

*Валянцін Тарас, Вячаслаў Рагойша, Міхась Тычына,
Уладзімір Конан, Уладзімір Колас (Менск)*

*Марыс Чаклайс (Латвія), Валянцін Аскоцкі (Масква),
Алесь Мікалайчанка, Васіль Быкаў і Генадзь Бураўкін (Менск)*

МАТЭРЬЯМЫ

ОТКРЫТАЯ РЕЧЬ
НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ
ПОЛА, НАЦИОНАЛИЗМА И ДЕМОКРАТИИ

Поскольку я нахожусь в Вашингтоне и говорю с людьми, могущими оказать влияние на политику правительства, то я хочу воспользоваться этой возможностью. Эта администрация ясно дала понять, что считает экономические и человеческие права женщин приоритетом. Но что они должны делать? Я собираюсь изложить несколько принципов, затем поговорить о правах женщин и демократии относительно женщин-писателей.

1) Люди не являются собственностью. Особенно женщины, в любой стране. Они не являются собственностью мужей, отцов, братьев, с одной стороны, или нации - с другой. Они также не являются символическим эквивалентом наций или же страны, ими нельзя владеть, их нельзя экспроприировать. Они такие же граждане, как и мужчины. Насилие в условиях этнического очищения превращает женщин в собственность - обесцененную собственность. То же самое происходит, когда такие виды насилия используются нацией. В обоих случаях к женщинам относятся не как к личностям, а как к воплощению нации, чья честь была оскорблена и чья значимость была снижена, потому что "ее" женщины были использованы другой нацией. Нам следует относиться к оскорбленным женщинам бывшей Югославии, как к личностям, о которых нужно заботиться, и как к гражданам; рассматривать нарушения прав человека как преступления против личностей, а не против нации.

2) Наше правительство должно поддерживать индивидуальную свободу, включая свободу женщин в вопросе продолжения рода. Нации, пытающиеся воспроизвести свое население, часто рассматривают женщин, как национальный источник, вроде полей, которые нужно засеять. Такие правительства могут выступать против прав женщин на аборт и применение контрацептивов, они могут вытеснять женщин из сферы занятости и награждать за рождение детей. Но такое поведение не соответствует демократии; граждане сами должны решать свои дела, планировать количество детей, они должны быть свободны от государственного принуждения, манипуляций.

3) Не все женщины пацифисты. И даже не все феминисты являются пацифистами. Но женщины исторически и статистически имеют отношение к пацифизму, как, впрочем, и движение феминистов. По этой причине фашизм отвергается воюющими странами.

Такое отношение типично для бывшей Югославии. Вооруженные

люди видят в женщинах только производителей; кто не воюет, должен молчать и не причинять беспокойств. Поэтому свобода становится определенной проблемой для женщин в воюющих странах, подобно бывшей Югославии.

4) В нашей работе нам следует советоваться с женщинами-лидерами из массовых организаций, знающих местные условия. Нам следует искать их и узнавать их мнение о политике - любой политике, а не только касающейся женщин. У женщин также есть свое мнение насчет ядерной энергии, международных отношений, экономических реформ, войны и мира, но их мнение часто обесценивается и игнорируется в обществе, поэтому бывает недоступным для других, если только не приложить определенные усилия. Женщины совсем не обязательно хотят того, чего, как говорят их лидеры-мужчины, они хотят; им совсем не обязательно нужно то, что, как считают американские феминисты, им нужно. Если нас интересует, что хотят женщины, а нас должно это интересовать, - мы обязаны спросить их об этом.

5) Мы должны рассматривать любой случай, касающийся женщины, вначале с точки зрения личного гражданства и прав человека, и только потом с точки зрения пола. Такой подход укрепит нас в противостоянии эгоистическим аргументам нации, государства, мужской элиты, которым хотелось бы защитить своих женщин от эмансипации.

Любая дискуссия о правах человека должна начинаться с прав личности. Но какой личности? Не все граждане в равной степени подвержены испытывать нарушения прав человека. Люди, обладающие властью, физически сильные и защищенные социально и экономически, меньше подвергаются насилию, чем незначительные, слабые и бедные люди. Люди, которые никогда не говорят неприятные вещи, меньше подвержены цензуре, чем те, кто переходит грань общественного терпения. Поэтому мы не ошибемся, если будем определять демократизм по его отношению к самым уязвимым и самым несносным. Женщины-писатели попадают под обе эти категории. Так как я выполняю международную работу в интересах женщин-писателей, то я хочу поговорить о женщинах-писателях и о правах человека.

В этом году я провела напряженную работу по делу защиты прав женщин-писателей в Хорватии, Бразилии и Бангладеше и пришла к заключению, что женщина-писатель попадает под статью защиты прав человека при наличии трех факторов. Во многих странах двух факторов бывает достаточно.

Первое, что она должна сделать - это уйти от опеки патриархальной семьи. В зависимости от места проживания, она может отказатьсь выходить замуж, может выходить замуж несколько раз, выйти замуж за человека другой национальности или просто решить не жить больше со своими родителями или мужем.

Во-вторых, она должна писать о притеснении женщин, писать страстно и активно. Будет предпочтительно, если она приведет примеры

притесняемых женщин, называя имена притеснителей и призывая правительство объяснить, почему оно не защищает их. Чем специфичнее ее произведения, тем вероятнее она становится объектом защиты прав человека.

В-третьих, она должна отказаться от ограничения социальной критики в вопросах общественного положения женщин, а также браться за дела, которые мужчины считают своими, - это вопросы общечеловечности, национальных конфликтов или войны и мира. Даже Белла Абзуг не смогла справиться с этим. Двое из пяти хорватских знахарей были изгнаны за то, что неправильно высказывались о нации. Таслима Насрин, молодая писательница из Бангладеша, стала настолько несносной исламским фундаменталистам, что они назначили цену за ее голову и сейчас готовят массовые кампании, где призывают к ее смерти. Вначале она посмела критиковать религиозные доктрины, касающиеся женщин, затем указала на мулл-убийц, затем перешла грань, написав бестселлер о мятежах последних лет, которые начались после уничтожения индусскими фундаменталистами мечети Бари в Индии. Этот роман рассказал о злоупотреблениях, которые испытали индусы в Бангладеше в результате последствий этих бунтов и о неспособности правительства защитить права меньшинств. Сейчас это правительство не может защитить ее права, она будет счастлива, если выживет.

Что приводит меня к политике США. Думаю, Соединенные Штаты обязаны искать, поддерживать и защищать людей, которые выступают за создание современных высокоцивилизованных обществ, основанных не на крови, этнических распрях или исторической мифе; и каким бы ни было отношение их к капитализму или к Соединенным Штатам, такие люди на стороне эмансипации женщин, равноправного развития и мира. И, конечно же, Соединенные Штаты хотят этого же. Эпидемия атавистической страсти к кровопролитию распространяется в бывшем соц. лагере; люди вращаются, сосредотачиваются на крови, семье, территории, древних традициях; они ищут сильных авторитарных лидеров-мужчин, которые помогут им направить свою ярость на соседа, своего традиционного врага; такая тенденция плоха для женщин. Это плохо для каждого, за исключением вооруженных людей и диктаторов. Соединенные Штаты должны укреплять любые силы, способные бороться против культурного (интеллектуального) аутизма, авторитаризма и желания уничтожения традиционного врага прежде, чем события примут такой оборот, как в бывшей Югославии.

Это означает, что мы должны быть более заинтересованы в интеллектуальных войнах. Интеллектуальная война, успешно выигранная, может в дальнейшем предотвратить кровопролитную войну. Сербские диссиденты сейчас говорят о том, что они недостаточно жестко боролись против национализма, когда у них был шанс. В мире сейчас есть страны, которые рискуют тем же; страны, где темные силы нетерпимости преобладают в борьбе против сил открытости, гражданственности, т. е. гражданского общества. Мы решительно должны быть на

стороне гражданственности. В Бангладеше, зависящем от иностранной помощи, мы должны связывать будущие дотации с защитой прав женщин. В Польше, тоже зависимой от иностранной помощи, мы должны связывать будущие дотации с правами женщин на продолжение рода.

Конечно, с другой стороны. лидеры могут сказать, что мы потеряем религиозные и культурные традиции. Они всегда говорят это. Но если мы верим в единственный стандарт прав человека как для мужчин, так и для женщин, то мы обязаны отстаивать свою веру. Силы, которые хотят толкнуть женщин снова в средние века - это те же силы, которые мечтают об этнических, религиозных и национальных войнах, в которых идет истребление традиционного врага. Равноправное развитие и сохранение планеты не могут иметь места в военное время, как и защита прав человека. Если наша политика будет поддерживать глобальную эмансипацию женщин, она также будет служить прогрессу и миру.

Светлана Алексиевич

СУД НАД "ЦИНКОВЫМИ МАЛЬЧИКАМИ" (история в документах)

Хроника суда

"Недавно группа матерей воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане, подала в суд на писательницу Светлану Алексиевич. Их исковое заявление будет рассматриваться в народном суде Центрального района города Минска.

Поводом для обращения в суд стал спектакль "Цинковые мальчики", поставленный на сцене Белорусского театра имени Янки Купалы. Затем он был записан республиканским телевидением и продемонстрирован жителям Беларуси. Матерей, несущих в себе все эти годы свое неизбывное горе, оскорбило, что их мальчики показаны исключительно как бездушные роботы-убийцы, мародеры, наркоманы и насильники, не ведающие пощады ни к старому, ни к малому".

А. Тригорьев

"Вечерний Минск", 12 июня 1992 года

"За "Цинковые мальчики" - в суд", так называлась заметка, напечатанная 22 июня в газете "На страже Октября" и в некоторых других изданиях. "Писательнице Светлане Алексиевич, - говорилось в заметке, - после выхода ее книги объявили настоящую войну - автора обвиняют в искажении и фальсификации рассказов "афганцев" и их

матерей. И вот очередное наступление после появления на сцене Белорусского театра имени Я. Купалы и на экранах телевидения одноименного спектакля. Судьям Центрального района надо будет рассмотреть исковое заявление группы матерей погибших воинов-интернационалистов. Спектакль снят со сцены...”

Мы позвонили в суд Центрального района столицы с просьбой прокомментировать это сообщение, но там оно вызвало удивление. Секретарь С. Кульган сказала нам, что такое исковое заявление в суд не поступало...

Как пояснил нам автор заметки в газете “На страже Октября” В. Стрельский, информация была взята им из московской газеты “Красная звезда”...

“Чырвоная змена”, 14 июля 1992 года.

В народном суде Центрального района Минска сегодня начнется судебный процесс по делу известной белорусской писательницы Светланы Алексиевич.

Судебный иск подали несколько матерей погибших воинов-интернационалистов. Алексиевич перед написанием своей нашумевшей книжки “Цинковые мальчики” брала интервью у матерей погибших “афганцев”, после чего, по их мнению, сильно исказила в своем произведении сообщенные ей факты.

“Вечерний Минск”, 19 января 1993 года.

20 января газета “Советская Белоруссия” сообщила: “В народном суде Центрального района Минска начался судебный процесс по делу писательницы “Светланы Алексиевич...”

За день до этого, 19 января, газета “Вечерний Минск” опубликовала заметку на эту же тему под заголовком “Суд над литераторами”. Я специально указываю конкретные даты публикаций. Дело в следующем...

Посетив суд Центрального района столицы Беларуси, я узнал, что дело ведет судья Городничева.

Включить диктофон она не разрешила. От каких-либо пояснений категорически отказалась, сославшись на то, что “не нужно нагнетать атмосферу”. Но Городничева-таки продемонстрировала папку по делу Алексиевич, которая была заведена ... 20 января. То есть очевидно: материалы для печати о том, что суд идет (!) были готовы еще до того, как сама судья завела дело...

“Собеседник”, N 6, 1993 год.

В народный суд центрального района Минска поступило два исковых заявления. Бывший “афганец”, ныне инвалид, утверждает, что С.Алексиевич написала о той войне и о нем лично неправду, оклеветала. Посему должна публично извиниться, а поруганную солдатскую честь компенсировать суммой в 50.000 рублей. Мать погибшего офицера разошлась с писательницей в оценках советского патриотизма и его

роли в воспитании молодого поколения.

С обоими истцами Светлана Алексиевич встречалась несколько лет назад в процессе работы над известной книгой "Цинковые мальчики". Оба ныне заявляют, что говорили тогда "не так", а если и говорили "так", как зафиксировано в книге, то сейчас передумали.

Небезизвестные нюансы. Солдат истец, обвиняя писательницу в искажении фактов, в оскорблении его достоинства, ссылается на газетную публикацию 1989 года. Хотя в ней фигурирует не его, а совсем иная солдатская фамилия. Мать-истца уводит суд в лабиринты политики и психологии, откуда не вызовет и рота научных экспертов. Тем не менее оба иска приняты нарсудьей к производству. Судебные заседания еще не начались, но вовсю идет досудебный допрос писательницы...

Анатолій Козлов

"Литературная газета", 10 февраля 1993 года.

Под судом известная белорусская писательница Светлана Алексиевич, напомнившая в свое время о том, что "У войны не женское лицо". Оказалось, что пепел Афганистана еще стучит в сердца некоторых возмущенных читателей, не простивших С.Алексиевич "Цинковых мальчиков", документальную повесть о неизвестной афганской войне. Писательницу обвиняют в передержках, выборочном использовании представленных ей участниками войны, вдовами и матерями погибших солдат материалов. И вообще в клевете, антипатриотизме и очернительстве. Пока не ясно, будет ли дан делу "законный ход" или все-таки авторы искового заявления, потребовав некоей моральной компенсации, до суда (открытого суда) не доведут. Но сигнал характерный. Прямо встала тень майора Червонописного, поучавшего на съезде депутатов академика Андрея Сахарова, как тому следует оценивать афганскую войну.

Фредерик Михайлов

"Куранты", 3 февраля 1993 года.

Из судебного иска Лященко Олега Сергеевича, бывшего рядового, гранатомётчика

6 октября 1989 года в статье "Мы возвращаемся отсюда...", опубликованной в газете "Литература и мастацтва", были напечатаны отрывки из документальной книги Светланы Алексиевич "Цинковые мальчики". Один из монологов подписан моим именем (фамилия указана неправильно).

В монологе отражен мой рассказ об афганской войне и моем пребывании в Афганистане, отношениях между людьми на войне, после войны и т. д.

Алексиевич полностью искадила мой рассказ, дописала то, что я не говорил, а если говорил, то понимал это по-другому, сделала

самостоятельные выводы, которые я не делал.

Часть высказываний, которые написала С. Алексиевич от моего имени, унижают и оскорбляют мою честь и достоинство.

Это следующие фразы:

1. "В Витебской "учебке" не было секретом, что нас готовят в Афганистан. Один признался, что боится, мол, нас там всех перестреляют. Я стал его презирать. Перед самым отъездом еще один отказался ехать... Я считал его ненормальным. Мы ехали делать революцию".

2. "Через две-три недели от тебя ничего прежнего не остается, только твоё имя. Ты - это уже не ты, а другой человек. И этот человек при виде убитого же не пугается, а спокойно или с досадой думает о том, как будут его стаскивать со скалы или тянуть по жаре несколько километров.... Ему знакомо собственное и чужое возбуждение при виде убитого: не меня! Вот такое превращение... Почти со всеми".

3. "Я был приучен стрелять, куда мне прикажут. Стрелял, не жалея никого. Мог убить ребенка... Каждый хотел вернуться домой. Каждый старался выжить. Думать было некогда... К чужой смерти я привык, а собственной боялся".

4. "Не пишите только о нашем афганском братстве. Его нет. Я в него не верю. На войне нас объединял страх. Нас одинаково обманули... Здесь нас объединяет то, что у нас ничего нет. У нас одни проблемы: пенсии, квартиры, лекарства... мебельные гарнитуры. Решим их, и наши клубы распадутся.

Вот я достану, пропихну, выгрызу себе квартиру, мебель, холодильник, стиральную машину, японский "видик" - и все! Молодежь к нам не потянулась. Мы непонятны ей. Вроде приравнены к участникам Великой Отечественной войны, но те родину защищали, а мы? Мы, что ли, в роли немцев - так мне один парень сказал. А мы на них злы. Кто там со мной не был, не видел, не пережил, не испытал - тот мне никто".

Все эти высказывания глубоко оскорбляют мое человеческое достоинство, так как такое не говорил, так не думаю и считаю, что эти сведения порочат мою честь как мужчины, человека, солдата...

Без личной подписи

20 января 1993 года

Из стенограммы досудебного собеседования

Присутствовали: судья Т. Городничева, адвокаты Т. Власова, И. Лушкинов, истец О. Ляшенко, ответчица С. Алексиевич.

Судья Т. Городничева:

- Истец, вы утверждаете, что писательница искадила сообщенные вами факты?

О. Ляшенко:

- Да.

Судья Т. Городничева:

- Ответчица, прошу пояснить вас по существу данного вопроса.

С. Алексиевич:

- Олег, я хотела бы тебе напомнить, как ты рассказывал и плакал, когда мы встретились, и не верил, что твою правду можно будет когда-нибудь напечатать. Ты просил, чтобы я это сделала... Я написала. И что теперь? Тебя опять обманывают и используют... Во второй раз... Но ты же тогда говорил, что уже никогда не дашь себя обмануть?

О. Ляшенко:

- Побывали бы вы на моем месте: нищая пенсия, работы у меня нет, двое маленьких детей... Жену недавно тоже сократили. Как жить? А у вас гонорары... Печатаетесь за границей... А мы, получается, убийцы, насильники...

Адвокат Т. Власова:

- Я протестую! На моего подзащитного оказывается психологическое давление. У меня отец был летчик, генерал, он тоже погиб в Афганистане... Там все было святое... Это - святые смерти... Они выполняли присягу... Родину защищали...

Судья Т. Городничева:

- На чем настаивает истец?

О. Ляшенко:

- Чтобы писательница передо мной публично извинилась и мне был возмещен моральный ущерб...

Судья Т. Городничева:

- Вы настаиваете только на опровержении опубликованных фактов?

О. Ляшенко:

- За мою поруганную солдатскую честь я требую, чтобы С.Алексиевич заплатила мне 50.000 рублей.

С. Алексиевич:

- Олег, я не верю, что это твои слова. Это ты говоришь с чужих слов... Я помню тебя другого... И ты слишком дешево оценил свое обожженное лицо, потерянный глаз, сломанную руку. Только не меня надо звать в суд. Ты перепутал меня с Министерством обороны и Политбюро КПСС...

Адвокат Т. Власова:

- Я протестую! Это - психологическое давление...

С. Алексиевич:

- Когда мы с тобой встречались, Олег, это пять лет назад, ты был честен, я боялась за тебя. Я боялась, что у тебя могут быть неприятности с КГБ, ведь вас всех заставляли подписывать бумагу о неразглашении военной тайны. И я заменила твою фамилию. Я изменила ее, чтобы защитить тебя, а теперь должна этим же от тебя защищаться. Поскольку там не твоя фамилия, то - это собирательный образ... И твои претензии безосновательны...

- Нет, это мои слова. Это я говорил... Там и то, как меня ранило... И... Там все мое...

Из судебного иска Екатерины Никитичны Платициной, матери погибшего майора Александра Платицина.

6 октября 1989 года в статье “Мы возвращаемся оттуда...” в газете “Літаратура і мастацтва” были опубликованы отрывки из документальной книги С.Алексиевич “Цинковые мальчики”. Один из монологов, как матери погибшего в Афганистане майора А.Платицина, подписан моим именем. Полностью этот монолог включен в книгу С.Алексиевич “Цинковые мальчики”.

В монологе, напечатанном в газете и книге, искажен мой рассказ о сыне. С.Алексиевич, несмотря на то, что книга документальная, некоторые факты добавила от себя, многое из моих рассказов опустила, сделала самостоятельные выводы и подписала монолог моим именем.

Статья оскорбляет и унижает мою честь и достоинство...

Без личной подписи

Без даты

Из стенограммы досудебного собеседования

Присутствовали: судья Т.Городничева, адвокаты Т.Власова, В.Лушкинов, истица Е.Платицина, ответчица С.Алексиевич.

Судья Т.Городничева:

- Мы слушаем вас, Екатерина Никитична...

Е.Платицина:

- Образ сына, запечатленный в моем сознании, полностью не соответствует образу, выведенному в книге.

Судья Т.Городничева:

- Вы могли бы пояснить свою мысль: где, в каком месте и как искажены факты?

Е.Платицина (берет в руки книгу):

- Там все не так, как я говорила. Мой сын был не такой. Он любил свою Родину. (Плачет).

Судья Т.Городничева:

- Я прошу вас успокоиться и назвать нам факты.

Е.Платицина (зачитывает из книги):

- “После Афганистана (это когда он приехал в отпуск) еще нежнее стал. Все ему дома нравилось. Но были минуты, когда сядет и молчит, никого не видит - по ночам вскакивал, ходил по комнате. Один раз просыпаюсь от крика: “Вспышки! Вспышки!...” Другой раз слышу ночью: кто-то плачет. Кто может у нас плакать? Маленьких детей нет. Открываю его комнату: он обхватил голову двумя руками и плачет...”

Он был офицер. Боевой офицер. А тут он показан, как плакса. Разве об этом надо было писать?

Судья Т. Городничева:

- Я сама готова заплакать. И не раз плакала, когда читала эту книгу, ваш рассказ. Но что здесь оскорбляет вашу честь и достоинство?

Е. Платицина:

- Понимаете, он был боевой офицер. Он не мог заплакать. Или вот еще: "Через два дня был Новый год. Под елку спрятали нам подарки. Мне платок большой. Черный. "Зачем ты, сыночек, черный выбрал?" - "Мамочка, там были разные. Но пока моя очередь подошла, только черные остались. Посмотри, он тебе идет..."

Получается, что мой сын стоял в очередях, он терпеть не мог магазины и очереди. А тут он на войне стоит в очереди... Мне, за платком... Зачем было об этом писать? Он был боевой офицер. Он погиб...

Светлана Александровна, зачем вы такое написали?

С. Алексиевич:

- Когда я писала ваш рассказ, я тоже плакала. И ненавидела тех, кто послал вашего сына зря погибнуть в чужой стране. И мы были тогда с вами вместе, заодно.

Е. Платицина:

- Вы говорите, что я должна ненавидеть государство, партию... Я горжусь своим сыном! Он погиб, как боевой офицер. Его все товарищи любили. Я люблю то государство, в котором мы жили, СССР, потому что за него погиб мой сын. А вас ненавижу! Мне не нужна ваша страшная правда. Она нам не нужна!! Слышите?!

С. Алексиевич:

- Я, наверное, могла бы вас понять. Мы могли бы поговорить. Но почему мы должны говорить об этом в суде? Вот это я не могу понять...

* * *

... По кондовому советскому сценарию, Светлана Алексиевич организованно проклинается как агент ЦРУ, прислужница мирового империализма, клеветщица на свою великую родину и ее героических сыновей якобы за два "мерседеса" и долларовые подачки...

Первый суд так ничем и не закончился, так как истцы - бывший рядовой О.Ляшенко и мать погибшего офицера Е.Н.Платицина - не явились на судебное разбирательство. Но через полгода было подано два новых иска, от С.И.Головневой, матери погибшего старшего лейтенанта Ю.Головнева, председатель Белорусского клуба матерей погибших воинов-интернационалистов, и Тараса Кецмура, бывшего рядового, ныне председателя Минского клуба воинов-интернационалистов...

Газета "Права человека", №3, 1993 год.

14 сентября в Минске состоялся суд, где ответчиком выступала Светлана Алексиевич.

И тут началось самое интересное. "Исковое заявление от матери погибшего "афганца" И.С.Головневой поступило в суд без даты, - сказал адвокат Алексиевич Василий Лушкинов. - Нам же его копию представили вообще без подписи и, естественно, без даты. Однако это не помешало судье Т.Городничевой возбудить дело по 7-й статье

гражданского кодекса. Вызывает удивление и то, что само дело было процессуально не оформлено к моменту суда, то есть в книге регистраций номер его уже существовал, хотя еще не было вынесено определение о возбуждении гражданского дела”.

Однако суд состоялся... на нем председательствовал человек, увидевший дело, собственно, на самом суде. О том, что судья Т.Городничева заменена на судью И.Ждановича, Светлана Алексиевич и ее адвокат узнали только за десять минут до начала заседания.

“Это, скорее, вопрос морали, нежели юридический вопрос”, - отреагировал Василий Лукшинов.

Может быть, и так. Но за столом истцов внезапно появился еще один герой книги С.Алексиевич - Тарас Кецмур, а перед судьей И.Ждановичем легло его исковое заявление без подписи и, разумеется, без возбужденного по этому поводу дела...

Адвокат ответчицы обратил внимание суда на этот нонсенс и заявил протест. Судебное заседание было перенесено...

Олег Блоцкий

“Литературная газета”, 6 октября 1993 год

Из стенограммы судебного заседания 29 ноября 1993 года

Состав суда: судья И. Жданович, народные заседатели Т.В.Борисевич, Т.С.Сорока.

Истцы: И.С.Головнева, Т.М.Кецмур.

Ответчица: С.А.Алексиевич.

Из судебного иска Инны Сергеевны Головневой, матери погибшего старшего лейтенанта Ю. Головнева

В газете “Комсомольская правда” от 15. 02. 90г. опубликованы отрывки из документальной повести С. Алексиевич “Цинковые мальчики” - “Монологи тех, кто прошел Афганистан”.

В опубликованном за моей фамилией монологе имеются неточности и искажения фактов, сообщаемых мною С. Алексиевич, а также явная ложь, вымыслы, т. е. изложение с моих якобы слов обстоятельств, о которых я не сообщала и не могла сообщить. Вольная интерпретация моих высказываний, а также явные домыслы, изложенные от моего имени, порочат мою честь и достоинство, тем более, что повесть документальная. Как я полагаю, автор-документалист обязан в точности излагать полученную информацию, иметь записи бесед, согласовывать тексты с интервьюируемым.

Так, Алексиевич указывает в статье: “Нехорошо матери в этом признаваться... но я любила его больше всех. Больше, чем мужа, больше, чем второго сына...” (Речь идет о моем погибшем сыне Юре). Приведенная цитата выдуманная (не соответствует изложенному). Указание о различной якобы степени любви к членам семьи повлекло конфликты

в семье и, полагаю, порочат мое достоинство.

Далее: "В первом классе он знал, читал наизусть не сказки, не детские стихи, а целые страницы из книги "Как закалялась сталь" Н.Островского". Из приведенной фразы следует, что сын воспитывался в семье каких-то фанатиков. Я же Алексиевич рассказывала, что Юра уже в 7-8 лет читал серьезные книги, в том числе "Как закалялась сталь".

Алексиевич искажила и мой якобы рассказ об обстоятельствах отправки сына в Афганистан. Она указывает на его якобы слова: "Я поеду в Афганистан, чтобы доказать им, что в жизни есть высокое, что не каждому нужен для счастья только забитый мясом холодильник". Ничего подобного не было. Утверждения Алексиевич порочат меня и моего сына, ничего и никому он не доказывал. Как нормальный человек, патриот, романтик он добровольно попросился в Афганистан.

Не говорила я Алексиевич и таких фраз, когда заподозрила о намерении сына попроситься в Афганистан: "Тебя убьют там не за Родину... Тебя убьют неизвестно за что... Разве может Родина посылать на гибель... Я сама отправила его туда. Сама!..."

Данная цитата порочит мою честь и достоинство, представляя меня двуличным человеком с двойной моралью.

Неверно описан спор между сыновьями. У Алексиевич написано так: "Ты, Гена, мало читаешь. Никогда не увидишь книгу у тебя на коленях. Всегда гитара..."

Спор между сыновьями был лишь в одном: в выборе профессии младшего сына. Гитары у них не было.

Эта фраза Алексиевич оскорбляет меня тем, что она подчеркивает мою нелюбовь к младшему сыну. Я ей такие слова не говорила.

Считаю, что Алексиевич, решив представить события, связанные с войной в Афганистане не только как политическую ошибку, а и как вину всего народа, тенденциозно, а зачастую и просто домысливала обстоятельства, якобы имевшие место в интервью. Цель ее - преподнести наш народ - солдат, побывавших в Афганистане, их родственников - как людей беспринципных, жестоких, безразличных к чужим страданиям.

Для облегчения работы Алексиевич я представила ей дневник сына; однако это не помогло ей изложить обстоятельства действительно документально.

Прошу извинения Алексиевич за искажение подлинного моего материала и за опорочивание моей чести и достоинства в газете "Комсомольская правда".

Без личной подписи

Без даты

Из судебного иска Тараса Кецура, бывшего рядового

В изложенном тексте моего первого искового заявления о защите чести и достоинства не указаны конкретные претензии к С.Алексиевич за ее публикацию в "Комсомольской правде" (15.02.90г.). Настоящим

дополняю и подтверждаю его: все, что изложено С. Алексиевич в газетной статье и в книге "Цинковые мальчики" - вымысел и не имело места в действительности, так как я с ней не встречался и ничего ей не говорил.

С выходом статьи 15 февраля 1990г. в "Комсомольской правде" я прочел следующее:

"Уехал в Афганистан со своей собакой Чарой, крикнешь "Умри!", и она падает. Если не по себе, сильно расстроен, она садилась рядом и плакала. Первые дни я немел от восторга, что там..."

"Вы, пожалуйста, никогда не трогайте этого, много сейчас умников здесь, почему же никто не положил партбилет, никто пулю себе в лоб не пустил, когда мы были там..."

"Я там видел, как выкапывают на полях железо и человеческие кости... я видел оранжевую, ледовую корку на застывшем лице убитого, да, почему-то оранжевую..."

"В моей комнате те же книги, фото, магнитофон, гитара, а я другой. Через парк не могу пройти, оглядываюсь. В кафе официант станет за спиной: "Заказывайте", а я готов вскочить и убежать. Не могу, чтобы кто-то у меня за спиной стоял. Увидишь гада, одна мысль - расстрелять его надо".

"На войне приходилось делать прямо противоположное тому, чему нас учили в мирной жизни, а в мирной жизни надо было забыть все навыки, приобретенные на войне".

"Я стрелял отлично, прицельно метаю гранаты, зачем мне это. Ходил в военкомат, просился назад, не взяли. Война скоро кончится, вернуться такие же, как и я. Нас будет больше".

Практически этот же текст я прочитал и в книге "Цинковые мальчики" с небольшими литературными поправками, где фигурирует та же собака, те же мысли вслух.

Еще раз подтверждаю, что это чистый вымысел, приписанный к моему имени...

В связи с вышеизложенным прошу высокий суд защитить опороченную честь солдата и гражданина.

Без личной подписи

Без даты

Из выступлений И.С.Головневой

Мы долго жили за границей, муж там служил. Мы вернулись на Родину осенью 1986 года. Я была счастлива, что мы, наконец, дома. Но вместе с радостью в дом пришло горе - погиб сын.

Месяц я лежала пластом. Не хотела никого слышать. Все было выключено в моем доме. Я никому не открывала дверей. Алексиевич была первая, кто вошел в мой дом. Она сказала, что хочет написать правду о войне в Афганистане. Я ей поверила. Сегодня она пришла, а на завтра меня должны были положить в больницу, и я не знала: вернусь я от туда или нет? Я не хотела жить, без сына я не хотела жить. Когда

Алексиевич пришла, она сказала, что пишет документальную книгу. Что такое - документальная книга? Это должны быть дневники, письма тех, кто там был. Она мне так сказала. Я ей отдала дневник своего сына, который он там вел: "Вы хотите написать правду. - сказала я, - вот она в дневнике моего сына".

Потом мы с ней говорили. Я ей рассказала свою жизнь, потому что мне было тяжело, я ползала на коленях в четырех стенах. Я не хотела жить. У нее был с собой диктофон, она все записывала. Но она не говорила, что будет это печатать. Я ей рассказала просто так, а напечатать она должна была дневник моего сына. Повесть же документальная. Я отдала ей дневник моего сына, муж специально для нее перепечатал.

Она еще сказала, что собирается в Афганистан. Она там была в командировке, а мой сын там погиб. Что она знает о войне?

Но я ей верила, я ждала книгу. Я ждала правду: за что убили моего сына? Я писала письмо Горбачеву: ответьте мне, за что погиб мой сын в чужой стране? Все молчали.

Вот, что Юра писал в дневнике: "1 января 1986 года. Уже отсчитана половина пути, и впереди осталось так мало. И снова пламя, и снова забвение, и новый долгий путь - и так вечно, прежде чем свершится воля предназначенного. И память, бьющая плетью пережитого, кошмарными снами врывающаяся в жизнь, и призраки иного мира, иных времен и столетий, влекущие своей похожестью, но иные, не знающие истекших дней. И не остановиться, не передохнуть, не изменить однажды предрешенного - пустота и мрак разверзнется перед отступившимся, ибо, присев отдохнуть, уже не подняться с Земли. И устав, в отчаянии и боли вопиешь к пустым небесам: что там, когда сомкнут круг и путь окончен, и новый мир воссиял в своем величии? Почему мы в ответе за них? Им не дано подняться до блистательных высот, и как бы ни был долог путь, все же дни их уже сочтены. А мы ломаем свои жизни, не зная покоя и счастья, бредем усталые и разбитые, всемогущие и бесправные, демоны и ангелы этого мира..."

Алексиевич это не напечатала, правду моего сына. Другой правды быть не может, правда у тех, кто там был. Она зачем-то описала мою жизнь. Простым детским языком. Какая это литература? Гадкая маленькая книжонка...

Товарищи, я растила своих детей честно и справедливо. Она пишет, что мой сын любил книгу Н.Островского "Как закалялась сталь". Тогда эту книгу в школе проходили, как и Фадеева "Молодую гвардию". Все эти книги читали, они были в школьных программах. А она подчеркивает, что он их читал, знал отрывки наизусть. Для чего ей нужно об этом писать? Она хочет показать его ненормальным. Фанатичным. Или она пишет: он жалел, что стал военным. Сын мой вырос на полигонах, он пошел по стопам отца. У нас деды, все братья отца, двоюродные братья - все в армии. Военная династия. И в Афганистан он поехал, потому что он был честный человек. Он дал

военную присягу. Раз нужно, он поехал. Я воспитала прекрасных сыновей. Ему приказали, он поехал, он был офицер. А Алексиевич хочет доказать, что я мать-убийца. И мой сын там убивал. Что выходит? Я его туда послала? Я дала ему в руки оружие? Мы, матери, виноваты, что там была война? Что там убивали, грабили, курили наркотики?

И эта книга опубликована за границей. В Германии, во Франции. По какому праву Алексиевич торгует нашими погибшими сыновьями? Добывает себе славу и доллары? Кто она такая? Если это мое, я рассказала, пережила, причем здесь Алексиевич. Поговорила, записала наши рассказы, мы ей проплакали свое горе...

Имя мое она написала неправильно: я Инна, а у нее Нина Головнева. У моего сына звание старший лейтенант, а она написала - младший. Это документальная литература, я дала ей дневник, она должна его опубликовать и все. Я понимаю, что документальная литература - это письма, дневники. Пусть признает, что это вымысел, клевета... Написанная простым, грубым языком. Кто так пишет книги? Мы детей потеряли, а у нее слава... Пусть бы она родила сына и отправила на эту войну...

Из ответов на вопросы:

Адвокат С. Алексиевич - В. Лушкинов:

- Скажите Инна Сергеевна, Алексиевич записывала ваш рассказ на диктофон?

И. Головнева:

- Она просила разрешения включить диктофон. Я ей разрешила.

В. Лушкинов:

- А вы просили ее показать потом то, что она снимает с пленки и использует в книге?

И. Головнева:

- Я думала, что она напечатает дневник моего сына. Я уже говорила, что я понимаю, что документальная литература - это дневники и письма. А если мой рассказ, то слово в слово, как я говорила.

В. Лушкинов:

- Почему вы не подали в суд на Алексиевич сразу, когда вышла "Комсомольская правда" с отрывком из книги? А решились на это через три с половиной года?

И. Головнева:

- Я не знала, что она эту книгу будет печатать за границей. Распространять клевету... Я честно воспитала своих детей для Родины. Мы жили всю жизнь в палатках и бараках, у меня было два сына и два чемодана. Я в политику не вмешивалась... А она пишет, что наши дети - убийцы... Я поехала в Министерство обороны, я отдала им орден сына... Я не хочу быть матерью убийцы... Я отдала его орден государству...

Общественный защитник С. Алексиевич - Е. Новиков, председатель Белорусской лиги прав человека:

- Я хочу заявить протест. Прошу внести в протокол. Из зала постоянно оскорбляют Светлану Алексиевич. Грозят убить... Даже обещают резать по кусочкам... (Поворачивается к матерям, сидящим в зале с большими портретами своих сыновей, на которые наколоты их ордена и медали). Поверьте, я уважаю ваше горе...

Судья И. Жданович:

- Я ничего не слышал. Никаких оскорблений.

Е. Новиков:

- Все слышали кроме суда...

Голоса из зала

- Мы - матери. Мы хотим сказать. Мы все будем говорить. погубили наших детей... Потом деньги себе на этом зарабатывают... А наши дети в могилках. Мы отомстим за наших детей, чтобы они могли спокойно в земле лежать...

- Будь ты проклят! Пусть тебя белая горячка возьмет. Сделали из наших детей убийц.

- А сам ты служил в армии? Не служил... На институтской скамейке отсиживался, пока наши дети гибли.

- Не надо у матерей спрашивать: убивал ее сын или не убивал? Она помнит об одном - ее сына убили...

- Будь ты проклят! Будьте прокляты вы все!

Судья И. Жданович:

- Прекратите шум! Прекратите базар! Это - суд, а не базар... (Зал неистовствует.) Объявляется перерыв на пятнадцать минут...

После перерыва в зале суда дежурит милиция.

Из выступления Т. М. Кецура:

Я не готовился выступать, я буду говорить не по бумажке, нормальным языком. Как я познакомился со знаменитейшей писательницей мирового уровня? Нас познакомила фронтовичка Валентина Чудаева. Она мне сказала, что эта писательница написала книгу "У войны не женское лицо", которую читают во всем мире. Потом я на одной из встреч с фронтовиками разговаривал с другими женщинами-ветеранами, они мне сказали, что Алексиевич сумела из их жизни сколотить себе состояние и славу, теперь взялась за "афганцев". Я волнуюсь... Прошу прощения...

Она пришла к нам в клуб "Память" с диктофоном. Хотела написать о многих ребятах, не только обо мне. Почему она после войны написала свою книгу? Почему эта писательница с громким именем, мировым, молчала десять лет? Ни разу не крикнула?

Меня туда никто не посылал. Я сам просился в Афганистан, писал рапорты. Придумал, что у меня там погиб близкий родственник. Я немножко поясню ситуацию... Я сам могу написать книгу... Когда мы встретились, я с ней отказался разговаривать, я так ей и сказал, что мы сами, кто там был, напишем книгу. Напишем лучше ее, потому что она

там не была. Что она может написать? Только причинит нам боль.

Алексиевич теперь пишет книгу о Чернобыле. Это будет не меньшая грязь, чем та, что вылита на нас. Она лишила моральной жизни все наше афганское поколение. Получается, что я - робот... Компьютер... Наемный убийца... И мне место в Новинках под Минском, в сумасшедшем доме...

Мои друзья звонят мне и обещают набить морду, что я такой герой... Я взволнован... Прошу прощения... Она писала, что я служил в Афганистане с собакой... Собака по дороге умерла... Я сам в Афганистан просился... Понимаете, сам! Я не робот... Не компьютер... Я взволнован... Прошу прощения...

Из ответов на вопросы:

С. Алексиевич:

- В исковом заявлении, Тарас, ты написал, что никогда со мной не встречался. А сейчас говоришь, что встречался, но отказывался разговаривать. Значит, ты не сам писал свое исковое заявление?

Т. Кецмур:

- Я сам не писал... Мы встречались... Но я вам ничего не рассказывал...

С. Алексиевич:

- Если ты мне ничего не рассказывал, откуда я могла знать, что родился на Украине, болел в детстве... Поехал в Афганистан с собакой (хотя, как ты сейчас говоришь, она по дороге умерла), и звали ее Чарой...

(Молчание.)

Е. Новиков:

- Вы говорили, что сами попросились а Афганистан, добровольно. Я не понял, как вы сегодня к этому относитесь? Ненавидете эту войну или гордитесь, что там были?

Т. Кецмур:

- Я не дам вам сбить меня... Почему я должен ненавидеть эту войну? Я исполнил свой долг...

Голоса из зала:

- Дайте нам сказать... Матерям...

- Я больше знаю, чем все вы... Мне сына в цинковом гробу привезли...

Из разговоров в зале суда:

- Мы защищаем честь своих погибших детей. Верните им честь! Верните им Родину! Развалили страну. Самую сильную в мире!

- Это вы сделали наших детей убийцами. Это вы написали эту жуткую книгу... Теперь не хотят делать в школах музеи памяти наших детей, сняли их фотографии. А они там такие молодые, такие красивые.

Разве у убийц бывают такие лица? Мы учили своих детей любить Родину... Зачем она писала, что они там убивали? За доллары написала... А мы - нищие... Цветов на могилу сыновьям не за что купить... на лекарства не хватает...

- Оставьте нас в покое. И почему вы бросаетесь из одной крайности в другую - сначала изображали их героями, а сейчас все сразу стали убийцами? У нас ничего не было кроме Афгана. Только там мы чувствовали себя настоящими мужчинами. Никто из нас не жалеет, что там был...

- Это такая страшная правда, что она звучит, как неправда. Отпугивает. Ее не хочется знать. От нее хочется защищаться.

- Для большинства эта война - нужное дело, и только для меньшинства - ужас. До сих пор. Было бы по-другому, не было бы этого суда.

- Ссылаются на приказ: мне, мол, приказали - я исполнял. На это ответили международные трибуналы: выполнять преступный приказ - преступление. И срока давности нет.

- В девяносто первом году такого суда не могло быть. Коммунисты отступили, ушли в тень. А сейчас почувствовали силу... Опять заговорили о "великих идеалах", о "социалистических ценностях"... А кто против, на тех - в суд! Как бы скоро к стенке не начали ставить... И не собрали нас в одну ночь на стадионе за проволокой...

- Человек, выросший на войне, это совсем другой человек.

- Я присягал... Я был военный человек...

- С войны мальчишками не возвращаются...

- Мы их воспитывали в любви к Родине...

- Вы без конца клянетесь в любви к Родине, потому что хотели бы, чтобы она за все ответила. Родина, чтобы ответила, а сами вы отвечать не хотите...

Из почты суда

Узнав подробности судебного дела, затеянного в Минске против Светланы Алексиевич, расцениваем его как преследование писательницы за демократические убеждения и покушение на свободу творчества. Светлана Алексиевич завоевала своими подлинно гуманистическими произведениями, своим талантом, своим мужеством широкую популярность, уважение в России и других странах мира.

Не хотим пятна на добром имени близкой нам Беларуси!

Пусть восторжествует справедливость!

*Содружество Союзов писателей
Союз российских писателей
Союз писателей Москвы*

Можно ли посягать на право писателя говорить правду, какой бы трагической и жесткой она ни была? Можно ли ставить ему в вину неопровержимые свидетельства о преступлениях прошлого и, в частности, о преступлениях, связанных с позорной афганской авантюрой.

которая стоила стольких жертв, исковеркала столько судеб.

Казалось бы, в наше время, когда печатное слово стало, наконец, свободным, когда нет больше идеологического пресса, руководящих указаний, косных установок на "единственно возможное изображение жизни в духе коммунистических идеалов", задавать такие вопросы нет никакого резона.

Увы, он есть. И красноречивое свидетельство тому - готовящийся в эти дни суд над писательницей Светланой Алексиевич, той самой, которая написала замечательную книгу "У войны не женское лицо" (о судьбе женщин - участниц Великой Отечественной), книгу "Последние свидетели" - о детях той же Великой Отечественной - над Светланой Алексиевич, которая вопреки стараниям официальной пропаганды и противодействию литераторов типа небезызвестного А. Проханова, заслужившего в годы афганской войны титул "неутомимого соловья генерального штаба", создала книгу "Цинковые мальчики", сумев и посмеяв сказать в ней страшную, переворачивающую душу правду о войне в Афганистане.

Уважая личное мужество солдат и офицеров, посланных брежневским руководством КПСС сражаться в чужую, до этого дружественную страну, искренне разделяя скорбь матерей, чьи сыновья погибли в афганских горах, писательница вместе с тем бескомпромиссно разоблачает в этой книге все попытки героизировать позорную афганскую войну, попытки романтизировать ее, развенчивает лживую патетику и трескучий пафос.

Видимо, это пришлось не по душе тем, кто и поныне убежден, что афганская и другие авантюры канувшего в прошлое режима, оплаченные кровью наших солдат, были исполнением "священного интернационального долга", кто хотел бы обелить черные дела политиков и чернобыльцев-военачальников, кто хотел бы поставить знак равенства между участием в Великой Отечественной войне и в несправедливой, по сути, колониальной, афганской.

Эти люди не вступают в полемику с писательницей. Не оспаривают приводимых ею потрясающих фактов. И вообще не показывают своего лица. Руками других, все еще заблуждающихся или введенных в заблуждение, они возбуждают (спустя годы после газетных публикаций и выхода в свет книги "Цинковые мальчики"!) судебное дело об "оскорблении чести и достоинства" воинов-афганцев, тех мальчиков, о которых с таким пониманием, состраданием и сочувствием, с такой сердечной болью написала Светлана Алексиевич.

Да, она не изображала их романтическими героями. Но лишь потому, что твердо следовала толстовскому завету: "Герой... которого я люблю всеми силами души... был, есть и будет, - правда".

Так можно ли оскорблять за правду? Можно ли ее судить?

Писатели - участники Великой Отечественной войны:

*Микола Аврамчик, Янка Брыль, Василь Быков,
Александр Дракохруст, Наум Кислик, Валентин Тарас.*

Мы, белорусские писатели Польши, решительно протестуем против судебного преследования в Беларуси писательницы Светланы Алексиевич.

Судебный процесс над писательницей - это позор для всей цивилизованной Европы!

*Ян Чиквин, Сократ Янович, Виктор Швед,
Надежда Артымович.*

... В нашем театре уже два года идет спектакль по повести Светланы Алексиевич "Цинковые мальчики". Я хочу сказать, что зрительный зал всегда заполнен, а после окончания спектакля люди встают и молчат. И долго не расходятся. Поэтому, когда мы узнали, что против Светланы Алексиевич затеяли судебный процесс, все были поражены: сколько же зла и лжи посеянно в человеческих душах за советские годы! Думали: чем мы можем помочь? В нашем театре - это любимый спектакль, потому что он не столько о войне, сколько о том, кто мы, какие?

Решили отослать в суд выписку из книги отзывов на спектакль. Просим зачитать на процессе эти слова, эти чувства:

"Спасибо за правду, которую мы не знали. Пусть нас простят погибшие мальчики.

Цыганова

Дай бог, мальчикам никогда не быть на войне, никогда никого не убивать...

Ученицы 11-А класса СШ N 73

У меня на той войне погиб друг Виктор Киян, и я очень благодарна за спектакль в память о наших женихах...

К. Шаламова

Я это видел там, своими глазами. Спасибо за правду. И за то, что благодаря вам, ее услышали и увидели здесь...

А. Левадин

Отзывов десятки. Мы выбрали только несколько, но, если нужно защитить Светлану Алексиевич и ее книгу, пришлем целую тетрадку...

К. Добрунов

*главный режиссер народного театра "Юность",
г. Горловка Донецкой области.*

... И мой два года (с 1985 по 1987) был в Афганистане, в провинции Кунар, это возле самой границы с Пакистаном. Он стыдится называться "воином-интернационалистом". Мы с ним часто обсуждаем эту болезную тему: надо ли было нам, советским, быть там, в Афганистане? И кто мы были там - оккупанты или друзья, "воины-интернационалисты"? Ответы приходят одни и те же: никто нас туда не звал и не нужна была наша "помощь" афганскому народу. И как ни тяжело в том признаться - мы там были оккупанты. И, на мою мысль, нам сейчас не

о памятниках "афганцам" надо спорить (где их поставили, а где еще нет), а о покаянии думать. Нам всем надо покаяться за мальчиков, что обманутыми погибли в этой бессмысленной войне, покаяться за их матерей, тоже обманутых властью, покаяться за тех, кто вернулся с покалеченными душами и телами. Покаяться надо перед народом Афганистана, его детьми, матерями, стариками - за то, что столько горя принесли их земле...

А. Масюта

*мать двоих сыновей, жена бывшего воина-интернационалиста,
дочь ветерана Великой Отечественной войны.*

Правда об агрессии СССР в Афганистане, подтвержденная собранными в книге Алексиевич документальными свидетельствами ее участников и жертв, является не "поруганием чести и достоинства", а позорным фактом недавней истории советского коммунистического тоталитаризма, однозначно и громогласно осужденным мировым сообществом.

Практика судебного преследования писателя за его творчество также является не менее хорошо известным и не менее позорным способом функционирования того же режима.

Происходящее сегодня в Беларуси - массированная организованная кампания против Светланы Алексиевич, травля писательницы и постоянная угроза в ее адрес, судебный процесс, попытки запретить ее книгу - свидетельствует о том, что отрывки тоталитаризма являются не прошлым, а настоящим Беларуси.

Такая реальность не позволяет воспринимать Республику Беларусь посткоммунистическим, свободным и независимым государством.

Преследование Светланы Алексиевич, чьи книги широко известны во Франции, Великобритании, Германии и других странах мира, не принесут Республике Беларусь ничего иного, кроме приобретения репутации коммунистического заповедника в посткоммунистическом мире, и не придадут ей никакой другой роли, кроме как незавидной роли европейской Кампучии.

Требуем немедленного прекращения всякого рода преследования Светланы Алексиевич и судебного процесса над ней и ее книгой.

*Владимир Буковский, Игорь Герашенко, Ирина Ратушинская,
Инна Рогачий, Михаил Рогачий.*

... Уже долгое время продолжают попытки дискредитировать, в том числе судебными исками, писательницу Светлану Алексиевич, всеми своими книгами восставшую против безумия насилия и войны. В своих книгах Светлана Алексиевич доказывает, что человек - главная ценность в этой жизни, но его преступно превращают в винтик политической машины и преступно используют как пушечное мясо в войнах, развязываемых амбициозными государственными лидерами. Ничем нельзя оправдать гибель наших парней на чужой земле Афганистана.

Каждая страница "Цинковых мальчиков" вызывает: люди, не допустите этого кровавого кошмара еще раз!

Совет Объединенной демократической партии Беларуси.

Из Минска к нам поступают сведения о судебном преследовании белорусской писательницы, члена Международного ПЕНа Светланы Алексиевич, "виновной" лишь в том, что она выполнила основную и непреложную обязанность литератора: искренне поделилась с читателем тем, что ее тревожит. Книга "Цинковые мальчики", посвященная афганской трагедии, обошла весь мир и заслужила всеобщее признание. Имя Светланы Алексиевич, ее мужественный и честный талант вызывает наше уважение. Нет никакого сомнения, что, манипулируя так называемым "общественным мнением", реваншистские силы пытаются лишить писателей их важнейшего права, закрепленного Хартией Международного ПЕНа: права на свободное самовыражение.

Русский ПЕН-центр заявляет о полной солидарности со Светланой Алексиевич, с Белорусским ПЕН-центром, со всеми демократическими силами независимой страны, и призывают органы правосудия оставаться верными международным законам, под которыми стоит и подпись Беларуси, прежде всего - Всеобщей Декларацией прав человека, гарантирующей свободу слова и свободу печати.

Русский ПЕН-центр

Белорусская Лига прав человека считает, что непрекращающиеся попытки расправиться с писателем Светланой Алексиевич путем судебных процессов являются политическим актом, направленны властями на подавление инакомыслия, свободы творчества и свободы слова.

Мы располагаем данными, что в 1992-1993гг. различными судебными инстанциями Республики Беларусь рассмотрено около десятка политических дел, искусственно переведенных в область гражданского права, но по сути направленных против демократически настроенных депутатов, писателей, журналистов, печатных изданий, активистов общественно-политических организаций.

Мы требуем прекратить травлю писателя Светланы Алексиевич и призываем пересмотреть подобные этому судебные дела, решения по которым стали политической расправой...

Белорусская Лига прав человека

... Мы десятилетиями вгоняли новые и новые миллионы и миллиарды в свою оборону, находя для нее все новые рубежи в странах Азии и Африки, да и заодно новых вождей, пожелавших строить у себя "светлое будущее". Мой бывший однокашник по учебе в академии Фрунзе, майор, а потом маршал, Вася Петров, лично гнал в атаку сомалийцев, за что получил Золотую Звезду... А сколько было еще таких!

Но вот начал трещать по швам стянутый оковами Варшавского Договора и державшийся на штыках Групп советских войск так

называемый "социалистический лагерь". Для оказания "братской помощи в борьбе с контрреволюцией" в эти страны стали посылать наших сыновей в Будапешт, потом в Прагу, потом...

В сорок четвертом я шел с нашими войсками по территории освобождаемых от фашизма стран - Венгрии и Чехословакии. То была уже чужая земля, но казалось, что мы дома: те же приветствия, те же радостные лица, то же скромное угощение, но от души...

Четверть века спустя наших сыновей на той же земле встретили уже не хлебом-солью, а плакатами: "Отцы - освободители, сыновья - оккупанты!" Сыновья носили ту же военную форму и звание наследников, а мы - молча свой позор перед всем миром.

Дальше - больше. В декабре 1979 года сыновья ветеранов Отечественной и ученики (мой, в частности, Боря Громов, впоследствии главнокомандующий 40-й армией, которого я учил тактике в военном училище) вторглись в Афганистан. На протяжении ряда лет более чем сто стран - членов ООН осуждали это преступление, начав которое, мы, подобно Саддаму Хусейну сегодня, противопоставили себя тогда мировому сообществу. Теперь мы знаем, что в той грязной войне, ни за что, наши солдаты погубили более миллиона афганцев и потеряли свыше пятнадцать тысяч своих...

С целью умышленного сокрытия смысла и истинных масштабов постыдной агрессии, ее зачинщики официально внесли в употребление термин "ограниченный контингент" - классический пример фарисейства и словоблудия. С неменьшим лицемерием звучало и "воины-интернационалисты", как бы новое название воинской специальности. эвфемизм, призванный исказить смысл происходящего в Афганистане, сыграть на созвучии с интербригадами, сражавшимися с фашистами в Испании.

Инициаторы вторжения в Афганистан, верховоды из политбюро не только проявили свою разбойничью сущность, но и сделали своих подручных соучастниками преступления, всех, у кого не хватило мужества воспротивиться приказу убивать. Убийство не может быть оправданным никаким "интернациональным долгом". Какой, мать вашу, долг!!!

Безмерно жалко их матерей, осиротевших детей... Сами же они получили не награды за кровь безвинных афганцев, - цинковые гробы...

Писательница в своей книге отделяет их от пославших убивать, она испытывает к ним жалость в отличие от меня. Не понимаю, за что хотят ее судить? За правду?

*Григорий Браиловский,
инвалид Великой Отечественной,
г. Санкт-Петербург*

... Кровь афганской войны на многое открыла глаза ныне живущим. Дорогой ценой. Прозреть бы раньше. Но кого обвинишь? Разве винят слепого в том, что он незрячий? Кровью отмыты глаза наши...

Я попал в Афганистан в 1980 году (Джелалабад, Баграм). Военным положено выполнять приказ.

Тогда, в 93-м, в Кабуле, я впервые услышал: "Надо поднять в воздух всю нашу стратегическую авиацию и стереть эти горы с лица земли. Сколько уже наших похоронили - и все без толку!" Это говорил один из моих друзей. У него, как и у всех, - мать, жена, дети. Значит, мы, пусть мысленно, но все же лишаем права тех матерей, детей и мужей жить на собственной земле, потому что "взгляды" не те.

А знает ли мать погибшего "афганца", что такое объемная бомба? Командный пункт нашей армии в Кабуле имел прямую правительственную связь с Москвой. Оттуда получали "добро" на применение этого оружия. В момент срабатывания взрывателя первый заряд разрывал газонаполненную оболочку. Вытекал газ, заполняющий все щели. Это "облако" взрывалось через временный интервал. Ничего живого не оставалось на этой площади. У человека лопались внутренности, выскакивали глаза. В 1980 году впервые нашей авиацией были применены реактивные снаряды, начиненные миллионами мелких иголок. Так называемые "игольчатые Р. С.". От таких иголок не уроешься нигде - человек превращается в мелкое сито...

Мне хочется спросить у наших матерей - хоть одна из них поставила себя рядом с матерью-афганкой? Или она ту мать считает существом более низшего порядка?

Ужасает только одно: сколько же еще людей передвигается у нас на ощупь, впотьмах, уповая на свои чувства, не пытаясь думать и сопоставлять!

Проснувшиеся ли мы до конца люди, да люди ли мы с вами, если до сих пор учимся пинать разум, открывающий нам глаза?

А. Соколов, майор, военный летчик

... А некоторые из высокопоставленных лжецов не теряют надежды использовать ту же ложь для возврата прежних милых для них времен. Так, в газете "День" генерал В. Филатов в своем обращении к воинам-афганцам изрекает: "Афганцы! В час Маузера сработаем как в Афганистане... Там вы сражались за Родину на южном направлении... Теперь за Родину надо сражаться, как в 1941 году, на своей территории" ("Литературная газета" от 23.09.1992 года).

Этот час Маузера дал о себе знать 3-4 октября в Москве у стен Белого дома. Но кто знает, не будет ли попытки реванша?

Да, справедливость требует Суда. Суда чести над инициаторами и вдохновителями афганского преступления - над мертвыми и живыми. Он нужен не для разжигания страстей: а как урок на будущее для всех, кто придумает новые авантюры от имени народа. Как моральное осуждение совершенных злодеяний. Он нужен, чтобы развеять лживую версию о виновности за афганские преступления только верхней пятерки: Брежнева, Громыко, Пономарева, Устинова, Андропова. Потому что были заседания Политбюро, секретариатов, пленум ЦК

КПСС, закрытые письма для всех членов КПСС. Но не было среди этих участников и слушателей ни одного возражающего...

Суд нужен, чтобы пробудилась, наконец, совесть у тех, кто получал награды, офицерские и генеральские чины и звания, гонорары и почет за кровь невинных миллионов людей, за ложь, к которой так или иначе мы все оказались причастны...

*А. Соломонов,
доктор технических наук, профессор, г. Минск*

Говоря словами Солженицина, мир - это не просто отсутствие войны, но прежде всего отсутствие насилия над человеком. Не случайно, что именно сейчас, когда наше посттоталитарное общество захвачено безумием политического, религиозного, национального, в том числе вооруженного, насилия, писателю предъявлен счет за правду о войне в Афганистане.

Думается, что скандал, расжигаемый вокруг "Цинковых мальчиков", - это попытка восстановить в сознании людей коммунистические "мифы о самих себе". За спинами истцов видны другие фигуры: те, кто на Первом съезде народных депутатов СССР не давал А.Д.Сахарову говорить о бесчеловечности этой войны, те, кто все еще рассчитывает вернуть ускользающую из рук власть и держать ее силой...

Эта книга ставит вопрос о праве жертвовать человеческими жизнями, прикрываться речами о суверенности и великодержавности. За какие идеи гибнут простые люди в Азербайджане, Армении, Таджикистане, Осетии?

Между тем, по мере роста лжепатриотических идей, основанных на насилии, мы становимся свидетелями нового возрождения духа милитаризма, возбуждения инстинктов агрессии, преступной торговли оружием под сладкие речи о демократической реформе в армии, о военном долге, о национальном достоинстве. Трескучие фразы ряда политиков в защиту революционного и военного насилия, близкие идеям итальянского фашизма, немецкого национал-социализма и советского коммунизма, порождают идейную сумятицу в умах, готовя почву для роста нетерпимости и враждебности в обществе.

Ушедшие с политической арены духовные отцы таких политиков умели манипулировать человеческими страстями и вовлекали своих сограждан в братоубийственные распри. Конечно, их последователям очень хочется ускорить процесс над идеями ненасилия и сострадания. Следует вспомнить, что в свое время Лев Толстой, проповедовавший отказ от службы в армии, не был привлечен к суду за антивоенную деятельность. Нас же опять хотят вернуть в эпоху, когда губили все самое честное.

В судебном процессе С.Алексиевич можно усмотреть спланированное наступление антидемократических сил, которые под видом отстаивания чести армии борются за сохранение отталкивающей идеологии, привычной лжи... Идея ненасильственной альтернативы,

которую защищают книги С.Алексиевич, живет в сознании людей, хотя официально эта идея не признана, а понятие “непротивление злу насилием” до сих пор осмеивается. Но, повторяем: нравственные перемены в жизни общества связаны прежде всего с формированием самосознания, основанного на принципе “Мир без насилия”. Те, кто хочет суда над Светланой Алексиевич, толкают общество во враждебность, хаос самоистребления.

Члены Российского общества мира:

- Р. Илюхина, доктор исторических наук, зав. группой “Идеи мира в истории” Института Всеобщей истории Российской академии наук,***
А. Мухин, председатель Инициативной группы содействия альтернативной службе,
О. Постникова, литератор, член Движения “Апрель”,
Н. Шелудякова, председатель организации “Движение против насилия”.

Литератору нельзя быть судьей и палачем - таковых на Руси и без того было в достатке... Это выражение Чехова невольно вспомнилось в связи с околосредствительным скандалом вокруг книги Светланы Алексиевич “Цинковые мальчики” и одновременно развернутой против “афганцев”, их родителей кампании в республиканской и московской прессе и даже забугорных радиостанциях...

Да, война есть война. Она всегда жестока и несправедлива в отношении человеческой жизни. В Афганистане подавляющая часть солдат и командиров, верных присяге, исполняла свой долг. Потому что приказ был отдан законным правительством от имени народа. К сожалению, к стыду нашему, были отдельные командиры и солдаты, которые совершали преступления, были и те, кто убивал и грабил афганцев, кто (такие единицы - но были) убивал своих товарищей и с оружием уходил на сторону душманов, воевал в их рядах.

Могу привести целый ряд других преступлений, совершенных нашими людьми, но, когда некоторые писатели и журналисты сравнивают “афганцев” с фашистами, тут же выступает целый ряд вопросов. Может, эти господа могут продемонстрировать миру приказы правительства о строительстве нашей армией в Афганистане концлагерей, об уничтожении целого народа, сожжении в газовых печах миллионов людей, как это делали немцы? Или у вас, господа, есть документы, свидетельствующие, что за одного убитого советского солдата уничтожались сотни мирных людей, как это делали гитлеровцы в Белоруссии? Или можете доказать, что наши врачи забирали у афганских детей всю кровь для своих раненых, как это делалось немецкими оккупантами?

Кстати, у меня есть списки советских солдат и офицеров, которые

были осуждены за преступления, совершенные против афганских граждан. Может, вы, господа, предъявите такие списки на немцев или назовете хотя бы одного-двух, кто был осужден во время оккупации нашей страны за то, что совершил преступление в отношении мирного населения?

Слов нет, решение тогдашнего советского правительства о вводе войск в Афганистан было преступным в первую очередь в отношении советского народа. Но, говоря о наших военнослужащих, которых при молчаливом согласии народа и вашем тоже, господа, направили в пекло выполнять воинский долг, надо быть конкретным. Клеймить стоит тех, кто принял решения, кто, имея вес в обществе, молчал...

Унижая матерей погибших солдат, защитники Алексиевич кивают на Америку - страну великой демократии! Там, дескать, нашлись силы выступить против войны во Вьетнаме.

Но ведь любой читающий газеты человек знает, как поступила Америка. Ни американский конгресс, ни американский сенат не принимали резолюций, осуждающих войну во Вьетнаме. Никто в Америке не позволил и не позволит бросить бранное слово в адрес президентов Кеннеди, Джонсона, Форда, Рейгана, посылавших американских солдат на бойню.

Через Вьетнам прошло около трех миллионов американцев... вьетнамские ветераны входят в высшие круги политической и военной элиты страны... Любой американский школьник может купить знаки отличия воинских частей, воевавших во Вьетнаме...

Интересно, что произошло бы с радио "Свобода", которое защищает Алексиевич, если бы его сотрудники не белорусских граждан, а своих - президентов, участников войны во Вьетнаме - называли преступниками и убийцами? Чужих, естественно, можно, тем более, когда есть доброхоты, которые за доллары и марки готовы и отца родного...

Н. Чергинец, генерал-майор милиции, бывший военный советник в Афганистане, председатель Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане

"Советская Белоруссия", 16 мая 1993 года

... То, что знаем мы, бывшие там, не знает никто, разве только наши начальники, чьи приказы мы выполняли. Теперь они молчат. Молчат о том, как нас учили убивать и "шмонать" убитых. Молчат о том, как уже перехваченный караван делился между вертолетчиками и начальством. Так каждый труп душмана (так мы их тогда называли) минируется, чтобы тот, кто придет хоронить (старик, женщина, ребенок) тоже нашел свою смерть рядом с близким, на своей родной земле. И о многом другом они молчат.

Мне довелось служить в воздушно-десантном батальоне специального назначения. У нас была узкая специальность, караваны, караваны

и еще раз караваны. В большинстве своем караваны шли не с оружием, а с товарами и наркотиками чаще всего ночью. Наша группа - двадцать четыре человека, а их иногда за сотню переваливает. Где уж думать, кто там мирный караванщик, торговец, закупивший в Пакистане товар и мечтающий его выгодно продать, кто переодетый душман. Я каждый бой помню, каждого "своего" убитого помню - и старика, и взрослого мужчину, и мальчишку, корчащегося в предсмертной агонии... и того в белой чалме, с иступленным воплем "Аллах акбар", спрыгнувшего с пятиметровой скалы, перед этим смертельно ранившего моего друга... На моей тельняшке остались его кишки, а на прикладе моего АКМСа его мозги... По полгруппы нашей оставляли мы на скалах... Не всех имели возможность вытащить из расщелин... Их находили только дикие звери... А мы сочиняли их родителям якобы совершенные ими "подвиги". Это восемьдесят четвертый год...

Да, нас нужно судить за содеянное, но вместе с пославшими нас туда, заставившими с именем Родины и согласно присяге выполнять работу, за которую в сорок пятом судили всем миром фашизм...

Без подписи

.. Но вот проходят годы, и вдруг выясняется, что людям, всему человеческому сообществу мало того, что им оставляет история. Та история, к которой мы привыкли, где именно есть имена, даты, события, где есть факты и их оценка, но где не остается места для человека. Для того самого конкретного человека, который был не просто участником этих событий, некой статистической единицей, а представлял из себя определенную личность, был наполнен эмоциями и впечатлениями, историей, как правило, не фиксируемыми...

Я не помню, когда вышла книга Светланы Алексиевич "У войны не женское лицо" - лет пятнадцать прошло уже, наверное, но я и сейчас зримо представляю потрясший меня эпизод. На марше женский батальон, жара, пыль, а в пыли - то здесь, то там пятна крови, - для женского организма нет перерывов даже на войне.

Какой историк оставит нам такой факт? И сколько рассказчиков должен пропустить через себя писатель, чтобы выудить его из бесчисленного числа фактов, впечатлений?

Или еще. После маршевого броска женский батальон оказывается на берегу реки. Возможность обмыться - одно из счастливых мгновений для женщин на войне. Весь батальон бросается в воду, но тут неожиданно появляются немецкие самолеты... Никто из женщин не вылез из воды, не бросился прятаться за деревьями... То, что было бы абсолютно нормальным для мужчин. После бомбежки - десятки раненых и убитых девушек. Для них быть чистой, красивой, чувствовать стыда из-за неудобств мужского быта войны оказались сильнее страха смерти.

И мне этот факт рассказывает больше о психологии женщины на войне, чем целый исторический военный том.

... И как бы близко от нас ни были события - афганской войны, чернобыльской трагедии, московских путчей, таджикских погромов, - но вдруг выясняется, что все они уже стали достоянием истории, и уже новые катаклизмы приходят им на смену, и к ним, новым, уже приковано внимание общества. И уходят свидетельства, потому что человеческая память, оберегая нас, старается затушевать те эмоции и воспоминания, которые мешают человеку жить, лишают его сна и покоя. А потом уходят и сами свидетели...

Ах, как не хочется многим "удельным князьям" канувшего в лету режима признать, что и над ними есть суд - и суд людей, и суд истории! Ах, как не хочется им верить, что наступили времена, когда любой "шелкопер и бумагомаратель" может позволить себе поднять руку на "светлое будущее", "очернить и унизить" его, подвергнуть сомнению "великие идеалы"! Ах, как мешают им книги, наполненные показаниями последних свидетелей!

Можно дезавуировать генерала КГБ Олега Калугина: генералами КГБ проосто так не становятся. Но невозможно дезавуировать показания сотен простых смертных - афганцев, чернобыльцев, жертв межэтнических конфликтов, беженцев из "горячих точек"... Зато можно "призучить", "поставить на место", "заткнуть рот" журналисту, писателю, психологу, собравшему эти свидетельские показания...

Нам, конечно, не привыкать. Судили уже Синявского с Даниэлем, подвергали анафеме Бориса Постернака, смешивали с грязью Солженицына и Дудинцева...

Ну, замолчит Светлана Алексиевич. Ну, перестанут появляться свидетельства жертв нашего преступного века. А что же останется нашим потомкам? Слащавое сюсюканье любителей победных реляций? Барабанный бой вперемежку с бравурными маршами? Так ведь это уже все было. Через это мы уже прошли...

Я. Басин, врач

Газета "Добрый вечер", 1 декабря 1993 года.

С этими словами я хотел выступить в суде. Я причислял себя к тем, кто не принял книгу Светланы Алексиевич "Цинковые мальчики". На суде я должен был стать защитником Тараса Кецмура...

Исповедь бывшего врага, - так можно теперь это назвать...

Я внимательно слушал все, что два дня говорилось в зале суда, в кулуарах и подумал, что мы совершаем святотатство. За что мы терзаем друг друга? Во имя Бога? Нет! Мы разрываем его сердце. Во имя страны? Она там не воевала...

В сконцентрированном виде Светлана Алексиевич описала афганскую "чернуху", и любой матери невозможно поверить, что на подобное был способен ее сын. Но я скажу больше: описанное в книге лишь цветочки по сравнению с тем, что бывает на войне, и каждый, кто действительно воевал в Афганистане, положив руку на сердце, сможет подтвердить это. Сейчас мы находимся перед жестокой реальностью:

ведь мертвые сраму не имут, и, если это срам был на самом деле, его должны принять на себя живые. Но живые - это мы! И тогда оказывается, что мы были крайними на войне, то есть, кто выполнял приказы, оказываются крайними теперь, когда приходится отвечать за все последствия войны! Поэтому было бы справедливее, если бы книга такой силы и таланта появилась не о мальчиках, а о маршалах и кабинетных начальниках, посылавших ребят на войну.

Я спрашиваю себя: должна ли была Светлана Алексиевич написать об ужасах войны? Да! А должна ли мать вступить за своего сына? Да! И должны ли "афганцы" вступить за своих товарищей? И опять - да!

Конечно, солдат всегда грешен, на любой войне. Но на страшном суде Господь первым простит солдата...

Правовой выход из этого конфликта найдет суд. Но должен быть и человеческий выход, который заключается в том, что: матери всегда правы в любви к сыновьям; писатели правы, когда говорят правду; солдаты правы, когда живые защищают мертвых.

Вот что столкнулось на самом деле на этом гражданском процессе.

Режиссеров и дирижеров, политиков и маршалов, организовавших эту войну, в зале суда нет. Здесь одни пострадавшие стороны: любовь, которая не примет горькую правду о войне; правда, которая должна быть высказана несмотря ни на какую любовь: честь, не приемлющая ни любви, ни правды, потому что помните: "Жизнь я могу отдать Родине, но честь - никому" (кодекс русских офицеров).

Божье сердце вмещает все: и любовь, и правду, и честь, но мы не боги, и этот гражданский процесс хорош только тем, что способен людям возратить полноту жизни.

Единственное, в чем я могу упрекнуть Светлану Алексиевич - это не в том, что она исказила правду, а в том, что в книге нет практически любви к юности, брошенной на заклание дураками, организовавшими афганскую войну. И удивительно для меня самого, как "афганцы", смотревшие в глаза смерти, сами бояться своей правды об афганской войне. Должен же найтись хоть один "афганец", который скажет, что мы давно не серая, однородная масса, и слова Тараса Кецмура, когда он говорил, что не осуждает войну, - это не наши слова, он не говорит это за всех нас...

Я не осуждаю Светлану за то, что книга помогла обывателю узнать афганскую "чернуху". Я не осуждаю ее даже за то, что после прочитанного к нам относятся гораздо хуже. Мы должны пройти через переосмысление нашей роли в войне как орудия убийства, и если есть в чем каяться, то покаяние должно придти к каждому человеку.

Суд, вероятно, будет продолжаться долго и мучительно. Но в моей душе он завершен.

Павел Шетько, бывший "афганец"

Хроника суда

Из стенограммы заключительного судебного заседания 8 декабря 1993 года.

Состав суда: судья И.Н.Жданович, народные заседатели - Т.В.Борисевич, Т.С.Сорока.

Истцы: И.С.Головнева, Т.М.Кецмур.

Ответчица: С.А.Алексиевич.

*Из выступления С.Алексиевич, автора "Цинковых мальчиков".
(Из того, что было сказано, и что не дали сказать).*

Я до конца не верила, что этот суд состоится, как не верила до последнего мгновения, что у Белого дома начнут стрелять...

Уже физически не могу видеть ожесточенные, яростные лица. И я бы не пришла в этот суд, если бы здесь не сидели матери, хотя я знаю: это не они со мной судятся, а судится со мной бывший режим. Сознание - не партбилет, его не сдашь в архив. Поменялись наши улицы, вывески на магазинах и названия газет, а мы - те же. Из соцлагеря. С прежним лагерным мышлением...

Но я пришла поговорить с матерями. У меня все тот же вопрос, что в моей книге: кто же - мы? Почему с нами можно делать все, что угодно. Вернуть матери цинковый гроб, а потом убедить ее подать в суд на писателя, который написал, как не могла она своего сына даже поцеловать в последний раз и обмывала в слезах, гладила цинковый гроб... Кто же мы?

Нам внушили, с детства заложили в генах любовь к человеку с ружьем. Мы выросли словно бы на войне, даже те, кто родился через несколько десятилетий после нее. И наше зрение устроено так, что до сих пор, даже после преступлений революционных чрезвычай, сталинских загранотрядов и лагерей, после недавнего Вильнюса, Баку, Тбилиси, после Кабула и Кандагара, человека с ружьем мы представляем солдатом 45-го, солдатом Победы. Так много написано книг о войне, так много изготовлено человеческими же руками и умом оружия, что мысль об убийстве стала нормальной. Лучшие умы с детской настойчивостью задумываются над тем: имеет ли право человек убивать животных, а мы, мало сомневаясь или наскоро соорудив политический идеал, способны оправдать войну. Включите вечером телевизор, и вы увидите, с каким тайным восторгом несем мы героев на кладбище. В Грузии, Абхазии, в Таджикистане... И снова ставим на их могилах военные памятники, а не часовни...

Невозможно у мужчин безнаказанно забрать эту самую любимую... самую дорогую игрушку - войну. Этот миф... Этот древний инстинкт.

Но я ненавижу войну и саму мысль о том, что один человек имеет право на жизнь другого человека.

Недавно мне один священник рассказал, как бывший фронтовик, уже старый человек принес в церковь свои награды. "Да, - сказал он, -

я убивал фашистов. Защищал Родину. Но перед смертью я все равно хочу покаяться за то, что убивал". И оставил свои награды в церкви, а не в музее. Мы же воспитаны в военных музеях...

Война - тяжелая работа и убийство, но по прошествии лет вспоминается тяжелая работа, а мысль об убийстве отодвигается. Разве можно это придумать: эти подробности, чувства. Их страшное разнообразие в моей книге.

Все чаще думаю: после Чернобыля, Афгана, после событий у Белого дома... - что мы не равны тому, что с нами происходит. Может быть, поэтому оно с нами и происходит?

Когда-то, несколько лет назад, а точнее, четыре года, мы думали одинаково: я, многие матери, присутствовавшие сейчас в этом зале, солдаты, вернувшиеся с афганской земли. В моей книге "Цинковые мальчики" материнские рассказы-молитвы - самые печальные страницы. Матери молятся о своих погибших сыновьях...

Почему же сейчас мы сидим в суде друг против друга? Что же произошло за это время?

За это время исчезла с карты мира, из истории страна, коммунистическая империя, которая их туда послала убивать и умирать. Ее нет. Войну сначала робко назвали политической ошибкой, а затем преступлением. Все хотят забыть Афганистан. Забыть этих матерей, забыть калек... Забвение - это тоже форма лжи. Матери остались один на один с могилами своих мальчиков; У них даже нет утешения, что смерть их детей не бессмысленна. Какие бы оскорбления и ругательства я сегодня не слышала, я говорила и повторяю, что преклоняюсь перед матерями. Преклоняюсь и за то, что когда Родина бросила в бесчестье имена их сыновей, они стали их защитниками. Сегодня только матери защищают погибших мальчиков... Другой вопрос - от кого они их защищают?

И их горе - превысит любую правду. Говорят, что молитва матери и со дна моря достает. В моей книге она достает их из небытия. Они - жертвы на алтаре нашего тяжелого прозрения. Они не герои - они мученики. Никто не смеет бросить в их камень. В том, что мы были все повинны, мы все причастны к той лжи, - об этом моя книга. Чем опасен любой тоталитаризм? Он всех делает соучастниками своих преступлений. Добрых и злых, наивных и прагматичных... Молиться надо за этих мальчиков, а не за идею, жертвами которой они стали. Я хочу матерям сказать: не мальчиков своих вы здесь защищаете. Вы защищаете страшную идею. Идею убийцу. Это я хочу сказать и бывшим солдатам-афганцам, которые пришли сегодня в суд.

За спинами матерей я вижу генеральские погоны. Генералы возвращались с войны со звездами Героев и с большими чемоданами, одна из матерей, сидящая здесь в зале, рассказывала мне, как ей вернули цинковый гроб и маленький черный саквояж, где лежали зубная щетка и плавки сына. Все, что ей осталось. Все, что он привез с войны. Так от кого вы должны были защищать своих сыновей? От правды? Правда

в том, как умирали ваши мальчишки от ран, потому что не было спирта и лекарств, их продавали в духаны, как кормили мальчишек ржавыми консервами пятидесятых годов, как даже хоронили их в старом, времен Отечественной обмундировании. Даже на этом сэкономили. Я не хотела бы вам это говорить у могил... Но приходится...

Вы слышите: везде стреляют, снова кровь. Какое же оправдание вы ищите? Или помогаете искать?

Тогда, пять лет назад, когда еще правила компартия, КГБ, - я, чтобы уберечь героев своей книги от расправы, иногда меняла имена, фамилии. Я защищала их от режима. А сегодня должна защищаться от тех, кого недавно защищала.

Что я должна отстаивать? Свое писательское право видеть мир таким, как я его вижу. И то, что я ненавижу войну. Или я должна доказывать, что есть правда и правдоподобие, что документ в искусстве - это не справка из военкомата и не трамвайный билет. Те книги, которые я пишу, - это своего рода проза. Это документ и в то же время мой образ времени. Я собираю подробности, чувства не только из отдельной человеческой жизни, но и из всего воздуха времени, его пространства, его голосов. Я не выдумываю, не домысливаю, а организовываю материал в самой действительности. Документ - это и те, кто мне рассказывает, документ - это и я как человек со своим мировоззрением, ощущением.

Я пишу, записываю современную, текущую историю. Живые голоса, живые судьбы. Прежде, чем стать историей, они еще чья-то боль, чей-то крик, чья-то жертва или преступление. Бесчисленное количество раз я задаю себе вопрос: как пройти среди зла, не увеличивая в мире зла, особенно сейчас, когда зло принимает какие-то космические размеры? Перед каждой новой книгой я спрашиваю себя об этом. Это уж - моя ноша. И моя судьба.

Писательство - это судьба и профессия, в нашей несчастной стране - это даже больше судьба, чем профессия. Почему суд два раза отклоняет ходатайство о литературной экспертизе? Потому, что сразу бы стало ясно - тут нет предмета суда. Судят книгу, судят литературу, предполагая, что раз это документальная литература, то ее можно каждый раз переписать заново, убогая сиюминутные потребности. Не дай Бог, если бы документальные книги правили пристрастные современники. Нам бы остались лишь отзвуки политических борений и предрассудков вместо живой истории. Вне законов литературы, вне законов жанра творится примитивная политическая расправа, низведенная на бытовой, я бы даже сказала, коммунальный уровень. И слушая этот зал, я часто ловила себя на мысли: кто же решается нынче звать толпу на улицу, толпу, которая не верит уже никому - ни священникам, ни писателям, ни политикам? Она хочет только расправы и крови... И подвластна лишь человеку с ружьем... Человек с пером, вернее, с авторучкой, а не с автоматом Калашникова ее раздражает. Меня учили здесь, как надо писать книги. Толпа у нас всеильна...

Те, кто позвал меня в суд, отказываются от того, что говорили несколько лет назад: те же слова, те же знаки, но поменялся в их сознании шифровой ключ, и они уже читают прежний текст иначе, или вообще его не узнают. Почему? Да потому, что им не нужна свобода... Они не знают, что с ней делать...

Я очень жалею, что стерла кассеты, обычно храню их два-три года, это же двести-триста кассет. Там была та реальность. И те люди...

А это уже другие люди; не те, какими они были пять-шесть лет назад. Я хорошо помню, какой была Инна Сергеевна Головнева, я просто полюбила ее. А сейчас - это уже политик, официальное лицо, председатель клуба матерей погибших солдат. Это уже другой человек, от прежнего - у него только собственное имя и имя погибшего сына, которого она второй раз принесла в жертву. Обрядовое жертвоприношение. Мы - просто рабы, мы - романтики рабства.

У нас свои представления о героях и мучениках. Если бы здесь речь шла о чести и достоинстве, то мы встали бы и молчали перед памятью почти двух миллионов погибших афганцев... Погибших там, на своей земле...

Сколько можно задавать этот вечный наш вопрос: кто виноват? Мы виноваты — ты, я, они. Проблема в другом — в выборе, который есть у каждого из нас: стрелять или не стрелять, молчать или не молчать, идти или не идти... Спрашивать надо у себя... Каждый пусть спросит у себя... Но нет этого опыта войти в себя, вовнутрь себя... Привычнее бежать на улицу под знакомые красные знамена... Просто жить, нормально жить не умеем... Без ненависти и борьбы...

Я хочу попросить прощение у матерей за то, что вольно или невольно мы всегда причиняем друг другу боль... Все люди... Слишком несовершенен тот мир, который мы создали...

Но лучше бы нам встретиться не в суде... Мы спросили бы себя: чем жить сейчас — памятью или верой? Я бы задала себе вопрос, который сейчас неотступен: есть ли пределы, до которых можно идти в правде? Нет ли там где-то роковой черты...

Тарас Кецмур, не тот, что сидит сейчас в зале, а тот, каким он вернулся с войны, так об этом сказал... Сказал тогда... Я зачитываю вам из книги:

“Как будто я сплю и вижу большое море людей. Все возле нашего дома. Я оглядываюсь, мне тесно, но почему-то я не могу встать. Тут до меня доходит, что я лежу в гробу, гроб деревянный. Помню это хорошо. Но я живой, помню, что я живой, но я лежу в гробу. Открываются ворота, все выходит на дорогу и меня выносят на дорогу. Толпы народа, у всех на лице горе и еще какой-то восторг тайный, мне непонятный. Что случилось? Почему я в гробу? Вдруг процессия остановилась, я услышал, как кто-то сказал: “Дайте молоток”. Тут меня пробила мысль — я вижу сон. Опять кто-то повторяет: “Дайте молоток”. Оно как наяву и как во сне. И третий раз кто-то сказал: “Подайте молоток”. Я услышал, как хлопнула крышка, застучал молоток, один гвоздь попал

мне в палец. Я начал бить головой в крышку, ногами. Раз — и крышка сорвалась, упала. Люди смотрят — я поднимаюсь, поднялся до пояса. Мне хочется кричать: больно, зачем вы меня закачиваете гвоздями, мне там нечем дышать. Они плачут, но мне ничего не говорят. Все как немые. И я не знаю, как мне заговорить с ними так, чтобы они услышали. Мне кажется, что я кричу, а губы мои сжаты, не могу их раскрыть. Тогда я лег в гроб. Лежу и думаю: они хотят, чтобы я умер, может, я действительно умер и надо молчать. Кто-то опять говорит: “Дайте мне молоток”.

И это он не опроверг... И это защитит его честь и достоинство на главном Суде... И меня тоже.

Из разговоров в зале суда

— Вы говорите, что это коммунисты. Да они, эти люди — никто, обозленные, нищие. Обманутые и желающие обманываться. Кто-то виноват, а не они. Психология жертвы. А жертве всегда нужен тот, кого бы она могла обвинять. У нас еще не стреляют, но у всех раздуваются ноздри, как от запаха крови. И не коммунизм, не “святая идея” стучит в их сердца, а “жажда равенства”: если нищие, то чтобы все, если несчастные, то тоже все.

— У нее миллионы, два “мерседеса”, по заграницам разъезжает.

— Писатель пишет книгу два-три года, а получает за нее сегодня столько, сколько мальчишка, водитель троллейбуса, за два месяца. Откуда вы взяли эти “мерседесы”?

— По заграницам ездит...

— А где твой личный грех? Ты мог стрелять и мог не стрелять? Что? Молчишь...

— Народ унижен, нищ. А совсем недавно мы были великой державой. Может, мы такими не были, но сами считали себя великой державой по количеству ракет и танков, атомных бомб. И верили, что живем в самой лучшей, самой справедливой стране. А вы нам говорите, что мы жили в другой стране — страшной и кровавой. Кто вам это простит? Вы наступили на самое больное... На самое глубинное...

— Мы все были к этой лжи причастны... Все...

— Вы делали то же, что и фашисты! А хотите героями зваться... Да впридачу холодильник и мебельный гарнитур без очереди получить... По льготной цене...

— Они — муравьи, они не знают, что есть пчелы и птицы. И они хотят всех сделать муравьями. Разный уровень сознания...

— А что вы хотите после всего?

— После чего?

— После крови... Я имею в виду нашу историю. После крови люди могут ценить только хлеб... Все остальное для них не имеет цены... Сознание разрушено...

— Молиться надо. Молиться за палачей своих... За учителей...

— Ей доллары заплатили... И она льет на нас грязь... На наших детей...

Из решения суда

Решение Именем Республики Беларусь

Народный суд Центрального района г. Минска в составе председателствующего Ждановича И.Н., народных заседателей Борисевич Т.М., Сорока Т.С., при секретаре Лобынич И.Б. рассмотрел в открытом заседании 8 декабря 1993 года дело по иску Кецмура Тараса Михайловича и Головневой Инны Сергеевны к Алексиевич Светлане Александровне и редакции газеты “Комсомольская правда” о защите чести и достоинства.

... Заслушав стороны, исследовав материалы дела, суд считает, что исковые заявления подлежат удовлетворению частично.

Согласно ст. 7 ГК Республики Беларусь гражданин или организация вправе требовать опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Судом установлено, что в газете “Комсомольская правда” от 15 февраля 1990г. №39 были опубликованы отрывки из документальной книги С.Алексиевич “Цинковые мальчики” — “Монологи тех, кто прошел Афганистан”. В публикации имеется монолог, подписанный фамилией истицы Головневой И.С.

В связи с тем, что ответчики по настоящему делу Алексиевич С.А. и редакция газеты “Комсомольская правда” не представили доказательств соответствия действительности сведений, изложенных в указанной публикации, суд считает их не соответствующими действительности.

Однако суд считает, что изложенные сведения не являются позорящими, так как не умаляют честь и достоинство истицы Головневой И.С. и ее погибшего сына в общественном мнении и мнении граждан с точки зрения соблюдения законов и моральных принципов общества, в них не содержится сведений о недостойном поведении ее сына в обществе...

Поскольку ответчиками не представлено доказательств соответствия действительности рассказа Кецмура Т.М., суд считает не соответствующими действительности сведения, изложенные в монологе, подписанном фамилией и именем Кецмура Т.М.

По указанным выше обстоятельствам суд считает не соответствующими действительности и позорящими честь и достоинство истца Кецмура Т.М. следующие сведения, изложенные в фразах: “Я там видел, как выкапывают в рисовых полях железо и человеческие кости, я видел оранжевую ледовую корку на застывшем лице убитого, да, почему-то

оранжевую” и “В моей комнате те же книги, фото, магнитофон, гитара, а я — другой. Через парк пройти не могу, оглядываюсь. В кафе официант станет за спиной: “Заказывайте”, а я готов вскочить и убежать. Не могу, чтобы у меня кто-то за спиной стоял. Увидишь гада, одна мысль: расстрелять его надо”. Эти сведения суд считает позорящими, так как они дают основания читателям сомневаться в его психической полноценности, адекватности восприятия окружающего, рисуют его человеком озлобленным, подозрительным, ставят под сомнение его моральные качества, создают о нем впечатление как о человеке, который может правдивую и действительную информацию передать как ложную и не соответствующую действительности...

В остальной части иска Кецуру Т.М. отказать...

Ответчица Алексиевич С.А. иск не признала. Она показала, что в 1987г. встречалась с Головневой И.С. — матерью погибшего в Афганистане офицера, и беседу с ней записала на магнитофонную ленту. Это было почти сразу после похорон ее сына. Истица рассказала ей все то, что указано в монологе, подписанном ее фамилией в газете “Комсомольская правда”. Для того, чтобы Головневу не преследовали органы КГБ, она в одностороннем порядке изменила ее имя на “Нина” и воинское звание ее сына со старшего, на младшего лейтенанта, хотя речь шла именно о ней.

С Кецуром Т.М. она встречалась именно шесть лет назад. Наедине она записала его рассказ на магнитофонную ленту. В опубликованном монологе, сказанное им, изложено в соответствии с этой записью, поэтому соответствует действительности и является правдивым...

На основании изложенного, руководствуясь ст. 194 ГПК Республики Беларусь, суд решил:

Обязать редакцию газеты “Комсомольская правда” в двухмесячный срок опубликовать опровержение указанных сведений.

Головневой Инне Сергеевне в иске в защите чести и достоинства к Алексиевич Светлане Александровне и редакции газеты “Комсомольская правда” отказать.

Взыскать с Алексиевич Светланы Александровны в пользу Кецура Тараса Михайловича расходы по госпошлине в размере 1320 (одна тысяча триста двадцать рублей) руб. и госпошлину в доход государства в размере 2680 (две тысячи шестьсот восемьдесят) руб.

Взыскать с Головневой Инны Сергеевны госпошлину в доход государства 3100 (три тысячи сто) рублей.

Решение суда может быть обжаловано в Мингорсуд через нарсуд Центрального района г. Минска в течение 10 дней со дня его оглашения.

Из ходатайства

о независимой литературоведческой экспертизе

*Директору Института литературы
имени Я. Купалы Академии наук
Республики Беларусь*

Коваленко В. А.

Уважаемый Виктор Антонович!

Как вам известно, судебный процесс против писательницы Светланы Алексиевич в связи с публикацией отрывка из ее документальной повести "Цинковые мальчики" в "Комсомольской правде" от 15.02.90г. завершен в первой инстанции. Фактически С. Алексиевич обвинили в том, что она будто бы оскорбила честь и достоинство одного из истцов (одного из героев ее книги), не передав его слова буквально. Дважды суд отклонил ходатайство о проведении литературоведческой экспертизы.

Белорусский ПЕН-центр просит Вас сделать независимую литературоведческую экспертизу, которая бы дала ответ на следующие вопросы:

1. Как научно обозначается жанр документальной повести с учетом того, что "документальная" принимается как "на основе фактов (свидетельств), а "повесть" - как "художественное произведение".

2. Чем отличается документальная повесть от газетно-журнальной публикации, в частности, от интервью, текст которого обычно визируется автором у интервьюируемого?

3. Имеет ли право автор документальной повести на художественность, концепцию произведения, отбор материала, литературную обработку устных свидетельств, на собственное мировоззрение, на обобщение фактов во имя художественной правды?

4. Кто владеет авторскими правами: автор или те герои описываемых ею событий, чьи исповеди-свидетельства она записывала во время сбора материалов?

5. Как определить границы, в которых автор освобожден от буквальности, механичности передачи записанных текстов?

6. Соответствует ли книга С. Алексиевич "Цинковые мальчики" жанру документальной повести (в связи с первым вопросом)?

7. Имеет ли право автор документальной повести на изменение имен и фамилий своих героев?

8. И, как следствие всех этих вопросов, самый главный из них: можно ли судить писателя за отрывок из художественного произведения, даже тогда, когда этот отрывок не нравится тем, кто давал устный материал для книги? С. Алексиевич опубликовала не интервью с истцами, а именно отрывок из книги в жанре документальной повести.

Независимая литературоведческая экспертиза нужна Белорусскому ПЕН-центру для защиты писательницы Светланы Алексиевич.

С уважением

Вице-президент

Белорусского ПЕН-центра

Карлос Шерман

28 декабря 1993 года.

Уважаемый Карлос Григорьевич!

Выполняем Вашу просьбу - сделать независимую литературоведческую экспертизу документальной повести Светланы Алексиевич "Цинковые мальчики", и даем ответ на Ваши вопросы по пунктам:

1. По тому определению понятия "документальная литература", которое дает "Литературный энциклопедический словарь" (М., "Советская энциклопедия", 1987, с. 98-99) и которое считается среди ученых-специалистов наиболее выверенным и точным, вытекает, что документальная литература, в том числе и документальная повесть, по своему содержанию, методам и способам исследования, форме изложения относится к жанру художественной прозы и в связи с этим активно использует художественный отбор и эстетическую оценку документального материала. "Документальная литература, - отмечает автор соответствующей статьи, - художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, которые возобновляются целиком, частично или в изложении".

2. В той же энциклопедической статье утверждается, что "качество отбора и эстетической оценки показанных фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информационный характер документальной литературы и выводят ее как из ряда газетно-журнальной документалистики (очерк, записи, хроника, репортаж) и публицистики, так и из исторической прозы". Таким образом, отрывок из "Цинковых мальчиков" С.Алексиевич, опубликованный в "Комсомольской правде" (от 15.02.1990г.) нельзя отнести к жанру интервью, репортажа, очерка или любой другой разновидности журналистской деятельности, он является своеобразной рекламой книги, которая вскоре должна была появиться в печати.

3. Что касается права автора документального произведения на художественность как специфическое средство обобщения фактов, на собственную концепцию исторического события, на сознательный отбор материала, на литературную обработку устных рассказов свидетелей этого события, на собственные выводы, сопоставления фактов, то в уже названном выше энциклопедическом словаре сказано буквально следующее: "Сводя к минимуму художественный вымысел, документальная литература своеобразно использует художественный синтез, отбирая реальные факты, которые сами по себе обладают значительными социально-бытовыми свойствами". Несомненно, что документальная литература строго ориентирована на достоверность и правдивость. Но, однако, возможен ли полный реализм, абсолютная правда вообще? По словам писателя, лауреата Нобелевской премии Альберта Камю, полная правда была бы возможна только тогда, когда

бы перед человеком поставили киноаппарат, и он бы записал всю его жизнь от рождения до смерти. Но нашелся бы в таком случае другой человек, согласившийся бы пожертвовать своей жизнью ради бесконечного просмотра этой удивительной киноленты? И сумел бы он за внешними событиями увидеть внутренние причины поведения "героя"? Легко представить ситуацию, что было бы, если бы автор "Цинковых мальчиков" сознательно отказалась от творческого отношения к собранным фактам и примирилась с ролью пассивного собирателя. Ей пришлось бы в таком случае записать на бумаге буквально все, что наговорили в своих многочасовых рассказах-исповедях герои "афганцы", и в итоге получился бы (найдишь издатель) пухлый том сырого, необработанного, не доведенного до существующего уровня эстетических требований материала, который просто бы не имел читателя. Больше того, если бы таким путем пошли предшественники С.Алексеевич в этом документальном жанре, то мировая литература не имела бы сегодня таких шедевров, как "Брестская крепость" С. Смирнова, "Нюрнбергский процесс" А.Полторака, "Обычное убийство" Т.Капотэ, "Я из огненной деревни" А.Адамовича, Я.Брыля, В.Колесника, "Блокадной книги" А.Адамовича и Д.Гранина.

4. Авторское право - это сумма правовых норм, регулирующих отношения, связанные с созданием и изданием литературных произведений, и они начинаются с момента создания книги, и состоят из конкретных, определенных законодательством правомочий (лично имущественных и неимущественных). Среди них в первую очередь выделяются права на авторство, на публикацию, переиздание и распространение произведения, на неприкосновенность текста (только автор имеет право вносить в свое произведение какие-либо изменения или дает разрешение сделать это другим). Процесс сбора материала в соответствии с жанром документальной литературы требует активной роли автора, определяющего проблемно-тематическую суть произведения. Нарушение авторского права наказывается в судебном порядке.

5. Буквально точь-в-точь воспроизведение рассказов героев, как мы уже доказывали в ответе на третий вопрос, в документальном произведении невозможно. Но тут, конечно, появляется проблема воли автора, с которым герои в момент откровения поделились воспоминаниями и как бы передали ему часть своих прав на это свидетельство, надеясь на точную передачу их слов в первоначальном виде, на профессиональное мастерство автора, его умение выделить главное и опустить мелочи, которые не углубляют мысль, сопоставить факты и увидеть их в едином целом. В конце концов все решает художественный талант автора и его моральная позиция, его способность соединить документальность с художественным изображением. Мэру правдивости, глубину проникновения в событие в этом случае может почувствовать и определить только сам читатель и литературная критика, которая владеет инструментарием эстетического анализа. Эту меру правдивости по-своему оценивают и герои произведения, они самые пристрастные

и внимательные его читатели: соприкасаясь с феноменом превращения устного слова в письменное, а тем более напечатанное, они подчас становятся жертвами неадекватной реакции на собственный рассказ. Так человек, впервые услышавший свой собственный голос на магнитофонной ленте, не узнает самого себя и считает, что произошла грубая подмена. Внезапный эффект возникает еще и в результате того, что рассказ одного свидетеля сопоставляется, стыкуется в книге с другими подобными рассказами, перекликается или отличается от них, или даже спорит, конфликтует с рассказами других героев-свидетелей: тогда заметно меняется отношение и к собственным словам.

6. Книга С.Алексиевич "Цинковые мальчики" целиком отвечает уже названному жанру документальной литературы. Достоверность и художественность присутствуют в ней в пропорциях, позволяющих отнести названное произведение к художественной прозе, а не к журналистике. И, к слову сказать, предшествующие книги этого автора ("У войны не женское лицо", "Последние свидетели") исследователи относят к документальной литературе.

7. В литературе, современной автору, очерчены определенные границы этики, если достоверная передача рассказа героя, его правдивое свидетельство о событиях, оценка которых еще не получила надлежащего признания в обществе, могут обернуться нежелательными результатами не только для автора, но и для героя. В таком случае автор, несомненно, имеет право на изменение фамилий и имен героев. И даже тогда, когда герою ничего не угрожает и политическая конъюнктура складывается в пользу книги, авторы нередко пользуются этим приемом. В фамилии главного героя "Повести о настоящем человеке" Мересьев писатель Б.Полевой заменил всего только одну букву, но сразу же возник эффект художественности: читатель уже понимал, что речь идет не об одном конкретном человеке, а о типичном явлении в советском обществе. Таких примеров сознательного изменения имени в истории литературы множество.

8. Судебные процессы, подобные тому, который идет над С.Алексиевич, автором книги "Цинковые мальчики", имеют еще, к сожалению, место в мире. Судебному преследованию в послевоенной Англии подвергался Дж.Оруэл, автор знаменитой антиутопии под названием "1984", которого обвинили, что темой этой книги был тоталитаризм в том варианте, что возник в 20-м столетии. Смертный приговор в наши дни вынесен в Иране писателю С.Рушди за книгу, в которой якобы в издевательском тоне говорится об исламе: прогрессивная мировая общественность оценила этот акт, как нарушение права на свободу творчества и как проявление нецивилизованности. В клевете на Советскую Армию еще недавно упрекали писателя В.Быкова: многие опубликованные в печати письма от ветеранов-псевдопатриотов звучали, как суровый общественный приговор писателю, который первым осмелился сказать вслух правду о прошлом. И, увы, история повторяется. Наше общество, провозгласившее строительство право-

вого государства, пока что осваивает лишь азы самых главных прав человека, подменяя часто дух закона его буквой, забывая о моральной стороне всякого судебного дела. Право на защиту собственного достоинства, которое, по мнению истцов, было нарушено С. Алексиевич газетной публикацией отрывка из книги, не должно приниматься как право сегодня говорить автору книги одно, а завтра, в соответствии с изменением настроения или политической конъюнктуры, что-то совсем обратное. Появляется вопрос. Когда был искренен “герой” книги: тогда, когда дал согласие поделиться с С.Алексиевич своими воспоминаниями о войне в Афганистане, или тогда, когда под нажимом товарищей по оружию решил отстаивать корпоративные интересы определенной группы людей? И имеет ли он в таком случае моральное право на судебное преследование писательницы, которой в свое время доверился, зная, что его исповедь будет опубликована? Факты, сообщенные истцом автору и опубликованные в газете, не выглядят одиночными и случайными, они подтверждаются в книге другими аналогичными фактами, ставшими известными автору из рассказов других свидетелей тех же событий. Разве это не дает основание думать, что “герой” был искренен в тот момент, когда записывался устный рассказ, а не тогда, когда он отказывался от своих слов. И еще важный аспект: если нет свидетелей разговора автора с “героем” и когда отсутствуют другие доказательства правоты одной или другой стороны, возникает необходимость в перепроверке всех подобных фактов, приводимых автором в своей книге, что можно было бы сделать на своеобразном “нюрнбергском процессе”, в котором бы приняли участие десятки и тысячи свидетелей войны в Афганистане. В противном случае существует опасность утонуть в бесконечных судебных разбирательствах, где пришлось бы доказывать чуть ли не каждое сказанное героями книги слово, а это уже абсурд. Поэтому обращение Белорусского ПЕН-центра в Институт литературы АНБ с просьбой сделать независимую литературоведческую экспертизу опубликованного в “Комсомольской правде” отрывка из документальной книги С.Алексиевич “Цинковые мальчишки” представляется в данной ситуации естественным и, может, даже единственно возможным способом решить конфликт.

*Директор Института литературы им. Я.Купалы
Академии наук Беларуси, член-корреспондент АНБ
В.А. Коваленко*

*Старший научный сотрудник Института литературы,
кандидат филологических наук
М.А. Тычина*

27 января 1994 года.

И ЕЩЕ ОДИН ЭПИЛОГ, ОН ЖЕ ПРОЛОГ

... Тягостно мне писать о нас - о тех, кто сидел в зале суда. В последней своей книге "Зачарованные смертью" Светлана Алексиевич пишет: "А кто - мы? Мы - люди войны. Мы или воевали, или готовились к войне, Мы никогда не жили иначе".

Мы воевали... Вот словно специально рассевишиеся за спиной писательницы женщины тихо, чтобы не слышал судья, но внятно для Светланы Алексиевич, состязаются в оскорблениях ее. Матери! Эпитеты таковы, что повторить их не могу... Вот И.Головнева в перерыве подходит к пришедшему вступить за писательницу отцу Василию Радомыльскому: "Не стыдно вам, батюшка, - продались за деньги!" "Тьма! Дьявол!" - раздается из публики, и уже тянутся негодушие руки, чтобы сорвать с его груди крест. "Это вы - мне? Мне, который отпевал ваших сыновей по ночам, потому что вы говорили, что иначе не получите триста рублей обещанной помощи?" - потрясенно вопрошает священник. "Зачем пришел? Дьявола защищать?" - "Молитесь за себя и за детей своих. Нет покаяния, нет утешения". - "Мы ни в чем не виноваты... Мы ничего не знали... - "Вы были слепы. А когда открыли глаза свои, то увидели только труп своего сына. Кайтесь..." - "Что нам до афганских матерей... Мы своих детей потеряли..."

Впрочем, не осталась в долгу и другая сторона. "Ваши сыновья убивали в Афганистане невинных! Они - преступники! Ну и что, что приказ? - кричит матерям какой-то мужчина. "Вы предаете детей своих во второй раз..." - неистует другой.

А ты? А мы - не выполняли приказ? Приказ - молчать? Мы не тянули на собраниях вверх "одобряющие" руки? Я спрашиваю: нам всем нужен суд? Не этот суд - другой, о котором говорил на суде председатель Белорусской Лиги прав человека Е.Новиков; когда мы все - мы, молчавшие, матери наших погибших солдат, ветераны этой войны и матери погибших афганцев - сядем вместе и просто посмотрим друг другу в глаза?

А. Александрович

"Фемида", 27 декабря 1993 года.

Закончился гражданский процесс о защите чести и достоинства по иску Головневой - Кецмура к писательнице Светлане Алексиевич. Последний день процесса собрал много журналистов, и в некоторых изданиях уже промелькнули сообщения о решении суда: иск Головневой отклонить, иск Кецмура удовлетворить частично. Я не стану дословно цитировать заключительное постановление, скажу только, что оно носит, на мой взгляд, довольно примиренческий характер. Но примирило ли оно стороны в действительности?

Инна Сергеевна Головнева, мать погибшего в Афганистане старшего лейтенанта Головнева, по-прежнему на "тропе войны" - она собирается подавать кассационную жалобу и судиться с писательницей дальше и дальше. Что движет этой женщиной? Что движет этой

матерью? Безутешное горе. Безутешное в том смысле, что чем дальше уходит в историю афганская война, чем отчетливее осознает общество, насколько авантюрной была эта затея, тем бессмысленней выглядит гибель наших ребят на чужой земле... Поэтому и не принимает Инна Сергеевна книгу "Цинковые мальчики". Поэтому для нее она - оскорбление: для матери слишком непосильна эта ноша - обнаженная правда об афганской войне.

Тарас Кецмур - бывший водитель - "афганец" - второй истец этого гражданского процесса. Его иск частично удовлетворен судом; два глубоко психологических, гибко драматических эпизода в монологе под его фамилией, свидетельствующие, на мой взгляд, лишь о том, что война никого не опускает живым, даже если целы руки-ноги, признаны по требованию Кецмура "оскорбляющими честь и достоинство". Впрочем, я даже готова понять Тараса. Помните, есть такой афоризм: "Бойтесь первых порывов души, они могут быть искренними?" Так вот его монолог в "Цинковых мальчиках" - это, на мой взгляд, первый искренний порыв души после Афгана. Прошло четыре года. Изменился Тарас. И мир вокруг него. И ему, наверное, хотелось бы многое изменить также и в памяти о прошлом, если уж не удастся эту память вычеркнуть вовсе из души... А тут "Цинковые мальчики" - написано пером, не вырубись топором.

Светлана Алексиевич покинула заседание суда до окончания процесса - после очередного отказа суда о ходатайстве писательницы на литературную экспертизу. Алексиевич резонно спрашивала: как можно судить документальную повесть, не зная основ жанра, не владея азами литературного труда и не желая вдобавок знать мнение профессионалов? Но суд был непреклонен. После второго отказа в литэкспертизе Светлана Алексиевич покинула зал заседания. При этом она сказала:

- Как человек я прошу прощения за то, что причинила боль, за этот несовершенный мир, в котором часто невозможно даже пройти по улице, чтобы не задеть другого человека... Но как писатель я не могу, не имею права просить прощения за книгу, за правду!

Гражданский процесс над С.Алексиевич и ее книгой "Цинковые мальчики" - это наше второе поражение в "афганской" войне...

Елена Молочко

"Народная газета", 23 декабря 1993 года.

В декабре 1993 года судебный марафон по обвинению писательницы Светланы Алексиевич и ее книги "Цинковые мальчики" наконец завершился. Решение суда: писательница должна извиниться перед "афганцем" Тарасом Кецмуrom, честь и достоинство которого суд признал "оскорбленным частично". Газете "Комсомольская правда" белорусский суд ничтоже сумняшея присудил напечатать опровержение, а также письменные извинения писательницы и редакции.

Второй истце - матери погибшего в Афганистане офицера Инне

Сергеевне Головневой в иске отказано, хоть суд признал, "часть сведений, приписываемых авторству Головневой, не соответствующими действительности". Иск Головневой суду пришлось отклонить, поскольку в ходе слушаний была представлена кассета с магнитофонной записью выступлений Головневой несколько лет назад на одном из митингов, где она полностью поддерживает книгу Алексиевич.

У Светланы Алексиевич на этом суде, в этом судопроизводстве и в этой системе шансов на защиту своего человеческого и профессионального достоинства не было...

Испугавшись всемирного возмущения политическим процессом над художественным произведением и его создателем, режисеры белорусского трагифарса громогласно формулировали: "Это ни в коем случае не суд над книгой, не процесс против писателя и его творчества! Это всего лишь гражданский иск о защите чести и достоинства, адресованный газете "Комсомольская правда" по поводу публикации 1990 года".

"А как же быть с презумпцией невиновности?" - поинтересовались после завершения процесса у судьи Ждановича председатель Белорусской Лиги прав человека Евгений Новиков и глава Белорусской ассоциации свободных средств массовой информации Алесь Николайченко.

Согласно Ждановичу, "презумпция невиновности действует только в уголовных делах". Вот если бы Головнева и Кецмур обвинили С.Алексиевич в клевете, то в этом случае презумпция невиновности действовала бы, поскольку сам термин "клевета" и является термином уголовного кодекса, и тогда истцы должны были бы представить в суд вещественные доказательства...

В случае же гражданского иска по защите чести и достоинства презумпция невиновности в Белоруссии - не существует...

Возможно, из гражданского процесс плавно перетечет в уголовный - истица Головнева пообещала и говорила об этом, как о своей цели.

К белорусским прокоммунистическим газетам, которые травят писательницу, присоединилась "Комсомольская правда" - статья-послесловие от 30 декабря 1990 года, подписанная Виктором Пономаревым. Светлане Алексиевич "показалось, что за спинами матерей "генеральские погоны", а у них "за спинами - по крайней мере точно - сыновние могилы. Они, а не писательница, орденосеи, лауреат, нуждаются в защите. Если и происходит здесь акт гражданской казни, то никак не над писательницей", - суетливо и демагогически торопится "Комсомолка" отстраниться от Светланы Алексиевич.

Это пролог к официальному извинению, как проба перекованного голоса - с нового на старый. Владимиру Вольфовичу должно понравиться. Как и название: "Мальчики цинковые. Писатели - все железнее". А журналисты и редакторы "Комсомольской правды" - все гуттаперчивее?

Правда всегда стоила дорого произносящему. Отказ от правды всегда ввергал малодушных в бедствия. Но, кажется, не было в современной истории более безнадежного и всеобъемлющего несчастья, чем добровольное саморазрушение человеческой природы подданными коммунизма, когда от людей остаются "только дымящие дыры", по выражению Михаила Булгакова.

Дымящие дыры на советском пепелище.

Инна Рогачий.

"Русская мысль", 20-26 января 1994 года.

... За десять лет афганской авантюры через нее были пропущены многие миллионы людей, повязанных в итоге не одним лишь чувством любви к советской родине, но и кое-чем еще, гораздо более существенным. Часть их погибла, и мы по-христиански скорбим по их безвременной смерти, чтим боль физических и душевных ран, нанесенных их родным и близким. Но вряд ли возможно нынче уйти от понимания того, что они - не герои с их бесспорным правом на всенародное поклонение, а всего лишь вызывающие жалость жертвы. Сознают ли это сами "афганцы"? По всей вероятности, однако, большинству из них это пока не под силу. Схожие с ними военной судьбой американские "герои Вьетнама", поняв истинную сущность своего героизма, бросили президенту полученные от него медали; наши же, похоже, способны лишь гордиться афганскими наградами. Кто из них задумался: за что на самом деле они получены? Добро бы эти награды служили нынче лишь в качестве предлога для получения льгот и привилегий, погоней за которыми охвачено все наше нищающее общество. Но претензии у их обладателей шире. Недавно в Минске на одном из афганских митингов была открыто заявлена далеко идущая претензия на власть в Беларуси. Что ж, ныне подобная заявка небеспочвенна. Пользуясь царящей в обществе моральной невнятицей (Афган - грязная война, но ее участники - герои-интернационалисты), можно достичь чего угодно. В этих условиях матери погибших - благодатный материал в руках бывших и настоящих красных и коричневых, повсеместно обретающих второе, обновленное дыхание. И матерей используют - всю эксплуатируют их праведный гнев, их святую печаль. Как эксплуатировали в свое время коммунистическую идейность и патриотизм их погибших детей. В общем, расчет беспрогрышен: кто бросит камень в скорбящую мать? Но за спинами скорбящих матерей зловеще маячат знакомые широкоплечие фигуры, и напрасно автор "Комсомольской правды" притворяется, что никого там не видит. Что "не в генералах за их спинами дело"...

Зловещее дыхание имперской политики, не до конца реализованной в Афганистане, все явственнее ощущается в Беларуси. Суд над Светланой Алексиевич - лишь составной эпизод в длинной цепи скрытых и явных проявлений такого рода. Тоской по великой державе и теплым морям исходит не только партия Жириновского, сторонников

которой немало и в Беларуси. “Встряхнуть” посттоталитарное общество, “сплотить” его новой кровью - вот средство для достижения все той же цели - поправанного идеала вчерашнего дня...

Василь Быков

“Литературная газета” 26 января 1994 года.

... Нет, не о правде войны была эта жестокая борьба с судебным разбирательством. Борьба шла за живую, человеческую душу, за ее право на существование в нашем холодном и неудобном мире, которая только и может стать преградой на пути войны. Война не будет продолжаться до тех пор, пока она бушует в наших растерянных умах. Ведь она - только неизбежное следствие скопившихся в душах злобы и зла...

В этом смысле слова погибшего офицера становятся символическими и пророческими: “Я, конечно, вернусь, я всегда возвращался...” (Из дневника старшего лейтенанта Юрия Головнева.)

Петр Ткаченко

“Во славу Родины”, 15-22 марта 1994 года.

ДЖЭЙН Э. КЭРТЛИ

Исполнительный директор Комитета журналистов за свободу прессы. Вашингтон, округ Колумбия.

Права, обязанности и свобода:

можно ли примирить конфликтные интересы?

Свобода выражения всегда является одним из основных прав человека. Свобода прессы - это неотъемлемая часть любой демократии. Все же, понятие средств массовой информации, работающих в условиях полной свободы, может обеспокоить. Новые, едва оперившиеся правительства знают, что дружественная пресса поможет завоевать народную поддержку, но боятся, что критическая или неаккуратная пресса может принизить авторитет правительства. Общество волнуется то, что свободная от оков пресса будет подрывать репутации, неправильно информировать читателей и разжигать раздор, а то и революцию.

Соответственно, первым делом каждое правительство заявляет о том, что пресса свободна. Затем оно немедленно пытается эту свободу ограничить. Поэтому неудивительно, что предлагаемый закон о печати Республики Беларусь содержит элементы, подразумевающие защиту прав прессы, но также и налагает обязанности на средства массовой информации.

Некоторые аспекты предлагаемого закона о печати ясно свиде-

тельствуют о том, что правительство оставляет за собой инструмент, с помощью которого оно будет осуществлять контроль за редакционными решениями в средствах массовой информации. Другие кажутся направленными на защиту независимости и неприкосновенности каждого журналиста. Но какими бы благонамеренными ни были эти положения, все они представляют фундаментальную угрозу независимости прессы. Поскольку любое принуждение неминуемо приведет к вмешательству правительства.

Если правительство не может заставить прессу работать ответственно, как же тогда гарантировать, что общество будет получать достоверную информацию? Самый краткий ответ - таких гарантий нет. Опыт большинства развитых демократий показывает, что когда различные виды средств массовой информации могут конкурировать на рынке, пресса осознает, что она непосредственно подотчетна читателям, слушателям, зрителям, и выживание в условиях конкуренции зависит от того, заслуживает ли она доверия как источник новостей и информации.

Я обозначила двенадцать обычных проблем, которые возникают в законах о печати новых демократий. Некоторые представляют собой явные попытки правительства контролировать содержание. Большинство возводит моральные обязанности в статус закона. Многие из них находятся в той или иной форме и в законе о печати Беларуси.

1. Понятие о том, что журналист должен иметь специальный статус, определяющий его поведение, вместо того, чтобы его поведение регулировалось обычными законами. То, что права (в белорусском проекте правительственная защита "чести, здоровья, жизни, и имущества") журналиста ставятся в зависимость от неопределенных "гражданских обязанностей".

2. Положения, призывающие прессу пропагандировать национальные или "духовные" ценности. Разные ставки тарифов за регистрацию в зависимости от высказываний.

3. Положения, позволяющие правительству запрещать или конфисковать оппозиционные издания, те, которые способствуют "конфликтам", или же коммуникационные линии средств массовой информации из других стран.

4. Положения, содержащие попытки регулировать внутреннюю структуру или договорные отношения внутри организации новостей, тем более, что подобные положения не налагаются на компании, не связанные с массовой информацией.

5. Заявления о том, что пресса обязана "проверять факты" или получать одобрение от субъектов новостей или правительства до публикации. Полный запрет на публикацию определенного типа информации.

6. Требования, чтобы журналисты получали особую аккредитацию (лицензию?) от правительственных агентств.

7. Положения, дающие право доступа к правительственной

информации только редакциям или журналистам, но не широкой общественности. Широкие и смутные ограничения права доступа.

8. Требования обязательной публикации, включая обязательное опубликование правительственной информации так же, как и обязательное "право на ответ" для граждан, если они считают себя оскорбленными в прессе.

9. Положения о криминальном преследовании за клевету, особенно те, которые допускают преследование за критические утверждения о правительственных чиновниках. Положения о гражданском иске за клевету, которые требуют, чтобы ответчик давал свидетельские показания, и которые не признают, что правдиво опубликованные свидетельства не дают основания для судебного преследования.

10. Противоречивый язык, затрагивающий отношения между журналистами и их источниками. Например, обещание, что конфиденциальность будет поддержана законом, и в то же время отказ журналистам в привилегии свидетельских показаний, в случае, если их просят свидетельствовать в суде.

11. Неясность или отсутствие определений порнографии.

12. Навязываемые правительством требования о задержке видео- и аудиопленок, неопубликованных заметок или работ, а также уже опубликованного материала.

Как заявление о стремлении к хорошей этике, некоторые из этих положений не вызвали бы возражений. "Ответственные" представители прессы должны, и в большинстве случаев они так и поступают, в духе хорошей традиции, придерживаться подобных журналистских стандартов точности, объективности, баланса, честности и быстрого исправления ошибок. Они также могут выбирать в качестве общественной службы, печатать ли информацию, выпускаемую правительством. Но эти стандарты не должны закрепляться в законе. Нельзя ожидать от действительно свободной прессы, что она будет выступать как представитель или рупор правительства. Прессу нельзя заставлять молчать, запугивая ее угрозой преследования в суде, особенно правительственными чиновниками и другими сильными мира сего. Ее нельзя заставлять молчать, из-за того, что "одобрение" смущающей, но достойной новости задерживается. Также не должна она уклоняться от журналистских расследований или статей, которые вызовут шумное обсуждение или дебаты, опасаясь, что лицензия или регистрация может быть поставлена в опасность, или последует судебное преследование.

И наконец, свобода прессы при демократии означает больше, чем право просто говорить, что хочешь. Она также включает утвердительное право выяснять, что собирается делать правительство. Хотя, установленные законом положения, предоставляющие средства массовой информации право на получение сведений и приветствуются, важно помнить, что свобода выражения, а точнее "право знать", принадлежит каждому в демократическом обществе. Граждане должны

спрашивать правительство, получать информацию и действовать соответственно. Законы должны содействовать этому процессу, т. к. информированное общество не должно полностью зависеть от прессы, чтобы следить за работой правительства.

САНДРА КОЛИВЕР

*РУКОВОДИТЕЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММ ПРАВОЗАЩИТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ "СТАТЬЯ 19", США*

ПРАВО КРИТИКОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИКОВ СОГЛАСНО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.

Европейский суд по правам человека ясно определил в серии постановлений, что граждане имеют широкие права критиковать политических лидеров, правительства и государственные институты, и что они могут быть наказаны только тогда, когда эта критика содержит фальшивые факты или является чрезмерно оскорбительной. И даже, когда они переступают допустимые законом границы свободы слова, любое наказание должно быть пропорциональным правонарушению; за последние десять лет никто в западной Европе, насколько я знаю, не был отправлен в тюрьму за клевету.

Европейский Суд вновь и вновь подтверждал свое признание, впервые заявленное в деле Хэндисайда, фундаментальной важности для демократического общества вопроса о защите информации и идей, включая и те, которые являются оскорбительными и шокирующими:

Свобода выражения, как закреплено в параграфе 1 статьи 10 (Европейской Конвенции Прав Человека), является основанием демократического общества и одним из основных условий его прогресса... Согласно параграфа 2 это относится не только к "информации" или "идеям", которые принимаются благосклонно или не считаются оскорбительными или рассматриваются, как пустяк, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют и беспокоят. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет "демократического общества".

В историческом деле Лингенса Суд установил правило, по которому политики должны терпеть большую степень критики, чем другие частные лица:

Свобода печати предоставляет обществу наилучший способ узнавать, формировать мнение об идеях и подходах политических лидеров. Другими словами, свобода политических дебатов составляет самую суть понятия о демократическом обществе... Границы приемлемой критики - соответственно являются шире для политиков, чем для обычных граждан.

Ответчик, австрийский журналист, был обвинен в публикации двух статей, сильно критикующих канцлера Крайского за поддержку политика, который когда-то служил офицером СС. Австрийский суд признал, что статья не содержала никаких неверных утверждений, но нашел, что Лингенс не смог доказать правильность и правдивость своего мнения, а это - необходимый шаг для установления его невиновности по австрийским законам. Лингенс был оштрафован, и тираж этой публикации был конфискован.

Европейский Суд единогласно решил: (1) границы приемлемой критики для политиков (в их общественной деятельности) - шире, чем для обычных граждан; и (2) требование к ответчику доказать правдивость якобы клеветнического мнения нарушает как его или ее право сообщать идеи, так и право общественности получать их. Суд решительно отверг утверждение правительства о том, что "задача прессы - сообщать информацию, интерпретация которой предоставляется в первую очередь читателю". Скорее, одной из главных задач прессы является "сообщать информацию и идеи по политическим вопросам... (и) в других областях общественного интереса".

В деле Кастельс против Испании, Европейский Суд, 6-ю голосами против одного постановил, что правительства обязаны выдерживать еще большую степень пристального наблюдения, чем политики. В 1975 г., господин Кастельс, сенатор испанского парламента, представляющий Херри Батасуна, баскскую сепаратистскую коалицию, опубликовал статью, содержащую большое количество имен басков, убитых или подвергшихся нападению со стороны вооруженных групп. Он обвинил правительство в том, что оно не провело адекватного расследования преступлений и судебного преследования преступников. И заявил, что правительство, соответственно, делит уголовную ответственность с преступниками. Он был обвинен в оскорблении правительства и приговорен к тюремному заключению и запрету заниматься общественной деятельностью сроком в один год. Конституционный Суд приостановил исполнение приговора до решения Европейского Суда.

Правительство заявило в Европейском Суде, что г-н Кастельс оскорбил демократическое правительство с целью дестабилизировать его во время особенно критического периода, когда группы различной политической направленности стали прибегать к насилию. Г-н Кастельс выразил недовольство тем, что: (1) правительство не позволило ему представить свидетельства правдивости его утверждений; и (2) как выборный представитель он имел право на большую свободу в

обсуждении вопросов общественного характера.

Соглашаясь с г-ном Кастельсом Суд заключил:

Поскольку свобода выражения для каждого, а особенно для выборных представителей народа... Соответственно, посягательство на свободу выражения оппозиционного члена парламента, такого как истец, требует пристальнейшего изучения со стороны Суда...

Границы допустимой критики - шире касательно правительства, чем в отношении обычных граждан или даже политиков. При демократической системе действия правительства должны подвергаться тщательному контролю не только со стороны законодательных или судебных властей, но и со стороны прессы и общественного мнения. Более того, главенствующая позиция, которую занимает правительство, обязывает его проявлять сдержанность в обращениях к суду, особенно, если есть другие средства и методы ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации.

Суд признал, что статья г-на Кастельса включала как утверждения действительности, так и выражение мнения. И некоторые из его обвинений были серьезны. Тем не менее суд решительно указал на то, что его лишили возможности предоставить свидетельства правдивости его суждений. Суд постановил, что статья должна рассматриваться как единое целое, и что г-н Кастельс имеет право на то, чтобы попытаться установить правдивость своих утверждений и убеждений.

Таким образом, Европейский Суд ясно установил, что для стран - членов Совета Европы является недопустимым подвергать людей тюремному заключению за критику правительства, общественных организаций или чиновников, кроме тех случаев, когда никакие другие менее затрагивающие свободу выражения меры не смогут защитить основные законные интересы в демократическом обществе.

Сандра Коливер, руководитель законодательных программ СТАТЬИ 19, Международный Центр Против Цензуры, является редактором издания "Закон о прессе и практика" (Лондон: СТАТЬЯ 19, 1993) 306 стр. , которое включает главы о законах и практике их применения в восьми европейских странах и США, а также о законе Совета Европы и Европейского Союза.

*Pan
Rygor Borodulin
Prezes Białoruskiego PEN Clubu*

*Pan
Carlos Sherman
Ul. Frunze 5 # 208,
Minsk 220034
BIAŁORUS*

Warszawa 25 maja 1994

Szanowni Panowie, Drodzy Koledzy,

po powrocie do Polski nie przestaje myśleć o dniach spędzonych w "Istoczy" i nadzwyczaj ważnych sprawach, jakie omawiano na Międzynarodowym Kongresie w Obronie Demokracji i Kultury. Raz jeszcze serdecznie dziękuje za zaproszenie mnie i gościnne przyjęcie przez Białoruski PEN Club.

Z całego serca życze powodzenia w Waszych wytrwałych wysiłkach na rzecz wspólnej nam sprawy wolności.

Z przyjacielskim pozdrowieniem

*Jacek Bocheński
Wiceprezes Polskiego PEN Clubu*

Змест

I. Тэксты

Васіль Быкаў. Звыклае царства абсурду	4
Рыгор Барадулін. Асоба ўзбуйняе нацыю	6
Владимир Буковский. Приветствие	8
Инна Рогачий. Крах коммунизма - всплеск расизма?	9
Иван Макалович. Под чиновничьим колпаком (о положении печати в Беларуси)	15
Алесь Мікалайчанка. Аб стане свабоды слова и друку	18
Уладзімір Колас. Мас-медыя ва ўмовах транзіту: прага незалежнасці і цана свабоды	24
Александр Дракохруст. Стыд, упрятанный в нескораемый шкаф, или Выбранные места из газет Беларуси	27
Евген Сверстюк. Цена свободы выбора	31
Наталья Довнар. О свободе печати	35
Ольга Помар. Обзор-сравнение и анализ законов о печати США и Беларуси	37
Віктар Каваленка. Набліжэнне да свабоды слова	41
Светлана Алексиевич. А спросить не у кого... (Проблема документа в искусстве и жизни)	44
Анатоль Вярцінскі. Чалавек і нацыя - чые правы вышэй?	51
Корнелиус Плателис. Путь в открытое общество: опыт Литвы	56
Юрий Суворцев. Привычные понятия? Тем более - давайте уточним их	58
Павел Церашковіч. Рэгіяналізм на Беларусі: заходнепалескі ("яцвяжскі") этнапалітычны феномен	64
Вітаўт Кіпель. Посттаталітарнае грамадства і беларуская дыяспара ..	75
Яна Червенкова. Посттоталитарное общество: народ и личность ..	78
Яцек Бохеньски. Человек-народ-демократия-литература	81
Вячаслаў Рагойша. Працэс нацыянальнай дзяржаватворчасці і сацыяльная актыўнасць мастака	83
Виктор Казько. Между тюленем и акробатом или Энергия надежды ..	85
Валентин Оскоцкий. Мораль и политика	91
Марис Чаклайс. Парадоксы демократии	102
Иван Бурсов. Да, Карфаген должен был пасть	105

Валентин Тарас. Разорвать круг (к вопросу о военной мифологии тоталитаризма)	108
Адам Мальдзіс. Талерантнасць і дэмакратыя: ці заўсёды яны супадаюць? (З гістарычнага вопыту беларускага народа).....	112
Хартмутэ Трешпер. Культура, рынок і свабода творчства	116
Евгений Будинас. Причастность и ответственность. (Интеллигенция. Экономика. Политика)	121
Марыя Карповіч. Мова ў кантэксте грамадска-палітычных зменаў .	125
Иван Драч. Писатель и посттоталитарное общество	129
Міхась Тычына. Акт творчасці і беларускае адраджэнне	132
Сяргей Законнікаў. Письменник і яго роля ў выхаванні нацыянальнай свядомасці	135
Анатолий Кудельский. Беларусь: экология на рубеже веков	139
Ала Сямёнава. Ідэалы і ілюзіі	145
Алесь Разанаў. Трэцяя рэчаіснасць	148
Янка Запруднік. Канцэпцыя грамадзянскай супольнасці і няўрадавыя арганізацыі ў ЗША	150
Вера Рыч. Цэнзура ў мінулым... Негалосная цэнзура - у цяперашнім... Няясныя перспектывы - у будучым	155
Янка Брыль. Пункт апоры і запас спакою — на галоўнае	157
Дзмітрый Бугаёў. Літаратура і таталітарызм	160
Вольга Іпатава. Сіндром “ружовай” свядомасці	166
Алег Лойка. Ці абавязаны паэт быць грамадзянінам? (Паэт і грамада)	169
Георгій Колас. Адраджэнне: апокрыфы, кентаўры і Сізіф	179
Уладзімір Конан. Антыноміі дэмакратыі і культуры, шляхі іх вырашэння	182
Уладзімір Арлоў. Рэцыдывы фальсіфікацыі гісторыі Беларусі ў перыяд будаўніцтва незалежнай дзяржавы	187
Борис Луценко. К проблемам современного театра	191
Давид Симанович. Витебск, Марк Шагал и тоталитарная система	195

II. Дакументы

Заява аб скліканні Міжнароднага кангрэсу	202
Спіс удзельнікаў Міжнароднага кангрэсу	203
Дэкларацыя “Аб абароне свабоды слова і забеспячэнні права на інфармацыю ў Беларусі	207

У Камісію па пытаннях галаснасці, сродкаў масавай інфармацыі і правоў чалавека Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь	209
Зварот “З нагоды 50-х угодкаў з дня Вызвалення Беларусі”	210
Рэзалюцыя “Аб мове”	211
Заява “Аб экалагічным становішчы ў Беларусі”	212
Праатакол №26 пасяджэння Выканаўчага камітэта Беларускага ПЭН-цэнтра ад 20 траўня 1994 г.	213
Рэзалюцыя “Аб стварэнні Фонда дапамогі пісьменнікам і журна- лістам імя Алеся Адамовіча пры Беларускам ПЭН-цэнтры	214
Запіска-прапанова Праекту Фонду Алеся Адамовіча	215
Фотаздымкі Яўгена Коктыша і Андрэя Шастоўскага	217

III. Матэрыялы

Мерэдит Тейкс. Открытая речь на Конференции по вопросам пола, национализма и демократии	230
Светлана Алексиевич. Суд над “Цинковыми мальчиками” (история в документах)	233
Джейн Э. Кэртли. Права, обязанности и свобода: можно ли при- мирить конфликтные интересы?	276
Сандра Коливер. Право критиковать правительство и политиков согласно Европейской Конвенции прав человека	279
Яцэк Бахеньскі. Ліст ад 25 траўня 1994 г.	282
Змест	283

Для заўваг

Для заўваг

“ТЭХНАЛОГІЯ” — ДЗЕЛЯ БАЦЬКАЎШЧЫНЫ

Тэл. /факс (0172) 21-77-40

“ТЭХНАЛОГІЯ” — гэта:

- *распрацоўка арыгінал-макетаў, газет, кніг, слоўнікаў, а таксама выданне;*
- *усталяванне найнавейшых выдавецкіх кампутарных праграм;*
- *распрацоўка фірменных знакаў, лагатыпаў, рэкламы і яе размяшчэнне (у тым ліку, у прэсе ЗША).*

*Выдавецкі рэдактар В. Багдановіч
Тэхнічны рэдактар С. Еўтушэнка
Карэктар А. Сідоранка*

Кампутарны набор і вёрстка
незалежнай выдавецкай кампаніі
“Тэхналогія”

Незалежная выдавецкая кампанія “Тэхналогія”. Ліцэнзія ЛВ №439.
220007, г. Мінск, вул. Магілёўская, 43. Тэл. /факс (0172) 21-77-40

Мінская паліграфічная фабрыка «Чырвоная зорка» МВПА імя
Я. Коласа. 220079, Мінск, 1-шы Загарадны завулак, 3. Зак. 6073.
Тыраж 1.500 экз.

